80 коп. Индекс 70544

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

В адрес редакции поступает немало писем с просьбой помочь подписаться на «Молодую гвардию». Напоминаем читателям, что пришла пора подумать о подписке на 1991 год. Подписка же на текущий год производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения, но не забудьте ее оформить до 1-го числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает.
Подписная цена на «Молодую гвардию»:
на полугодие — 4 руб. 80 коп.
на три месяца — 2 руб. 40 коп.
Наш индекс 70544.

1990
4
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АПРЕЛЬ

К 120-летию
со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

*Москва, ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»*

В НОМЕРЕ:

«Молодая гвардия», 1990, № 4, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Леонид ЛЕОНОВ

НАША НАДЕЖДА — РОССИЯ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ *

Самые тревожные мысли приходят в голову на нынешней трагической развилке нашей истории. Нам предстоит необъятный труд по возвращению к жизни пошатнувшегося Отечества. Никакие предварительные сметы, планы, расчеты не могут охватить объем ожидающей нас деятельности: вернуть в урожайное состояние запущенные, зарастающие кустарником и сорняком, отравленные химией, все еще бездорожные, уже безлесные, зачастую даже безлюдные целые районы нашего некогда былинного Севера, ввиду бесперспективности именуемого ныне просто Нечерноземкой. Пребывают в полном запустении поля, оскверненные, обеспложенные, исполосованные самонадеянными

* 26 декабря 1989 года в Москве состоялась научно-практическая конференция «Перестройка и судьбы России». Участники форума посвятили его будущему Съезду народных депутатов РСФСР. Это была седьмая по счету традиционная декабрьская встреча русских ученых и деятелей культуры. Организаторами ее стали Философское общество СССР, Научный совет АН СССР по проблемам русской культуры, Всероссийский фонд культуры, журнал «Научный коммунизм», Московское отделение Философского общества в СССР, Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН).

фантастическими замыслами, которые стыдливо прячут у нас под маскировочными титлами вроде культа личности, волюнтаризма, застоя и, наконец, развитого социализма, позволяющего прикинуть в уме, во что выльется очередная, уже зловещая фаза нашего бытия. Между тем под этими псевдоучеными формулировками кроются плоды по меньшей мере, мягко сказать, невежественной хозяйственной самодеятельности, столь разорительно сказавшейся на жизненном благополучии и духовном укладе нашего народа.

Поразительно, как ловко в силу обстоятельств притворяемся мы, будто не ведаем, откуда берутся неизбывные горести наши, с каждым днем возрастающие под прикрытием неприкасаемой идеи. И вот снова, как в прошлом веке, ходит-бродит по Европе призрак коммунизма, уже с протянутой рукой, под окнами зажиточных и недоверчивых соседей, терпеливо дожидающихся, когда мы дозреем до кондиций, заслуживающих христианского милосердия. Надо полагать, некоторые досадные сложности обстановки помешали нам еще позавчера привести в действие отрезвляющий и поистине эпохальный тезис о перестройке мышления, в первую очередь политического, с чего неминуемо должна начаться новая эра разумного существования. Но настал срок, когда кто-то должен признать во всеуслышание, что не надо было разрушать пресловутый старый мир до неандертальского нуля, потому что при современных темпах развития никакая, даже отремонтированная, доктрина не сможет за пару-тройку пятилеток догнать стремглав убегающую цивилизацию.

После семидесяти лет беспомощного блуждания по варьянтам утопического рая в поисках нашей земли обетованной пора и нам благоговейно, строго и вслух назвать свою путеводную и уже беззакатную звезду, единственно способную вдохновить наш народ на титанический подвиг воскрешенья бедствующей Отчизны, — без чего охватившая нас апатия может последовательно перородиться в нетерпенье, отчаянье, в стихийные безрассудства и дальше по ступеням паденья.

Священное, все еще полузапретное имя этой звезды давно на уме у всех — Россия.

●

ЗАЯВЛЕНИЕ*

секретариата Союза писателей России

За последние месяцы после VI пленума правления СП РСФСР российские писатели и Российский писательский союз подвергаются крайне агрессивным нападкам, суть которых в неприемлемости реалистических оценок, которые были сделаны на пленуме. Такой экстремизм побуждает нас проанализировать ситуацию, сделать следующее заявление.

Нашу глубокую тревогу и озабоченность вызывает все более широкая наступательность в средствах массовой информации. Все это происходит на фоне межнациональных распрей, споров, конфликтов, вот уже не первый раз в ходе перестройки завершающихся кровопролитием и человеческими жертвами. Идет гражданская война в Закавказье, господствует митинговая демократия. И уже нельзя недооценивать наступательную активность ряда «демократических союзов» и «народных фронтов», их мобильность и способность овладевать эмоциями и сознанием масс, их экстремизм, направленный на захват власти. Экстремистские силы не только отравляют сознание людей ядом шовинизма, ненависти к русскому народу и ко всему русскому, но и хотят вложить оружие в руки народов-братьев.

Фактом, достойным осуждения, стало открытое провозглашение в Верховном Совете СССР оппозиционной платформы межрегиональной депутатской группы, ориентированной на размывание, дискредитацию исторически выстраданных советским народом духовных и социальных завоеваний. Создатели и вдохновители этой платформы ничтоже сумняшеся хотят переориентировать общество на постепеное врастание СССР в систему буржуазно-капиталистических отношений и ценностей. Экономический хаос, политическая анархия, насаждаемые сегодня в стране, преследуют цель лишить народы СССР здравой ориентации, сделать их более покладистыми и сговорчивыми на пути экономического и духовного закабаления.

Определенную лепту в оглупление народов вносят и так называемые средства быстрого реагирования — органы информации, очернящие нашу историю, русский народ, партию и ермию. С особым пристрастием, не жалея черных и желтых красок, они

* Обнародовано на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся 12 февраля 1990 года в пресс-центре СП РСФСР.

освещают национальный вопрос, идет ли речь о республиках Прибалтики или Закавказья, Средней Азии или России.

Спекулируя на естественном и необходимом чувстве национального пробуждения, они злобно разжигают русофобию и антисемитизм, шовинизм и расизм. Показательно, что спекуляции общественным сознанием происходят на фоне политической реабилитации сионизма, уже оформившегося в организационные структуры. Однако не сионизм, как это следует из ряда публикаций, подобных напечатанным в «Огоньке», резолюции раскольнического писательского движения «Апрель», а мифический русский шовинизм, о котором усиленно разглагольствуют «прорабы перестройки» с депутатскими мандатами, есть, по их мнению, проявление расизма, фашизма, угрожающее перестройке.

Они преднамеренно замалчивают оценку сионизма как крайней формы расизма, данную в резолюции Организации Объединенных Наций.

Такого рода утверждения перестали быть для нас странными на страницах подобных изданий, где с беззастенчивой наглостью создаются и в миллионах экземпляров тиражируются провокационные утверждения о том, что пробуждение национального сознания русского народа грозит самому существованию еврейского народа.

Со всей ответственностью мы должны заявить, что за подобными инсинуациями скрыта чудовищная ложь в адрес как русского, так и еврейского народов. И, видимо, не случайно реакционными силами придается такое нездоровое, гипертрофированное внимание провокационной выходке, имевшей место в ЦДЛ 18 января. Показательно, что следствие по этому хулиганскому инциденту еще не сказало своего слова, а страсти опять уже усиленно нагнетаются именно левыми средствами массовой информации, что не может быть расценено иначе, как политический нажим на следствие, как стремление ввести его в заблуждение.

«Шабаш в нашем писательском доме мы закономерно связываем с антисемитским настроением последнего пленума СП РСФСР» — клеветнически заявляют «апрелевцы» на страницах «Огонька» (1990, № 6, февр.). История повторяется! В 20-е годы обвиняли в антисемитизме и судили общественным судом великого поэта-гуманиста России Сергея Есенина. После смерти поэта в печальной памяти «злых заметках» Бухарина говорилось: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера». Мы не должны никогда забывать об этой клевете, травле гениального русского поэта.

Отчего стало возможным такое бесовство в нашей стране? Не оттого ли, что не получили должного отпора в свое время провокационно-бездоказательные выступления, например, Корсунского Б. Л. на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС или Беляева А. А. на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС в январе этого года. Не оттого ли, что столь глумливо издевались «прорабы перестройки» и лидеры «Апреля» над авторами и работниками редакций журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», еженедельника «Литературная Россия», многотиражной газеты «Московский литератор» только за то, что в этих изданиях появлялись материалы, посвященные объективному анализу истории и современности, что там публиковались факты, неугодные для рвущихся к государственному кормилу «радикалов», уже считающих

русский народ неспособным постоять за себя, за свою честь и гордость.

Особым цинизмом отличаются нападки «арендаторов гласности», «цепных псов перестройки» на Российский Союз писателей, особенно на VI пленум правления СП РСФСР, который обвиняется ни больше ни меньше как в черносотенстве и фашизме. К сожалению, не только ЦК КПСС, но и СП СССР не дали справедливой оценки этим организованным провокационным нападкам.

Сионизм и русофобия все больше становятся орудием политического шантажа всей советской и русской интеллигенции, всего советского и русского народов.

Мы повторим сказанное в Верховном Совете СССР: России не нужны великие потрясения — она не допустит кровопролития и беззакония. Россия будет утверждать свое величие делом вопреки всем козням и провокациям. Не испытывайте терпение русского народа. Оно не бесконечно.

Мы за национальную платформу КПСС, за решения февральского Пленума ЦК КПСС. Мы за создание Коммунистической партии России!

Мы обращаемся ко всем честным гражданам страны, к гражданам России: будьте бдительны! Не поддавайтесь на провокации! Крепите наше единство!

Отдадим голоса на выборах в Верховный Совет России за кандидатов в депутаты, выдвинутых блоком общественно-патриотических движений России!

Русские писатели были и будут с народом!

Мы призываем крепить братство и проверенную в суровых испытаниях дружбу со всеми народами Советского Союза в единой, обновленной федерации равноправных союзных республик!

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ПОЭЗИЯ

Владислав **ШОШИН**

ОБНОВЛЕНИЕ

* * *

Куда идем? Куда теперь идем?
Сколь нынче разны стали наши взгляды!
...Я к Ленину пришел своим путем —
Из нищеты и холода блокады.

Отчаянье и свет соединив
Под радугой Победы, перед нами
Вставал он, как надежда... — Это миф! —
Кивают на тускнеющее знамя.

Но тем, кто это знамя сквозь метель
Блокады видел, кто кольцо блокады
Ломал под красным флагом, — тот теперь
Не сможет поломать былые взгляды.

Былые, закосневшие... Но нам,
Приветствующим пробужденье нови,
Не изменить великим временам,
Платившим дань и пороху, и крови.

* * *

Город мой, ты величье свое не утратил.
Нынче в Ленина целятся из-за угла.

Но напрасно долбит обезумевший дятел,
Что прошедшее — вздор, что минувшее — мгла.

С нашей Пушкинской площади видно широко,
И к такой широте ленинградец привык:
Видно в ней Ломоносова, видно в ней Блока,
Виден ленинский в дымке времен броневик.

Поднимаются шпили к недремлющим звездам,
Не спешит наше прошлое падать во тьму,
И таким, как самой ты историей создан,
Ннкому я тебя не отдам — никому!

* * *

Прекрасна ты, удаль весенняя!
Вливайся под грома раскат
В отвагу того поколения,
Что высило вал баррикад.

Училось не кланяться выстрелам,
В грядущее веру храня...
И значит, мы — выстоим! Выстоим
В борениях нового дня.

* * *

Вопросы! Вопросы!! Вопросы!!! Возможны ль у нас забастовкн?
Возможны. А голод? И голод... За что же боролись тогда?
И вновь я брожу по маршрутам, где звали к восстанью листовкн,
Где звали к народному счастью, что нас озарит навсегда.

Здесь Ленин спешнл от погони... Земля задыхалась пожаром.
В любое мгновение — пуля, не знаешь, с какой стороны.
Вот так он боролся за счастье. А вы что хотите — задаром?
Ничто нам с небес не дается — нн до и ни после войны.

Проходят нарядные пары, на девушках яркие платья.
Какие красивые лица — любуйся! — светлеют кругом.
...А он проходил здесь, скрываясь, и брал его ветер
в объятья,
Холодный, пронзительный ветер, подосланный злобным
врагом.

Маршруты судьбы каменисты — в 17-м, в наши ли годы.
Но сильным, высоким душою когда улыбнется судьба.
Но если ты хочешь — победы! Но если ты хочешь
свободы! —
Запомни, один только в мире у них есть синоним:
борьба.

Ленинград

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

В. ЛИТОВ

С ЛЕНИНЫМ — ПОБЕЖДАТЬ!

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В сентябре 1986 года, находясь в командировке в Дании, я разговорился с западногерманским профессором-советологом.

— Ваша критика Сталина — своевременный и правильный шаг. Но по большому счету это полумера. Сталинизм — следствие, а не причина. Источник, начало тоталитарно-командной системы — Ленин.

— Любую, даже самую прекрасную идею можно скомпрометировать неверным практическим применением. Не только у нас, но и у вас, на Западе, можно найти тому сколько угодно подтверждений...

— А вы уверены в том, что идеи Ленина были прекрасны? Наивны, утопичны — да. Но за коммунистические фантазии, игнорирующие естественную природу человека, рано или поздно приходится расплачиваться. Вы и расплатились — сталинизмом.

— При всех «минусах» нашего прошлого в нем куда больше «плюсов». А насчет «коммунистических фантазий»... Почему построенное на таких «фантазиях» тоталитарное советское общество оказалось более стойким и жизнеспособным перед натиском гитлеровского фашизма, чем Фран-

ция, Англия и другие западные демократии, основанные на «естественной природе» человека?

— Не будем ворошить историю. Я хотел лишь сказать, что, выкорчевывая корни сталинизма, вы неизбежно дойдете до Ленина. И как бы ни молились у вас на «светлый образ» «гениального вождя», снимать его с официального иконостаса все равно придется...

На следующий день утром вместе с пачкой проектов резолюций и обращений, причитавшихся каждому участнику международной конференции, я получил красочный номер западногерманского журнала «Шпигель» с визитной карточкой моего вчерашнего оппонента. В большом материале, посвященном проблемам восточноевропейских социалистических стран, развивались те же мысли: перестройка в СССР, которая-де вызывала на Западе столько надежд, неминуемо забуксует, если не приведет к демонтажу «архаичных» ленинских «догм». Развенчание Сталина тем, мол, и хорошо, что подготавливает общественное сознание к такому «демонтажу», расчищая почву для восприятия, особенно среди молодежи, «свободы», «гуманизма», «демократии» и других «общечеловеческих» ценностей, призванных вернуть сбившуюся с «естественного пути» в 1917 году страну в лоно «цивилизованного мира».

«Будьте как мы» — такова суть многочисленных «советов» и «рекомендаций» зарубежных «друзей» перестройки, включая действительно прогрессивных, относящихся с симпатией к Советскому Союзу людей, оценивающих, однако, социалистический строй критериями и мерками буржуазной демократии. Но в том-то и дело, что уже «были», не подошло, отверг народ капиталистический строй, отвергает в своем подавляющем большинстве и сейчас, несмотря на интенсивную, всеохватывающую рекламу массовой культуры и «истинно цивилизованного» образа жизни в средствах массовой информации. Чувствуют люди, подчас интуитивно, что в нашей стране буржуазная «благодать» проявит себя не в культурно-передовом шведском или французском варианте, а в отстало-варварском виде Индии или Бразилии, где капитал обласкал своими «дарами» лишь «элиту», бросив широким массам с барского стола пока жалкие крохи. Ленин и нужен нам, чтобы идти другим путем, ставя во главу угла интерес трудового человека, не допуская превращения Союза во второстепенную, зависящую от более сильных и передовых державу, своего рода сырьевой придаток, провинциальный резервуар интеллектуальных и трудовых ресурсов тех, кому удалось прорваться в «технотронный век».

Когда я сказал об этом подошедшему ко мне на последнем приеме профессору, он произнес примерно следующее: «Насколько я оцениваю ситуацию в Советском Союзе, эти великодержавные, классовые догмы не разделяет уже большинство ваших коллег, в том числе и те, кто оказывает сильное влияние на политиков. В отличие от 50-х годов на этот раз вы не ограничитесь лишь Сталиным, а возьметесь и за самого Ильича».

Честно говоря, тогда я не обратил особого внимания на этот прогноз, сегодня же вынужден признать: классовое чутье и интуиция западногерманского политолога оказались куда глубже и проницательней моего «перестроечного» энтузиазма. Произошло то, что всего несколько лвт назад казалось бы немыслимым: нападки на Ленина стали весьма распространенным, более того — модным явлением как в художественной литературе, публицистике, так и в научных статьях, солидных исследованиях и монографиях, чьи авторы сейчас с таким же пылом обличают «устарелость» краеугольных положений ленинизма, с каким совсем недавно доказывали их «непреходящую» актуальность и «историческую» правоту.

Прошу читателя понять меня правильно. Я против того, чтобы замалчивать определенные просчеты и ошибки Ленина, рисовать его ангелом во плоти, без личных слабостей и недостатков, чрезмерных резкостей и преувеличений. В годы застоя здесь, как, впрочем, и всюду, выражаясь ленинскими словами, «переглупили до безобразия», подлаживаясь под господствовавшие настроения всеобщей тиши и благодати, так услаждавшие наших дряхлевших вождей. Кстати, сам Владимир Ильич в отличие от тех, кто прикрывался и прикрывается его именем, не стеснялся открыто говорить о своих просчетах и ошибках, считая, и не без основания, что без такой откровенности трудно добиться их полного устранения. Хотя, естественно, как человек революционного дела, терпеть не мог истерично-крикливых, интеллигентских «самоочищений» и «покаяний», не имеющих ничего общего с большевистской критикой и самокритикой. Словом, речь не о том, чтобы осудить и заклеймить как «предательство» и «измену» давно назревшее критическое осмысливание ряда ленинских положений. Тут совсем другое: под формальным прикрытием такого осмысливания усиливаются атаки на фундаментальные основы ленинизма, предпринимаются попытки очернить коммуниста-революционера, самоотверженного борца за интересы трудящихся, наиболее типичные черты которого и воплотил в себе Владимир Ильич. Но — к делу.

«НОРМАЛЬНЫЙ» КАРЛИК О «НОРМАЛЬНОМ» ГИГАНТЕ

Начну с произведения, которое, судя по рекламному шуму, поднятому вокруг него средствами массовой информации, следует расценить как образцово-ориентировочное, своего рода «маяк» для новой, «перестроечной» литературы. Итак, роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», сразу же провозглашенный «недосягаемой вершиной современного литературного творчества», «непревзойденным шедевром века», заслуживающим Ленинской, Нобелевской, Гонкуровских, всех литературных премий мира, вместе взятых. Не берусь судить о художественных достоинствах романа, тем более, что о них говорится как-то скороговоркой, вскользь. Коснусь лишь его концептуально-философских аспектов, которые, судя по многочисленным рецензиям критиков, включая таких «асов» своего дела, как Л. Аннинский и В. Лакшин, и вызывают наибольшие восторги.

Послушаем, к примеру, Грекова — главного «положительного героя» романа, устами которого Гроссман явно излагает свою авторскую позицию: «...Нельзя человеком руководить как овцой, на что уж Ленин был умный, и тот не понял. Революцию делают для того, чтобы человеком никто не руководил. А Ленин говорил: «Раньше всеми руководили по-глупому, а я буду — по-умному». А вот уже прямые авторские откровения: как характер Гитлера «глубоко и полно выразил характер фашистского государства, так и характер Сталина выразил черты Советского государства. Фашизм и культ личности — одно и то же. Фашизм и советское огосударствление — одно и то же». Словом, Ленин создал, а Ста-

лин развил и укрепил «фашистское по сути государство». «...Не осудить, а всей силой революционной страсти (хорош революционер! — **В. Л.**) ненавидеть лагеря, Лубянку, кровавого Ежова, Ягоду, Берию. Но мало — Сталина, его диктатуру! Но нет, нет, еще больше! **Надо осудить Ленина!** Край пропасти» (здесь и далее выделено мной. — **В. Л.**). Кстати, в своей повести «Все течет» Гроссман прямо пишет, что, истребляя лучшие партийные кадры в 1937 году, Сталин прямо выполнял волю Ленина, шел по его стопам...

Естественно, что старым большевикам-ленинцам — создателям «фашистского по сути» государства — Крымову, Мостовскому, Абарчуку в романе «Жизнь и судьба» крепко достается и по сюжету (все они, познав ужасы сталинских или гитлеровских концлагерей, становятся непоколебимыми сторонниками «абсолютной» гроссмановской свободы), и по набору бранных эпитетов, кажется, сошедших со страниц эсеро-меньшевистских изданий 1917 года: «жесткие», «узкие», «непоколебимо фанатичные», «равнодушные к человеческим страданиям» и т. п.

Тем, кто знаком с белоэмигрантской литературой, трудами западных «советологов», хорошо известно, что подобные «новаторские» концепции высказывались и повторялись там на тысячу ладов с куда более солидной аргументацией и «научным» обоснованием. Возьмите, к примеру, известную работу русского философа-эмигранта Н. Бердяева, выдержки из которой были опубликованы журналом «Юность» (1989, № 11). Бердяев не чета Гроссману. Его суждения действительно глубоки и оригинальны, принадлежат человеку подлинно энциклопедических знаний и большой философской культуры. Другое дело, что эти суждения в своей основе ложны, базируются не на передовой, научной методологии марксизма, а на безнадежно устаревшем, «внеклассовом» подходе, напоминая возведенное искусной рукой мастера красивое сооружение без фундамента, рассыпающееся при первом же серьезном соприкосновении с реальной жизненной стихией. Но Бердяев все же был мастером, считавшим ниже своего профессионального достоинства ремесленнические поделки типа «нельзя человеком руководить как овцой».

Здесь, как, впрочем, и на многих других примерах, подтверждается очевидный факт. Современные ниспровергатели ленинизма апеллируют не к разуму, а к чувству, пытаются не переубедить, а перекричать своих оппонентов, хватаясь в страшной спешке (а вдруг снова «запретят»?) за любое имя, сразу же объявляя его «великим» и «оригинальным», хотя все «величие» и состоит в донельзя огрубленном и опошленном пересказе давнишних теорий действительно оригинальных мыслителей. К тому же Гроссман при всех своих очевидных бациллах сионизма все же советский писатель и даже лауреат Сталинской премии, его легче и быстрее можно «продеть» нашей аудитории с расчетом на определенный эффект. Бердяев же — покинувший родину в трудный час эмигрант, теоретические воззрения которого использовались противниками новой России в качестве «научного» оправдания борьбы с нею, в том числе и путем вооруженной интервенции, чего народ, конечно, не забыл.

История повторяется. Не имея возможности возразить Ленину «напрямую», по существу, его тогдашние оппоненты прибегали к мелким ухищрениям и ударам ниже пояса. Сегодня, по сути,

точно такую же «тактику» используют высокоинтеллектуальные «прорабы» и «новаторы», дружно осознавшие «неоправданную категоричность» и «чрезмерную резкость» ленинских положений».

Но вернемся к лауреату Сталинской и потенциальному кандидату в лауреаты других премий. Если в «Жизни и судьбе», насыщенной исступленными проклятиями в адрес «тоталитарного сталинского государства», о Ленине говорится как-то мимоходом, вскользь, то в опубликованной журналом «Октябрь» (1989, № 6) повести «Все течет» Гроссман дает полную волю своим чувствам. По его словам, Владимир Ильич характеризовался чертами, «присущими многим русским революционерам-преобразователям, — презрением и неумолимостью к человеческому страданию, преклонением перед **абстрактными принципами**, решимостью истреблять не только врагов, но и товарищей по делу, едва они хоть в чем-нибудь отойдут от понимания этих абстрактных принципов. Сектантская целеустремленность, готовность подавлять живую сегодняшнюю свободу ради свободы измышленной, нарушать **житейские принципы морали** ради принципов грядущего».

В этой тираде хороша ее откровенность. Подобно другому кумиру наших средств массовой информации — поэту-эмигранту Й. Бродскому, сравнившему Ленина с Гитлером, Гроссман, сам, видимо, того не желая, обнажил суть своего «новаторского» подхода — оценивать общественные явления, политических деятелей **житейскими принципами морали**, так называемым здравым смыслом, постоянно и широко применяемым нами в повседневном обиходе, в столовой и на кухне, на лестничных площадках, в очередях... «Не лезь ты, Ваня, на конфликт с начальством! Воруют? Но не у тебя же, у государства... Зачем же обижать милых, симпатичных людей, которые к тебе хорошо относятся? Кому они нужны, твои «абстрактные принципы»? Ты уж лучше с нами по-людски, по-житейски, мирком да ладком! А о «грядущем пусть другие думают!»

Заезженная «практичными» людьми всех времен и народов, опостылевшая своим примитивизмом и неотвратимостью пластинка! Сегодня ее после 70-летнего перерыва под аккомпанемент пышной фразеологии об «очищении» и «гуманизации» социализма вновь открыто и назойливо проигрывают на разных этажах общественного сознания.

Вдохновленный «прогрессивными» переменами обыватель пытается отомстить коммунистической идеологии и психологии за долгие годы травли и унижений, объявляя «догмами» и «стереотипами» все, что выходит за пределы его тысячелетнего жизненного кредо: «своя рубашка ближе к телу». В этом объективный смысл гроссмановских претензий поучить уму-разуму Ленина, если отбросить, конечно, древние как мир амбиции творческой посредственности выступить в роли глашатая Абсолютной Истины, духовного поводыря человечества, погрязшего в междоусобной борьбе. Впрочем, надо отдать Гроссману и должное: в своей ненависти к «фанатикам-большевикам» и их «властолюбивому лидеру» он демонстрирует непревзойденные, классические, если хотите, образцы подлинного отношения просвещенного мещанина к политической борьбе, к государственным и партийным деятелям, отстаивающим интересы трудящихся масс. И здесь я не могу удержаться от обширной выдержки из «Все течет»:

«...И одновременно, и постоянно Ленина отличала безжалостность, резкость, грубость по отношению к политическим противникам. Он никогда не допускал возможности хотя бы частичной правоты своих противников, хотя бы частичной своей неправоты...

Ленин в споре не стремился убедить противника. Ленин в споре вообще не обращался к своему оппоненту, он обращался к свидетелям спора. Его цель была перед лицом свидетелей спора высмеять, скомпрометировать своего противника...

Ленин в споре не искал истины, он искал победы. Ему во что бы то ни стало надо было победить, а для победы хороши были многие средства. Здесь хороши были и внезапная подножка, и символическая пощечина, и символический, условный, ошеломляющий удар по кумполу...

Ленинская нетерпимость, непоколебимое стремление к цели, презрение к свободе, жестокость по отношению к инакомыслящим и способность, не дрогнув, смести с лица земли не только крепости... эти черты не возникли у Ленина после Октябрьской революции. Эти черты были у Володи Ульянова. У этих черт были глубокие корни.

Все его способности, его воля, его страсть, были подчинены одной цели — захватить власть».

Этот пассаж, злобная несправедливость которого очевидна каждому, мало-мальски знакомому с произведениями, жизнью и борьбой Владимира Ильича, характаризует скорее Гроссмана и тех, кто взахлеб расхваливает «Льва Толстого» наших дней.

Психология размагниченного мелкобуржуазного интеллектуала, качнувшегося от мимолетной поддержки социалистических идеалов к их полному отрицанию, проявляется здесь во всей своей «обновленческой» красе.

Человеку, погрязшему в мелких заботах и хлопотах по обустройству личной жизни, борьба за общественные интересы кажется психической аномалией «фанатиков», помешавшихся на каких-то «абстрактных принципах». Себялюбивый индивидуалист, сделавший свое «я» центром Вселенной, с патологической ненавистью относится к людям, для которых главное — «возвышенное» коллективное благо, «ортодоксальные» интересы социализма. Изъеденное скепсисом и нигилизмом сознание «свободомыслящего индивидуума» воспринимает увлеченность и страстность людей, отстаивающих свои убеждения, свои идеалы, как «резкость», «грубость», «непримиримость», «удар по кумполу». Всегда ведь Гриша может столковаться с Мишей, а Миша с Гришей, если отнесутся к делу по-житейски: «я — тебе, ты — мне», не отталкивая друг друга «страшными» «идеологическими» словечками», а что до «принципиальной» борьбы, то это выдумка «фанатиков»-властолюбцев, не доросших до понимания «естественного хода вещей».

Мещанствующий литератор, причисляющий себя, разумеется, к интеллектуальной соли земли, стоящей над обществом и не связанной его законами и правилами, больше всего страшится посягательств на свою «самостоятельность» и «независимость». С маниакальным упрямством ратует он за «абсолютную» свободу, несостоятельность которой сегодня очевидна даже для детей школьного возраста, расценивая любое ее «ущемление», то есть практически все, что было в прошлом и происходит в настоящем, как «тоталитаризм» и «попрание личности». Для воинствующего обывателя нет истории, нет политической борьбы, нет противоречий и антагонизмов между классами, общественными слоями и группами — все заглушает утробный вопль «не тронь меня!», который люди, утратившие чувство юмора, всерьез воспринимают за глас «Абсолютной Свободы».

Фронтальный пересмотр «устаревших» ленинских положений в духе этого «нового», «общечеловеческого» мышления с нарастающей силой идет сейчас в средствах массовой информации, художественной литературе, публицистике и общественной науке. Не случайно сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС, доктор философских наук Г. Водолазов, написавший «теоретическое» предисловие к «Все течет», слегка пожурив В. Гроссмана за «чрезмерные» даже для «перестроечных» ушей резкости, заканчивает свой «анализ» великодушной готовностью пожать «выдающемуся» писателю и «гуманисту» руку... за «редкое мужество», за умение резать в глаза правду-матку, от которой до поры до времени благоразумно воздерживалась наша передовая обществоведческая наука. Сегодня она, наконец-то осмелев и нарастив бойцовские мускулы в опровержении опровергнутого до того «сверху» «сталинизма», активно подключилась и к развенчанию «устаревших» ленинских «догм». Вот взятое наугад из бесчисленного множества ему подобных откровение другого доктора наук, на этот раз юридических, проректора Высшей профсоюзной школы имени Н. М. Шверника профессора М. Баглая:

«Закон жизни строится не на постулатах той или иной идеологии, а на **естественных устремлениях и здравом смысле людей** — правило, которое следует помнить и при осуществлении перестройки».

Бесстрашная у нас общественная наука! А уж те ее представители, кто занимается подготовкой партийных и профсоюзных работников, и просто отчаянно смелые люди! Открыто призывают к отказу от всяких «теорий» и «идеологий», не смущаясь, что в таком случее сразу же останутся без работы: кому нужны, особенно в условиях хозрасчета, обществоведческие профессора и доктора, если жизнь строится не на закономерностях и тенденциях, а на «естественных устремлениях» и «здравом смысле» людей?

Впрочем, меня восхищает не только и даже не столько безумная храбрость «новаторов» с учеными степенями и званиями, сколько их непревзойденное, доведенное до виртуозности умение громче всех крикнуть «Да здравствует!», когда это будет приятно тем, кто «там, в сферах», и «Долой!» или «Все пропало!», когда подобный «критицизм» имеет все шансы встретить там же благосклонное одобрение как «смелое опровержение устоявшихся стереотипов». Не обладающие таким умением и «чувством времени» «догматики» и «ортодоксы», к коим я себя причисляю, рассуждают не так революционно. Именно потому и буксует перестройка, что в ней до сих пор слишком много было «естественных устремлений» и «здравого смысла» и слишком мало строгого, всестороннего учета объективных закономерностей общественного развития, научного предвидения вторичных и третичных последствий принимаемых под влиянием «здравого смысла» и «естественных устремлений» шагов. Слишком много поспешных, непродуманных решений, усугубленных погоней за максимальной популярностью и беспринципными уступками давлениям и колеблющимся настроениям различных общественных сил. И слишком мало твер-

дого и последовательного отстаивания интересов подавляющего большинства трудящихся, учитывающего в то же время реальную, а не вымышленную степень их сознательности и подготовленности, а также возможную реакцию различных социальных слоев и групп.

Печальной памяти антиалкогольный Указ, нежизнеспособные с самого начала Законы о социалистическом предприятии и кооперации, трудовых конфликтах и другие, бесконечная череда ничем не обеспеченных и не подкрепленных, так и оставшихся на бумаге программ и постановлений, вконец дезорганизовавших и без того подорванную непрерывными экспериментами и перестройками экономику, — такой ценой приходится расплачиваться за отсутствие подлинно научного подхода, за преобладание в наших теоретических центрах и «мозговых трестах» угодливых конъюнктурщиков, выдвинувшихся в годы застоя. Парадоксально, но факт: те же самые доктора и профессора, член-корры и академики, рекомендации которых доказали их полную научную несостоятельность как в до, так и в перестроечный период, по-прежнему с серьезным видом рассуждают о «новаторском вкладе» и все чаще начинают с пренебрежением отзываться о «ленинских догмах». А истинные ученые и принципиальные люди, оттесненные в хрущевско-брежневскую эру на задворки общественной науки, по-прежнему там и находятся, подвергаясь замалчиванию, а то и открытым гонениям за «ретроградство» и «утрату чувства нового»!

Раскройте популярные книги, газеты, журналы, посмотрите на экраны телевизоров, послушайте радио, и вы убедитесь, что отнюдь не полемическое преувеличение человека, задавшегося целью «низко и гнусно оклеветать» (применяю выражение своего оппонента) нашу «великую Перестройку» и не менее «великую Гласность» (эпитеты того же человека). К «великим» и «выдающимся» у меня иммунитет еще со времен застоя, так же, как к монополии определенных групп в идеологии и средствах массовой информации, монополии, ставшей в последние годы при всей «плюралистичности» перемен еще более узкой, беспощадной, своекорыстной...

Увы, несмотря на шумные похвалы и авансы «современной науке», практикам пока не нужна подлинно научная теория. Иначе всерьез бы взялись за чистку партийных и научных учреждений от конъюнктурных болтунов, которым, образно говоря, все равно в каком направлении движется состав, главное — всегда бежать впереди паровозной трубы... Такие люди в основном и заняты сейчас «новаторским» пересмотром ленинских положений, возрождая фактически старую гниль, выброшенную передовой мыслью на теоретическую свалку полтора столетия назад, и предлагая рецепты лечения наших бед и зол куда хуже самих болезней.

Результат же очевиден. «Нет ничего практичней хорошей теории». Ленин руководствовался этим золотым правилом даже в самое напряженное и драматичное время революционных преобразований, постоянно обращаясь к трудам основоположников марксизма, которых плохим словом никогда не задел, беспощадно пресекая дилетантские наскоки на них всевозможных «новаторов», вдохновленных шумными аплодисментами буржуазно-либеральных кругов. Сейчас же трезвомыслящие «прагматики» пытаются решить практические вопросы без всяких «классовых», «черно-белых» теорий, кратчайшим путем, на прекраснодушном утопизме лозунга

«все люди — братья» и... терпят поражения, одно за другим, более того, сдают, казалось бы, навсегда завоеванные позиции.

Нас уверяют, что первые годы перестройки ушли в основном на выработку четкой, всесторонне продуманной концепции перемен, а теперь, мол, она входит в соприкосновение с реальной жизнью и подвергается тяжелейшим испытаниям, подобно космическому кораблю, входящему в плотные слои атмосферы. Судя, однако, по реальным результатам, с космического корабля мы пересаживаемся на деревенскую телегу. И потом, где она, спрашивается, эта «концепция» и «четкая линия»? И было бы столько ошибок, шараханий из одной крайности в другую, если бы такая концепция действительно существовала?

Без твердой опоры на Ленина подлинно научной теории дальнейшего развития социалистического общества не создать. Общими разговорами о перестройке, поздравлениями друг друга с перестройкой, банальными декларациями типа «надо сочетать план и рынок», «централизованное руководство и местную самостоятельность», «следует углублять хозрасчет» и т. п. тут не обойдешься. Иначе так и будет продолжаться конвейерный выпуск постановлений, решений, законов, устаревающих к моменту своего выхода настолько, что сразу же после их появления раздаются дружные требования кардинально все пересмотреть и принять новые!

Что ж, давайте посмотрим правде в глаза, раз уж нас призывают к тому «неортодоксальные» «отказники» от ленинских «стереотипов». Ситуация в стране выходит из-под всякого разумного контроля, к обостряющимся старым проблемам добавляются новые, еще более грозные, материальный и духовный уровень жизни народа падает буквально на глазах, социальная, национальная и политическая напряженность приближается к взрывоопасной отметке. Казалось бы, хватит, пора сделать необходимые выводы тем, кто объявил себя непримиримым борцом за «народ» и «общественное благо». И они их делают...

Разочаровавшиеся в социалистических идеалах интеллектуалы открыто зовут нас идти по избранному пути дальше, к сияющим вершинам «плюралистической демократии», «демократическому блеску «полных» прав и свобод... капиталистического общества». Вот как элегантно делает это профессор Баглай в официальной газете «Известия»:

«...какую цену придется заплатить за такую свободу и будет ли свобода экономически и социально рентабельной? Вопрос архиважный. Все имеет свою цену, за все надо платить. Можно предположить, что усилится дух торгашества, войдут в жизнь забастовки и торговые бойкоты, **появится сверхбогатство, рэкет, мелкие хозяева потребуют свою долю политической власти и моральной респектабельности.** Возможны и другие негативные последствия.

Что же? В страхе остановиться, попятиться назад? А почему не принять во внимание, что такие (и немного серьезнее!) последствия свободной организации экономики (на капиталистический лад! — **В. Л.**) пожинают большинство стран мира и, представьте, не считают это катастрофой. Будем и мы, как и весь мир («западный», конечно. — **В. Л.**), бороться с негативными явлениями...»

Если учесть, что выше «новаторски» мыслящий ученый-обществовед сделал оговорку о том, что «мы пока еще не в состоянии догнать капитализм в материальной области», налицо действительно

«неортодоксальный» рецепт «ускорения» перестройки, заменивший «изжившие себя» ленинские «догмы» — заимствовать «минусы» и издержки капитализма любой ценой, даже без его «плюсов» и достижений, которые еще неизвестно когда у нас появятся! Надо сказать, здесь перестроившийся профессор прав — пока развитие событий идет именно в таком направлении. Правда, он не выяснил, по душе ли это, равно как и нарисованные им вдохновляющие перспективы, большинству рядовых тружеников, заработок, и льготы, и привилегии которых с профессорскими не сравнишь...

Как язвительно, убийственно точно высмеивал подобных кабинетных теоретиков Владимир Ильич! Как он мастерски вскрывал их элитарные замашки, оторванность от народных масс и реальной жизни, как ненавидел их лакейскую приверженность денежному мешку! И как он современен в этом!

Честное слово, испытываю сильное желание сразу же перейти к ленинским положениям и высказываниям, ибо, вдумываясь в них, можно понять многое, очень многое в бесчисленных парадоксах нашего сегодняшнего дня. В конце концов «нормальные» карлики всегда люто ненавидят гигантов, прежде всего, конечно, из-за их «ненормального» роста. Разбираться же в злобных и мелких претензиях и обидах занятие столь же неблагодарное, сколь и неприятное. Но в интересах объективности, всестороннего рассмотрения затронутой темы придется коснуться «творческого вклада» и тех, кого перестроечная волна вынесла в первые ряды «обновителей» идейного наследия и художественного образа Владимира Ильича.

В КРОССОВКАХ ПО ИСТОРИИ

Начну с Михаила Шатрова. Уж его-то, широко известного драматурга и сценариста, профессионально специализировавшегося на ленинской теме как в годы застоя, так и перестроечное время, казалось, трудно обвинить в малокомпетентности и незнании дела. Увы, гоняясь за модой, подстраиваясь под господствующие настроения, профессионалы сейчас превращаются в дилетантов.

Чего стоит шатровское сенсационное заявление о том, что Ленин-де является «самой трагической фигурой в русской истории». Заметьте, не в советской, а в русской! Трагичней Ивана Грозного, Бориса Годунова, боярыни Морозовой, протопопа Аввакума! Трагичней сотен тысяч революционеров, лучших людей страны, погибших в царских тюрьмах, на каторге, так и не дождавшихся того, к чему стремились всю жизнь... Узнаете гроссмановскую безапелляционность, неприкрытую злобу и ненависть элитарных интеллигентских слоев к человеку, не осознающему прелестей «абсолютной свободы и демократии», дарованных русскому народу февралем 1917 года и «свергнутых» «кровавым Октябрем»?

Вот нашумевшие шатровские пьесы «Брестский мир», «Дальше, дальше... дальше...». В них, по сути, тотальный пересмотр исторической правды, грубейшее искажение образа Ленина. Об этом уже писалось в печати, блестящий разбор этих пьес дан в статье В. Бушина, опубликованной журналом «Наш современник» (1989, № 4). Чтобы не повторяться, сосредоточу внимание вот на чем.

Шатров, как и другие популярные ныне авторы, ратующие за отказ от «сталинских» догм и стереотипов освещения нашей истории и политических деятелей, ничего нового-то, по сути, не предлагают, да и от стереотипов и догм отнюдь не уходят. Все «новаторство» состоит в том, что партийно-классовый подход, донельзя, правда, опошленный в последние десятилетия, заменяют обывательски-сентиментальным, еще более примитивным и пошлым, начинают оценивать историю и политических деятелей критериями свободы, гуманизма и либерализма, а также других ходульных схем и стереотипов просвещенного мещанина XX века. Но именно с таких позиций, позиций буржуазного демократизма и либерализма, оценивали и оценивают нашу историю, наш строй западные советологи и кремлелологи давным-давно, с самой победы Октябрьской революции.

Говорят о «новаторстве», движении вперед, а тащат на 70 лет назад, толкуют о «прогрессе», а подготавливают такой откат в прошлое, прецедента которому в истории просто не найти. Да, в наших общественных науках накопилось немало формалистических, канцелярских извращений, низкопробной лести и угодничества, рассчитанных на невзыскательные вкусы малообразованных «деятелей» и «вождей». От всего этого, спору нет, надо очищаться. Но нельзя же вместе с водой выплескивать и ребенка, отказываться от марксистско-ленинской методологии, без которой в наше время нет и не может быть подлинной науки, элементы которой с нарастающим успехом используют буржуазные политологи, социологи, экономисты.

Одной из самых больших глупостей нашей идеологии в годы волюнтаризма и застоя была боязнь критического изучения в средних школах, институтах, университетах произведений наиболее известных и «солидных» западных советологов и кремленологов. Молодежь воспитывали на голой политической трескотне, на формальном запоминании, а не на диалектической «сшибке мнений», без предметного знакомства с аргументами идейных противников социализма и выработки соответствующей контраргументации. Что ж удивляться, если разглагольствования «прорабов» «духовной перестройки» воспринимаются подчас и особенно в молодежной среде как «новаторство» и «откровение», если прогнивший товар, облеченный в блестящую и модную упаковку, так легко и бездумно заглатывается со страниц популярных молодежных изданий юношами и девушками, и без того сбитыми с толку возрастающими безобразиями и хаосом повседневной жизни.

Прекрасно понимаю, что мои параллели с буржуазными идеологами сейчас мало кого убедят. В конце концов кое-какие их суждения о нашем обществе в период застоя оказались не столь уж далекими от истины, тем более что посмотреть на себя со стороны, пускай даже глазами идейных противников, и сейчас, в перестроечное время, далеко не бесполезно. Да и диалог с ними, разумеется, при сохранении наших принципиальных позиций необходим.

Все так и... не так. Ибо диалог-то этот зачастую оборачивается монологом лишь с их стороны, а с нашей — сплошными и неоправданными уступками, фактической сдачей позиций, а иногда и полной идейной капитуляцией. «Когда я, включая телевизор в Москве, — пишет корреспондент газеты «Правда» в США В. Линник, — иногда не могу отличить некоторые молодежные программы от тех, что идут в Нью-Йорке, я тоже испытываю недоумение. Добро бы наше увлечение Западом компенсировалось здешним

увлечением Востоком. Так нет же, пока это в основном улица с односторонним движением. Что-то почти не видно на здешних теле-и киноэкранах ни наших «звезд», ни наших фильмов».

Почему так происходит? Не в последнюю очередь, видимо, потому, что, следуя давнишней привычке шарахаться из одной крайности в другую, теряем чувство меры, превращая действительно полезный обмен различными мнениями в «диалог глухих». Ленин, как известно, считал пустой и даже вредной тратой времени диалог с октябристами, кадетами и даже правыми эсерами, отстаивающими попярно противоположные трудящимся массам интересы. Сейчас же «диалог» с современными октябристами и кадетами (об эсерах уже не говорю), как зарубежными, так и отечественными, считается чуть ли не критерием преданности перестройке... Но мне почему-то вспоминаются мудрые слова о том, что не стоит времени и усилий попытка заручиться симпатиями врагов, куда полезней лучше относиться к друзьям. Правда, враги сейчас нас усиленно хвалят, хвалят искусно, тонко, виртуозно играют на амбициях и честолюбии, но все же верить-то надо не словам, нужно задуматься, кому фактически это выгодно...

Как бы там ни было, широко рекламируемый «диалог» обернулся на практике усилением проникновения в нашу идеологию мелкобуржуазных воззрений и идеалов. Возьмите, к примеру, «новаторские» трактовки образа В. И. Ленина в последних шатровских пьесах. Перестроившийся драматург заимствовал у своих «западных партнеров по диалогу» их антинаучную, субъективистскую методологию; уход от главного и подмену его второстепенным, искажение или замалчивание одних событий и искусственное выпячивание других, болезненное смакование личностно-бытовых подробностей, «залезание в душу» и тому подобное. В то же время следов какого-либо ощутимого воздействия на аудиторию США, ФРГ и других стран наш «новатор» пока не оставил.

Шатровский Ленин живет и действует вне масс и классов, как типичный амбициозный политик, главная забота которого — удержать и укрепить захваченную в результате Октябрьского переворота власть. Неправда, Ленин был революционером, самым теснейшим и неразрывным образом связанным с трудящимися массами, с рабочим классом, выражавшим в политике их глубинные чаяния и интересы. Власть ему была нужнв не сама по себе, не ради честолюбивых амбиций, а как инструмент борьбы за эти интересы. Министром и даже главой правительства Ленин мог бы стать гораздо раньше Октября 1917 года, но не шел на это, понимая, что неизбежной платой стало бы предательство трудящихся масс, отказ от намеченной программы строительства социалистического общества.

Ленин в шатровских пьесах даже в самые критические моменты революции удивительно мягок и сердечен по отношению к своим противникам в партии, загипнотизирован красноречием Троцкого, молодой непосредственностью Бухарина. Эдакий рождественский дедушка, грозящий иногда «для порядка» пальчиком расшалившимся внучатам... Опять фальсификация. Ленин был беспощадно жестким, крутым, непримиримым, он не жалел самых резких слов в адрес ближайших соратников, если они занимали политически опасные позиции в ключевых вопросах. Когда решался вопрос о Брестском мире, Владимир Ильич даже пошел на ультиматум, заявив о том, что выйдет из правительства, ЦК и обратится напрямую к народу, если левые фразеры во главе с Бухариным возьмут верх. Хорошо известно также, что за грубое нарушение партийной дисциплины накануне Октябрьского восстания Ленин потребовал немедленного и безоговорочного исключения из партии Зиновьева и Каменева, с которыми был близок. Кстати, против этой меры, как «чрезмерно жестокой», выступил даже Сталин.

Ленин в последние годы показан как запутавшийся в теоретических противоречиях, слабохарактерный и нерешительный интеллигент, пасующий перед своими более яркими и активными противниками, ему навязываются разочарованность, утрата интереса к жизни, борьбе, неврастения, пессимизм. Дошло до того, что Ленина в период болезни изображают как «изолированного» и даже помещенного в «тюремное заключение политического деятеля», в чем, конечно же, прежде всего виновен «коварный злодей» и «чудовищный изверг» Сталин. Ложь, ложь и ложь! Ильич был пружиной, а не часовой стрелкой! И в последние годы жизни он оставался гениальным теоретиком, работы которого по сей день сохраняют актуальность и силу. Ленин был сильным, волевым, мужественным человеком, на голову превосходившим своих противников по сипе интеллекта, полемическому искусству, умению убеждать. Прочитайте последние произведения Ильича, пролистайте тома 45, 52-й и 54-й его Полного собрания сочинений, где собраны его последние служебные документы и записки, и вы убедитесь, что это именно так!

«С Шатровым не все так просто, — убеждал меня один видный ученый-обществовед, — при всех своих бесспорных недостатках и изъянах его пьесы служат, по крайней мере, неплохим источником дополнительной информации, в том числе бытового плана, о ленинском времени, информации, которую рядовой читатель просто нигде не встретит». Мнение столь же распространенное, сколь и поверхностное. Подготавливая этот материал, я несколько раз беседовал с сотрудниками Музея-квартиры В. И. Ленина в Кремле, предметно убедившись в том, что вся якобы новая информация, содержащаяся в шатровских пьесах, представляет собою прямое заимствование из популярных западных источников, изданных многие десятилетия назад и не являющихся достаточно надежными и достоверными.

Например, все западные «советологи» обвиняют Ленина в чрезмерной жестокости, даже «кровожадности», противопоставляя ему более «мягких» и «гуманных» деятелей типа Бухарина. Шатров, рисуя, когда ему выгодно, Ленина как «рождественского дедушку», следует в то же время этой схеме, ничуть не замечая разительного противоречия. В шатровском «Брестском мире» Бухарин прямо упрекает Ленина в жестокости, как, впрочем, и в других страшных грехах. Но ведь в действительности все обстоит как раз наоборот. Ленин, как известно, настаивал на заключении мира, ссылаясь на усталость и истощенность широких масс, их неспособность и нежелание идти на новые страдания и жертвы. Бухарин же выступал зв продолжение кровопролития, считая, что рабочих и крестьян подтолкнут к углублению революции ужасы немецкой оккупации и сдача Питера. Вот что он говорил на VII съезде партии: «Наше единственное спасение заключается в том, что массы познают на опыте, в процессе самой борьбы, что такое германское нашествие, когда у крестьян будут отбирать

коров и сапоги, когда рабочих будут заставлять работать по 14 часов в день, когда будут увозить их в Германию, когда будет железное кольцо вставлено в ноздри, тогда, поверьте, товарищи, тогда мы получим настоящую священную войну».

Далее, в пьесе Ленин бесконечно беседует с Бухариным, пытаясь переубедить его. Опять искажение исторической правды, образа Ленина. Да, Ленин старался действовать убеждением, но в отличие от кое-кого из нынешних деятелей не переоценивал силу призывов, проповедей и горячих слов. Ильичу в тот период нужен был сторонник, а не оголтелый оппонент, который оставался самым непреклонным противником Ленина даже перед вполне реальной угрозой потерять Советскую власть, даже когда Ильич поставил вопрос о выходе из ЦК и Совнаркома.

Вообще, следуя, видимо, духу времени, многие авторы, пишущие о Ленине, представляют его как любителя длинных бесед, сложных, «задушевных» разговоров. Опять фальшь. Владимир Ильич как раз не любил этого перебалтывания и «калякаваньем» называл пустопорожние разговоры, для себя неприемлемые. Более того, в последних письмах, записках, документах Ленина объявляется непримиримая война руководителям-коммунистам, которые «калякать» и «важничать» умеют, а «работать не умеют». Владимир Ильич как бы предвидел, что такие руководители, сводя всю свою шумно-рекламную деятельность к бесчисленным речам, увещеваниям, призывам, бесконечным реформам и реорганизациям, неизбежно поставят партию, страну на грань катастрофы...

Усердно «подчищаются» и даже фабрикуются в угоду конъюнктурным моментам и детали быта того времени. Вот язык лиц, действующих в шатровских пьесах. Он однообразен и груб, отдает какой-то местечковой примитивностью. Никогда, например, Георгий Валентинович Плеханов, один из культурнейших людей Европы, не мог бы говорить с Лениным в таком тоне, называя его просто «Ленин». Да и Сталин не мог сказать: «Послушайте, Крупская». Эти рыночные разговоры были невозможны среди интеллигентов-партийцев 20-х годов. Могут возразить, что это «художественные» произведения. Однако каждую свою пьесу Шатров предваряет заявлением, что опирается на подлинные сведения. В отличие от других драматургов, скажем, Погодина, создавшего в «Кремлевских курантах», «Аппассионате» чисто художественный образ Ленина, он афиширует свою приверженность «образу факта и документа». Какие там факты, какие документы...

Корень всего зла в том, что Шатров и ему подобные меряют Ильича своими личными или групповыми критериями, истолковывают его в меру своего собственного умственного, душевного и культурного уровня.

В тех же «Дальше... дальше...» ясновидящий и даже вперед смотрящий драматург стал... устами Ильича оценивать, разумеется в новомодном, «антисталинском» духе, пройденные нашей страной десятилетия. Метод чрезвычайно заманчивый, перспективный, сулящий подлинную революцию не только в драматургии, но и в обществоведении. Представьте себе, если бы тот же Шатров сочинил пьесу, где бы Маркс и Энгельс четко и ясно высказались об основных направлениях перестроечных процессов в СССР в начале 90-х годов... А Ленин давал бы конкретные указания, как проводить XXVIII съезд КПСС, из кого персонально формировать ЦК партии, Политбюро... Честное слово, дух захватывает, когда задумываешься над тем, какую колоссальную практическую пользу мог бы принести стране драматург-новатор, если бы с полной серьезностью и ответственностью отнесся к возложенной на него прогрессивным человечеством и лично основоположниками марксизма-ленинизма исторической миссии...

ЗВЕЗДЫ, КОТОРЫЕ НЕ СВЕТЯТ

Теперь о другом «специалисте», на этот раз профессиональном историке, статьи, очерки и даже книги которого так охотно печатают сегодня популярные издания.

Д. Волкогонова, правда, нельзя считать знатоком Ленина. Но в последнее время он довольно шумно и рьяно защищает ленинское наследие от «сталинских извращений». Делая это, разумеется, в популярном ныне «общечеловеческом» и «общеисторическом духе», блистая похвальной эрудицией, параллелями с Александром Македонским, Нероном, Наполеоном, Кавиньяком и другими историческими фигурами, осознать без которых всю глубину реакционной сущности «сталинизма», естественно, просто невозможно. Честно говоря, от серьезного историка ожидаешь не цветастой и банальной риторики, а глубокого, всестороннего анализа, основанного на достоверных, проверенных фактах. А вот по части фактов и особенно анализа Д. Волкогонов явно не силен. Возьмем конкретный и весьма типичный пример.

В беседе с В. Логиновым, опубликованной газетой «Московская правда» (10.02.89), Д. Волкогонов заинтриговывает читателя обещанием воспроизвести «редкий» документ, который вряд ли «публиковался когда-нибудь». Речь идет о протоколе заседания Совета Народных Комиссаров от 28 ноября 1917 года. Итак, «открытие». Что же, как говорится, честь и хвала отважным Колумбам исторической истины!

Вот этот документ:

«СЛУШАЛИ:

2. Проект доклада (вносит тов. Ленин) об аресте виднейших членов ЦК партии — врагов народа (так в тексте. — Д. В.) и предании их суду революционного трибунала.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять и утвердить (принято единогласно против одного — Сталин)».

И. Д. Волкогонов, приведя этот «редкий документ», не отказал себе в удовольствии порассуждать о «лицемерии» Сталина, который-де по конъюнктурным соображениям создавал себе обрвз «либерала». Но декрет, на который ссылается «новатор», хорошо известен. Достаточно открыть на 126-й странице 35-й том Полного собрания сочинений Ленина, имеющегося практически во всех библиотеках страны, и прочитать: «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции».

Кстати, декрет, название которого так безбожно исказил Д. Волкогонов, был подписан тогда всеми членами Совнаркома, включая Сталина, о чем историкам также хорошо известно. Так что протягивать руку за лаврами Колумба рановато...

Теперь, пожалуй, о самой яркой «звезде», вспыхнувшей на небосклоне нашей исторической науки в годы перестройки, — Рое Медведеве. Судя по умножающемуся в геометрической прогрессии числу его книг и статей, большинство которых, впрочем, было давно опубликовано на Западе, перед нами если не Геродот, то, по крайней мере, Ключевский нашего времени. Правда, жизненное и профессиональное кредо Р. Медведева несколько отличается от упомянутых выше бескорыстных и самоотверженных служителей исторической истины: «...Я всегда был осмотрителен и всегда — в разное время, но всегда — видел ту границу, до которой могу дойти», — откровенничал наш выдающийся историк и публицист в интервью журналу «Театральная жизнь». «...Мы очень хорошо чувствовали опасность. Мы знали, твердо знали, до какого предела мы можем дойти». В числе этих «мы», не переступавших определенного рубежа, «прежде всего из чувства личного самосохранения», Р. Медведев называет и своего друга, тогдашнего заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС Г. Шахназарова, и ныне занимающего важный пост в этом ключевом учреждении. «Понимание «расстановки сил», признается Медведев, позволяло ему, например, «смело» критиковать лично Суслова, наверняка зная, что такая критика «могла быть только приятна Брежневу». Подобные методы «чистой» науки позволили «трезвомыслящему» придворному диссиденту опубликовать в годы застоя за рубежом около 30 книг, получая часть гонорара за них валютными чеками, в то время как действительно честные и принципиальные люди из-за двух-трех не понравившихся «наверху» строк подвергались подчас самым суровым гонениям и репрессиям.

Не будем, однако, ставить в вину Р. Медведеву приспособленческий цинизм. Все мы не без недостатков, все с семьями, родными и близкими, главное, чтобы достоинства, профессиональные «плюсы» перевешивали. Но в том-то и дело, что медведевская «методология», подход неисторичны, ненаучны, просто несолидны для серьезного исследователя. Я как-то поинтересовался: Рой Александрович ведь не работал в Центральной Ленинской библиотеке, не пользовался историческими архивами и документами, материалами. Да и сам признавал, что использует в основном два источника — работы западных советологов и кремленологов и воспоминания, рассказы, письма, личные мнения лиц, пострадавших от репрессий, поэтов, писателей, своих друзей и знакомых, близких к «политическим верхам». Эти источники не могут считаться достоверными и обоснованными, в них слишком много субъективизма, политических и личных симпатий и антипатий, эмоций, обид и т. д., что не позволяет говорить о подлинно научной базе. Да и сами медведевские работы привлекают не столько глубиной постановки и анализа проблем, концептуальным новаторством и оригинальностью, сколько «вскрытием» ранее запретных тем, изложением, причем весьма поверхностным, путаным, недобросовестным, информации о сведениях, по определенным причинам на страницах наших изданий не появлявшихся.

Характерный пример медведевской «методологии» — опубликованный «Литературной газетой» очерк о Каменеве (8.05.89 г.). В нем утверждается, в частности, что Ленин предложил назначить своим первым заместителем по Совнаркому Каменева. Но это неверно. «Первого» заместителя у Ленина по Совнаркому, да еще в том смысле, как это мы сейчас понимаем, не было. Ленинские

«замы» по своему положению были равны, и лишь Рыков считался первым, да и то в весьма условном смысле — по стажу своего пребывания на этом посту.

Далее. Автор очерка признает тот факт, что Зиновьев и Каменев в решающие дни 1917 года выступали против Ленина. «Тем не менее, — утверждает Р. Медведев, — было бы ошибочным и сегодня повторять примитивную формулу «Краткого курса» о том, что будто «Каменев и Зиновьев раскрыли перед врагами решение ЦК о вооруженном восстании». Но эту «ошибочную», «примитивную» формулу выдвинул не Сталин, а Ленин.

«Каменев и Зиновьев, — писал Владимир Ильич, — выдали Родзянко и Керенскому решение своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания — выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта». Выходит, Ленин ошибался, а Медведеву удалось, пускай через 70 лет, но все же докопаться до истины. Что же, допустить можно. Но тогда и надо сказать об этом прямо, обнародовать новые факты и сведения, показать, в чем именно Ильич заблуждался, чего не понял, не осознал. Ничего этого «новатор» не делает. Он совершает «открытия» голыми декларациями и фразами и, увертываясь от прямого и честного изложения своих взглядов, наносит удар по Ленину через Сталина. Бросил камешек в Ильича, заронил сомнение у несведущих читателей в правильности «устоявшихся» догм и... дальше, к другим «неортодоксальным» суждениям и «открытиям». Явный расчет на то, что не проверят, не задумаются, не сопоставят, не схватят за руку... Несерьезно, да и непорядочно все это.

ПРАЗДНИК ДИЛЕТАНТОВ

Кстати, о порядочности. Весьма точно в этой связи писал в газете «Советская Россия» один из ее читателей: «Мы донельзя» мужественны» в борьбе с мертвыми. Да и чего не храбриться? С ними ведь «воевать безопасно». Можно, как говорил Крылов, «совсем без драки попасть в большие забияки». Только с таким «мужеством», как бы нам не оказаться там же, от чего мы хотим уйти. Меньше мужества «в борьбе с «мертвыми» — больше смелости в борьбе с лицемерием и ложью наших дней».

И вот что характерно. В ряды агрессивных ниспровергателей «сталинских», а в последнее время и «ленинских догм» наряду с ищущими дешевой популярности историками и публицистами вливаются писатели, поэты, художники, недоучившиеся студенты, домохозяйки, владельцы видеосалонов и кооперативных туалетов, наркоманы, гомосексуалисты, бывшие и настоящие заключенные исправительных трудовых колоний, словом, все, чей образ жизни предрасполагает к «неортодоксальным» суждениям и мыслей и оценкам. Безапелляционность и дремучее невежество просто поражают.

«После четырехлетнего голодания по причине продразверстки, — сокрушает очередную ленинскую «догму» популярный писатель, — в конце 1922 года встал вопрос об экспорте хлеба».

В истерично-визгливой разноголосице «нестандартных сужде-

ний» слышится и авторитетный голос члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, санкционирующий весь галдеж солидностью официального благословения: «...были и ошибки. Бестоварная утопия, преувеличение роли насилия. Та же продразверстка не вызывалась исторической необходимостью».

К «преувеличению роли насилия» мы еще вернемся. А сейчас о продразверстке, необоснованное введение которой открыто ставится В. И. Ленину в вину.

Начать с того, что впервые проклинаемая с высоты «демократического» «нового мышления» «командная» продразверстка была введена 29 ноября... 1916 года по инициативе царского министра земледелия А. А. Риттиха, реквизиции по твердым ценам еще раньше — 27 августа 1914 года, тогда же для обеспечения хлебозаготовок по всей стране развернули целую чиновничью «хлебоармию». Временное правительство еще более расширило размах чрезвычайных мер, направляя с августа 1917 года в деревню для принудительного изъятия хлеба специальные воинские отряды. И делалось это не из любви к «насилию» и «террору», а для предотвращения гибели от голодной смерти миллионов солдат и жителей городов, ибо другого пути в разоренной войной стране просто не было.

Конечно, большевики действовали более решительно и масштабно. Но ведь к августу 1918 года, когда в деревню прибыли первые продотряды, голод в городах дошел до предела. И тем не менее, введя продразверстку, Ленин в то же время искал экономические методы стимулирования хлебозаготовок, добился повышения втрое закупочных цен на хлеб, ставил вопрос даже о введении натурального налога на богатых крестьян. Увы, усиливавшаяся в ходе гражданской войны разруха вынудила встать на иной путь. «Свободная торговля» хлебом была равносильна в тех условиях мучительной гибели десятков миллионов людей, прежде всего рабочих, ликвидации социалистического Октября и его завоеваний. Пойти на это ради того, чтобы будущие «гуманисты» и «правдолюбцы» похлопали их по плечу за трепетное уважение к столь блистательно доказавшей свою эффективность в сегодняшних условиях рыночной «идее», ни Ленину, ни его соратникам просто не пришло в голову. Разверстка, писал Владимир Ильич, «была наиболее доступной мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне».

Кстати, с июля 1918 года по июль 1919-го большевики по продразверстке собрали лишь 110 миллионов пудов зерна, а с июля 1919-го по июль 1920 года — 220 миллионов пудов. Далеко оказалось «грабителям» и «насильникам» до царского министра Риттиха, предполагавшего собрать по продразверстке 771 миллион пудов.

Я не случайно так подробно остановился на эпизоде с продразверсткой. Он во многом характерен для сегодняшних, дилетантских наскоков на ленинизм, принимающих все более распространенный, агрессивный и нетерпимый характер. «В современной исторической публицистике праздник, — писали в своей прекрасной статье в журнале «Коммунист» видные советские историки Г. Бордюгов, В. Козлов и В. Логинов. — Половина страны стала историками-неформалами. Другая половина — их внимательными и благодарными слушателями. Только загнанные в подполье зануды-профессионалы ведут долгий список перепутанных дат и перевранных фамилий, непроверенных фактов и неточных цитат. Но кто их теперь слушает, этих зануд? Одна газета приводит сегодня сомнительное свидетельство, завтра другая уже ссылается на него как на достоверный источник. Безостановочно работают генераторы исторических идей, черпая вдохновение в малодоступных пока зарубежных изданиях, в случайно попавших в руки старых газетах и наскоро прочитанных мемуарах. Как быстро меняются плюсы на минусы в оценке прошлого! Хорошо! Как упоительна эта долгожданная интеллектуальная свобода! Раньше хотели говорить, что думаем, теперь думаем, что хотим. Прошлое снова послушно нашей воле. Ему можно внушать разумные истины и укоризненно грозить пальцем». Трудно дать более точную характеристику «фундаментального пересмотра» «устаревших» сталинских, а теперь и «ленинских догм», осуществляемого перестроечными изданиями типа «Огонька», «Московских новостей», «Советской культуры», «Юности», «Знамени», «Нивы» и, конечно же, столь полюбившейся телезрителям программы «Взгляд», а также близких им по духу массы других.

Остается лишь добавить, что воинствующий дилетантизм, «хождение в кроссовках по истории», как выразился член-корреспондент АН СССР Ю. Поляков, далеко не безобидны. Еще Ленин не уставал повторять, что бесконтрольное, «стихийное» развитие идеологии неизбежно ведет к реставрации буржуазных и мелкобуржуазных представлений, какими бы субъективными мотивами ни руководствовались новоявленные «теоретики» и «новаторы». Под видом «расчистки завалов прошлого» полным ходом идет подготовка общественного сознания к восприятию буржуазных ценностей и «идеалов», своего рода артиллерийская подготовка разрушения краеугольных основ социализма.

«ОБЩЕНАРОДНОСТЬ» ИЛИ КЛАССОВЫЙ ПОДХОД!

Давно пора, однако, предоставить слово и самому «гражданину Ульянову», обвиняемому сегодняшними сторонниками «абсолютных» прав и свобод в «догматизме», «утопизме», «увлечении насилием» и других разнообразных и все возрастающих по мере углубления нашей «великой» гласности ошибках и грехах.

Хочу сразу отметить, что речь пойдет об основных, краеугольных, программных положениях ленинизма. Тех положениях, которые Владимир Ильич повторял многократно и важность которых особо подчеркивал. Будем откровенны: в лаборатории ленинской мысли наряду с «радием истины» встречались и «отходы словесной руды», то есть положения, не до конца продуманные и взвешенные, «сырые». На ряде действительно «огрубленных» высказываний Ленина («грабь награбленное», «Россия завоевана большевиками» и т. д.) не могла не сказаться вся тяжесть тогдашней обстановки, предельное напряжение сил и т. п. Сам Ильич это, конечно же, прекрасно сознавал. Потому и писал на ряде документов: «Приватно. Черняк! Не оглашать. Додумаю». Владимир Ильич как будто предчувствовал, что найдутся «новаторы», которые, не поняв основного, главного в его учении, будут выхватывать и превозносить сырое и второстепенное. Уподобляясь тому критику, который, читая гениальную поэму, расхваливает в ней прежде всего и главным образом неправильно расставленные за-

пятые... Или же, наоборот, обличать, демонстрируя европейскую цивилизованность и образованность, «примитивизм» и «малоинтеллектуальность» отдельных ленинских высказываний, рассчитанных на особенности восприятия малоподготовленной и малообразованной рабочей и крестьянской аудитории начала нынешнего века.

Что ж, и на Солнце есть пятна. Мешающие, впрочем, видеть солнечный свет лишь тем, кто закрывает на него глаза или же надевает на них черную повязку абстрактного, «общечеловеческого» мышления.

Итак, послушаем Ленина, настоящего Ленина, а не препарированного в соответствии с новейшими «руководящими установками»:

«Будет диктатура пролетариата. **Потом** будет бесклассовое общество. Маркс и Энгельс беспощадно боролись с людьми, которые **забывали о различии классов, говорили о народе или трудящихся вообще**». Сама же диктатура пролетариата состоит в том, что... «только определенный класс, именно **фабрично-заводские, промышленные рабочие**, в состоянии руководить всей массой трудящихся в борьбе за свержение ига капитала... в деле созидания нового социалистического общественного строя, во всей борьбе за уничтожение классов». Отстаивая свои цели, рабочий класс выражает одновременно интересы подавляющего большинства трудящихся, всего общества, включая крестьянство и интеллигенцию и поэтому «...с точки зрения основных идей марксизма, **интересы общественного развития выше интересов пролетариата**».

Что касается своего основного направления, то диктатура пролетариата есть «упорная борьба», кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, **против сил и традиций старого общества**. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — **самая страшная сила**. Без партии, железной и закаленной, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроениями массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно». Невозможно потому, что враждебные социалистической идеологии слои, как в стране, так и за рубежом, их влияния и настроения «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, перехода от увлечения к унынию». «Труп буржуазного общества... нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм гниет, разлагаясь среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей, канатов, цепей».

Борьба со всем этим и особенно «навыками и привычками собственническими, насквозь пронизывающими толщу масс», является продолжением в новой форме «старой» классовой борьбы, поскольку представляет собой войну против «хранителей традиций капитализма», в число которых входят «худшие враги социализма и народа» — партийно-государственные бюрократы и даже рабочие, которые «продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать ему работы поменьше и похуже, содрать с «него» денег побольше». Борьба с «силами и традициями старого общества», классовая по своей сути, будет по мере строительства коммунистического общества все более смещаться в сферу психологии и нравственности, в тонкую и сложную область человеческой души, переделать, перевоспитать которую в коммунистическом духе во много раз сложней и трудней, чем одолеть капитализм в военном, политическом и даже экономическом отношении: «Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное».

Суммируем вкратце вышеприведенные ленинские положения, взятые, как уже отмечалось, из его основных, программных работ:

— строительство бесклассового общества можно осуществить лишь путем диктатуры рабочего класса, политическим авангардом которого является Коммунистическая партия; всякие разговоры о «народе», «трудящихся» вообще — вредная иллюзия, не имеющая ничего общего с марксизмом;

— самая опасная и самая страшная преграда на пути строительства коммунизма — «силы и традиции» старого, эксплуататорского общества, в особенности бюрократизм, индивидуализм, частнособственнические навыки и другие веяния мелкобуржуазной стихии, захлестывающей как рабочий класс, так и его партию, включая руководящих деятелей;

— борьба с «силами и традициями» старого общества является по своей сути продолжением «старой» классовой борьбы в новой форме;

— эта борьба по мере строительства коммунистического общества обостряется, охватывая самые сложные и трудноперееделываемые сферы общественной жизни — сознание, психологию, поведение людей, — перенося центр тяжести противоборства двух общественно-политических систем на его главный и решающий участок — формирование нового человека.

Думаю, те, кто внимательно вчитывался в Ленина, согласятся, что приведенные выше положения Владимир Ильич повторял и развивал многократно, подчеркивая их особо важный, даже решающий характер перед разными аудиториями. И это понятно. Ведь здесь, по сути, сформулированы **объективные закономерности** строительства нового общества, обойти которые, не рискуя поставить социализм на грань кризиса и даже гибели, нельзя. В том и первопричина всех нынешних трудностей и бед, что наши политические лидеры послевоенного времени пытались, исходя из сиюминутных, «прагматических», а то и амбициозных соображений, игнорировать эту объективную реальность, и она отомстила им, а точнее — всем нам нагромождением и обострением экономических, социальных, экологических, политических и иных проблем. А «творчески мыслящие» теоретики волюнтаристского и застойного периодов, подстраиваясь под известные настроения «вождей», скорректировали в угодном им духе, казалось бы, кристально точные и ясные ленинские формулировки.

Возьмите, к примеру, краеугольную установку марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата, государстве рабочего класса как необходимом переходном этапе к полному коммунизму. Под давлением Н. С. Хрущева, смутно разбиравшегося в теории, стремившегося превратить ее в бездумную служанку своего волюнтарист-

ского прожектерства, эту установку под фанфарный трезвон о «новаторстве» заменили «каучуковой» формулой: «общенародное государство с руководящей ролью рабочего класса». В сумятохе поздравлений друг друга с «творческим вкладом» не заметили, что первая половина «гибкой» формулы начисто опровергает вторую. Если государство «общенародно», то совсем нелогично выделять, тем более ставить над этим «общим» «частный», рабочий класс, если же признать «руководящую роль», то нельзя говорить об «общенародности», ибо у других социальных слоев такое политическое преимущество и «привилегия» отсутствуют. Это не говоря уже о том, что в «Государстве и революции» Ленин вслед за Марксом и Энгельсом камня на камне не оставил от «общенародности», охарактеризовав ее как лассальянские бредни, реформистский вздор...

Не дюже, мягко говоря, сильны в теории были и руководители брежневской эпохи. При их прямом попустительстве непомерно большое влияние на нашу теорию и идеологию стали оказывать оторвавшиеся от жизни, простого народа, склонные к абстрактным, внеклассовым иллюзиям аппаратные «интеллектуалы», обнаружившие недюжинное умение вовремя предугадать простые желания и стремления одряхлевших партийных вождей. На свет божий извлечен и сделан основополагающим стержнем нашей агитации и пропаганды услаждавший старческий слух тезис о «монолитном идейно-политическом единстве советского общества», тезис, шедший вразрез не только с ленинскими положениями, но и с элементарным здравым смыслом, который явно изменял на этот раз авторам «общенародных» теорий и концепций.

Разве не ясно, например, что общественное развитие всюду, как при социализме, так и при капитализме, неизбежно сопровождается дифференциацией социального организма, отпочкованием, появлением новых слоев и групп. А где различия в их положении и составе, там неизбежна разница экономических и социальных интересов, идеологических и психологических параметров. Словом, неизбежны противоречия, конфликты, а значит, и борьба за их разрешение, которую можно, да и то лишь временно, затушевать, приглушить, но нельзя в силу ее объективного характера отменить.

Могут возразить, что сусловские идеологи при всей своей любви к «общенародности» и «монолитному единству» все же провозгласили руководящую роль рабочего класса и предприняли определенные меры для сохранения ее на политическом уровне, в партийных и советских органах. В политике, однако, важно не то, что заявляется, а что делается. Привлечение рабочих к управлению, как и многое другое, было формальным, показушно-отчетным. Непримиримой борьбы с пассивностью «низов» и бюрократизмом «верхов», другими «силами и традициями старого общества», как того требовал Ленин, не велось, да и не могло вестись тогдашним партийным руководством, привыкшим к спокойной жизни и опасавшимся роста политической сознательности и активности трудящихся масс, которые Владимир Ильич считал самой глубинной основой силы и прочности социалистического государства.

Расплата за фактическое оттеснение рабочего класса от партийно-государственного руля, отрыв от трудящихся масс и обывательское перерождение бывшего руководства, ударившегося, по сути, в бюрократическо-интеллигентский уклон, стала страшной. Начавшаяся перестройка обнажила всю остроту и запущенность экономических, социальных да и политических проблем, подтвердив глубину и прозорливость ленинской оценки смертельной опасности для социализма бюрократизма, индивидуализма, бесхарактерности, безответственности, разгильдяйства и других проявлений старой мерзости, буквально захлестнувших всю страну — с самых «низов» и до самых «верхов».

Бесспорной заслугой инициаторов перестройки стало и то, что они взяли курс на развертывание «замороженного» в годы застоя демократического потенциала масс, повышение сознательности и активности трудящихся, что Владимир Ильич считал одной из важнейших предпосылок успешной борьбы с «силами и традициями» эксплуататорского общества.

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

Ярослав ВАСИЛЬЕВ

ЛУЧИ

СЫН

Я несу через площадь последнее знамя
И хмелею от солнца и власти.
И по древку стекает шелковое пламя,
Запекаясь на голом запястье.

Не взрывал я в ночи белокрылые церкви,
Не кутил на открытьях каналов,
И какие цветы в наших генах померкли
Не узнаю из русских анналов.

И когда обнимаю любимого сына,
Ни ему и ни мне непонятно,
Как белесые звезды глухого Нарыма
Оставляют кровавые пятна.

И боюсь я его, переплавленный болью,
Не за то, что присудит к ответу,
А за то, что, моею воспитанный волей,
Никогда он не спросит об этом.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Когда волну засосал песок
И рыбы зарылись в глубокий ил,
Иуда решил: наступает срок.
И море Аральское пересек,
И даже ботинки не замочил.

И хлопали стоя ему вожди.
И толпы кричали: «Ужель Господь?!
Грядущее наше теперь позади,
Здесь травы поднимутся выше груди,
Рассыплется пищей земная плоть».

И только один, тридцати трех лет,
Молился, голову опустив.
Но так в борозде просолился свет,
И столько в том свете темнело бед,
Что он продолжал за толпой идти.

2

Открываясь в зеркале событий
И храня в ночи слезу скупую,
Он сказал апостолам: «Глядите,
Как меня Иуда поцелует!

Я прошел от Кушки до Ямала
По хрустящим соляным озерам,
Видел — птица Сирин пролетала
Добела протравленная хлором.

Видел я, как стелются деревья
По кирпичным склонам Подмосковья,
Нам, апостолы, народ не верит,
Пластиковой задыхаясь кровью.

Лишь один Иуда здесь в почете...
Пусть меня Иуда поцелует.
Снова от меня вы отречетесь.
И не смерть моя,
А жизнь народ взволнует».

Москва

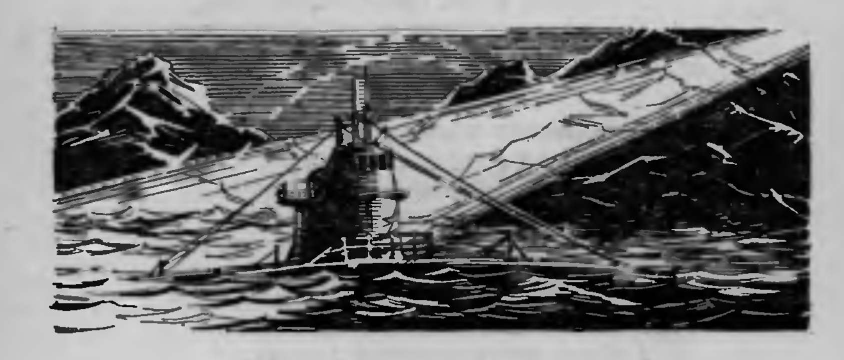
Несколько лет назад норвежские газеты облетела весть: впервые в истории страны в небе Норвегии купол парашюта раскрылся над женщиной... Но журналисты ошиблись — произошло это событие... 46 лет назад, неподалеку от города Вадсе, куда советская разведчица, норвежка Дагни Сибблюнд отправилась выполнять боевое задание.

Об этом и многих других эпизодах героической борьбы норвежского Сопротивления рассказывается в книге «Война в Арктике», готовящейся к печати в издательстве «Советская Россия», страницы из которой мы предлагаем читателям.

Автор ее — Герой Советского Союза Макар Андреевич Бабиков не просто очевидец, но и участник описываемых событий, сам не раз ходил со своими боевыми товарищами — норвежцами — в разведку.

Идея боевого сотрудничества возникла еще в 1940 году, когда сотни норвежцев, часто целыми семьями, покинув захваченную оккупантами родину, отправились в СССР. Такой исход был вполне естествен: издревле между русскими и норвежцами существовали тесные связи — торговые, политические, семейные. Настолько тесные, что сами норвежцы называли пограничную с СССР зону Киберг — Варде «малой Москвой».

И когда русские предложили норвежцам вместе идти в бой против фашистских захватчиков, все как один — все! — добровольцами пришли в военкоматы...

Макар БАБИКОВ,
Герой Советского Союза

КОВАРНЫЕ ФИОРДЫ

Приняв на борт Трюгве Эриксона, подводная лодка вышла из фьорда в открытое море и взяла курс на свою базу.

Новый командир группы, Франс Матисен, остался на берегу с двумя разведчиками. Сюда, на Нолнес, Франс высаживается второй раз, но теперь уже — командиром. Подпольщик он опытный — более десяти лет состоит в Норвежской компартии. Холост, хоть и пошел ему сороковой год. В родном Киберге остались отец, мать, брат Туральф и сестра Торгунд. Еще один брат, Альфред, был одним из руководителей Сопротивления. Осенью 41-го он шел на встречу с советскими разведчиками, попал в засаду и в июне 1942 года был расстрелян. Но на место погибшего бойца встали пятеро — отец и мать Альфреда, брат Туральф, сестра Торгунд и ее муж Пер Андерссен. Это все, что известно о них Франсу Матисену, принявшему вахту разведки на берегу Сан-фьорда.

Связь с помогающими разведчиками, патриотами из Берлевога и других селений, что раскинулись по соседству Тана-фьорду, по всему южному берегу полуострова Варангер, не прерывалась, все шло своим чередом.

Пост разведчиков по-прежнему располагался на оконечности мыса Нолнес, в расщелине между двух скал. Там и жили — в сложенном из ящиков шалаше, укрытом плащ-палатками. Ни тепла, ни уюта, но зато — вдалеке от чужих, да и весь простор моря перед глазами.

Не только всю весну, но и начало лета вахта шла спокойно, особых тревог не возникало, связь с базой держалась устойчиво, радиограммы с донесениями поступали по расписанию.

Но вот во второй половине июля связь вдруг прервалась. Радист Утне вышел в эфир спустя неделю: на прежней базе стало находиться опасно, часто появляются патрули с моря и по суше. Пришлось уйти в горы и замолчать. Теперь группа снова спустилась на берег, но уже в другом месте; разведчики обосновались на новой базе.

Группа по радио запросила продукты: когда уходили в горы, взяли с собой только аварийный запас, а на базу Нолнеса возвращаться нельзя... Снарядили самолет с двухмесячным запасом продовольствия.

Вернувшись, экипаж доложил, что груз сброшен примерно в полутора километрах от точки, указанной на карте.

Группа снова вышла в эфир: продукты не получили.

Через четыре дня доставили новый груз с продуктами. И опять от группы — радиограмма: «Слышали самолет. Груз не получили. Идем к берегу».

Когда начальник разведотряда П. А. Визгин докладывал об этом командующему А. Г. Головко, тот, конечно, возмутился:

« — И откуда только такая безответственность? Что значит — «в полутора километрах от точки, указанной на карте»? Надо требовать от экипажей точности исполнения указаний! А кто прояв-

ляет неисполнительность — тех наказывать. Передайте выговор начальнику летной службы.

Через шесть дней — снова выброска. И опять радиограмма от группы, что груз к ней не попал.

Скрепя сердце Визгин доложил Головко об очередной неудаче и, выслушав очередной крепкий нагоняй, заметил:

— Товарищ командующий, я не очень доверяю этой группе.

— Почему?

— Не может быть столько неудач подряд. Не водят ли нас за нос?

— Как это проверить? Ваши предложения!

— Дадим радиограмму, чтоб шли к берегу. На лодке пошлем группу разведчиков. Они разберутся. Если и впрямь бедствуют наши люди — доставим на подлодку.

— Но там может оказаться засада...

— Не исключено. Подберем ребят поопытней, чтоб в случае чего не растерялись, сумели бы отойти на шлюпке к подлодке.

Через несколько дней Визгин подробно доложил командующему флотом план возвращения группы Франса Матисена на базу.

— Мы предлагаем комбинированный выход на поиск группы. Сначала с воздуха забросим в материковую зону двоих — норвежца, хорошо знающего те места, и нашего радиста. Но сразу об этом сообщать Матисену не будем — дадим знать лишь, что на встречу с ним вышли спасатели-поисковики. А пока пусть группа держится поодаль от берега, километрах этак в пяти-шести...

— Кто пойдет в поиск?

— Старшим — Оскар Нистрем.

— Но ведь он только что вернулся из-под Киркенеса...

— Что поделаешь — больше послать некого. Пять групп готовятся к высадке в других горячих точках, а резерва у нас нет...

— С Нистремом говорили?

— Да, он согласен — ситуацию оценил сразу.

— Кто идет радистом?

— Николай Коровин. Парень опытный, морской техникум успел закончить. Не раз уже бывал в походах в составе разведотряда.

— Доложите об их действиях на материке.

— Разберутся в обстановке — наладят связь с нами. Если все спокойно — дадим команду идти к берегу, к высоте «637». Туда же направим группу Матисена. Встретятся они в четырех километрах от высоты... Если встретятся...

— Все-таки не доверяете Матисену?

— Ситуация слишком необычна, чтобы сейчас делать какие-то конкретные выводы... Но даже если все будет в порядке, командовать обеими группами поручено Нистрему. Он поведет людей к самой прибрежной полосе. На встречу с подлодкой.

— Не затеял ли игру радист Матисена?

— Он ни разу не заставил нас заподозрить, что находится под контролем: не подал условленного сигнала.

— Немцы могли и не позволить ему это сделать...

— Поэтому мы разделили операцию на два этапа. Только полностью разобравшись в том, что там происходит, Нистрем подаст нам сигнал. Тогда и станет ясно, подходить лодке ближе к берегу или нет...

Вечером 5 октября самолет «Бостон» с разведчиками на борту взял курс на материк. Через два часа он вернулся на свой аэродром, а утром от Коровина пришла радиовесточка: «Приземлились хорошо. Приступаем к выполнению задания...»

Сначала, как и было намечено, разведчики пошли несколько восточнее высоты «637». Обошли гору кругом, но ни малейших следов группы не нашли. Быстро смеркалось. Тогда они пошли к месту приземления. Там лежали свернутые парашюты, возле них — тюк с продуктами и грузом. Едва забрезжил рассвет, связались с базой. Оттуда передали, что людям Матисена дано задание идти к высоте «637».

Вновь Коровин и Нистрем ушли на поиски группы. Плутали до полудня, и тут в наушниках зазвучали позывные базы. Матисен просит встречающих выйти к морю: люди слишком голодны, чтобы идти к высоте, далеко отстоящей от их базы. Нистрем и Коровин должны держать курс на Сан-фьорд.

Только к ночи Нистрем и Коровин добрались наконец до условленного места встречи. Укрылись в камнях и стали наблюдать, когда покажутся Матисен и его группа. Но их не было... Нистрем, человек опытный и осторожный, не сомневался, что, как только лодка подойдет, те, кого они ждут, сами выберутся из щели, в которой отсиживаются.

Около полуночи Нистрем заметил приближающуюся к берегу подлодку и теперь следил за ней, а Николай — за берегом.

Лодка остановилась. Помигав зеленым глазком фонаря, Нистрем стал ждать ответный сигнал. Но лодка молчала, Матисен тоже не давал знать о себе.

— Пойдем ближе к берегу, посветим оттуда, — Нистрем совсем уже собрался выбираться из-за камней, поднялся и Коровин...

Темноту прорезал луч прожектора, раздалась стрельба, к подлодке понеслись трассирующие снаряды и пули.

— Коля, засада... Быстро уходим...

Разведчики опрометью ринулись из своего укрытия. Путь оставался один — в горы.

Всю ночь они шли и шли — все дальше от берега.

Подводная лодка М-15 капитана 3-го ранга Хрулева, «встречавшая» обе группы разведчиков — Матисена и Нистрема, — пошла на срочное погружение. Сторожевики настигали ее. Посыпались глубинные бомбы, одна, другая, третья... Содрогаясь от взрывов, лодка под их шум торопилась ускользнуть в море.

Хрулев приказал выпустить за борт порцию мазута, а через несколько минут выбросили мусор — деревянные обломки, пробочную крошку, тряпье...

Сторожевики сбросили для страховки еще с полдесятка бомб и ушли, уверенные, что лодку они потопили.

Лодка вернулась домой.

В разведотделе разбирали эту ситуацию.

— Я уверен, что мы попали в ловушку, — сказал Визгин. — Теперь-то уж ясно, что радист работал под контролем...

...У Визгина давно закралось сомнение, что радист Матисена «фальшивит». Настораживало, как группа добивалась одной заброски продуктов за другой. Надо было бы подумать и о том, почему поисковиков так настойчиво тянут к берегу...

Так что же случилось с разведчиками?

Анализ немецкой и норвежской печати и радиопередач помог ответить на этот вопрос.

Франс Матисен принял командование группой после ухода Тюргве Эриксена. Было это в первых числах апреля 1943 года. Матисен и двое Утне — дядя и племянник — несли вахту на мысе Нолнес.

И вот в середине июля по северному и южному побережью Варангера стали высаживаться большие группы немецких солдат. Одна такая команда высадилась и в Берлевоге. Немцы приступили к осуществлению операции «Полночное солнце» — по розыску и уничтожению советских разведчиков.

Помогавшие нашим норвежцы в Берлевоге выйти из селения уже никак не могли. Короткую записку удалось переслать в Конгс-фьорд, и оттуда тревожная весть докатилась до разведчиков. Матисен и оба Утне поспешно собрали самое необходимое, уложили в рюкзаки, прихватили радиостанцию с батареями, оружие и покинули свое укрытие на берегу. Спрятать или уничтожить имущество времени уже не было. Но успели сообщить на базу, что обстановка ухудшилась, вынуждены уходить, просят сбросить продукты.

Высадившаяся в Беквике команда карателей наткнулась на пещеру разведчиков, оборудованную так, что не оставалась никаких сомнений в том, кто здесь обитал...

Гнездо найдено, да вот птенцов нет. Часть ищеек отправилась в горы, другие вернулись поискать по хуторам и в городке неподалеку — Берлевоге.

Улики найдены, можно приступить к арестам. Первыми берут под стражу жителей Леквика.

Матисен со своим помощником и радистом обосновались возле одного из озер в глубинной, удаленной от берега части фьорда Варангер.

Время летнее. Самая пора сенокоса. Поспели ягоды и грибы. В гористой тундре норвежцы заняты на промысле и на заготовках.

Трое рыбаков видели, как с самолета сбросили груз на парашютах. Один из них позвонил по телефону в Конгс-фьорд...

Гитлеровцы почти вплотную подошли к разведчикам, спрятавшимся в мелком кустарнике, росшем на нагроможденных валунах, когда двое, выскочив из кустов, кинулись бежать. Солдаты открыли стрельбу. В то же мгновение из кустов выпрыгнул третий человек и бросился в другую сторону. Несколько немцев погнались за ним. Он на бегу поднял руку с пистолетом и выстрелил себе в голову.

Это был Франс Матисен. Так второй из братьев Матисенов, Франс, погиб за освобождение родины.

К концу дня немцы отыскали двух убежавших. Харальд и Лейф Утне сдались патрулю.

Как только гестаповцы узнали, что младший из захваченных — радист, за него и припялись. Через сутки Лейф согласился передавать в эфир те радиограммы, которые ему составили немцы.

Фашисты спешили — большой перерыв в радиосеансах мог бы вызвать в Полярном подозрения. А Лейф не выходил на связь уже вторую неделю. Сначала немцы заставили его простучать на ключе вхолостую, потом записали на пленку. И под контролем этой пленочной записи Лейд послал первое составленное немцами донесение. Он оповестил, что последние радиограммы из базы получены, но не мог ответить, поскольку передатчик при переходе испортился, а батареи намокли. Теперь аппарат исправили, батареи просушили.

Удача, казалось, сама плыла к немцам в руки. Лейф работал аккуратно, да и глаз с него не спускали. И держали без особых строгостей, кормили сытно. Лейф старался.

Немцы понимали, что Харальд Утне знает о русской разведке куда больше, чем его племянник. Однако он держался крепко и даже под пытками не сказал ни слова.

И Харальда из Варде перевезли в Тромсе, там поместили в лагерь военнопленных, где за него взялись более умные «специалисты».

Харальда приговорили к смертной казни, но он сумел бежать из лагеря. И морем и сушей он пробирался на восток. Возле Вадсе его задержал патруль. Тут и выяснилось, что он приговорен к смертной казни...

Харальда расстреляли возле местечка Борис-и-Глеб — старинного русского православного монастыря, что расположен неподалеку от Киркенеса.

Нистрем и Коровин ушли из засады у моря, куда их упорно заманивали радиограммами Лейфа. Подводная лодка благополучно вернулась на базу.

Теперь Нистрем и Коровин укрывались возле высоты «637». Еще в первые дни, когда искали Матисена с его напарниками, они наткнулись на избушку — одну из тех, в каких норвежцы живут в сенокос и во время осенней охоты.

Через несколько дней немецкие пеленгаторщики засекли выход рации в эфир: она снова подавала сигналы из того же района, что и прежде, — неподалеку от высоты «637».

В горы отправилась поисковая команда. И она скоро пришла к цели. У избушки завязался бой. Разведчики отстреливались отчаянно...

Большинство германских конвоев, плывших с грузами, снаряжением и людьми для горного корпуса на мурманском участке фронта, завершали свой путь в Киркенесе.

Проникнуть в эти базы разведчикам было необычайно трудно. Многие попытки заканчивались трагически.

В штабе флота решили, что надо установить наблюдение за теми портами, где конвои формируются, откуда они начинают свой путь.

Таким портом считался Тромсе. Туда подтягивались груженые суда, там формировался конвой.

Тромсе был изначальной точкой, через которую пролегла на запад и на восток разграничительная линия между английскими и советскими морскими и воздушными силами: южнее Тромсе советские корабли и самолеты не должны были ни плавать, ни летать. Союзники обязались в том же. Каждый исключительный случай плавания или полетов непременно оговаривался и согласовывался.

Операционная зона Северного флота начиналась от Тромсе и пролегла восточнее Карского моря. В Тромсе пробраться было непросто. Весной 1942 года туда пытались высадить группу, но неудачно: двое разведчиков остались на берегу с аварийными запасами, без связи. В конце весны эти двое перебрались на боте в Игре-Сюльтевик, к группе Сьерре Седерстрема.

На один из близких к Тромсе островов мурманское руководство подводной лодкой закинуло свою группу, но она тоже осталась без связи, маломощный приемопередатчик не тянул до Мурманска, а подмоченные батареи вскоре вовсе отказали.

Подготовили и снарядили ту же группу, которой не удалось выполнить задание в прошлом году, но на этот раз на более долгий срок, на год.

Место хотя и не было досконально изучено, но прошлогодние два с половиной месяца позволили разведчикам выйти на контакты с местными жителями, установить первые связи, увериться в новых знакомых, скрывавших разведчиков и помогавших им.

Высадиться задумали снова на Арней. Там обжиться, обосноваться, потом найти пути в Тромсе и там уже осесть капитально.

Командиром группы опять назначили Аспоса. Места эти ему родные, близкие. Сколько помнил себя — все здесь, в Нарвике.

Помощником себе он выбрал Ингвальда Микельсена. Ингвальд— на шесть лет моложе своего командира, ему 35 — возраст большинства из высшего командования Северного флота.

Радист группы Владимир Чижевский участвовал еще в первых боевых походах отряда. Ходил на полгода в разведку с Седерстремом. Теперь снова со своим прежним командиром, Аспосом, и напарником Микельсеном возвращался на Арней.

Тогда, поздней осенью 1942 года, Чижевского наградили орденом Красного Знамени. А принесенные Аспосом и Микельсеном сведения, добытые с помощью местных норвежских патриотов, были столь важны, что обоим вручили по ордену Красной Звезды.

Боевой приказ командующего флотом двинул эту дружную троицу в северо-западную Норвегию, в окрестности Тромсе. Задание дали нелегкое. Прежде всего нужно было восстановить связи, завязавшиеся в прошлый приход. Подыскать новых боевых соратников и с их помощью взять под надзор недоступные для разведчиков районы дислокации немцев; во что бы то ни стало нужно было проникнуть не только в Тромсе, но и в Нарвик, и в Хаммерфест. На острове Серей работала еще одна группа разведчиков, засланных из Мурманска, — с ними необходимо было наладить связь.

Столь сложные задачи немыслимо выполнить без серьезной, основательной подготовки, поэтому группа и шла на год. И на весь этот срок забрасывались продовольствие, обмундирование, снаряжение.

Ночью 18 февраля крейсерская лодка К-21 Героя Советского Союза Николая Лунина подошла к цели — острову Арней.

Первые дни разведчики на связь не выходили, осматривались, обживались. Прежних знакомых пока решили не навещать.

Неделя ушла на то, чтобы войти в размеренный ритм работы, и вот уже на базу ушли первые радиограммы. Вражеский транспорт, шедший курсом на северо-восток, к портам Варангера, попал под смертоносный налет наших штурмовиков.

Заметно потеплело, стаяли остатки снега, зеленела трава, подсохли тропки. Весна набирала силу. Вот тогда Аспос и Микельсен и пошли к хутору старых знакомцев — Иоргенсенов. Чижевский остался следить за морем.

Встретились они с хуторянами, как боевые товарищи, связанные общим рискованным делом. Иоргенсены давно уже помогали нашим разведчикам, добыли немало сведений по стоянкам кораблей и береговым укреплениям.

Переговорив, разведчики ушли на базу. Начался очередной этап работы.

В следующий визит к старшему Иоргенсену — Альфу — вместе с Аспосом пошел Чижевский. Володя вполне сносно говорил по-норвежски, полгода работы в Итре-Сюльвике не прошли бесследно. Норвежцы на Арнее приняли его даже за соотечественника, который, долго прожив в Советском Союзе, на родном языке объясняется немного коряво. Чижевский не стал их в этом разуверять. С окладистой бородой, в тамошнем добротном шерстяном свитере, он и в самом деле вполне мог сойти за их земляка. Для норвежцев он был Адольфом Эриксеном. Так там, в Норвегии, Володю зовут и сейчас...

Поблизости от военно-морской базы Тромсе документы проверяли чуть не на каждом шагу, ходить было более чем рискованно, и выполнять задания в этом районе вызвался Альф Иоргенсен. Он и добывал разведчикам сведения, которые успеаали приготовить обосновавшиеся там друзья из Сопротивления.

Однажды в Тромсе собрался Ингвальд Микельсен. Пошел с документами, с которыми бывал там не единожды. На пристани его пропустили, но в городе Ингвальд нарвался на новый контрольный пост. Немцы потребовали предъявить пропуск, другие документы. Унтер-офицер долго всматривался в них, потом предложил Ингвальду следовать за ним. Ингвальд понял, чтс сейчас начнется тщательная проверка — к кому идет, где живет, с кем здесь знаком...

Улучив мгновение, он бросил гранату, но солдат успел выпустить в него очередь...

На вахте над морем остались двое — Аспос и Чижевский. Корабельного повахтенного дежурства не получалось. Наблюдали за

морским горизонтом только в часы наиболее вероятного прохождения кораблей и транспорта. Дважды на их глазах советские подводные лодки пускали на дно вражеские суда — те самые, о которых они успевали сообщить на базу.

...Вот уж и лето прошло, так и не замеченное в напряженном, неустанном дежурстве. Радиограммы Чижевского шли в эфир одна за другой. Норвежские соратники ходили на соседние острова, на материк, встречались со своими людьми, добывая сведения о немецких гарнизонах, карты, документы на право проезда и проживания. Время от времени в поездки направлялся и Аспос. Изредка в некоторых селениях на Арнее бывал и Чижевский. Но чаще их уходил в маршруты связного Альф Иоргенсен.

Как-то в первых числах августа подошел срок встречи со связным в Тромсе. Альф отправился в путь. Там он пробыл два дня, сняв номер в отеле «Нюрге». Что-то мешало ему идти на явку — все казалось, что кто-то за ним следит. Утром 10 августа в номер к нему вошли двое полицейских и предложили отправиться с ними в полицейский участок. Но оказались все трое почему-то в гестапо... Там долго допрашивали, били, требуя признаться в том, что он помогает русским разведчикам. Держали в подвале неделю, а потом под автоматами повели в горы: теперь Альф должен был сыграть роль проводника... Он и повел гестаповцев, но совсем не туда, где располагалась база советских разведчиков.

До вечера плутали они по горным тропинкам, а когда пал туман, его конвоиры решили сделать привал. Иоргенсен, заметив, что, увлекшись пирушкой, за ним особенно не следят, бросился бежать по лощине, прячась между камней. Вслед раздались автоматные очереди, немцы погнались было за ним, но в тумане так и не смогли найти беглеца. Ночью каратели вернулись ни с чем в город, а он несколько суток обходными тропами добирался к своим.

Тем временем немцы высадили две роты солдат на Арней и стали методично прочесывать побережье. Наших разведчиков врасплох они не застали. Укрывшись за камнями, ребята отчаянно и долго отстреливались. Пути к отступлению уже не было, все кругом оцепили. Да с острова и не убежишь...

Тяжело ранило Аспоса. Володя продолжал отбиваться один, и, когда кончились патроны, он последней гранатой подорвал себя, Аспоса и радиостанцию. Немцы, уйдя в соседний поселок, арестовали всех жителей и через несколько дней расстреляли.

Вскоре Сверре Седерстрем, находившийся с группой на задании, неподалеку от Норкина, сообщил в Полярное о гибели Аспоса и Чижевского.

Карательная операция «Полночная тундра» захватила своим западным крылом и разведчиков на Арнее.

За короткое лето на самых крайних северных рубежах Норвегии погибли четыре группы советских разведчиков.

Когда рации, установленные возле Берлевога, в Сюльте-фьорде и на Арнее, замолчали, на северную окраину Европы, к Нордкину и Нордкапу, вплотную к вражеским караванным путям, отправились еще две группы.

Одну из них снова возглавил Седерстрем — опытнейший разведчик, в апреле вернувшийся из Сюльте-фьорда.

Район наблюдения был исключительно важен и удобен, место от прежних точек удаленное; от Берлевоге, где попались в сети контрразведки Матисен и его товарищи, по прямой — более семидесяти километров.

Группу готовили на семь месяцев. Груза и снаряжения набралось без малого полторы тонны.

...Когда Седерстрем сообщал на базу, кто из жителей того побережья готов всегда оказать разведчикам посильную помощь, ему и в голову не приходило, что самому и придется выполнять этот наказ.

Примерно за час до выхода в море к борту подлодки подошел бот с разведчиками и грузом. Через 18 минут погрузка закончилась. Снявшись со швартовых, лодка вышла из бухты. Свободные от вахты краснофлотцы и офицеры собрались возле центрального поста — завязался долгий разговор с идущими на задание норвежцами.

Сверре Седерстрем вступил в разговор первым — на правах старшего. Но не только этим заслужил он уважение товарищей — Седерстрем награжден двумя боевыми советскими орденами.

— Всякому с детства западают в душу родные места, — начал он неторопливо, тщательно подбирая русские слова, — кому горы, кому — реки, а кому — степи... Мы, норвежцы, с детства видим море. По преданиям, древние викинги первыми ходили в Новый Свет, открывали Америку... Жил я у вас, в Союзе, три года. Научился говорить по-русски. Приняли вы меня как братья. Наступила война — доверили в разведку ходить...

Когда выгоним оккупантов с родной земли, домой вернусь. Дел будет невпроворот. Много селений пострадало, а сколько судов потоплено? Придется порядок наводить, спросить с тех, кто помогал оккупантам, кто своим предводителем выдвинул Квислинга. Позор-то какой: квислинговцами называют предателей даже в других странах.

Обычно молчаливый, неразговорчивый Юппери Фраис перебил командира:

— Трудно будет — квислинговцев по всей Норвегии наберется немало. Вернутся из эмиграции прежние наши правители, вряд ли дадут их в обиду.

— Да, будет непросто, — поддержал своего помощника Сверре,— нам достанется трудная доля. А сколько наших уже погибло, скольким еще не суждено дожить до победы...

Так, за разговором, и коротали время.

6 октября лодка подошла к цели. Выбрали место высадки. Лодка легла на грунт. Стали ждать вечерней темноты. К полуночи, снявшись с грунта, подошли к берегу на полтора-два кабельтовых. Ближе рискованно: у берега много рифов.

Вскоре полуостров Нордкин принял на свой северо-западный берег к мысу Нюхави в Оксе-фьорда новую группу разведчиков. Берег здесь безлюдный, лишь в нескольких километрах к югу раскинулся хуторок. Береговые скалы круты, обрывисты, только вдоль самой кромки воды тянется узкая полоска накатанной гальки.

Отдохнув, разведчики стали обустраиваться. Пошли искать место для радиопередач. От лагеря ввысь поднимался прибрежный горбатый увал. Лучше всего добраться до самой его вершины, чтобы радиоволны не отражались от гранитной преграды: до базы не близко, по прямой 320 километров. Поднялись на макушку высоты — действительно, точка для радиопереговоров подходящая, но каждый раз подниматься сюда тяжело, да и работать придется на семи ветрах. Но другого выхода не было. Новая радиоточка наших разведчиков приступила к работе.

Седерстрем и Даль вернулись в лагерь. Сидевший на вахте Юппери отстучал первую радиограмму, сообщив курс проходившего мимо транспорта водоизмещением в 8 тысяч тонн. Транспорт был потоплен крейсировавшей неподалеку подводной лодкой.

Радиограммы о маршрутах вражеских конвоев, отдельных боевых кораблей пошли одна за другой. Не всегда удавалось услышать в наушники базу, но в небе все чаще стали появляться грозные ее «позывные»: советские штурмовики безошибочно выходили на цель: значит, Северный принял их текст...

Как-то Седерстрем ушел в неблизкий путь — разведать, какова обстановка в небольшом городке Мехавне. По дороге встретился со старым знакомым — Педером Нильсеном. До войны он был активистом Рабочей партии, но в 1941 году переметнулся к нацистам — вступил в Нашунал самлинг. Просто, по его словам, прельстился возможностью разжиться приемником: норвежским «наци» он не возбранялся. Но самим нацистам Нильсен отнюдь не симпатизировал, и как только Сверре мог заподозрить его?..

— Скоро ожидается десант союзников, — сказал ему Седерстрем. — Надо дать им знать, где и сколько стоит немцев, какая у них техника, где расположены укрепления...

Договорились встретиться западнее Мехавны, в одной из лощин.

В условленный день и час Сверре укрылся неподалеку от места встречи. Нильсен так и не появился, зато вскоре он заметил, как со стороны Мехавны катят несколько лыжников. Немцы! И шли они прямиком к тому месту, где должна была состояться встреча двух земляков. Подобравшись к лощине, солдаты постреляли наугад из автоматов и повернули назад.

Значит, Нильсен донес-таки немцам. Или они запеленговали рацию?.. Обратно Сверре несся как на крыльях. На какое-то время разведчики решили затаиться, не будоражить эфир.

В одну из вахт они заметили, как неподалеку от берега прошел катер с солдатами на борту. Заглушив моторы, катер медленно продрейфовал мимо укрытия разведчиков. Те лежали не шевелясь. По счастью, о берег била крутая прибойная волна, и высадиться было невозможно. Катер ушел. Но на следующий день появился самолет, долго кружил чуть южнее. О работе в эфире нечего было и думать. Потом дня три прошли спокойно, и Эйлиф Даль отстучал в эфир очередное донесение. И тут же самолет вынырнул из-под низких облаков, будто только и ждал сигнала. Эйлиф немедленно прекратил передачу.

Молчали больше недели. Когда вроде бы все улеглось, Седерстрем решил навестить хутор в Хумсе-фьорде. Люди здесь жили простые, занимались рыбной ловлей, ухаживали за скотом. О том, что происходит на войне, знали лишь понаслышке. Но и до них дошла весть, что на днях немцы искали неподалеку русских парашютистов.

Простившись с хозяевами, Седерстрем пошел еще дальше на юг, в Эйдс-фьорд, и, подрядив там бот, отправился в поселок Нурменсет. Там он остановился у Ханса Андреасена. Тот не только рыбачит — много читает, следит за прессой... Андреасен и рассказал ему кое-что о немецких укреплениях в Свертхольтклуббе, что на острове Рюней. Многое знал Ханс и о немецком гарнизоне в Лаксельвене...

Пора было возвращаться.

И вновь заработала рация наших разведчиков: немцы вывезли артиллерию с мыса Свертхольтклубб, из Мехавны — зенитные батареи. Сообщили и координаты лагеря русских военнопленных.

Вскоре из Северного пришла радиограмма, сообщая, что разведчикам пора готовиться к возвращению: на смену им идут другие.

Из отрядного дома тихо, незаметно исчезли трое разведчиков — Володя Ляндэ, Толя Игнатьев и Миша Костин. Жили вместе — и вдруг их не стало. За войну так бывало не раз, время от времени то один, то сразу несколько ребят уходили на задание. Отрядные догадались, что дошла очередь и до этой тройки осесть где-то на далеком норвежском берегу, нести там долгую, тяжелую вахту.

И больше о них ни слуху ни духу, и словечком никто прилюдно о них не обмолвился.

Почти три месяца они готовились к операции. В разведке не новички, у каждого за плечами по два года войны, множество боев и походов.

В народе февраль исстари зовут: кривые дороги. На севере, на кольских безлесностях, по долинам между сопок, по болотам, озерам да по морской шири ветру раздолье, ему есть где разгуляться. Он и задувает вовсю, вьюжит, крутит буранами, наметает непролазные сугробы в низинах. Даже сопки, которые в другое время ветром обдувает чуть не до облысения, февральские вьюги одевают в белоснежные колпаки. Этот буранный, наносный снег не в один метр толщиной местами потом лежит все лето.

Вторую неделю все трое сидят затворщиками на мурманской квартире, из которой выходить никуда нельзя. Навещает только начальство — капитан 3-го ранга Троицкий и младший лейтенант разведки Головин. Все ждут, когда наладится погода. И вот — дождались...

Поднялись с аэродрома возле Ваенги, прошли чуть стороной от оживленных самолетных коридоров, правее Кольского залива, пролетели над морем, видели под собой заснеженную громадину Рыбачьего, опять засверкало всплесками волн море — летели над заливом Варангер. Крутой вираж, самолет наклонился, повернули на север. Заморгала сигнальная лампочка.

— Пора.

Земля приближалась быстро, парашюты захлопали, ребят закружило в стропах, потянуло в сторону. Приноравливались приземлиться понадежнее, не налететь в темноте на какой-нибудь валун. В голове мелькали наставления, вспоминались тренировочные прыжки. Но там прыгали на аэродроме, на ровное поле, да еще и днем.

Игнатьев не успел подтянуть стропы, они не поддались усилию, отрезал их ножом. Ляндэ примеривался сразу повалиться на бок и гасить парашют. А ноги скользнули по заснеженному валуну, стропы на секунду ослабли, нога застряла в трещине, и

он навалился на нее всей тяжестью. Сгоряча боли не почувствовал. Рывком ухватил часть строп, потянул на себя, купол пополз по снегу и сник.

Приземлялись они неподалеку друг от друга, снег оказался неглубоким, можно идти и без лыж. Парашюты сложили поаккуратней, придавили камнями.

Когда рассвело, поняли, что приземлились совсем не там, где было намечено. Везде белым-бело от снега, ни тропинок, ни жилья. Всюду только сопки и снег.

— Останемся здесь, пока не удастся наконец сориентироваться. А там уж решим, где устраивать основную базу, — объявил Ляндэ свое решение. Натаскали камней, выложили из них лежанки, устлали парашютами.

На третий день с одной из сопок разглядели море. Сверились по карте. По всему выходило — летчик выбросил их километров на двадцать дальше, чем намечалось. Предстояло искать новую базу. На обратном пути наткнулись на землянку. Потом еще на одну... Они были обнесены колючей проволокой. Кругом ни людей, ни следов. Неподалеку тянулись голые опоры для высоковольтки. Ставили их, наверное, военнопленные, их и держали за «колючкой».

Подходящую для наблюдений сопку выбрали километрах в двадцати пяти от места временной стоянки, и всего в трех — от той точки, которую определили по карте на базе в Северном.

Двумя ходками перетащили обе порции груза. На ночь вернулись на первую свою стоянку. К вечеру пошли к сопке. Оставалось идти километра три, когда Толя Игнатьев вдруг скомандовал:

— Ложись! Немцы...

Плюхнулись в снег, поползли к камням.

Немцы шли на лыжах вдоль высоковольтных опор: двое — в головном дозоре, двое — в хвостовом. Между ними скользили по снежному насту еще семеро. Вдруг остановились, о чем-то заспорили. Ребята следили за ними в бинокль. Немцы разглядывали их лыжню. За эти дни разведчики немало наследили.

— Не дай бог, если пойдут сюда. Пропала операция... — обронил Игнатьев.

Непрошеные гости пошли по лыжне — прямо на разведчиков. Ребята напряглись. И тут на глаза немцам попалась вторая лыжня. Опять постояли, посовещались. Двинулись цепочкой вдоль опор. И там наткнулись на утренний — самый свежий след. Снова о чем-то заспорили. До моряков уже отчетливо доносились их голоса. Наконец, вновь вытянувшись в цепочку, немцы покатили обратно.

— Пронесло... — Костин положил автомат на снег, размял затекшие руки.

Быстро темнело. Ляндэ следил за немцами уже в бинокль. Поднявшись на вершину сопки, они свернули к обнесенным колючей проволокой землянкам. Было уже за полночь, когда разведчики вернулись на свою стоянку.

На новое место, куда отнесли уже часть груза, идти пока опасались. Двое суток выжидали, не появятся ли немцы, и лишь на третий день рискнули — двинулись в путь.

На новой базе установили вахту, круглые сутки наблюдали за тем сектором моря, который «исходили» по карте еще в Мурманске. Впереди и чуть в стороне — город Вадсе, а за Варангер-фьордом, по южному берегу — Киркенес. В погожие дни его можно распознать по тянущимся из труб столбам дыма. В Киркенес один за другим шли корабельные караваны, сутками не выходила из эфира советская рация, все чаще и чаще находили цель бомбардировщики и штурмовики.

Заканчивался третий месяц вахты у Варангер-фьорда. Наступил май, растаяла ледяная избушка. Разведчики перешли к высотке, возле которой обосновались еще зимой. Ни в коем случае нельзя было терять из виду Киркенес. Город расположился в глубине Бек-фьорда, до него по прямой километров сорок. Немецкие конвои избегали ходить вдоль южного берега Варангер-фьорда — жались ближе к северному побережью: здесь их не доставал огонь батарей Рыбачьего, зато проходили они... под самым носом у разведчиков. Однажды заметили, как из Киркенеса вышел довольно большой конвой, взяв необычный курс — у северного берега он повернул на восток. Одна часть кораблей шла в голове каравана, другая, отойдя немного, вытянулась в кильватер и, набирая ход, пошла на сближение с караваном. Корабли конвоя открыли огонь: немцы проводили учения. Костин тут же передал по рации новый походный порядок противника.

Время от времени неподалеку стали появляться норвежцы. Копали торф, резали его блоками, складывая в штабеля, — запасались топливом на зиму. Шел седьмой месяц вахты.

24 августа в Киркенес пришел небывало большой конвой: более 50 судов и кораблей охраны. Донесение на базу пошло вне графика. Едва умолкла его «морзянка», Ляндэ поднял тревогу: километрах в полутора, справа от них, по тропе шли походной колонной немцы. Многие из них с собаками на поводках. Прихватив все, что заготовили на случай тревоги, разведчики ринулись в сторону Вадсе, ближе к морю. И тут по немецкому конвою ударили наши штурмовики. За ними на цель пошли пикировщики. Небо расцветилось облачками разрывов.

А по недавнему пристанищу моряков еще расхаживали немцы. Ребята уходили все дальше. Шли, пока не стемнело, и совсем недалеко оставалось до того места, где самолет сбросил им тюки с грузом, но в ту же сторону пошли и немцы.

Пришлось уходить на другую «точку» — там хранились батареи и запасная антенна. Когда дошли, выяснилось, что к работе пригодна лишь антенна — батареи безнадежно сели. Ночью пошли обратной дорогой. Спустились к воде. Каждый опоясался тросом; один за другим, цепочкой перешли речку вброд.

— Ребята, привал...

Первым на вахту заступил Костин. Но дежурил недолго — скоро уже тормошил уснувших было друзей.

— Ребята, гляньте — снег на макушке сопки!

— Ну и что?

— Так ведь лето же, откуда ему там быть?

На самой маковке сопки распластался громадный парашют. Возле него — тюк с продуктами. Самолет сбросил его в ту же ночь, когда прыгали разведчики, только вторым заходом. Радость неописуемая — ведь там, кроме продуктов, обнаружили вполне пригодные к работе батареи. Часов в восемь утра Костин отстучал в эфир всего два слова: «Обнаружены. Уходим».

База молчала день, другой, третий... Наконец пришел ответ: «Ждите указаний». Поняли, что там всерьез задумались, как с ними быть дальше, — ведь ясно было, что путь к Вадсе разведчикам уже закрыт. Шел восьмой месяц их жизни под открытом небом Варангера. Наконец 6 сентября база отдала приказ идти на северное побережье — к Бос-фьорду. Погода испортилась, моросил нескончаемый дождь. Шагали по мокрому мху и кустарнику. Сапоги раскисли, кое-как «зашнуровали» их стропами от парашютов. Через четверо суток дотащились наконец до указанного в радиограмме места. И вновь — радиограмма от командования, обескуражившая до обидного: им предлагалось указать «точку», куда можно было бы сбросить продукты.

— Да что они там, не понимают, каково нам здесь?

— Нас забрасывали на полгода, задачу мы выполнили. Надо настаивать на возвращении.

Но что делать — приказ есть приказ, и разведчики продолжили наблюдение. Вскоре на рейде показался большой караван...

Самолеты навалились на него дружно — и штурмовики, и бомбардировщики. Впервые ребята видели, как атакуют с воздуха торпедоносцы. Расстреляв свой же подбитый миноносец, немецкие корабли ушли на запад. Море опустело. Сгущалась осенняя мгла, надвигалась ночь. Хотя на открытом берегу было ветрено, сырость пронизывала до костей, уходить глубже на материк душа

не лежала. Так и сидели на берегу, каждую ночь все на что-то надеясь...

И вот около полуночи к берегу подошли два катера. Отделившись от них, к берегу понеслись резиновые шлюпки. Разведчики приготовились к бою, и тут с одного из катеров донесся знакомый голос их наставника — Андрея Головина:

— Эй, где вы тут? Выходи, ребята!

«Ребята» затаились — ждали пароль.

— Вы что там, не насиделись еще? Ну и сидите до второго пришествия... — подал голос боевой их товарищ, Степан Мотовилин...

Тут уж не выдержали — в полный рост пошли к берегу...

А вечером судьба вновь свела их с отрядом на причале в Полярном. Как всегда, разведчики неприметно проскользнули к пирсу. Торпедные катера стояли здесь на швартовых, сгрудившись у сходней, моряки передавали из рук в руки поклажу. И когда с ошвартовавшегося неподалеку катера сошли трое обросших могучими бородами, одетых в изодранные «штормовки» людей, никому здесь и в голову не пришло, что это свой брат, разведчики...

...Как-то раз они шли на катере из Полярного в Мурманск. По соседству на борту оказались двое немецких пленных. Переводчик и офицер-политработник завели с одним из солдат разговор. Оказалось, он был из тех, кто гонялся на Варангере за русскими разведчиками. Называл точные даты, часы, сопки, ущелья, ручьи... В достоверности его показаний сомневаться не приходилось — все совпадало до мелочей. И не знал немец лишь одного: рядом, стоит лишь протянуть руку, стоят те, за кем он охотился. А может, догадывался все-таки? Об этом разведчики особенно не задумывались. Душой они были уже в краях не здешних, предстоял короткий отпуск на родину.

ПОЭЗИЯ

Джафар ЧУЯКО

ПОЙМАТЬ СИЯНЬЕ

* * *

Звезда счастливых юношеских лет,
Ты и поныне сердцем не забыта,
Хотя теперь померк твой яркий свет
И далека теперь твоя орбита.

Я память о тебе не замутил,
Не потерял тебя в потоке вечном,
Ты для меня дороже всех светил,
Затерянных в просторах
бесконечных.

Как властно ты сияла над судьбой!
А нынче, чтоб поймать твое сиянье,
Чтоб хоть немного сблизиться
с тобой,
Годами жду я противостоянья.

* * *

Куда ни глянь —
Все звезды, звезды,
Им нет числа.
Немыслим счет.
Как золотых орехов гроздья,
Ночное небо их несет.

К чему прибиты —
Неизвестно.
Какие к ним ведут мосты?
Как их удерживает бездна,
Пасть не давая с высоты?

Они сойдут под утро в море
И там,
Верша глубинный путь,
Не вытеснив воды, оспорят
Закона Архимеда суть.

Перевела с адыгейского
Татьяна КУЗОВЛЕВА

Майкоп

Анатолий ДРОЖЖИН

СВЕТ НЕМЕРКНУЩИЙ

* * *

Грусть несерьезная, радость обманная,
мысль улетает к родимым местам.
Свет мой немеркнувший, Марья Ивановна,
маменька родная, как тебе там?

В домике утлом своем, в огороде ли
что-то подумаешь, что-то поймешь;
сердце, как ходики, сверишь по Родине,
делом каким-нибудь руки займешь.

Все перешито давно, перестрочено.
Все пережито. Деньки не горьки.
Но лишь замешкайся, милую вотчину
вмиг переткут на свой лад сорняки!

Щупают пальцы гряду огуречную,
светлая бабочка вьется у ног,
и над землей, как над кашею гречневой,
тихо клубится пахучий парок.

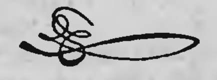
Пусть там заборчик стоит, не ломается,
дому и людям вокруг исполать.
Сердце в неясной тревоге сжимается.
Маменька родная, матушка, мать!

РИЖСКИЙ РЫНОК

Зло торгаш являет ремесло,
а торгашка ласкова, как матерь.
По каким ухабам ни трясло —
в человеке жив
предприниматель.

В три цены любая ерунда,
тут кооператор
рад стараться.
Добрались до частного труда.
Хорошо б
до честного добраться.

Тирасполь

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Рис. Ю. Макарова

Роман

Все смертны

ЧАСТЬ I

«После краткой и мучительной болезни его величество царь Борис III отдал богу душу сегодня, 28 августа 1943 года, в 16 час. 22 мин., во дворце София, где собрались члены царской семьи...»

Столичные газеты

«Если бы главы всех европейских государств относились к Новому порядку с такой же искренней симпатией, ничто не стояло бы на пути будущей Европы».

Геббельс

«Много усилий затрачивают новые германские агенты, чтобы возвеличить царя Бориса. Они приписывают ему то, чего у него не было: болгарский образ мыслей и чувств. Немец по крови, царь Борис всю жизнь служил немцам...»

Радиостанция
«Христо Ботев»

1

Доктор Зайтц прилетел из Берлина специальным самолетом и уже при первом осмотре категорически отверг диагноз болезни, поставленный дворцовым врачом и его коллегами. Строгая немецкая аккуратность вызывала их уважение, но в суждениях Зайтца они чувствовали пренебрежение к себе, недооценку своих знаний и даже что-то унижающее их, отчего пропало всякое желание помогать ему. И все же в глубине души они признавали его правоту. Еще при первом осмотре немец сосредоточился на области сердца, хотя они думали, что плохое состояние царя связано с желчным пузырем. Развитие болезни подтвердило диагноз д-ра Зайтца; теперь они мысленно упрекали себя за ошибку, но успокаивали себя тем, что крупный хваленый немецкий специалист не может спасти Его величество вопреки своему оптимистическому настрою. Если бы прислушались к самому монарху, который несколько раз говорил им, что умрет от грудной жабы, то не уклонились бы так сильно в сторону от истинной причины болезни. Боль в грудине, острые покалывания в плече, тошнота — признаки, достаточные для постановки другого, более верного диагноза. Теперь они молчаливо переглядывались, едва скрывая под личиной мнимой скорби свои мысли и мелкое злорадство.

В стороне от них стояли князь, один из царских советников, военный министр и премьер-министр Богдан Филов, в татарских глазках которого притаилось замешательство. Лишь советник Севов глядел на все с холодным равнодушием.

Филов поднял голову и посмотрел в застывшее лицо царя. Он не привык видеть его таким бездеятельным. Всегда, когда царь звал Филова, оказывалось, что он заранее обдумал и вопросы, и развитие разговора. В политике царь ходил на цыпочках. Все задуманное осуществлял, но получалось так, что другие высказывали его собственные идеи и намерения, а он одобрял их, причем с большими колебаниями. Эта предусмотрительность всегда пугала премьер-министра, и теперь у него было такое чувство, что царь делает вид, будто умер, что в любое мгновение он может подняться и начать плести свои хитрые сети, ведущие его к определенной цели. Взгляд Филова скользнул по темным царским усам с белыми нитями волос на концах, и он удивился, что нос стал таким большим. Смерть обострила черты царского лица.

Чистая шелковая простыня укрывала почившего до самого подбородка, и под ней еле-еле угадывались очертания тела. Царь не отличался богатырским телосложением, все в нем было маломерным, стиснутым, как и его мысли. До сих пор Филов верил, что шел в тени монарха и был лишь исполнителем его воли и желаний, но теперь, глядя на вытянутое под простыней тело, на заострившийся нос, он начал понимать, что сам монарх находился в его тени, чтобы оттуда дергать его за ниточки своих предпочтений и намерений...

Премьер-министр вслед за князем Кириллом, братом почившего, поцеловал смуглый лоб монарха, дотронулся до безжизненно лежащих пальцев и вышел в коридор. Там находились царица и сестра царя. Царица закрыла лицо пестрым платочком, слегка приглушавшим ее плач. Она поздно узнала о болезни царя. Ее не хотели беспокоить, все казалось, что болезнь пройдет. Когда же ее вызвали из Царской Бистрицы, царь был уже без сознания. Она стояла на коленях около его ложа, долго, безмолвно ожидая минуты просветления. Царь приподнялся, погладил ее руку и медленно, с тяжелой одышкой опустился на спину. И ничего больше.

С этой минуты ее не покидало чувство, что она всеми оставлена и забыта. К ней приходил лишь один из приближенных — Константин Развигоров. Он старался быть возле, успокаивал ее, сообщал самые незначительные добрые вести, стремясь ее ободрить, но не достигал цели. Сквозь боль и ожидание чего-то плохого царица наблюдала, как царедворцы, которые еще позавчера старались попасться ей на глаза, вдруг стали избегать ее, искать князя, чтобы он обратил на них внимание. Они наперебой давали самые различные советы. Кто-то предложил привести ясновидящего прорицателя, и хотя все знали ее отношение к этому лжепророку, она вдруг увидела его сидящим перед спальней царя, небрежно одетым и уверенным в своем могуществе. Несмотря на скорбь, она не забыла спросить, кто дал указание привести его. Оказалось, на этом сильно настаивала сестра царя. Ее поддержал Севов, самый доверенный приближенный царя, который не выносил Развигорова и часто пытался дискредитировать его перед монархом.

Ныне, когда царь был мертв и в дворцовых коридорах шла речь о его похоронах, царица, несмотря на душевную боль и искреннюю скорбь, испытывала глухое презрение ко всем этим угодникам, сбежавшимся на поиски нового хозяина, дрожавшим за собственное благополучие, теплые местечки и многолетнее благоденствие. Среди них Развигоров был единственным человеком, который разделял ее скорбь и заботы о ее здоровье, который думал о ее финансовых делах. Они причиняли ей настоящую головную боль, особенно при мысли, что царь не оставил никакого завещания. Она надеялась на заботу супруга, ведь однажды он сказал ей, что пришло время написать завещание. Он

любил гороскопы, часто советовался с разными прорицателями и гадателями; в нем жило предчувствие, что он рано оставит этот мир.

2

Село было видно как на ладони. Дома, покрытые тяжелой турецкой черепицей, словно бы уменьшились от зноя, а над ними трепетало августовское марево. Дамян, командир партизанского отряда, положил бинокль и посмотрел на комиссара Велко, только что возвратившегося после встречи с ятаками*. Командиры групп уже получили задание проникнуть в село с наступлением темноты, но Дамян задержал их послушать последние новости.

Вчера вечером, когда пришли в лес, над Каменной Колибой висели облака, а затем начался мелкий и необыкновенно холодный дождь. Они еще не успели укрыться в скалах под большими деревьями, не успели как следует расположиться. Дождь намочил траву и камни. Пришлось разжечь костры. Дым медленно сливался с сумерками, а отблески пламени прикрывались скалами, на уступах которых расположились командиры групп.

Бинокль Дамяна был старой марки, но еще хорошо служил ему. Футляр из толстой кожи сильно потрескался, красноречиво свидетельствуя о своем возрасте и пройденном пути. Бинокль «участвовал» в Балканской и первой мировой войнах, не однажды «наблюдал» сине-зеленые морские воды. Два раза «возвращался» на исходные позиции под Брегальницей. Тот, кто тогда носил его на груди, ныне был скован ревматизмом, но, догадавшись, что сын готовится уйти в горы, поднялся на чердак и долго рылся там в хламе. Когда вернулся, в руках держал этот бинокль, короткий кавалерийский карабин и сумку с патронами, вонявшую прогорклым свиным салом, которым она была смазана. Для Дамяна, считавшего себя опытным конспиратором, поступок отца оказался совершенно неожиданным. «Если бы я был здоров, — сказал отец, — то пошел бы с тобой... Но я уже расстрелял свой порох на разных фронтах, а это все сохранил для тебя...»

Отец никогда не вмешивался в государственные дела, пока они сами не вовлекали его, как в те три войны. И он прошел их из конца в конец, получив на каждой по ранению. Когда он принес домой бинокль и карабин, Дамян не знал. Спросить было неудобно, отец ведь не говорил, что у него есть оружие. Его несколько раз награждали орденами за храбрость и однажды — отпуском

* Ятак — человек, живший на легальном положении и помогавший партизанам (связь, снабжение продуктами, информация, укрытие и пр.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

за героизм. Наверно, в отпуск он и принес карабин с патронами и бинокль. Отец не раз вспоминал о Балканской войне, и всегда что-нибудь смешное. Ныне, когда бушевала вторая мировая, унаследованное чувство юмора часто выручало Дамяна, помогая подбодрить приунывших или усталых товарищей. Подождав, пока Велко усядется на нагретом камне, Дамян поднял брови: как, мол, дела?.. Он знал: если надо было сказать что-то важное, тот не торопился: «Не пора ли тебе начать со своих граммов?»

Комиссар отряда имел за плечами небольшой учительский стаж: специальным министерским распоряжением ему было запрещено учительствовать в Болгарии. Это случилось вскоре после нападения Гитлера на Советский Союз и не было для Велко неожиданностью. Еще когда он учился в Казанлыкском педучилище, его не раз задерживала полиция за недоказанные конспиративные встречи. После запрета Велко поступил на работу в сельскую кооперацию, но его и оттуда уволили.

До ухода в горы он работал весовщиком на фабрике «Витекс». Работа сезонная, но он был рад и такой возможности. Там он усвоил правило «не спешить». И теперь шутка Дамяна о граммах воскресила в памяти то время, когда Велко трудился на «Витексе», единственной в области фабрике по переработке овощей и фруктов. Она была построена в конце тридцатых годов под патронажем какого-то объединения, имевшего дело с немецким капиталом, и предназначалась для снабжения немецкой армии, тогда еще не перешедшей границы Болгарии.

Когда Велко встал у огромных весов, на которых взвешивали муку, привезенную из деревень, то вначале чувствовал себя неловко, но затем привык, успокоился, да и товарищи из окружного руководства не только не рассердились, но даже поздравили его с чудесной явкой. Тут, среди сумятицы вокруг возов, среди неприветливых крестьян, каждый мог найти его, чтобы что-то ему поручить или передать, не обратив на себя никакого внимания.

С той поры он привык говорить: «Все начинается с граммов». Будет ли хорошей еда — зависит от дозы соли, порции мяса, словом, от «граммов». И в отряде то в шутку, то всерьез нередко говаривали: будь внимателен к «граммам»... Велко не сердился. В «граммах» измерялись дружеские чувства, соленые шутки, походная усталость. «Ныне мы большой вес подняли», — говорили партизаны, когда переход был долгим. Так и теперь Дамян встретил его привычной шуткой.

Велко сел на нагретый камень и сказал:

— Мы должны показать людям, что царь умер, а мы живы... — и, повернувшись к командирам групп, добавил: — Царь

умер, но его министры и полиция остались. Скажите партизанам, что мы избавились от корня зла и теперь нам надо рубить ветви, — и, стукнув ладонью по камню, Дамян продолжал: — Первая группа занимает эту дорогу над селом, вторая — выход, третья — хребет, на всякий случай, если мы не сумеем быстро уйти. Остальные — со мной и с комиссаром. В школе — полиция, в общине — сторожа и два крестьянина. По дому старосты ударят Страхил Гевгелиеца и Маринчо. Страхил — главный, он хорошо знает село... А теперь по местам... После операции снова тут. Ясно?..

Командиры групп один за другим уходили из ущелья. Когда они остались вдвоем с комиссаром, Дамян поднял бинокль, снова осмотрел село и окрестные горные складки. В низине, где сливались несколько мелких речушек, расположилось село Каменные Колибы. Сверху оно было похоже на большую человеческую ладонь. Село состояло из пяти улиц, каждая между речушками, а на месте большого пальца размещались дома и сыроварня Добри Бряговеца. В свое время он прибыл сюда из села Брягово, остался в этом балканском селеньице и стал одним из богатых скотоводов. Сыроварня славилась овечьим творогом и овечьими сырами. Как раз сейчас сюда приехал какой-то специалист по овечьему сыру, но ятаки говорили, что он больше похож на тайного агента. Он не упускал случая посетить корчму, и там, в шуме и гаме, выуживал, что ему надо. Гостя видели на прогулке вместе с директором школы, слышали, как он рассказывал о Швейцарии, о тамошнем скотоводстве. Добри заметил как-то, что его творог и сыр поднялись в цене с тех пор, как появился специалист, ведь этот человек обучался за границей...

Насколько верны эти сведения, сказать было трудно, но командир отряда думал, что неплохо бы взять этого новоиспеченного специалиста по сырам. Сыроварню все равно надо захватить. Хотя стоял конец августа, но уже чувствовался сентябрь со своими ночными похолоданиями. Отряд нуждался в продуктах, одежде, оружии. Оружие приходилось искать повсюду, но продуктами могло снабдить только село, в противном случае зима довершит то, чего не сумели сделать их преследователи: уничтожит партизан. Голод может довести и до предательства, и до полного истощения. Эта операция задумана прежде всего как снабженческая, но смерть царя придаст ей теперь другую окраску. Она прозвучит как торжествующий выстрел «в честь» его безликой кончины. Дамян опустил бинокль, спрятал его в футляр и, взяв острый камушек, царапнул им по земле.

— Мост перед сыроварней надо занять пораньше. Передай ятакам, чтобы подготовили несколько мулов с корзинами... И подумай вот о чем. Смерть царя — прекрасный повод рассказать людям кое о каких вещах. Хватит считать его святым...

3

Германский посол Адольф Бекерле изнывал от жары и усталости. Духота в дворцовой часовне была непереносимой. Он чувствовал, как тонкие струйки пота стекают под твердый воротник, как неприятно зудит тело и все более слабеют колени. Ничего не поделаешь — германский полномочный министр в Софии должен присутствовать на прощании с мертвым и признании нового царя. Моногонное песнопение владыки, запах ладана, дым от кадила еще больше сгущали духоту. Ребенок стоял прямо, ему поднесли хлеб, он отломил кусочек, кто-то пошептал ему на ухо, и он, как спросонья, дважды сказал: «Бог простит! Бог простит!..» После этого Бекерле почувствовал, как кто-то попытался схватиться за него, и сполз вниз; звук от тупого удара о пол разнесся по душной часовне. Это упал полковник фон Ферзен, который еще не вполне восстановил силы после недавнего ранения. Когда они встретились перед дворцом, Бекерле посоветовал ему долго не задерживаться. Так же думал и фон Ферзен, но кто же предполагал, что их втиснут в душную часовню.

Его вынесли, словно бы ничего не случилось. Легкое дуновение воздуха повеяло при открывании и закрывании дверей. Теперь Бекерле ничего уже не слышал. Лишь когда начали преклонять колени, он сделал то же самое, но перед этим успел заметить, как прямо стоит советский посол, будто его не интересовало происходящее вокруг. Эта неучтивость на грани вызова побудила коленопреклоненных обменяться взглядами. Нарушался общепринятый дипломатический этикет. Несмотря на медленное течение мыслей Бекерле, его сознание педантично зарегистрировало: это не может не вызвать недовольства и гнева!.. Он бросил короткий взгляд на премьер-министра Богдана Филова и был удивлен его неожиданным спокойствием. Бекерле поднялся с колен. В возникшем от движения шуме кто-то слегка коснулся его. Это был Ханджиев, один из царских любимцев, установивший в последнее время весьма дружеские отношения с Шенебеком, подчиненным посла, имевшим особые задания и часто через его голову поддерживавшим связи напрямую с рейхсмаршалом Герингом. Это делало Шенебека независимым, и Бекерле не хотел портить с ним отношений. Со своей стороны, Шенебек старался, насколько ему позволяла совесть, быть честным по отношению к своему шефу, однако Бекерле начинала раздражать его независимость. В последнее время Шенебек делал немало дел за

спиной посла и лишь задним числом информировал о них. Таким был и случай с прибытием д-ра Зайтца. Ханджиев нашел Шенебека, а не посла. И подчиненный, не предупредив Бекерле, сам связался с рейхсмаршалом. Бекерле узнал об этом тогда, когда доктор уже прибыл, и решил пожаловаться рейхсминистру фон Риббентропу. Телеграмма об этом уже была составлена... Прикосновение Ханджиева было очень легким, и Бекерле подумал, что случайным, но ошибся.

Ханджиев привстал на цыпочки и как-то виновато сказал:

— Я прошу ваше превосходительство извинить меня за то, что я нарушил табель о рангах...

— За что? — притворился несведущим Бекерле, подумав про себя о совпадении их мыслей.

— За то, что я обратился за помощью к господину Шенебеку, а не к вам... Я не хотел обременять вас лишними заботами, зная, какую любовь испытываете вы к Его царскому величеству...

— Перед огромной общей скорбью, господин Ханджиев, формальности излишни... Важнее спасти жизнь человека, но мы, к сожалению, не смогли сделать это вопреки большому желанию, стараниям наших врачей и добрым чувствам фюрера и рейхсмаршала...

Ответ, по мнению Бекерле, был исчерпывающим, и он отошел от Ханджиева, сделав вид, будто слушает владыку. Вскоре все вышли на улицу — и словно заново родились. Страшно долгим было мучение во имя мертвого. Эти болгары упорно соблюдали свои глупые церемонии. Потные, раскрасневшиеся, они вытирали упитанные шеи белыми носовыми платками.

Никто из них не вызывал у Бекерле доверия. Все казались ему скрытными, скользкими, затаившими в душе что-то коварное. Возможно, заботы о постах и должностях сделали их такими. Того, кто раскладывал пасьянс их жизней, нет в живых. Остался Филов, остался князь Кирилл, осталась эта изворотливая сестра мертвого царя, Евдокия — в общем, стая, лишившаяся вожака. Архитектор Севов, правая рука Бориса, произвел на посла впечатление не очень озабоченного человека. О нем Бекерле знал много, причем Севова характеризовали как личность с двойным дном, и никто не ведал, что там скрывалось в потайной части. Даже сам Бекерле не был осведомлен о некоторых его делах. Евдокия же, как и царица, не любила Севова, и потому не следует удивляться, если они объединятся против него.

Обо всех этих людях в сейфе посла содержались тайные сведения. О ком меньше, о ком больше, но имелись. Они собирались различными путями, от спецслужб, из личных бесед. Многим

Бекерле был обязан профессору Станишеву, крупному ученому, но ничтожному дипломату. Возможно, этот играет роль смелого, прямого человека, чтобы выглядеть в его глазах приверженцем рейха. Бекерле военным шагом подошел к царице, его длинная фигура изогнулась в поклоне, а рука едва-едва коснулась ее холодных пальцев; другим он весьма сдержанно пожимал руки, только с князем и Евдокией постарался продлить рукопожатие. С коллегами даже не попрощался. Ему сказали, что сейчас появятся министры с женами отдать последнюю дань царю. Бекерле устал от впечатлений и потому поспешил покинуть дворец. На улице его ожидала машина... Он откинулся на заднем сиденье и утомленно прикрыл глаза.

— Домой.

Бекерле долго лежал в ванне. Приятное тепло успокоило его, и он почувствовал полное расслабление после утренних мучений. Его собака, любившая смотреть, как купается хозяин, положила голову на край фарфоровой ванны, и он, погрузившись в свои мысли, машинально гладил ее. Утром, прежде чем отправиться на это мучительное поклонение мертвому царю, он впервые встретился с тремя врачами, прилетевшими, чтобы оказать больному помощь. Пока царь был жив, им запрещалось пользоваться дворцовым телефоном. Только профессору Эпингеру разрешили связаться со своей клиникой. Последним прибыл невролог Де Кринис, чтобы дать консультацию по своей специальности. И все это делалось через Ханджиева и Шенебека. Такая таинственность продолжала угнетать полномочного министра Германии, аккредитованного в Софии. Он не привык к тому, чтобы его обходили или им пренебрегали, и потому не был удовлетворен утренним объяснением Ханджиева. Бекерле легонько отстранил голову породистой собаки, надел мохнатый халат и, пока рассматривал себя в запотевшем зеркале, слышал, как служанка расставляла тарелки к обеду.

Его жена Бебеле, которая тоже страдала от духоты в эти невыносимые дни, вышла на террасу в обычном купальном костюме. Эта ее привычка часто побуждала любопытную молодежь смотреть на нее из соседних окон. Для них это было интересное зрелище, а для Бебеле — поклонение ее красоте. Много раз Бекерле делал ей замечания о ее «вольной программе», но она не меняла привычек, сомнительных привычек актрисы. В свое время Бекерле как сумасшедший влюбился в нее и до сих пор находился во власти этой любви. Возможно, дело было в ее непокорности, в ее странных чарах, которые действовали с первого

взгляда. У нее были особенные черты лица. Его пленил ее сочный голос, полные губы и большие глаза, отличавшиеся от арийского расового стандарта. Адольф замечал все чаще и чаще, что ревнует ее. В таких случаях вспыхивали скандалы, но быстро затихали под приглушенным светом лампы над их постелью. И Бебеле оставалась Бебеле, экстравагантной и независимой.

Она уже сидела за столом, когда Адольф занял свое обычное место спиной к камину. Ели молча. Перед десертом Бебеле подняла голову от еды:

— Ты пойдешь в посольство?

— Надо...

Она не спросила, что у него за неотложные дела... В последний раз она видела, как он работал в поздние часы. Переписка, шифротелеграммы, телефонные разговоры. В связи со смертью царя все словно сошли с ума. Из Берлина непрестанно поступали запросы. Возникали сомнения, проверялись слухи, пересылались секретные сведения из Салоник и Царьграда. Доктор Делиус зачастил в гости — за советами. Бекерле очень хорошо знал его задачи, знал его хитрый, изворотливый ум и потому боялся давать советы. Он предпочитал слушать и делать выводы для себя. За каждым словом Делиуса крылось что-то недосказанное. Оно было похоже на лежачий камень, совсем безобидный на первый взгляд, но если поднимешь его, узнаешь, что там скрывается скорее всего ядовитая змея или скорпион и редко — что-то доброе. Адмирал Канарис не любил Делиуса, но ценил за холодную наблюдательность и неуязвимость. И Бекерле старался не сердить его. Сегодня он пригласил доктора Делиуса в посольство на кофе, желая проверить слухи, упорно распространявшиеся среди болгар. Станишев, например, не скрывал, что в смерти царя обвиняют их, немцев. Некие очевидцы утверждали, будто видели, как мертвого царя выносили из самолета, на котором он прилетел в Софию после встречи с фюрером. Якобы Борис был там отравлен. Другие рассказывали, что он почувствовал себя плохо еще в Главной ставке фюрера, сломленный настойчивыми, неприятными и неприемлемыми требованиями. Как истолкует слухи доктор Делиус, посол заранее знал — «коммунистическая пропаганда» или «английских рук дело».

Бекерле вытер губы белой салфеткой, расчесал густую бороду ногтем мизинца и встал из-за стола.

Жена, словно бы ничего не заметив, продолжала доедать мороженое. Ее сосредоточенность и видимое равнодушие задели его, и он, зайдя со спины, коснулся губами ее смуглой шеи. Неожиданная нежность размягчила ее, она лениво закинула назад

полную руку и пальцами нащупала его густую бороду. Шутливо подержав ее, Бебеле сказала:

— Господин Бекерле, никогда не оставляйте жену одну...

— Если мадам Бекерле сделает мою работу, я готов следовать ее желанию...

Это была шутка в старом немецком духе и повторялась уже много раз.

4

И поклонение в мемориальном храме «Александр Невский» миновало, и похороны в Рильском монастыре отшумели. Царя не стало, не стало и тайно лелеемой надежды Константина Развигорова подняться выше по ступеням иерархической лестницы. Своей мечтой он не поделился ни с кем, даже с женой, но в тревожные, траурные дни часто строил честолюбивые планы, особенно потому, что царица относилась к нему с доброй симпатией. Видя, как мучается вдова, верил, что она знает что-то о завещании царя. Большим сюрпризом было, когда завещания не нашли. Два царских сейфа и царский письменный стол министр правосудия опечатал сразу же после возвращения Бориса из Берлина. До тех пор много народу крутилось около царской кровати. Как не предусмотрели они этого раньше! Не все любили царицу, и советники не жаловали друг друга. Те, кто вечно присягал в любви к отечеству, больше всего ценили самих себя. Это доказывалось их поведением, их делами. К несчастью, поглощенные тревогой за больного супруга, брата и самодержца, серьезные, взрослые люди не догадались заранее наложить запрет на все, что может быть взято, скрыто или уничтожено. Не мог царь, который часто повторял, что согласно гороскопу умрет в пятьдесят лет, не подумать о жене, о детях, о народе. Тот, кто управлял страной с такой верой в себя, не мог быть столь безответственным перед лицом смерти.

Сомневалась и царица. И поэтому поручила снова просмотреть все ящики, шкатулки, возможные тайники в спальне и рабочем кабинете царя. Когда ей сообщили о безрезультатности поисков, Иоанна глухо сказала: «Не может быть...» Ее супруг не любил много говорить о смерти и завещании, но, вернувшись после этого визита к Гитлеру, был удручен и откровенен с нею: мир развивается не в соответствии с его желаниями; как маленькая страна бессильна противостоять воле большой, так и человек бессилен перед своей судьбой. Но если человек может бросить вызов судьбе, по крайней мере, письменно зафиксировать свои желания, подтвержденные свидетелями, то маленькая страна ниче-

го не может сделать, кроме как пойти против воли большой и принести в жертву и свою кровь, и свою свободу. Таковы были его слова, сказанные в минуты глубокого страха и тревоги. Тогда не оказалось рядом ни его сестры, ни советников, ожидавших, что он вернется не так скоро, и она была единственной отдушиной для его огромной горечи и неуемной тревоги. В минуту откровенности он признался: когда возвращался от Гитлера, мысленно пожелал себе встречи с вражеским самолетом, чтобы свершилось неизбежное... Вообще же Борис редко посвящал ее в свои волнения, порожденные государственными заботами. Обыкновенно они разговаривали о детях, семейных экскурсиях, о приеме личных гостей, о мигрени и плохом настроении. Даже и теперь, почувствовав первые приступы болезни, он не остановился в Царской Бистрице, чтобы не беспокоить ее и детей, а поспешил в столицу.

Царица не могла простить сестре царя и князю замалчивание состояния здоровья ее супруга. Он лег в постель сразу же после возвращения из Рилы в столицу, а ей сообщили за два дня до смерти, когда он был уже без сознания и ничего не мог ей сказать. Наверное, они боялись, что он скажет, куда положил завещание, или даст ей последние поручения. Тревога родственников о ее здоровье и спокойствии представлялась ей не вполна искренней, и она, подняв уставшие от раздумий глаза, долго смотрела куда-то за спину Развигорова, прежде чем решилась высказать ему свои догадки.

— Не думаете ли вы, господин Развигоров, что мое присутствие возле больного супруга было нежелательно для некоторых близких лиц?..

Этот прямой вопрос, поставленный столь откровенно, застиг Константина Развигорова врасплох и заставил его не спешить с ответом, а хорошенько обдумывать каждое слово. Повернувшись к царице так, чтобы она могла видеть его глаза, он сказал:

— Ваше Величество, я не знаю, кого вы имеете в виду, но сам по себе факт, что вам сообщили так поздно о состоянии вашего супруга и царя страны, несет в себе зародыш сомнения. Незаинтересованные лица не поступили бы таким образом. Я думаю, еще многое другое подтвердит предположения Вашего Величества. Люди без корней легко меняют почву под ногами... И поэтому мой совет будет таков: пришло, Ваше Величество, время подумать о том, кто должен остаться в царском доме, а кто должен уйти отсюда раз и навсегда... Среди тех, кому надо уйти, возможно, буду и я, но я говорю вам, как честный человек и покорный слуга, что сегодня — самый удобный день... Завтра может быть уже поздно. Так же, как вчера они позволили себе под личиной доброжелательства к вам отстранить вас от последнего его слова, так и сегодня они могут попытаться пренебречь Вами, когда надо решать, кто возьмет на себя ответственность за молодого Симеона...

Сказав это, Развигоров полностью раскрыл свое желание стать кем-то позначительнее в окружении малолетнего царя. Он знал, что царица не глупа и поймет намеки, но не хотел более скрывать свои намерения. Наступило, по его мнению, самое подходящее время... Время, когда она оказалась во власти сомнений и подозрений. Высказав столь сокровенные мысли, Константин Развигоров отошел в сторону и стал с нетерпением ждать ответа. Зная привычки Ее царского величества, постарался, напрягшись, подавить свое волнение. Под маской безразличия он скрывал биение расходившегося сердца, сопровождавшееся обычно таким изменением голоса, будто говорил юноша. Если он заговорит сейчас, голос выдаст его. Царица не вполне уразумела смысл его речи, посвоему истолковав его решимость — как выражение позиции ее верного защитника.

Во время посещений дворца в качестве семейного финансового советника Развигоров не раз оказывался на краю пропасти, особенно когда позволил себе объяснить члену царской семьи истинные намерения Севова. Тогда Развигоров заключил союз с Евдокией. Севов, занимавшийся какими-то ее делами, вдруг получил резкое указание больше не показываться Евдокии на глаза. Все, что он заработал до сих пор, будет-де ему передано, но через другого человека. Причина неожиданной ненависти княгини была неизвестна другим, но о ней знал Константин Развигоров и не упустил случая уведомить царя о тайных доходах Севова, которые, как говорилось, поступали через немецкое посольство. Царь как-то равнодушно выслушал его, не проявив желания узнать подробности, но и не остановив его. Развигоров почувствовал, что больше не следует касаться этой темы. Через несколько дней он узнал от княгини Евдокии, что на ее предупреждение царь среагировал вполне определенно: прямо сказал ей, что это не ее забота и ей не следует вмешиваться в царские дела. Развигоров понял, что совершил ошибку.

Севова стали приглашать во дворец все чаще, а его — все реже, и только по каким-либо сильно запутанным финансовым вопросам. А раньше не проходило дня, чтобы не нуждались в его советах. Особенно часто приглашали его после падения «Демократического Сговора» и прихода Народного блока. Это совпало с мировым кризисом, охватившим крупные державы. Кризис отразился и на делах Болгарии. Тогда было много толков о гешеф-

тах «сговористов»* с покупкой и продажей столичного трамвая и скотобоен — это принесло им около восьмидесяти миллионов левов. Каждый спешил наворовать побольше, будучи у власти. Новый министр финансов поставил вопрос о прежних займах. Особенно о займе на беженцев. Сумма значилась огромная — два миллиарда и двести миллионов, но когда потребовали отчет, стало ясно, что на беженцев израсходовали не более семисот миллионов, остальные же деньги пустили на строительство железнодорожных линий. Когда царь понял, что министр поставит эти вопросы при утверждении следующего бюджета, он обратился к Развигорову за советом.

Получение международных займов беспокоило царя, как и вопросы устойчивости той или другой валюты. Неконкурентоспособность сельского хозяйства вела к тому, что болгарский рынок постепенно все больше ориентировался на Германию, и это побуждало монарха искать знающих людей. Ему нужна была валюта сильных держав, в то время как немецкие коммерсанты предпочитали обмен товара на товар. Уже после войн, которые перевернули мир и, разумеется, болгарскую экономику, он старался быть в курсе дела, чтобы избежать неприятных сюрпризов. Царю казалось, что хаос в хозяйственной жизни страны, наступивший с двадцать девятого по тридцать второй год, мог бы стать менее ощутимым, если бы он сам чаще занимался экономическими делами. В то время происходили известные смехотворные события в кредитном законодательстве: кредиторы требовали защиты от должников, которые обнаружили уязвимое место в законе и упорно настаивали на отсрочках. В большинстве случаев они выходили победителями, ведь непродуманный закон не предусматривал определенных сроков выплаты долгов.

В этих делах мало кто хорошо разбирался. Одним из знатоков был Константин Развигоров, человек с двумя высшими образованиями — юридическим и финансовым. Он прекрасно видел истинное положение дел и поспешил (как должник) использовать несовершенство закона. Огромную сумму, которую он одолжил, чтобы вложить вместе с другими акционерами в чулочную фабрику братьев Х., опротестовал кредитор. В первое мгновение Константин Развигоров был ошарашен, сбит с толку, но вскоре обрел почву под ногами, решив использовать лазейку в законе. По сути, он явился первым, кто, образно говоря, открыл потайную дверцу — неожиданный выход для должников из трудного положения.

И вдруг то святое доверие, которое годами укреплялось в болгарах, рухнуло навсегда. В этом были виноваты банки, которые

* Сговорист — член партии «Демократический Сговор».

действовали сами по себе. Вмешательство соответствующих финансовых органов, наблюдающих за их операциями, отбросило тревожную тень даже на дворец. Во многих случаях кредиты прекратились, в том числе для закупки оружия и перевооружения армии, так что пришлось уведомить об этом царя. Тогда он впервые почувствовал нужду в действительном знатоке и правовой и финансовой сторон проблемы, столь неожиданно обрушившейся на царство.

Константин Развигоров не мог забыть свое первое приглашение во дворец. За ним пришел начальник царской канцелярии. Было 2 ноября, без десяти десять, когда Развигоров поднялся по дворцовым ступеням. От этой встречи в нем навсегда сохранился образ царя, осталось странное ощущение его лисьей хитрости. Тогда Развигоров решил быть откровенным, не желая производить впечатление ловкого канатоходца, и поэтому на следующей встрече сделал несколько предложений: во-первых, как можно скорее создать комиссию при министерстве финансов, которая разработает поправки к закону о кредитовании; во-вторых, ограничить ввоз и установить контроль за покупкой и продажей иностранной валюты. Другие предложения были сложнее, и потребовалось немалое время, пока он объяснил их суть Его величеству и склонил его сделать первый шаг по пути стабилизации. Во всемирном кризисе это была капля в море, но ее хватило, чтобы обеспечить доверие Его величества. Во время следующего посещения царь дал ему проекты бюджетов на тысяча девятьсот тридцать второй и тридцать третий годы. К ним была присовокуплена и речь министра финансов, который попытался представить картину финансового положения, указав на большие и маленькие ошибки неверной финансовой политики в предшествующие десять лет. Развигоров хотел оставаться беспристрастным, но в этот раз не мог не возразить. Он не мог отказаться от выгод, которые давали заем на беженцев и другие займы, хотя знал, что собранные средства не были употреблены по назначению. И министры, и банкиры, и предприниматели грабили по крупному счету.

Развигоров не хотел входить в подробности, чтобы не задеть своего друга Бурова, бороться с которым опасался. Он предпочел подчеркнуть, что Болгария жила не по средствам. Предшествующие хищения в соединении с кризисом, потрясение английского фунта, изменение конъюнктуры цен на зерно, истощение народного хозяйства принесут еще свои горькие плоды. Экспорт страны сведен к нулю. Платежный баланс в плачевном состоянии, товарный кредит ничтожен. Свое слово сказало также бремя долгов и репараций. Развигоров не спал две ночи подряд. Его про-

ект был принят. Он предложил проверить платежный баланс, проверить, как составляются сметы и проводится обмен валют. Оказалось, что эти проверки ранее не осуществлялись. Развигоров лично контролировал всю работу, и его замечания без каких-либо поправок были внесены в речь министра финансов. Развигоров бил тревогу, предупреждал об огромной опасности. Торговый баланс страны головокружительно расходился с платежным.

С того дня дворцовые двери распахнулись для Константина Развигорова: он всегда был у царя на виду, до появления более молодых и ловких людей. Подводя сейчас итоги, он пришел к заключению, что польза, полученная от того, кого уже нет в живых, превышает страхи и огорчения. Особенно с тех пор, как царица взяла его под свое покровительство. Тогда финансист впервые понял, что царь и царица имеют разные счета в швейцарских банках. В первую минуту это показалось ему странным, но, вдумавшись в жизненные конфликты, Развигоров пришел к выводу — так лучше. И впервые перевел много недвижимого имущества, разбросанного по столице и по провинциям, на счет жены. А когда два его сына достигли совершеннолетия, он купил им квартиры. Большой кризис научил его бдительности; если дело дойдет до банкротства, то он потеряет лишь то, что принадлежит лично ему и чем он лично распоряжается.

Ныне царица волновалась больше за детей, чем за народ и государство, и Константин понимал ее материнские чувства, но боялся, что в них не найдется места для его мечты. Она ведь тоже не упомянула о ней. По тому, как царица погрузилась в поиски завещания и не вникла в суть сказанного Развигоровым, он понял: или она бессильна сделать это, или не потрудилась понять его. Вторично напоминать ей о себе и своих желаниях бестактно и даже дерзко.

Константин Развигоров сделал весьма изысканный низкий поклон и, сказав подходящие к случаю любезности, легким шагом направился к двери. Когда он остановился под дворцовым балконом, солнце ударило ему в глаза, сад ослепил яркой пестротой цветов, но ничто не взволновало его. Какая-то злость на всех и вся тяжело стеснила грудь и отняла способность радоваться жизни. Он впервые так откровенно высказал свое желание и не встретил ни понимания, ни поддержки...

5

Князь Кирилл * не мог уразуметь, мир ли изменился или он сам. Постепенно вещи получали другие измерения; вопросы, которые раньше казались ему дурацкими, обрели трудный, скрытый смысл. В последнее время князь не узнавал себя. Оказалось, что богемный образ жизни, демонстративная неприязнь к власти были всего лишь позой, заученной позой, порожденной тем, что не он был первородным сыном и что ему не дано обладать царским престолом. Эта мысль с детских лет засела в его голове. О ней ему постоянно напоминали близкие и знакомые. Об отце он вообще не желал ничего знать. Это был раб, всецело зависевший от своих желаний, от своего эгоизма. Если бы обстоятельства не сложились столь трагично, едва ли его брат Борис * добрался бы до царского престола. Так и ушел бы из жизни с чувством, что он престолонаследник, первый, кто станет царствовать после отца. И вот Бориса нет, а его отец жив. Неудивительно, если он переживет и Кирилла. Огромный эгоизм держит его на поверхности жизни, как осенний лист на водной стремнине. Старик не забыл о том, как он царствовал; спустя много лет его склонность к внешнему блеску не ослабла. Он продолжал думать о себе как о монархе, обиженном судьбой, но возродившем народ. Он считал, что его обмануло не собственное славолюбие, а знатные европейские родственники, которые, по его мнению, не могли простить ему величия и сделали все, чтобы унизить его. В этом, возможно, была известная истина, но, зная его нереалистичное представление о собственных возможностях и его огромные аппетиты, князь Кирилл искал причину в личности отца. Катастрофа, которая постигла Болгарию, была следствием излишней самоуверенности царя-отца. Он решил вершить дела, не сообразуясь с возможностями обескровленного народа. И что оставил сыновьям? Кирилл, смотревший со стороны, улавливал во всех поступках Бориса вечный страх, порожденный крахом отца. Брат ходил в политике на кошачьих лапах, постоянно озираясь, много раз все обдумывая, прибегая ко всевозможным хитростям, единственной целью которых было запутать врагов страны и его личных врагов.

Князь Кирилл давно понял трагичное, безвыходное положение брата. Народ, верный своему вековому устремлению к России, расходился в желаниях с царской династией. Отцу было несколько легче — на Руси еще властвовал царь, с которым он все же мог найти общий язык; для Бориса дело приняло совсем иной оборот. Если бы он пошел вместе с народом, то рано или поздно распростился бы с короной. Коммунизм не любит коронованных персон. За примером не надо далеко ходить — достаточно

---

* Князь Кирилл — младший сын болгарского царя Фердинанда Кобургского, занимавшего престол с 1887 по 1918 год, член регентского совета Болгарии (1943—1944 гг.).

* Князь Борис — старший сын Фердинанда Кобургского, который был болгарским царем с 1918 по 1943 год.

знать, что произошло в огромной Стране Советов. Многовековой институт царизма с глубокими корнями был сломан — что же говорить о династии Кобургов *, корешки которой еще не разрослись за пределы цветочного горшка, в котором ее принесли. Разве может она претендовать на какую-то связь с этой страной? О цветочном горшке ему сказал брат, когда Кирилл попытался однажды поучать его, как надо управлять. Посмеявшись над Кириллом, он запретил ему вмешиваться в царские дела. Когда задетый за живое Кирилл попробовал возразить, Борис сказал, что от бегания за кокотками у Кирилла не остается достаточно времени для размышлений. Большие вопросы требовали большой бессонницы. И пока Борис, страдая от бессонницы, пытается разбить горшок, в котором их принесли из Германии, он, Кирилл, даже не подозревает, что существует подобный вопрос.

Этот разговор происходил вскоре после рождения Марии-Луизы **, и его единственным результатом было то, что царь внес изменения в конституцию: если у него не будет сына — наследника, престол должен перейти к дочери... Тем самым пресекались мечты и надежды Кирилла, которого бросали на произвол судьбы. И князь решил не вмешиваться больше в дела брата. Тогда и был создан неписаный устав, начинавшийся со слова «молчание...». Под молчанием может укрываться много добродетелей и пороков. В первое время Кирилл сблизился с богемой, затем — с картежниками, а женщины сами находили его и не давали скучать. Лишение всякой надежды на престол, совершившееся по воле царя, Кирилл ставил в «заслугу» прежде всего царице. Эта итальянка ***, кроткая на вид, но злобная и мстительная, умело плела свою сеть. И князь глубоко в сердце затаил сильную ненависть к ней. Он молча ждал случая, чтобы уязвить свою сноху, нанести ей такой удар, который если и не устранил бы, то, по крайней мере, унизил бы ее.

И случай вскоре представился. Поползла молва о ее связи с царским адъютантом... Молва была столь упорной и прилипчивой, что князь не смог удержаться и однажды глупо пересказал ее брату. Он ожидал, что известие заинтересует его, но тот сделал вид, будто ничего не слышал. Однако спустя несколько дней царь приказал ему, — судя по всему, выполняя желание царицы, — предстать пред его очи и в присутствии царицы доказать свое обвинение. И тут потерпели полный крах тайные намерении

* Эта династия властвовала в Болгарии с 1887 по 1946 год.

** Мария-Луиза — старшая дочь болгарского царя Бориса III.

*** Здесь речь идет о жене Бориса III — дочери итальянского короля Виктора-Эммануила, царице Иоанне.

князя. Те, кто говорил ему о любовной связи и уверял, что могут все документально подтвердить, вдруг стушевались, и князь остался один, опозоренный перед их величествами.

Семейный скандал заглушили, но князь и княгиня Евдокия уже не были во дворце желанными людьми. В то время, как Евдокия отступила и укрылась в своем доме, князь продолжал играть роль человека, который не потерпел поражения. Лишь при встрече с царицей он чувствовал, как холодом сковывает его позвоночник и напрягаются скулы от смеси ненависти и презрения, от униженной гордости и неистового желания расплаты. Все это осталось в нем, раз за разом стремясь вовлечь его в другие интриги, закупорить его в золотом сосуде облагороженного утонченного отмщения. До сих пор нового случая ему не представилось: напротив, обстоятельства изменились. Теперь от нее зависит может ли он быть регентом, одним из опекунов малолетнего царя.

Как человек, который знает мысли противника, князь Кирилл начал отчаиваться, но поскольку обстановка вокруг смерти царя становилась все более напряженной и все более насыщенной грозовыми разрядами, постольку он все ощутимее улавливал, что приходит его время. Он узнавал это и от тайных доброжелателей. Первым, кто пришел к нему, был архитектор Севов. Они не любили друг друга. Кирилл имел о нем (не без влияния сестры) особое мнение. Он думал, что архитектор — шпион, который следит за ним, нанимает людей подслушивать его разговоры, и считал Севова способным на различные подлости. Несмотря на огромное доверие, которым Севов пользовался у Бориса, князь допускал мысль о том, что этот бездарный архитектор служит не только интересам дворца. Князю казалось, что севовские нити тянутся и в Берлин, и в Лондон. Севов попал в окружение царя по высочайшей рекомендации и постепенно, не имея никаких званий и чинов, вытеснил всех самых близких советников. Князь не удивился, когда тот заговорил первым. Это было за два дня до кончины царя. После очередного совещания врачей они оба задержались в рабочем кабинете Его величества. Смеркалось, в кабинете становилось все темнее, и предметы утрачивали свои привычные очертания. Немецкий доктор вышел, чтобы сообщить последнее заключение консилиума о состоянии здоровья Его величества. Оно было неутешительным. Врачи предсказывали близкий конец. Доктор предложил зажечь лампу, но Кирилл не пожелал. Этот сумрак напоминал ему детство, когда власть еще не встала между братьями и все представлялось в завуалированном, заманчивом свете. Детьми они любили приходить сюда и трогать различные предметы. Такую же слабость он заметил и

у детей брата. Симеончо * и Мария-Луиза часто прибегали в кабинет после окончания рабочего дня, и не раз он заставал их за перестановкой предметов. После ухода доктора князь хотел встать, но Севов остановил его. Архитектор предложил ему встретиться на улице. Князь Кирилл не спросил зачем, а только уточнил место встречи. Чтобы скрыть любопытство, он решил переменить тему разговора и, не придавая своим словам особого смысла, сказал:

— А вы, архитектор Севов, как думаете, не надо ли пригласить царицу из Бистрицы? Пришло время и ей узнать, что происходит с царем...

Этот неожиданный вопрос, судя по всему, поставил Севова в затруднительное положение. Наступила долгая пауза, и князь понял, что он обдумывал ответ. Затем Севов сказал:

— Не худо было бы подождать еще немножко. Во-первых, мы избавим ее от лишних тревог, и, во-вторых, встреча, на которой я настаиваю, затрагивает вас двоих...

— Кого?

— Царицу и Ваше Высочество...

Загадочность ответа побудила князя задуматься о том, что встреча будет очень важной. Он поднялся и ровным, размеренным шагом направился к двери. В коридоре он увидел сестру. Она разговаривала с одним из врачей, но, заметив князя, прервала беседу и догнала его. Князь свернул в столовую, и она последовала за ним. Евдокия понимала, что приходит время, решающее для ее судьбы, и старалась быть вместе с братом, чтобы вдвоем обсуждать то, что преподносит жизнь. Смерть царя развязывала руки и своим и чужим. Царица относилась к чужим, и от нее в немалой мере зависело, какое место будет отведено им во дворце, среди достойных наследников царства. Евдокия считала себя умнее брата, и сейчас он нуждался в ее поддержке и в ее уме. Врачи постепенно теряли надежду на спасение царя.

Князь Кирилл без стеснения рассказал о предложении Севова.

— Иди! — сказала она.

И он пошел. Пошел и не пожалел. Его вовлекали в большую игру. Севов предложил сделку, которая в первое мгновение потрясла князя, но затем повергла в лихорадочное размышление. Кириллу было сказано: если он хочет, Севов передаст ему царское завещание, разумеется, если с Его величеством, не дай бог, случится худшее, и не только с ним, но, добавил архитектор, и со всеми. Об этом завещании князь думал давно, связывая его обыкновенно с решением о Марии-Луизе, принятым вскоре после

* Симеон — младший сын царя Бориса III, после смерти которого был царем Болгарии (1943—1946).

ее рождения. Когда написано нынешнее завещание, Кирилл не знал. Наверное, после рождения Симеончо. Удивительно, но о завещании вообще не говорили в царском доме, несмотря на тревогу за династию. Зная намерения брата, Кирилл не сомневался, что завещание существует. В свое время царь попытался — в нарушение конституции — закрепить права Марии-Луизы, что же говорить о Симеончо, к которому он относился с истинно отцовской заботой.

— А царица знает о нем? — спросил князь.

— Догадывается...

Этот ответ насторожил его.

— Значит, догадывается... А есть ли там что-нибудь обо мне?

— Есть! Там говорится, что при подборе регентов надо соблюдать конституцию...

— Ну и?..

— А она отлучает вас, Ваше Величество, от управления.

Это давно было известно Кириллу, но он хотел еще раз удостовериться. Значит, брат списал его, продолжая считать негодным для дела. При этой мысли князь почувствовал, как от неожиданного гнева кровь прихлынула к голове и запылали скулы.

— А кто, господин Севов, знает о завещании, кроме вас?

— Знает крестный отец престолонаследника, генерал Николаев, генерал Луков, я и, возможно, этот, его Тень *. Николаев и Луков мертвы, остаемся мы вдвоем с его Тенью...

— И как же быть с камердинером, господин Севов?..

— Я заставлю его молчать, Ваше Высочество...

— Считайте, мы договорились, господин Севов... Остальное я предоставляю вам...

Под остальным князь Кирилл понимал, что завещание будет взято и единственный свидетель — Тень, человек, который всегда находился при царе, будет вынужден молчать. Когда князь рассказывал сестре о встрече и разговоре, его не покидало ощущение, что он участвует в заговоре против еще живого брата, но Евдокия поспешила его успокоить. «Это серьезные вопросы, — сказала она, — и для их решения требуется время». По ее мнению, надо бы и Филова подготовить к тому, что вместе с ним регентом будет и Кирилл. Князь не догадался обсудить это с Севовым, но считал, что архитектор уладит вопрос. И если Филов попытается сопротивляться, Севов наверняка использует связи с Берлином, и оттуда ему дадут нужную рекомендацию. А как быть с царицей? Главное противодействие, несомненно, придет с ее стороны. Если она согласится, то только против своей воли. Да и спросить ее нужно лишь в знак уважения. Дела в Италии

* Тень — имеется в виду камердинер Бориса III.

обстоят плохо. Король, ее отец, достаточно низко пал в глазах немцев, и она не может не учитывать этого в своем поведении. Только бы сам царь не сказал ей о завещании, только бы...

Таковы были тревоги князя, но все обошлось. Об отношении к нему Богдана Филова он узнал еще перед кабинетом царя. Филов обнял его при встрече — подчеркнуто дружески, и стало ясно, что дела идут так, как хотел князь. Немцы тоже проявили большую заинтересованность в том, чтобы князь вошел в регентский совет — и это означало, что Севов и тут предварительно неплохо поработал. Согласие царицы также имело свое оправдание. Причин имелось достаточно, но он не хотел доискиваться корней, важно было, что она дала согласие. Он не сомневался: в конституция будет нарушена, лишь бы его избрать. И видя себя победителем, впервые дал волю чувствам по отношению к брату и царю. Начальство — так шутливо говорили о нем в семье, и царь не сердился. Вопреки всему он был для них хорошим братом, но ревниво относился к власти, никого не подпускал к ней. Он хотел обладать ею один и только один. Секретная записная книжечка, в которую царь регулярно заносил впечатления о разных лицах, говорила о том, что ко всякому, даже незначительному случаю, связанному с властью, Борис относился очень серьезно. Эта книжечка теперь в руках у Кирилла. Когда Филов вручил ее в присутствии Евдокии, в нем пробудился археолог и историк. И князь сказал:

— В свое время константинопольский патриарх Фотий * послал князю Борису ** обширный трактат о том, как ему надо управлять... Этот блокнот, оставшийся от нашего премудрого царя Бориса III, напомнил мне о тех годах Великой Болгарии, когда так же, как и сегодня, сбывалась народная мечта об объединении...

Князь не очень-то знал историю Болгарии, но это сравнение возвысило его в собственных глазах и отвлекло внимание от одной заботы. Его отец пожелал присутствовать на похоронах. Кирилл принес телеграмму, чтобы спросить Филова, как следует поступить в этом случае. Сначала премьер-министр был склонен разрешить, но потом передумал и настоял на отказе. Он опасался, что факт участия отца Бориса в похоронах будет ошибочно истолкован народом и союзниками как его намерение снова занять вакантный трон. Было решено просить князя Кирилла послать отцу письмо, где указать, что он, князь, не член правительства и не имеет права решать государственные вопросы без

---

* Константинопольский патриарх Фотий (род. 820 г. — ум. 891 г.) был главой восточной христианской церкви в 858—867 и 878—866 гг.

** Борис I — первый болгарский князь-христианин. Годы правления: 852—889.

согласия премьер-министра. Если отец желает, может прислать телеграмму и, сославшись на здоровье, извиниться за свое отсутствие на похоронах. Такое письмо снимало с князя сыновнюю ответственность, и он почувствовал, что освободился от досадной тревоги.

6

Короткое московское лето приближалось к концу. Георгий Димитров не мог свыкнуться с мыслью, что уже никогда не увидит своего Митю. В этом мире страшных конфликтов сын приобщал отца к теплу, детской наивности, и вот его больше нет. Как это они упустили сына, как случилось, что обыкновенная ангина столь неожиданно превратилась в дифтерит?.. Все произошло быстро, трагически неожиданно...

Димитров поднял взгляд: холодное небо стыло над санаторием и близкими деревьями. В бескрайней синеве, словно выгравированные, белели облачка, утонув в своей созерцательности, в своих тайных раздумьях. Димитров долго глядел на них в надежде отогнать мысли о маленькой могилке, которой отмечена страшная отцовская боль. Несколько месяцев прошло с тех пор, а он не может прийти в себя, не может сосредоточиться на большой работе, которая его ждет. Потрясение, отнявшее силы, затем воспаление легких. Димитров понимал, конечно, что обстоятельства не зависят только от человеческой воли, — раньше болезни не пугали его, но ныне организм расшатался. Напряженная жизнь, давнишняя работа в типографии, свинцовые пары, которыми он дышал, моабитская сырость и лейпцигские поединки, круглосуточный труд с тех пор, как гитлеровцы вторглись в огромную страну Советов, его вторую родину, — все это оказало свое воздействие. Третий Интернационал, которым Димитров несколько месяцев руководил один, больше не существовал, об этом говорил и Сталин в интервью корреспонденту агентства Рейтер. Но большие цели и заботы о людях обязывали к своего рода последовательности: недавно созданный отдел международной информации ЦК ВКП(б) нуждался в нем. Об отдыхе не могло быть и речи, но болезни никого не спрашивают; воспаление легких и желчного пузыря добавили ему страданий.

Оставшись наедине со своими мыслями, Димитров почувствовал, что мучительная тоска по потерянному сыну вросла в него так плотно, как любовь и радость живых, теплых, бесконечно милых детских глаз Мити.

Здесь, в тишине санатория, жизнь словно бы застыла, и люди двигались как тени. В их глазах он часто улавливал сочувствие,

скрытое сострадание, но не любопытство — оно давно истаяло. Каждый жил теперь новостями с фронта, говорили о последних победах, об успешном наступлении на Курской дуге. Внизу, в красном уголке, висела большая карта. Больные часто толпились перед ней. Приходил сюда и Димитров. В масштабном наступлении он видел силу этой страны и этого народа, силу, которая проявляла себя и в трудных буднях.

Димитров во второй раз приезжал на обследование и отдых. Теперь он намеревался пробыть здесь совсем недолго, чтобы пройти заключительную проверку. С главным врачом их связывало давнее знакомство. В свободные минуты врач часто приходил к нему поговорить — и не только о близких людях, воевавших на разных фронтах, но и о сопротивлении немцам в тех странах, где они в качестве союзников были полными хозяевами. Димитров знал, как идут дела в Болгарии, знал о росте партизанского движения и поддерживал его. Действовала нелегальная радиосвязь с ЦК Болгарской Рабочей партии. Существовали радиостанции «Христо Ботев» и «Голос народа», которые разоблачали немецкую пропаганду и укрепляли веру народа. И как только он подумал, что нужен, необходим вне этих стен, вне этого спокойного уголка, где он сидит в тиши, то почувствовал, как дыхание его участилось и затруднилось. Пришло время вернуться туда, где кипит борьба, к товарищам. Недавно его посетил Васил Коларов и привез из Болгарии новости, которые, однако, не только не успокоили его, но усилили желание покинуть этот тихий уголок.

Димитров пересек тенистую аллею и направился к низкой террасе. Главврач издали заметил его и поспешил навстречу:

— Как вы себя чувствуете, Георгий Михайлович?

Русская традиция называть собеседника по имени-отчеству так глубоко укоренилась в межчеловеческих отношениях, что не допускала изменения, но в данном случае необычным было то, что отца Димитрова звали не Михаил, а Дмитрий, и сына в его честь назвали Митей, и Димитров объяснял это людям, но к нему продолжали обращаться по-прежнему, и он уже никого не поправлял, оставаясь для болгар Георгием Димитровым, а для советских товарищей — Георгием Михайловичем.

И поэтому обращение главврача он воспринял спокойно. Как он себя чувствует? Если бы он мог избавиться от мыслей о сыне и о родине, то, возможно, чувствовал бы себя хорошо...

В широкой, светлой комнате его ждали Васил Коларов и Станке Димитров-Марек. Марек, как человек, который следил за всем, что связано с фашистской пропагандой в Болгарии, первым узнавал новости. Его «Голос народа», работавший на тех же волнах,

что Радио София в Скопле, вел упорные сражения с официальной болгарской пропагандой немецких лжеуспехов. Коларов и Марек пришли сейчас сообщить ему о деле, имеющем судьбоносное значение в жизни родины.

— Есть новость: царь умер! — сказал Коларов.

— Царь Борис, — добавил Марек.

Кабинет был просторным — красивый продолговатый зал с тяжелым, массивным столом в глубине. Стена напротив окон была закрыта черными застекленными полками с книгами. Кроме трудов классиков марксизма, тут стояли книги, повлиявшие на Димитрова в молодости: «Что делать?» Чернышевского, «Война и мир», «Анна Каренина» Толстого. Книги современных авторов были большей частью с автографами, и Димитров брал их с полки, чтобы что-либо вспомнить, прикоснуться к сладкозвучному литературному языку. Он любил напоминать тем, кто свел разговорный язык к узкому кругу шаблонов, что нужно почаще заглядывать в произведения писателей, рекомендовал и давал им книги, восхищался образным языком Лескова, силой чеховского гуманизма или романтичными образами молодого Горького, воздавал должное Павлу Власову, герою романа «Мать». Но случалось, что, погрузившись в работу, он надолго забывал и писателей, и романтичные образы, потому что жизнь вела его по суровой земле, и краткие информации о судьбах и событиях, ложившиеся на стол, ожидали решения. В такие минуты Димитров словно бы жил за пределами кабинета, не слышал ни шума с площади Ногина, ни покашливания вошедшей секретарши.

Краткое пребывание в санатории уже было забыто. Весть о смерти царя Бориса дала новый толчок мыслям, и Димитров не раз уже обсуждал ситуацию с Заграничным бюро партии. В Болгарии сложилась такая ситуация, которую умные, здравомыслящие политики могли бы использовать в интересах народа...

7

Константин Развигоров гордился своим трудолюбием. Он считал себя примером того, как из обыкновенного городского мальчишки может сформироваться человек широких возможностей и познаний, необходимый даже корове. Его путь, в сущности, был не очень крут, и напрасно он непрерывно говорил о нем сыновьям и дочерям. В свое время его дед считался первым меховщиком среди габровцев. Люди помнили, как он на трех мулах, груженных тяжелыми вьюками, ездил после Георгиева дня по горным

дорогам и тропам, собирая шкуры, оставшиеся от праздничных трапез. Он не извещал всех, подобно яйценошам, криком о своем прибытии. Как только отъезжал от дома, дед клал поверх вьюка на первом муле красивую шкуру ягненка, чтобы она говорила вместо него. Мулы шли осторожно, и крупные латунные колокольчики, висевшие у них на шеях, позванивали в такт ровному ходу. С годами люди стали точно знать время его появления в горных деревушках. Дед останавливался перед корчмой, привязывал мулов к воротам; пока выпивал порцию ракии, крестьяне успевали собраться, и по площади разносились запахи бараньих и козьих кож. Пока он пил ракию, продавцы кож стояли молча, заглядывая в корчму через дверь. Но, как только он бросал деньги на прилавок, они начинали двигаться, чтобы освободить место для чорбаджи * Косю. Он выходил и за руку здоровался со всеми, кого знал. Почти всех называл по имени. Это облегчало торговлю, сближая его с усталыми людьми, пришедшими заполучить грош-другой.

Так продолжалось до тех пор, пока дед не разбогател и не начал посылать за кожами вместо себя учеников, а сам выезжал в дубильные мастерские и раздавал заказы скорнякам. Через некоторое время и это дело он поручил одному из мастеров. Косю Развигоров уже накопил немало денег и подумывал о том, чтобы построить несколько мастерских по изготовлению гайтанов **, но вдруг понял, что мужские штаны и куртки с гайтаном выходят из моды, значит, время гайтанов заканчивается.

И тогда он впервые решил заняться землей.

Как всякий габровец, он не был земледельцем и не знал радости от сбора урожая, но земля требовалась ему для другой цели. Он стал думать о земле после того, как побывал в молодой столице Болгарии ***. Какая-то торговая тяжба привела его туда в поисках правосудия, и там, ожидая адвоката, который поведет дело против одного из его пайщиков, он услышал разговор двух столичных жителей. Они говорили о выгодной закупке земель вокруг молодой столицы. Тот, кто был пониже ростом, все жаловался, что ему не хватило денег купить луг около Бояны. Пока высокий раздумчиво говорил, что Бояна очень далеко от города, чорбаджи Косю ощутил знакомый зуд в предвкушении крупной прибыли.

И вот, когда в новой столице началось большое строительство, оказалось, что много самых лучших мест принадлежит какому-

* Чорбаджи — хозяин, господин.

** Гайтан — шнур, галун, нашивавшийся как украшение на одежду.

*** София стала столицей Болгарии с 1878 г., вскоре после освобождения страны от османского ига. В то время в Софии жило около 20 тысяч человек, меньше, чем в Пловдиве и Варне.

то чорбаджи Косю Развигорову из Габрова. Городские власти, недолго думая, принялись их отчуждать, но они не знали, с кем имеют дело. Чорбаджи Косю оказался крепким орешком, а его приятели стояли во главе аграрной партии. Несколько газет напали на правителей города, и места были закуплены за двойную и тройную цену или возвращены хозяину. Чтобы лучше вести дела, чорбаджи Косю послал старшего сына Трифона Развигорова в Швейцарию изучать право.

Молодой Развигоров был весьма сметлив. Завершив обучение, он поспешил открыть контору в центре столицы. Тогда людей, учившихся за границей, можно было пересчитать по пальцам, и Трифон Развигоров оказался в благоприятном положении. Он нашел себе жену среди дочерей новых правителей, друзей его отца, которые помогли ему отстоять земли. Мать Константина Развигорова была дочерью одного из лидеров либеральной партии. Она училась в пансионе благородных девиц в Петербурге и усвоила манеры тамошнего высшего общества, которое, по сути, и было ее вечной мечтой. Дважды во время летних каникул она посещала имения своих соучениц и потом всю жизнь говорила о чаях и балах, словно ее обучение в пансионе проходило в непрестанных увеселениях.

Госпожа Развигорова потребовала от своего супруга расширить дом и связать два просторных этажа винтовой внутренней лестницей.

Этот дом возбудил зависть тогдашней знати, и что только ни делалось, чтобы его снести. Когда расширяли один из бульваров, дом все-таки разрушили.

Лишь смутные воспоминания о нем сохранились в голове мальчика Константина Развигорова. Наиболее ярко представлял он себе пятницы, когда его мать, госпожа Развигорова, принимала гостей из высшего общества Софии. И если рассказы о ее молодых годах вертелись вокруг петербургских балов, то рассказы о женитьбе обязательно касались князя Александра Баттенберга *, посетившего их дом.

Этот визит в самом деле стал причиной многих разговоров и сплетен. И когда князь был принужден отказаться от престола, злоба его врагов обрушилась также на семью Трифона Развигорова. Тогда впервые начались резкие нападки на русофильство ее отца и на ее воспитание в России — таково было время, таковы были партийные нравы. Русофобы победили, и заслуги России в освобождении народа и Болгарии были преданы забвению. Дело дошло до того, что ее мужу дали самое высокое указание

* А. Баттенберг — германский принц, племянник русской царицы, жены Александра II, был главой Болгарского княжества с 1879 по 1886 год.

закрыть традиционный салон. Это нанесло жесточайший удар семейству Развигоровых. С того дня и до своей смерти госпожа Развигорова не желала слышать имени Стефана Стамболова *. Она запретила мужу иметь дела с его людьми и единомышленниками и тем самым «обеспечила» ему многих врагов.

Была и другая причина для ненависти: Свирчо, тогдашний мэр столицы, и Стамболов при реконструкции города забрали у Развигоровых много земельных участков по очень низким ценам.

Мать Константина Развигорова отличалась смелостью нрава: несмотря на запрет принимать гостей по пятницам, она не закрыла двери дома для друзей, одним из которых был полковник Кисев. Молодой Константин Развигоров знал героя старозагорского боя и Шипки, любил слушать его рассказы, но все это было давно, в золотые годы детства и юности.

Много воды утекло с тех пор, много путей-дорог исходил Константин, пока однажды утром судьба не привела его по воле царя Бориса во дворец. Между детством и этим счастливым днем было немало блужданий, о которых Константин Развигоров не всегда любил вспоминать.

8

Все думали, что царица не даст согласия на регентство князя Кирилла. Высокий, стройный, с холодными глазами, князь был крупнее царя, с несколько впалой грудью, что, впрочем, не портило его воинской осанки. Он давно принял свою судьбу второго царского сына без престола и царства и потому избрал другое применение сил и возможностей, решив завоевать славу первого донжуана в государстве Его величества своего брата.

И вдруг смерть все перевернула. Он, Кирилл, который и не надеялся на власть, пришел получить свою часть обязанностей и ответственности царя. Обременительно для человека, у которого сложились привычки, прямо противоположные будущим обязанностям. Стоя с Евдокией, Надеждой и ее мужем в комнате напротив синего кабинета, Кирилл с нетерпением ожидал выхода премьер-министра из приемной царицы. Филов должен был сообщить ее мнение о регентстве князя. Впервые в жизни Кирилл испытывал такое сильное волнение перед неизвестностью. Он всегда относился с пренебрежением к снохе, ему бы никогда и в голову не пришло, что придется ждать ее решения, от которого в известной мере зависит его место в управлении страной. Теперь он проверит ее благородство, в котором сильно сомневался.

* Стефан Стамболов был главой правительства Болгарии с 1887 по 1894 год.

Плохо, что проверять приходится по отношению к собственной персоне и в ущерб себе. Если бы это касалось кого-либо другого, Кирилл стоял бы в стороне и с насмешкой наблюдал бы за чужим волнением. Царица тянула с ответом, и это побудило его принять вид рассеянного и незаинтересованного человека. Еще утром он узнал о визите премьер-министра к царице и потому, чтобы не производить впечатления, будто чего-то во дворце ожидает, пригласил сюда своих сестер. Кирилл не сомневался, что речь пойдет о регентстве, хотя он предварительно и не говорил об этом с Богданом Филовым.

Все это напряженное время царица тоже терзалась. Если она не даст согласия, то вряд ли ее отказ повлияет на ход дела, но тогда Иоанна вступит в открытый конфликт с непорядочным человеком. Она чувствовала себя одинокой, всеми оставленной. Развигорову легко давать ей советы. Хорошо бы освободиться от некоторых людей, но их слишком много, чтобы она решилась на такой шаг. Это можно будет сделать, когда ее сын и законный царь Симеон достигнет совершеннолетия и сядет на отцовский трон. Тогда, используя свой опыт, мать нашептала бы ему, что делать и кого оставить, потому что знает это точно. А пока она вынуждена согласиться с Филовым.

Распорядившись привести маленького сына, царица долго смотрела в его синие невинные глаза. Дитя становилось царем, не поняв еще смысла этого слова, как не поняло оно смерти отца. Шести лет маловато, чтобы обрести мужество, дети остаются детьми независимо от их титулов. Ее мысли прервал шум за дверью. Прибыл царский фотограф сделать снимок престолонаследника и нынешнего царя. Две престарелые камеристки в вечных белых передниках пришли за царем. Одна из них принесла трехцветную ленту, перекинула ее через плечо мальчика и заколола концы тонкой булавкой. Симеончо был готов, но мать распорядилась снова причесать его. Фотограф долго кружил около царя: из-за страха и почтения не осмеливаясь высказать Симеончо самомалейшего пожелания, таскал тяжелый треножник то вперед, то назад. В конце концов он сунул голову в черный рукав, и вскоре все услышали: «Готово!..» Это «готово» было произнесено так привычно, что сам фотограф испугался его безликости и потому поспешно добавил: «Ваше Величество, Ваше Величество, готово!»

Фотоснимок к вечеру размножили, но царице он не понравился. Она поручила фотографу снова расставить треногий аппарат, чтобы сделать снимок по ее вкусу. На этот раз Симеончо был снят без трехцветной ленты, в полный рост — юный царь стоял прямо, в коротких панталончиках и белых чулочках. Мать

долго вглядывалась в снимок, прежде чем отправила его в придворную типографию для тиражирования.

Ее беспокоило, что, согласившись на регентство Кирилла, она не попросила за это у будущих регентов никакой компенсации и теперь нечем было обрадовать единственного преданного ей человека Константина Развигорова. Она вспомнила об этом, как только отослала фотопортрет сына в придворную типографию и распорядилась пригласить начальника царской канцелярии, чтобы передать будущему регентскому совету ее пожелание подумать о министерском портфеле для Константина Развигорова. «Они знают его способности и могут подобрать подходящее министерство», — сказала Иоанна.

Развигоров успокоился, когда узнал, что в качестве условия она выставила его кандидатуру на должность министра. Эта весть вернула ему хорошее настроение, и он даже рискнул напомнить, что по конституции князь не имеет права на место в регентском совете. Кроме того, согласно конституции три регента должны быть избраны Великим народным собранием...

— Что мне до этого, господин Развигоров, пусть сами управляются с делами, — сказала Иоанна. — Я никогда не была ни государственным человеком, ни политиком и не буду вмешиваться в управление. Я всего лишь женщина и озабоченная мать. От вас, добрый мой господин Развигоров, я хотела бы только одного — каким-либо образом обеспечить мне спокойствие, чтобы я могла воспитывать своих детей. И ничего больше...

9

Сентябрь испестрил леса, холод как бы незаметно накапливался в сырых долинах. Партизаны готовились к зиме. За операцией в Каменной Колибе последовала новая. Село, которое они атаковали, располагалось на равнине, и это затрудняло действия. Две группы опытных партизан вышли на поиски удобных укрытий, где они могли бы хранить муку, фасоль и картофель. В этом деле определились хорошие специалисты с опытом, и Дамян возложил руководство на одного из них — Добрина, кладовщика, как стали называть его товарищи. Группа Добрина состояла из шести самых крепких мужчин, которые могли нести на спине мешки с мукой. Дамян понимал, что зимовка в горах — нешуточное дело, и спешил создать запасы. Порой, вслушиваясь в легкое шуршание листвы, он с тревогой думал о приближающейся зиме. Нелегко ведь обеспечить и накормить сотню людей в пустынных горах, утонувших в снегу. Плохо придется партизанам, когда они начнут оставлять на снегу следы. Правители спешили понравиться немецким союзникам и непрестанно обещали им истребить партизан. Полицейские части тоже готовились к зиме, с нетерпением ожидая первого снега, чтобы двигаться уже не вслепую. Летом у полиции не было серьезных удач, и поэтому она надеялась на зиму.

Дамян приготовился к трудностям. Только человек, не испытавший вкуса ледяной изморози, облепляющей веки и лицо, может легкомысленно относиться к зиме в горах. По мнению командира, она была самым большим испытанием, которое их ожидало. Поэтому он удивился, когда прибывший к ним представитель руководства потребовал укрупнения отряда и мобилизации партийных и комсомольских кадров района. Это указание было категоричным, однако Дамян не побоялся возразить. Но, прежде чем высказать свое мнение, он позвал Велко, и они долго обсуждали явно непродуманное указание. Привлекать новых партизан в горы перед началом зимы безрассудно, ведь они придут без оружия или, в лучшем случае, с каким-нибудь ржавым пистолетом. Нужда в оружии даже острее, чем нужда в хлебе. Если у тебя есть хорошее оружие, то есть и шансы разминуться со смертью.

Уполномоченного окружного руководства возражения Дамяна и Велко не застигли врасплох. С Дамяном он был знаком давно, они вместе сидели в тюрьме, и потому разговор, несмотря на различие точек зрения, велся спокойно, дружески. Сам уполномоченный, похоже, не был твердо убежден в разумности решения и потому не слишком настаивал на его немедленном исполнении. Он лишь предупредил командование отряда, что у них могут возникнуть неприятности. Сюрприз Дамяну преподнес комиссар. Велко заявил уполномоченному, что не стоит беспокоить товарищей и сообщать об отказе подчиниться их распоряжению. Они еще с Дамяном подумают. Есть время... Этот неожиданный ход комиссара озадачил Дамяна. До сих пор они хорошо понимали друг друга, кроме того, они ведь вместе решили не исполнять указания, но малозаметное подмигивание Велко подсказало, что он решил схитрить. Дамян был прямой человек, не любил таких вещей, но сейчас посчитал благоразумным промолчать. Его молчание насторожило уполномоченного, и, когда они остались вдвоем с Дамяном, он сказал:

— Хитер твой комиссар...

— Как все, кто «воевал» с гирями...

— Почему с гирями?

— Потому что он долго работал весовщиком в «Витексе» и умеет точно взвешивать...

— Понимаю. — улыбнулся уполномоченный, — и я не убежден в правильности решения об общей мобилизации в такое

време. Это или ошибка, или... Но указание есть указание, и надо его выполнять...

Больше они об этом не разговаривали. Слово за слово добрались до проблемы зимовки. Стоял вопрос, зимовать ли всем в одном месте или устроить отдельные лагеря для каждой группы. Дамяну казалось, что второй вариант лучше. Большое скопление людей, притом плохо вооруженных, создавало опасность легкого раскрытия и ликвидации. По опыту он знал: когда их было мало, то легче удавалось проникать на равнину и находить укрытие, и ятаки встречали их более радушно. В прошлом году они выходили с Велко вдвоем, — к тому времени еще не началась Сталинградская битва, — и верные люди принимали их с большой охотой. Потом, к весне, когда число партизан в лесах увеличилось, ятаки стали опасаться, что большая группа не пройдет незамеченной. В первую зиму им пришлось очень рано покинуть укрытие в доме Марии Тошевой. Горные буковые леса еще как следует не покрылись листвой. Причиной преждевременного ухода была маленькая дочь хозяйки. Она случайно застала Велко в доме, когда он вышел из укрытия глотнуть свежего воздуха. Обычно в это время девочка находилась в школе, но в тот день пришла пораньше. Ничего не знавшая о присутствии чужих, девочка испугалась, выбежала на улицу и стала громко кричать.

Велко не успел вовремя остановить ее, и потому пришлось быстро покинуть укрытие. Вначале они спрятались на сеновале, подождали наступления темноты и затем, ни к кому более не обращаясь, ушли в лес. Весна была холодной и дождливой. Хорошо, что в кухне нашлось две бурки хозяина, они спасли их в плохую погоду. Через несколько дней им удалось выйти на другого ятака в соседнем селе. Он был рекомендован окружным партийным руководством. Они его тоже знали, но испытывали к нему какое-то странное недоверие, поэтому старались не пользоваться его услугами. Однако двухдневные проливные дожди, обрушившиеся на них в лесу, неподалеку от села, вынудили искать укрытия, чтобы пообсохнуть. Дамян и Велко застали его в саду. Когда подошли, он растерялся и долго не мог дать ответ. Но, придя в себя, бросился в другую крайность, удивив их своей решительностью. Он предложил отвести их прямо в дом. Печь-де уже топилась, еда готова и все хорошо, словно и не было рядом соседей, словно и не существовало полиции, словно они приглашенные на свадьбу, приехавшие на белых конях, с шумом и стрельбой, с пестрыми полотенцами через плечо. Хозяин якобы давно их ждал, и пусть гости не поддаются впечатлению, будто он растерялся. В первый момент просто не признал их, в мокрых бурках, с бородами. Запоздалая словоохотливость им тоже не понравилась, а потому друзья предпочли не входить в дом, а остаться на сеновале. Несколько раз хозяин настаивал на том, чтобы принести им еду, но они его не отпускали. Лишь когда стемнело, Дамян и Велко согласились пойти на кухню. Жена хозяина уже легла спать, дети тоже. Они спокойно просидели там некоторое время, пообсушились, перекусили сухой, как известь, брынзой, а когда дождь перестал, поспешили уйти. Якобы уйти. Расставшись с хозяином у плетня, подождали, пока он уйдет, потом завернули за гумно, а оттуда снова перебрались на сеновал. Наверху в соломе забились в темный угол и, сменяя друг друга, попытались поспать, чтобы утром быть бодрыми и выдержать до следующей ночи, когда они хотели уйти из села. Их хитрость, вызванная нерасположением к ятаку, принесла хорошие плоды. До обеда хозяин ни разу не появился на гумне. Его жена дважды приходила за сеном для скота, и они привыкли к резкому скрипу рассохшихся ворот. Поэтому, когда ворота заскрипели снова, это не произвело на них должного впечатления. Их поразили голоса, мужские, грубоватые, сиплые. Один из вошедших так цветисто ругался, что они не смогли сдержать улыбки. Этот матерщинник поглядел на сено, заглянул за высокий гребень соломы и сказал в нетерпении:

— И всего двое их было? Ибахмамамудайбах...

— Только двое, — услышали голос хозяина.

— Как же мы их упустили! — заохал другой.

— А ты сидишь, и они не отпускают тебя помочиться, ибахмамамудайбах...

— Какое там помочиться... Без них никуда... я хотел было пойти за едой, чтобы послать жену сказать вам, что они здесь...

— Эх, какие деньги могли получить! Ибахмамамудайбах...

Разговор становился интересным. Говорили о них, без шуток.

— Здесь, на соломе, сидели, один с одной стороны от меня, другой — с другой...

— Они не должны от нас улизнуть! — как-то назидательно сказал сиплый голос.

— Не должны, не должны, но пока что смылись, ибахмамамудайбах!..

Когда снова заскрипели ворота и трое ушли, Велко снял палец со спускового крючка. Услышанное не нуждалось в пояснениях. Каждый переживал случай по-своему, но их мысли вертелись вокруг одного: надо предупредить товарищей. Подлец он, этот ятак. На недоброго человека попали, хотя в молодости он был арестован за левые убеждения. Глядя в темноту сеновала, слушая шорохи, звук древоточца, оба думали о неприятных не-

ожиданностях на своем пути, о том, как они пытались их предвидеть и избежать. Этот случай был весьма красноречивым. Когда они поняли, что за люди вошли в сарай, то готовы были встретить их, как подобает, однако, проявив выдержку, подождали. И хорошо сделали: узнали тайну. Они спасут жизнь другим товарищам, предупредят. Оба были счастливы оттого, что перехитрили смерть, и Дамян с присущим ему юмором не преминул сказать шепотом:

— Ибахмамамудайбах!..

10

Хотя прошла целая неделя после встречи с доктором Делиусом, немецкий посол Бекерле все еще находился под впечатлением разговора. Делиус объяснил ему все так, как он и предполагал: слухи о насильственной смерти царя — пропаганда коммунистов и англичан. В этом не было ничего нового, новое прозвучало в рассуждениях о болгарском характере. По мнению Делиуса, этот народ имел странную склонность жалеть даже самых больших своих врагов, но когда их уже нет в живых. Случай с царем — самый красноречивый. При его жизни все думали о нем плохо, даже устраивали на него покушения, а теперь готовы снять с него почти всякую вину, изобразить жертвой и даже возвеличить. По мнению Делиуса, этим болгарский народ, наверное, обязан своему прежнему величию. Только великие державы и великие нации позволяют себе быть снисходительными к поверженным врагам.

Судя по словам Делиуса, царь был врагом собственного народа. Бекерле воздержался от спора, потому что вряд ли доктор Делиус в самом деле так думал. Борис, болгарский царь, их союзник, лояльно выполнял свои обязательства. Сколько обещаний о поддержке он получал от России, сколько соблазнов исходило от Англии и Франции, но, как и его отец, он остался верен старой дружбе и немецкой крови.

Полная осведомленность Делиуса пугала Бекерле все больше и больше. У посла не имелось личных тайн, используя которые можно было дискредитировать его перед начальством, однако под взглядом Делиуса Бекерле чувствовал себя неудобно. И смертный приговор, которого он избежал в тридцать четвертом году, побуждал его быть бдительным.

С этими мыслями Бекерле спускался по ступенькам, чтобы сделать еще один трудный визит, обязательный по дипломатическому протоколу. В десять часов ему надо быть у господина премьер-министра Филова и передать личные соболезнования по случаю великого несчастья.

Филов ожидал его в обитом зеленой материей кабинете. Несмотря на утреннее время, премьер-министр выглядел утомленным. Утром они перенесли для воздания почестей тело умершего царя из дворца в храм «Александр Невский». Гроб несли на руках между шпалерами гвардейцев. За телом шли только царица, Кирилл, Евдокия, из министров — он и Михов, а за ними — дворцовые служащие.

Визит Бекерле имел и другую цель: хотелось понять, что думает Филов о предстоящем развитии событий. После выражения соболезнования оба перешли на соседний диван, за столик с коньяком. Филов хотел услышать советы, как поступить с поднимающей голову легальной оппозицией во главе с Мушановым*, полагая, что смерть царя породила очень много надежд, особенно у тех, кто против дружбы с рейхом...

— Мы верим в вас, господин Филов. Я говорю это также по поручению фюрера, — поспешил подчеркнуть Бекерле, приподняв рюмку с коньяком. — Но вы вспомнили лишь о легальной оппозиции, а что же нелегальная?..

— Для нелегальной остаются все те же средства, господин министр...

— Постарайтесь и для легальной оставить прежние...

— С легальной дела обстоят несколько иначе...

— И в чем же их специфика, господин премьер?

— В невозможности объединения...

— Вы, господин Филов, настолько умны, что для вас нет невозможного... — и когда они оба встали, добавил: — И не забывайте, что мы стоим за вами со всей своей духовной и военной силой. Лично фюрер уполномочил меня сказать вам это. Вы пользуетесь его высоким доверием...

Это категоричное заверение на мгновение прогнало усталость с лица Филова. Он крепко и долго пожимал руку Бекерле. Они расстались как друзья и единомышленники.

Иначе проходил визит к князю Кириллу. Как только речь зашла о большой утрате для болгар их царя, друга фюрера и рейха, губы князя задрожали, глаза наполнились слезами, и он прикрыл их ладонью, пытаясь утаить эту неожиданную слабость. Бекерле пришлось прервать свое хорошо продуманное слово и подождать, когда спокойствие вернется к брату почившего. Бекерле в знак дружбы и сочувствия положил свою руку Кириллу на плечо. Однако разговор — тот, ради которого пришел не-

* Лидер буржуазно-демократической оппозиции, был министром без портфеля в правительстве Муравиева (2—10 сентября 1944 г.).

мецкий посол, — не состоялся. Бекерле хотел сказать князю, что их общие враги постараются разъединить их и что на это необходимо отвечать еще большим стремлением к единству в борьбе за новый порядок.

Вернувшись в посольство, Бекерле погрузился в повседневную работу: телеграммы, встречи, решения.

11

Место зимовки искали упорно и — насколько это позволяла обстановка — спокойно. Командиры хотели найти место, скрытое от глаз, солнечное и сухое, но расположенное недалеко от поселений. Уже остановили свой выбор на трех объектах, но еще не утвердили его окончательно. Кто-то из помощников предложил подумать и о равнине. Густые заросли акаций, дубовые рощи холмистых предгорий могли оказаться полезными. Эта мысль надолго приковала внимание командира и комиссара. Во-первых, никто не додумается, что они покинули горы и расположились под носом у врага. Фраза «под носом у врага» прибавила им дерзости. Недалеко от шоссе, которое вело в большой город, разместился какой-то немецкий склад. Он занимал обширную площадь, поросшую молодой дубовой рощей, обнесенной высокой проволочной оградой. Столбы были из цемента, с верхним концом, изогнутым вовне, так что через ограду не перелезешь. Дамян очень хорошо знал эту местность. Обдумывая все известное ему о немецком складе, Дамян вспомнил, что там помещалась будка путевого сторожа. Она стояла на берегу небольшой, во глубокой речушки, рядом со старой оградой. Командир имел привычку наглядно представлять себе то, о чем думал. И сейчас чертил тонким прутом схему местоположения склада. Там, где речка вытекала из-под ограды, начинался молодой, густой сосняк, постепенно переходивший в придеревенские рощицы. Они спускались по оврагу, который приводил к руслу каменной чешмы*. Место не на самом солнцепеке, но сухое и недалеко от воды — от реки и чешмы. Чешма, правда, значительно дальше, но на крайний случай всегда под рукой снег.

Все было бы хорошо, но Дамян ничего не знал о немцах. Не теряя времени, три рабочие группы разошлись по местам, чтобы приступить к постройке землянок с двумя выходами на случай неожиданных осложнений. Когда работа закипела, Дамян позвал комиссара:

— Я с кладовщиком пойду посмотрю место около немецкого

* Чешма — (здесь) родник, заключенный в трубу и обустроенный как водоразборная колонка (каменная кладка, кран).

склада... Жди меня тут или, если придется передвинуться, — под Медвежьим ухом...

Они вернулись через неделю. Судя по всему, склад был базой горючего. Огромные цистерны, прикрытые землей, цистерны-грузовики под зелено-кофейными полотнищами, частые рейсы грузовиков с цистернами — все свидетельствовало о важной базе нефти и бензина. И охрана была сильной.

Дамян и его спутник подползли к ограде от сосняка и оставались там до захода солнца. Днем передвигаться было опасно, но ночью все менялось. Сосновый лес был почти непроглядеп: чащоба — пройдешь рядом и не заметишь того, кто спрятался.

Наблюдая за немцами, за сменой постов и жизнью на базе, Дамян и его спутник оценивали местность, обдумывали подступы к будущему партизанскому лагерю. В самом центре леса возвышался довольно протяженный холм, поросший густым сосняком. У подножия холма, за черной стеной леса, можно сделать первый лаз с выходом в сухой овражек у самой речки. Отоспавшись, Дамян и кладовщик подробно познакомили комиссара с местоположением нового лагеря. Землянка должна иметь форму эллипса с одной короткой и одной длинной дорожкой — входом и выходом. Недалеко от нее предполагалось построить вторую, поменьше, поблизости от проволочной ограды с видом на немецкую базу.

На следующий день Дамян распорядился послать туда Архитектора с его парнями, чтобы они подготовили новый зимний лагерь, но им помешали донесения постовых. Какая-то полицейская часть появилась на противоположном горном хребте. Сейчас она, наверное, уже внизу, недалеко от их местонахождения. Командир приказал одной группе хорошо вооруженных партизан под началом Велко остаться наверху, а другим приготовиться к отходу. Он намеревался отвлечь внимание полицейских как можно дальше от мест зимовки.

Группа комиссара приняла огонь на себя и не отступала. Надо было подольше задержать атакующих, чтобы товарищи могли уйти подальше. Полицейские, опасаясь за свою жизнь, начали медленно отступать в том же направлении, откуда пришли. Велко заинтересовал полицейский, оставленный отступающими и лежавший в двадцати метрах: лицом вниз, с вытянутыми перед собой руками. Фуражка с синим околышем при падении отлетела в сторону и болталась на кусте. Парни из группы Велко продолжали стрелять по отставшим полицейским. Те, кто дошел до противоположного хребта, снова залегли и открыли огонь по партизанам. Ввизу, в долине, они почувствовали себя чуть ли не

окруженными, но теперь, поняв, что у них за спиной нет врага, снова укрепились.

В сущности, в крутых, таинственных горах трудно разобраться, есть у тебя сзади противник или нет. Важно удержать за собой высоту. Когда они отправились искать партизан, их капитан Бырзоречки надеялся, что получит подкрепление, но никто не пришел. Капитан впервые участвовал в горном бою, и ему казалось, что по ним стреляют со всех сторон. Это смятение не замедлило дать свои результаты. Приказ об отступлении был столь поспешен, что они не осмелились подобрать труп фельдфебеля. Теперь капитан приказал лучшим стрелкам не спускать с него глаз. Он надеялся, что партизаны соблазнятся винтовкой и пистолетом фельдфебеля. Стрелки долго лежали, готовые к выстрелу, но никто не появлялся.

Комиссар выждал, пока они уйдут, и медленно спустился в долину...

12

Был прохладный сентябрьский вечер. После тяжелой жары легкий ветерок повеял со стороны Владайского ущелья и оживил покрытые пылью деревья, увядшую листву. Прежде чем пришли сумерки, ярко освещенный гребень горы Люлин долго пламенел, словно погруженный в преисподнюю, где была кузница сатаны. Развигоров давно не выходил на широкую террасу с геранью и фуксией. От непрестанных волнений в связи со смертью царя у него не оставалось времени посидеть с женой, расспросить о дочерях, потолковать о жизни.

Константин любил свой уютный, просторный дом. Первый этаж был занят под контору, библиотеку и его рабочий кабинет, на втором находился салон для гостей с маленьким баром в углу и дверью в боковую кухню. Наверху размещались спальни всех членов семьи. В сущности, из семьи тут остались они с женой и две дочери.

Старший сын, Михаил Развигоров, получивший высшее образование в Кембридже, уже завоевал репутацию хорошего преподавателя в университете. Он всегда отличался прилежностью, точностью и не доставлял никаких забот. Одно не нравилось отцу: Михаил был страстным англофилом. Сын, правда, не намеревался делать карьеру, опираясь на англофильство, но оно давало ему силы иронизировать над германским нацизмом, Гитлером и особенно над итальянским дуче. Когда-то кто-то сказал: если хочешь проиграть войну, возьми в союзники Италию. Михаил шел дальше — он позволял себе шутить даже над короной, которая не только заключила с Италией союз, но и установила законные родственные отношения через царицу. И всегда, когда они оставались вдвоем с отцом, начинался утомительный спор о политике. Отец утверждал, что все несчастья для Болгарии шли от Англии, а сын — что от Германии, ибо правительство больше верило в мнимую немецкую военную стойкость, чем в английскую долговременную дипломатию. Спор возник давно, и конца ему не было видно.

С тех пор как Михаил женился и обосновался в своем доме, отец почувствовал, что ему не хватает сына, ведь их споры нацеливались на поиски истины. В дискуссиях с сыном Константин был резок, категоричен, но когда требовалось дать совет знакомым, многие из доводов Михаила побуждали его быть осторожным, мягким и деликатным. От Бориса, младшего сына, он не мог получить ничего. Этот всегда был на его стороне и почти всегда говорил готовыми фразами, повторяя чужие мысли. Константин Развигоров не надеялся на него. В свое время хотел выучить Бориса на инженера, так как задумал построить цементный завод, но сын поступил в Военное училище имени Его величества царя... Этот выбор на какое-то время огорчил отца, но ничего не поделаешь, ведь молодой офицер опирался на его собственные слова о том, что Болгария стала бедна доблестными защитниками. И теперь Борис говорил ему: «Если сыновья первых лиц в стране не защитят государства, кто же тогда это сделает?»

Младшего Развигорова назвали в честь царя, так, по крайней мере, ему говорили, хотя в свое время подобное никому даже в голову не приходило. Его дядя Борис, имя которого он получил по настоянию бабушки Александры, был неудачником в жизни.

Всякий раз, как Константин Развигоров задумывался над поступками брата, он окунался в прошлое. В их роду была и другая черная овца. Самый младший сын старого габровца чорбаджи Косю также изменил общепринятой практичности: Гатю Развигоров уехал учиться философии в Германию, а вернувшись домой, вдруг отказался от предложенной ему должности учителя и принялся писать стихи, рассказы и романы. Стал проповедовать самые модные литературные течения, заимствованные в западных странах. Его имя прогремело. Не было литературного журнала, который хоть что-то не напечатал бы о Гатю — либо похвальное, либо критическое.

В молодые годы Константин Развигоров слушал, как дядя говорил о своих литературных симпатиях, но, будучи практичным человеком с сильно развитой габровской жилкой, не видел пользы от литературных занятий. Творчество дяди, Гатю Развигорова, ничем не содействовало правовой и финансовой деятель-

ности Константина, и поэтому он даже не хотел с ним встречаться. О развитии этой ветви рода Константин Развигоров получал сведения из третьих рук. Так, например, он знал детей Гатю, но не ведал, какое они получили образование и что делают. Недавно в случайно попавшемся журнале увидел под какой-то неясной картиной: «Василий Развигоров» — и спросил Михаила:

— Кто это?

— Не стал ли ты коллекционером? — пошутил Михаил.

— Коллекционером? Глупости!..

— Это один шумно известный молодой художник...

— Есть ли у него что-нибудь общее с нами?

— Есть, он сын писателя...

— Смотри-ка, каков...

— В каком смысле «каков»?

— Да так...

Отец уже хотел сказать — каков дурак, но вовремя сдержался. Он вспомнил анекдот, который бытовал в их семейном кругу. Когда старый чорбаджи Косю понял, что Гатю изменил призванию и начал писать книги, то спросил:

— Ладно, но где у него книжная лавка?

Константин Развигоров затруднялся признать рисование серьезным занятием. Однако родовая ветвь, которая плодит людей, витающих в облаках, продолжала развиваться, не считаясь с его мнением. Наблюдая за формированием своих детей, он опасался за младшую, Диану. Она ходила по этой земле с отсутствующим видом. Ее мир был построен на фантасмагориях таких людей, как его дядя и Василий Развигоров... В сущности, чего он хочет от девочки? В немецкой гимназии ее только хвалят, домой приносит отличные оценки... Старшая доставляет куда больше забот.

Словно нет уже сыновей в знатных болгарских семействах — вцепилась в этого немецкого офицера. Верно, он из богатого благородного рода, но ведь иностранец! Александра не только получила имя в честь бабушки, но и унаследовала ее слабости. Эрих фон Браувич! Фон! Больщо-о-е дело. Впрочем, сколько фальшивых титулов знает человечество, одним больше, одним меньше — не суть важно... И все же офицером по специальным поручениям не всякий становится! Нужно и благородство, и доверие. А этот потому и прикреплен к немецкому командованию... Молодой человек неплох, но, как ни говори, все же чужая кровь, чужой воин... Борис поступил бы хорошо, если б не приводил его в дом, но раз уж так повелось... Человек не может избежать ни славы, ни позора, как было сказано кем-то из великих...

Они направились в Острую долину. Все прошло хорошо, не считая легкой раны Добрина в руку. Молодому партизану трудно было признаться, что при виде собственной крови на рукаве он почувствовал себя плохо и, забыв обо всех и обо всем, уткнулся головой в камень, — и тут холод вернул ему чувство реальности. Добрин толкнул товарища и показал, что ранен. После первого испуга он пришел в возбуждение, которое долго держало его в приподнятом состоянии духа, вызванном радостным чувством, что разминулся со смертью.

Дамян очень хорошо понимал Добрина. Так они с Велко чувствовали себя, когда ушли целыми и невредимыми из сенника ятака. Это странное происшествие часто вспоминалось, и каждый по-своему толковал свои переживания. Командир до сих пор не может забыть, каким белым стало лицо комиссара, который, в свою очередь, говорил, что лицо Дамяна светилось, как пшеничная солома. Неважно, главное — они спаслись. И когда в темноте ехали по сельским лугам, то испытывали странный душевный подъем. И как ни старались его скрыть, он давал о себе знать в любом слове, произнесенном шепотом, в любом жесте. Тяжелые бурки высохли, полегчали, и шаг стал более спорым. Когда они достигли родных гор, то сразу же почувствовали себя дома. Тропинка вела вверх, к заброшенной часовенке, где партизаны часто останавливались, чтобы отдохнуть. За амвоном лежала широкая доска, которая служила им кроватью. Обычно чередовались: пока один спал, второй стоял на часах. И в тот раз они двинулись к часовенке.

Хорошо, что Велко споткнулся о корень и упал. Это вызвало шум, и три выстрела, один за другим, раздались в ночи. Они нарвались на засаду. Залегли, слушая приглушенный разговор. Те спорили: один утверждал, что какое-то животное перебежало через тропинку, другой — будто видел человека. Чтобы не было сомнений, они выпустили еще три пули, которые ударились о камень на тропинке, и искры брызнули рядом с головой Дамяна. Тогда Велко вскочил и дал по голосам очередь из автомата. Из часовенки ответили тем же. Им повезло, что тропинка в этом месте круто поворачивала. Помогли и толстые деревья, защищавшие от пуль. Так они вторично спаслись. Их не решились преследовать в темноте.

И сегодня Велко не может объяснить, зачем ему потребовалось разрядить в темноту целый магазин. Без выстрелов они отошли бы совершенно незаметно. Дамяну причина была ясна. Этот всплеск гнева и безрассудства — следствие возбужденного со-

стояния после того, как удачно избежали первой ловушки. Воспоминание о ятаке имело и свой конец, — не очень приятный, но суровая реальность создавала и такие ситуации, которые потом на всю жизнь оставались в памяти.

О предателе предупредили окружное партийное руководство, но товарищи им не поверили. И это неверие было оплачено человеческой жизнью. Один из нелегальных партийных работников воспользовался услугами того ятака, но по дороге в соседнее село его застрелили из засады. Ятак, понятно, спасся и живым-здоровым вернулся домой. Эта смерть подтвердила первое подозрение, и партизаны вынесли приговор — ликвидировать ятака. Тогда спецотряд еще не был создан, и поручение пришлось выполнять Дамяну и Велко. Поздним апрельским вечером они осторожно постучали в окно. Когда он узнал пришельцев, то поспешил открыть и пригласил войти, но они отказались, попросив показать дорогу к соседнему селу, где им надо найти некоего Бодуру, рекомендованного в качестве связного. Ятак должен отвести их в село, где они останутся у Бодуры дня два-три, а сам пусть вернется домой в тот же вечер. Эти слова его успокоили.

Одевшись, хозяин взял и пистолет, похвалился, что купил его у деревенского сборщика налогов: наш человек, сказал он. Сопро-

вождая их, все время старался идти сзади, но они пропустили его вперед. Когда приблизились к лесу между двумя селами, Дамян остановился:

— Слушай!..

— Что? — встрепенулся тот.

— Отсюда и дальше мы дорогу знаем... Можешь возвращаться...

— Почему? Я приведу вас к Бодуре... Не могу я оставить вас посреди дороги... Завтра товарищи спросят с меня, если с вами что случится... Я пойду с вами!

Ясно, он хотел знать, где они остановятся.

— Хорошо! Тогда иди...

И он пошел. Его застрелили почти в упор. Предатель не успел вытащить оружие. Труп оставили в лесу, на дороге, взяв пистолет, хороший, довоенной марки. В карманах у итака нашли две пригоршни патронов, словно он отправлялся на бой с врагами. Стоит только закрыть глаза — и Дамян видит его лежащим поперек дороги. Первая человеческая смерть на счету Дамяна и Велко. Они стреляли оба, чтобы разделить ответственность перед будущим и перед своей совестью. Они не договаривались об этом заранее, но ведь преследовали их обоих, и у них была общая судьба. Время!..

Дамян подошел к раненому Добрину, осмотрел повязку и отечески похлопал его по плечу.

— Ничего... Все пройдет!

— Пройдет... — сказал Добрин, но в его голосе командир уловил жалость к самому себе. Он был как-то чрезмерно чувствителен... Ясно, парень боялся за себя. Дамян хотел присоединить его к группе хозяйственников, но теперь пришлось отказаться. Там предстояла тяжелая работа. Внизу, в старом лесном хозяйстве, осталось много нарубленных дров. Часть их сгнила, но коечто еще можно использовать. Это облегчит работу заготовительной группы. Не надо будет рубить в лесу. Землю из сухого оврага сбросят в речушку. Да, дело устраивалось неплохо. И все же очень рискованный шаг — лагерь под носом у врага.

14

Сорокадневный траур по случаю смерти царя помешал семейству Развигоровых повеселиться, как всегда. По традиции 21 сентября вся семья вместе с приглашенными гостями собиралась у богатого стола. Большой дом наполнялся смехом молодых, друзей и подруг дочерей и сыновей, пришедших почтить Константина Развигорова. После превосходного ужина старшее поколение обыкновенно уходило на первый этаж, а молодежь оставалась

потанцевать под граммофон. В этот день никто, ни дети, ни их товарищи, не соблюдали часы учебы. Некоторые даже не знали, что отмечают день рождения старшего Развигорова, а он не хотел напоминать. Он принадлежал к людям, которые больше чтут именины.. Праздник святых Константина и Елены, который приходился на время плодоношения черешни, волновал его больше, чем постоянное напоминание о прошедших годах. У Развигорова не было причин печалиться. Время щедро благоволило к нему, хуже, что с каждым годом становилось все меньше желаний и радостей и все больше морщин.

Сегодня за столом сидели только его жена, Михаил с Христиной, Борис, затянутый в новый офицерский китель, Александра и Диана, в больших глазах которой затаилась какая-то печаль. Эта девушка и радовала, и пугала старшего Развигорова, в ней было что-то неземное, хрупкое, непригодное для сурового мира. Старшая дочь совсем другая: никого не слушает, никого ни о чем не спрашивает.

Константин взял хрустальный бокал с красным вином и по обычаю встал:

— Ну, я как старший пожелаю вам здоровья, а себе — дожить до внуков и правнуков, — сказав это, поглядел на сноху, которая располнела в талии, и улыбнулся. — В будущем году появится у нас новое имя...

Доброе напутствие побудило всех посмотреть на Христину. Она думала, что ее необычное состояние еще не заметно, и потому смутилась. Ее рука скользнула со стола на колени.

— Опозорил сноху! — полушутя-полусерьезно заметила жена.

Развигоров, не обратив внимания на ее замечание, протянул руку, чокнулся вначале с сыновьями, потом со снохой и женой и лишь затем повернулся к дочерям. Меньшая покраснела от его намека, казалось, она куда-то всматривается; старшая опрокинула бокал одним махом, похоже, отношения между мужчиной и женщиной известны ей до отвращения. Отец почувствовал, как горькая догадка разбередила душу: если б не этот немец... Овладев собой, он примирительно сказал:

— Хорошо бы нам встречаться почаще. Вы растете, живете своей жизнью и нас как-то забываете... Но вы видите, что мы с матерью от вас не отходим... И не отойдем... Родной корень...

Константин Развигоров выпил, а когда сел, вдруг подумал, что его пожелания были какими-то старческими, и испугался самого себя.

Пили и ели в полном молчании. Время от времени отец пытался шутить, но шутки как-то угасали. Когда трое мужчин ушли в кабинет на нижнем этаже, Константин Развигоров сказал:

— Дело серьезное... Ее величество царица предложила мне пост министра в новом кабинете...

— Предложила или это уже предрешено? — сверкнули глаза Бориса.

— Я думаю, не стоит пренебрегать ее словом.

— Только бы поскорее. — Сын встал, походил по просторному кабинету и снова сел. — Министр Константин Развигоров! Неплохо звучит! Сын министра Развигорова — тоже. Лишь бы поскорее!..

— А что думаешь ты? — спросил Константин старшего.

— Если речь обо мне, то я против...

— Ты против? Почему?.. — нахмурил темные брови Борис. — Боишься рассердить своих английских друзей?..

Михаил вздохнул.

— Вопрос судьбоносный, и его нельзя обсуждать в таком тоне. Дело касается чести семейства Развигоровых, старой фамилии, которая никогда не увлекалась внешней, парадной стороной, а интересовалась сутью. В математике есть задачи со многими неизвестными, и я думаю, что сейчас перед нами стоит именно такая задача, когда неизвестных столько, что они уничтожают известные...

— Байки рационалиста...

— Хорошо, рационалиста, но не поверхностного оптимиста, — парировал Михаил.

— Или недозрелого коммуниста, — вставил Борис, на что тот не отреагировал.

Не впервые пытался младший брат уязвить старшего таким образом. Братья жены Михаила — известные коммунисты, и Борис не упускал случая напомнить об этом. В свое время, когда Михаил захотел жениться на Христине, отец долго его разубеждал. Специально послал человека, чтобы выяснить, из какой семьи происходит невеста, и к его ужасу оказалось, что она из учительской семьи, в которой двое сыновей — коммунисты и одна дочь неопределенных политических взглядов. Может ли эта девочка неясного образа мыслей, студентка третьего курса математического факультета, стать его снохой! Константин Развигоров решил упорно сопротивляться подобной женитьбе, но как только он увидел ее, махнул рукой, словно уже завершил сделку. Ее красота была такой, что он размяк. Глядя на Христину, порадовался вкусу своего сына, математика и финансиста. У девушки не было недостатков — большие глаза, зеленые, словно лист нежной герани, волосы темные, густые, руки бледные, с длинными пальцами потомственной аристократки, и кожа на лице без излишнего простоватого румянца. Она неглупа, хотя он сам

предпочитал иметь дело скорее с глупыми женщинами, чем с красивыми и умными. Его жена была красивой, но недалекой, или он внушил себе это, чтобы быть спокойнее. Она происходила из знатного рода. Приданое — акции в казанлыкской розоварне, большой доходный дом, недвижимость около реки Золотая Панега — две рентабельные водяные мельницы. Сноха же, кроме красоты и доброго чувства к сыну, ничего не прибавила к имуществу Развигоровых. Ее отец, с которым они в первый и последний раз виделись на свадьбе, показался ему достаточно сдержанным человеком, начитанным, с чувством юмора. Такой юмор производил впечатление на Константина Развигорова, но ненадолго. Острословы представлялись ему легкими бабочками. Юмор свата особенный, острый, отличался утонченностью. Развигоров был невысокого мнения о болгарских учителях, считая их или глупыми идеалистами, или грубыми материалистами, которые часто остаются на умственном уровне, близком к уровню своих воспитанников. Этот показался ему иным, на том и закончились наблюдения Константина Развигорова. С тех пор они не виделись и не разговаривали друг с другом. Он надеялся, что свату понадобится от чего какая-либо услуга, но тот, похоже, не имел намерения дружить.

Развигоров был недалек от истины. Отец Христины вначале склонялся к тому, чтобы осудить дочь за такой шаг, но поведение Михаила произвело на него хорошее впечатление, и он решил, что зять не относится к маменькиным сынкам. Михаил показался ему трудолюбивым, чуждым суетности и гордыни, но вместе с тем гордым, независимым человеком. Совершенный тип кабинетного ученого с врожденным чувством справедливости и верным взглядом на политическую конъюнктуру, он был привязан ко всему английскому, не слепо, не ради какого-то вызова, а потому, что уловил вековой, прочный порядок этой страны, так же, как и упорное стремление англичанина оберегать все свое — обычаи, семейный и государственный порядок. Нелегко побудить англичанина выйти за рамки умственного стереотипа, ведь он придерживается испытанного и проверенного, глупо не рискует.

Для Михаила Развигорова это стало законом и в его науке — вести поиск неизвестного на базе известного, понятого. Немцы с их сентиментальной жестокостью и глупой самоуверенностью не вызывали у него симпатии. Расовые теории были ему противны, а желание нацистов подчинить себе весь мир он считал признаком сумасшествия. Не придерживаясь никакой строгой идеологической позиции, он судил о вещах в соответствии со своими личными наблюдениями и предпочтениями, исходя из чувства справедливости. На Советскую Россию смотрел со смешанным чувством преклонения, граничащего с искренним, необъяснимым страхом. С детских лет наслушался от людей, боявшихся коммунизма, много всякого и потому неосознанно воспринял их взгляд: лучше подальше от комиссаров...

Для Михаила мир теорем, чисел и гипотез был настолько интересен, что он не хотел менять его ни на какой другой. Считая стремление к власти глупостью или, лучше сказать, пламенем, в котором сгорали иллюзии многих людей, он видел, что история полна тиранов или неудачников, ищущих власти. Противовесом подобным устремлениям был труд. Труд любой, везде и всюду. Много раз спорил сын с отцом о его царедворских радостях. Отчасти и по этой причине Развигоров-старший не стал штатным царским советником. Помог тут и банкир Буров, имевший богатый жизненный опыт и любивший отца, хотя тот и не был англофилом.

В сущности, старый Развигоров не был и германофилом, потому что ничем легко не увлекался. В нем сохранилось что-то очень специфическое от родового корня, какая-то габровская закваска, и он держался всегда на виду, но не принимал строго определенной окраски.

Новость, которую старый Развигоров сообщил им в свой день рождения, сбила всех с толку. Неясно, куда идет дело. Немцы постоянно отступали. Итальянцы вышли из игры, а он думал стать министром. Михаил закурил сигару, затянулся и выпустил дым.

— Если хочешь опозориться на старости лет, становись министром.

— А почему бы нет? — усмехнулся Борис.

— Чтобы потом не полететь вниз головой, — предостерег Михаил.

— И кто же сбросит отца? — язвительно поинтересовался Борис.

— Те, кто скоро победит...

— Уж не англичане ли?

— И англичане...

— Хе!

— Ладно, ладно... хватит! — поспешил вмешаться отец.

Он осознал истину в словах Михаила, но желание стать министром все еще держало его в своей власти. Если ему дадут министерство финансов, он согласится, иначе овчинка выделки не стоит. Время такое неясное, неизвестно, кто будет со щитом, кто на щите. По крайней мере, если придется с кем-то делить вину, то пусть она хотя бы будет подслащена и предварительно искуплена... Если он получит министерство финансов, провернет вы-

годные дела, то потом подумает о других вещах. Но, несмотря на что, слова Михаила испортили ему хорошее настроение, ибо были они правдивы.

15

Куда идет Болгария? Этот вопрос в последнее время не покидал ни Георгия Димитрова, ни его друзей.

Куда идет Болгария? Димитров решил быть полностью откровенным. Его статья, напечатанная под таким заглавием в газете «Правда», давала на это ответ, ясный и для друзей, и для врагов. Он предупреждал, предлагал выход, клеймил. Его слово было тяжелым от тревог и забот. «Сегодня перед Болгарией два пути — продолжать плыть в фарватере Германии или порвать с Германией и вести свою самостоятельную национальную политику». Большой вопрос может быть решен только здоровыми силами, народом, армией и в благоприятной политической обстановке.

Димитров верил, что такие силы найдутся в стране, которая в прошлом первой поднялась на антифашистское восстание. И он вспомнил о тех днях упорной борьбы. Каких только хитростей не напридумывает болгарин! Он вспомнил, как шофер перекрасил машину, чтобы сбить с толку агентов и полицию. Исстрадавшийся народ поднялся на борьбу за свои права, осознав жестокую суть фашизма. И бился достойно. С обыкновенными ружьями, с одним орудием он создал бессмертную поэму о себе.

Такой народ нельзя удержать в рабстве. Георгий Димитров долго просматривал статью. Он находил места, где ему хотелось бы выразиться еще острее, но и то, что сказано, било куда требовалось...

Увидев жену в дверях кабинета, Димитров встал из-за стола и пошел навстречу. Роза, работая медицинской сестрой в Русаковской больнице, сегодня отпросилась ненадолго, потому что они договорились посетить Новодевичье кладбище, где был похоронен Митя. Димитров вновь вспомнил те черные дни. Нечеловечески тяжкие боли иссушили маленькое тело Мити. Отец, видевший и испытавший в жизни неимоверные страдания, целыми сутками стоял около кроватки с единственной надеждой — спасти малыша. Спасение не пришло, несмотря на то, что ребенка лечили светила советской медицины. Семь лет! Всего семь... Георгий Димитров не мог забыть пылавшее жаром личико, огромные глаза, в которых поселилось страдание...

Тельце отнесли в крематорий, чтобы оно превратилось в горсть праха. Димитров шел за ящиком с останками сына и чувствовал,

как ноги перестают держать его, как возвращаются старые болезни, напоминают о себе красными кругами в усталых глазах, отнимают последние силы.

Димитров взял у жены цветы. Пока они ожидали шофера, почувствовал приближение приступа астмы. В кабине на ветру ему полегчало. Жена молчала, вперив в пространство невидящий взгляд.

Машина остановилась. Приехали. Все так же в молчании Георгий взял ее под руку, и их медленные шаги заглохли среди аллей. Скорбный город, город тех, кто никогда не покидает его, встретил их немотой потустороннего мира. Они нашли могилу, положили цветы. Роза Димитрова встала на колени и долго так стояла, опираясь о камень, вслушиваясь в некий детский голосок, который ее о чем-то спрашивал, чего-то хотел, о чем-то просил. Она не могла вернуть жизнь... Плакала, прижавшись к камню, обняв его, но он не ожил, хотя и горячи были материнские объятия. Георгий Димитров поднял голову, чтобы скрыть слёзы. Небо походило на смутное пятно, ржавое, холодное и злое. Где-то в этом небе кружил самолет, аэростат заграждения висел, словно детская игрушка, которая напомнила ему о маленьком Мите в один из майских праздников. Всю неделю готовились к демонстрации. Малыш хотел идти непременно с красным воздушным шаром. Они не смогли найти красный, купили желтый, братишку солнца. И это его успокоило. И сегодня, в тяжелый пасмурный день, Димитров вспомнил о солнце...

Помогая жене подняться, попросил:

— Идем... — Это было единственное слово, сказанное между ними.

Она встала, поглядела на камень, будто видела его в последний раз.

Выйдя у больницы, он поехал к площади Ногина, где его ожидал заваленный бумагами стол в важная встреча с Иваном Винаровым *. Он хотел знать, как идут дела у группы, которая должна быть готова к отправке. Товарищи Штерю Атанасов, Иван Пейчев, Благой Иванов и Павел Цырвуланов ** давно уже выражали настойчивое желание, чтобы их перебросили в Югославию для установления широкого взаимодействия между болгарскими и югославскими партизанами. Болгарское население в Македонии может включиться в борьбу, если ее возглавят болгары. Невыносимое страдание от той двойственности, что болгары были и представителями фашистской власти, и борцами за истинную свободу, терзало душу народа.

* И. Винаров — сотрудник военного отдела ЦК БКП.
** Все четверо входили в Заграничное Бюро ЦК Болгарской Рабочей партии, которое возглавлял Георгий Димитров.

В приемной горел свет. У дверей терпеливо ожидал Иван Винаров. Димитров все еще был под впечатлением посещения скорбного града, в котором поселился его сын.

Войдя в кабинет, Димитров молча пригласил Винарова сесть. Новости были добрые. Группа ждала только указания об отправке, и Димитров пожелал всем успеха. Беседа о родине, о людях, о смелости этих болгарских коммунистов, желающих восстановить боевую дружбу между народами двух соседних стран, отвлекла Димитрова от тяжелых дум. Оживившись, он взял трубку и долго выбивал в ладонь остатки табака. Рабочая обстановка укрыла его защитой стереотипа.

Что-то ученическое проглядывало в позе Ивана Винарова, иначе и не могло быть: перед ним тот, у кого он всю жизнь учился мужеству.

Винаров по-военному кратко рассказал о делах в интернациональном батальоне, о трудностях обучения и снабжения, о языковом барьере между воинами — много людей разных национальностей объединены в этих батальонах.

Димитров давал ему советы и наставления.

16

Богдан Филов долго перелистывал страницы своего дневника Занятый похоронами, заботами о гостях и государственными делами, он не мог вести записи. Теперь надо было восполнить пропущенное. Он регулярно, хотя и лаконично, заносил в дневник сведения о своем восхождении наверх, со всеми тайными тревогами и сомнениями, которые скрывались между строк и о которых знал только он. Жизнь оказалась сложной и суровой. Невидимая рука, без названия и примет, поддерживала его, упорно и последовательно прочерчивала путь мальчика, оставшегося без отца в четыре года; путь юноши — он рос, окруженный заботой матери, в атмосфере чорбаджийского дома ее отца; молодого человека — он подружился с книгой и был отмечен благоволением монарха. Поддерживала и в учении — он завоевал доверие Его величества царя Бориса III. И ныне тот же самый Богдан Филов добился всего, стал одним из регентов малолетнего царя Симеона II, изменив своему истинному призванию ученого. Ныне он человек, по кому судят о пути и интересах Болгарии, его слово предопределяет судьбу страны, отдавшей очень много крови во имя кобургской царской династии. Не сожалеет ли регент Богдан Филов, что где-то на дорогах политической борьбы погребены его сокровенные научные интересы, успехи, о которых он мечтал в заграничных университетах, его самоотверженность в работе над каждым древним куском мрамора, его мечта обессмертить свое имя трудами по истории и археологии? Не печалится ли он об оставшихся в тайне ценностях, скрытых под землей, о тех следах прошлых цивилизаций, которые живо волновали его сердце? Сколько бессонных ночей отдал он исследованиям, принесшим ему славу одаренного ученого! Сколько страстей пережил он во время работы по раскрытию смысла надписи на странном перстне, найденном около Езерова, когда Филов впервые выдвинул гипотезу о фракийской письменности... Зачем ему надо было окунаться в водоворот политики с такой одержимостью? Не погубил ли он себя, свою судьбу и свой дар?

Но зачем он возвращается к огорчительным вещам? Счастливая звезда еще ведет его за собой. Она привела его наверх, следовательно, провидение не лишило Филова своего благоволения. Близко общаясь с царем и его прорицателями, Богдан Филов стал замечать, что становится суеверен. Например, пытался обмануть себя случайными совпадениями, когда его донимал постоянный вопрос: не сознательно ли пошел по государственной стезе ученый-археолог Богдан Филов?

Еще когда он учился в зарубежных университетах, когда дружил с учеными, с профессорами старой Германии, ему было ясно, что знакомые делали на него большую ставку. Войны доказали, что Болгарией не стоит пренебрегать, что ее географическое положение на Балканах имеет большое значение, и он чувствовал внимание немецких коллег весьма ощутимо — оно выражалось в журнальных и газетных хвалебных оценках, в больших гонорарах, в щедрых субсидиях фондов, в открытых намеках. Даже его вступление в масонскую ложу было не случайным. Оно было заботливо подготовлено. И не случайно все началось в Германии.

Теперь он погрузился в человеческие взаимоотношения, в распри так глубоко, что уже не имел ни времени, ни желания искать смысл слов, вытесанных на камне, или открывать новые слои цивилизации.

Открыв дверь кабинета, Филов внимательно вгляделся в пространство холла. На этот раз за пианино была не Кита, а жена германского посла. Кита сидела в сторонке на венском канапе и, кажется, усмехалась, видя ее неудачные попытки. Он хорошо знал неуловимо насмешливое выражение глаз жены, этот крохотный лучик ее надменности, которая произвела на него когда-то сильное впечатление, и, будучи амбициозным человеком, он решил покорить ее, чтобы доказать свою мужскую силу... Теперь он часто спрашивал: кто из них покоритель и кто покоренный?

Обдумывая свой путь, Филов невольно открывал для себя, что та направлявшая его рука очень походила на ловкую руку Ки-

ты, — и ласковую, и целеустремленную. Мадам Филова не испытывала никаких сомнений, когда ее ученого мужа надо было впрячь в телегу общественной деятельности. Она торжествовала, когда Севов пришел к ним домой и сказал, что царь ожидает ее мужа в Варне. После встречи с Его величеством царем Богдан Филов вернулся печальный: ему было предложено составить новое правительство и возглавить его... Его путь все больше отклонялся от желаний молодости, от смысла его творческой жизни. В том, что он был министром просвещения, все же была польза для его научных интересов. Все новые открытия в археологии и истории «проходили» через него, все университетские дискуссии и начинания получали его одобрение, его слово становилось самым авторитетным во всей культурной жизни страны. Руководство министерством просвещения, считал он, было воздаянием ему по заслугам. Тогда он радовался, понимая и радость своей жены, но теперь все переменилось. Что ожидает его в будущем? Интриги, тайны разных клик, борьба с неудовлетворенными амбициями.

Понимает ли Кита его тревоги? Вряд ли! Она уже испытала сладкое чувство быть женой министра и втайне боролась за еще более высокий пост для того, кто шел с нею по жизни плечом к плечу и чьи успехи она считала своими. Кита открыто проявила радость во время их первого семейного посещения Германии.

Приглашение пришло лично от фюрера. Первый человек Германии звал его, министра просвещения, ученого, посетить страну нового порядка, где проводятся традиционные праздники национал-социалистической партии. Парад обыкновенно устраивался в Нюрнберге. Кроме того, Филов, который продолжал чувствовать себя последовательным служителем большой науки, получил известие о конгрессе археологов в Берлине, где соберутся видные ученые из разных стран и где он надеялся блеснуть своими знаниями и недавними открытиями.

Так все начиналось. Тридцать девятый год многое предвещал. Прежде чем отправиться в путь, Филову требовалось получить согласие царя. Поездка по приглашению фюрера превращалась в демонстрацию связи с рейхом. И тогда Борис решил использовать в качестве повода посещение конгресса, а не личное приглашение фюрера.

Так и было сделано. Но перед их с Китой отъездом ему позвонил господин Рихтгофен, тогдашний германский посол в Софии, чтобы узнать, не согласится ли Филов быть гостем господина Руста, рейхсминистра народного просвещения. В этом случае неофициальное посещение приобретало новый оттенок, снова им уделялось особое внимание. Богдан Филов никогда не забудет, как

царь вторично позвал его за три часа до отъезда. Разговор касался будущего сотрудничества с рейхом, с такими лицами, как Геринг, Геббельс, Рудольф Гесс, умного зондажа их намерений относительно Болгарии, царской особы и политики царя.

Сделав несколько комплиментов Филову как министру, — в последнее время это случалось нередко, — царь Борис решил поговорить с ним откровенно. Он сказал, что болгарскому народу и правящим кругам Болгарии будет преподнесена версия, якобы он, Богдан Филов, едет на археологический конгресс, а немцам — будто он приезжает на торжественный парад национал-социалистической партии. Заботясь о семействе Филовых, Его величество рекомендовал Ките посетить поликлинику профессора Циина в Берлине. Профессор славился в определенной области медицины, а Филовы измучились от мысли, что у них нет детей. Как-то Богдан Филов расчувствовался в беседе с царем и, размягченный, поведал о своем семейном горе, в чем позднее не раз упрекал себя. Когда Филов сказал Ките о рекомендации царя, она пронзила его острым взглядом, спросив, откуда царь знает об их болезненной заботе. Филов скрыл от жены правду, хотя скрыть от Киты что-либо было нелегко...

За годы их семейной жизни он вызнал ее изворотливый и расчетливый характер, умение найти общий язык с людьми и затем, наедине с мужем, высмеивать их пороки и недуги. Иногда ему приходило в голову, не смотрит ли она и на него таким же холодным и испытующим взглядом. Ехидность, присущая ее характеру, искусно прикрывалась от посторонних мнимой человечностью и якобы безграничной добротой. Филову казалось, что Кита больше создана для дипломатии, чем он...

И сейчас, стоя у открытой двери в кабинет, наблюдая за женой и госпожой Бекерле, он думал о своем...

Господин Бекерле сменил на посту чрезвычайного и полномочного посла Германии господина Рихтгофена, несмотря на желание последнего остаться в Софии. О Бекерле Филов знал очень мало. Сведения, полученные от посланника в Берлине Драганова, и разговоры озлобленного Рихтгофена характеризовали Бекерле как крупного нациста, гауляйтера Франкфурта, человека новой власти и нового времени.

Сведения подтвердились. Бекерле был неразговорчив, но стоило коснуться его деятельности во Франкфурте и Мюнхене, как младенческое лицо посла оживало, и холодные глаза по-детски озарялись. Он гордился своим прошлым обер-группенфюрера СС и шефа полиции в этих городах, где проживало более ста тысяч его последователей, личных почитателей.

Что касается фрау Бекерле, то она казалась чрезмерно теат-

ральной. В сущности, ее прошлое и было связано с артистической средой, она не скрывала его, а, напротив, гордилась им. Ее звучный, немного мужской голос, пристрастие к своеобразной одежде усиливали общее впечатление от ее артистичной экстравагантности. Это раздражало софийских дам, и злые языки часто не оставляли ее в покое. Филов знал: даже Кита и Ее величество царица не могли удержаться, чтобы не оговорить ее. Сама же фрау Бекерле была очень разговорчива и редко предоставляла своим собеседницам возможность высказаться.

17

Князь Кирилл проснулся поздно и долго лежал, задумчиво глядя в потолок. Рильский день за опущенными занавесями был мутным, дождливым. Князь слышал стук капель и потому не спешил вставать. Охотничий замок, построенный по желанию его отца, имел свои достоинства и недостатки. Радовало то, что замок находился очень далеко от любящей посплетничать софийской знати. Кроме того, князь любил побродить с ружьем в горах и понаблюдать мир, населенный серпами, фазанами и глухарями. Гостья сидела в столовой за завтраком. Она велела принести два прибора и стакан теплого молока для Кики, затем глуховатым голосом произнесла:

— Словачка хороша, но эта кикимора, которая осмелилась сняться нагишом, — ее куражу можно позавидовать.

Приятельница говорила о двух любовницах отца Кирилла. Широко улыбнувшись, князь ничего не сказал. Словачка была совсем молодой, а кикимора состояла в браке с царским генералом. Кирилл вообразил, как взбесилась бы названная кикиморой, если бы каким-либо образом узнала о таком прозвище. Какой грандиозный скандал мог прогреметь! Уже хотел сказать что-нибудь циничное, когда в дверях появился человек. Князя приглашали в столицу. Регенты собирались на чрезвычайное заседание. Посланец настаивал на немедленном отъезде. Кирилл готов был обругать этого человека, потому что тот испортил ему настроение, но сдержался.

— Еду...

Пока князь одевался, ему удалось сказать шоферу, чтобы тот уже сегодня отвез приятельницу в Самоков и больше ею не занимался. Пусть заботится о себе сама. Доро́гой Кирилл задумался, слегка прикрыв глаза.

Заседание не состоялось, его не дождались, но вопрос, который взволновал обоих сорегентов, касался Италии. Время ничего не переменило — все та же Италия, и в политике, и во дворце. От Италии он получал только плохие сюрпризы, например, сноху. Улыбнувшись своей остроте, Кирилл как-то по-домашнему сказал:

— Господа, ну давайте-ка посмотрим, чем нас так взволновала Италия...

Служащие регентской канцелярии молчали. Начальник встал и подал ему заранее подготовленную папку... Князь Кирилл небрежно взял ее и отправился в кабинет. Долго перекладывал папку туда-сюда: не любил он документов, книг, чтения. Раскрыл твердые корочки. Донесение показалось ему довольно длинным, читать его не хотелось, и потому он нажал кнопку звонка. Снова появился шеф регентской канцелярии, безупречно одетый по последней моде.

— Ну-ка, садитесь, давайте посмотрим, что именно их обеспокоило...

Сообщались некоторые подробности об отстранении и аресте Муссолини, о подписании Италией капитуляции, о роли короля Виктора-Эммануила III и маршала Бадольо. Высказывалось предположение: как только западные страны укрепятся на итальянской территории, то попытаются бомбардировать болгарские города. Эти сведения были присланы послом Драгановым, который находился в Берлине. Содержался и полувопрос: как следовало бы в этой ситуации проводить беседы? Драганов не пояснял, с кем и какие беседы...

Князь Кирилл лениво постучал пальцами по столу и как-то неопределенно сказал:

— Драганов что-то преувеличивает... Самолеты... города... Пустое дело. А об Италии пусть заботятся другие!.. Макаронники... — Он встал, давая понять, что разговор окончен, но тут же добавил: — Скажите, что я уехал и не буду в Софии два дня...

Он даже не дождался, пока шеф канцелярии выйдет. Указал ему, куда положить папку, и спешно покинул кабинет.

В Софии был солнечный день.

Садясь в машину, князь приказал:

— Во дворец.

Кирилл спешил переодеться. В особом кабинетике одного весьма фешенебельного заведения его ждали игроки в покер. Об этом договорились еще три дня назад.

Перед входом были приспущены черные знамена. Продолжался сорокадневный траур.

Во дворце стояла тишина. Князь пересек салон с намерением зайти в канцелярию на верхнем этаже, но остановился. На сегодня хватит ему одной канцелярии. По его мнению, он уже вполне отработал то, что надо.

Взглянул вверх, увидел Евдокию, которая явно ожидала его.

— В чем дело? — недовольство просквозило в его тоне.

— Я жду тебя с утра, — был ответ. Ее черное траурное одеяние почти касалось пола, лицо еще сохранило загар от морского солнца после отдыха в Евксинограде, и потому, несмотря на траур, она выглядела свежей и не по годам молодой.

Кирилл пошел по лестнице с видом ужасно переутомившегося человека:

— Ты ждешь меня!.. Всюду все меня ждут!..

— Тебя ищет господин Филов.

— Знаю. Не столь это важно... Я уже был... Опять о капитуляции макаронников... А где наша?

— Мы с царицей были на заутрене, а потом она поехала к детям в Царскую Бистрицу... Измучилась, бедняжка...

— Ладно, ладно! — пренебрежительно махнул князь рукой. — Конечно, она нервничает: кто знает, что еще будет с Виктором-Эммануилом. Гитлер так просто не оставит арест дуче.

— Это не коридорный разговор, — сказала Евдокия и взмахом руки пригласила его следовать за ней.

18

Фрау Бекерле ушла вместе с Китой. Богдан Филов снова сел за дневник. Много чего надо еще записать. С 9—10 августа по 21 сентября не вел записей, и потому надо день за днем восстановить образы, слова, высказанные и невысказанные намерения, ссоры с людьми. Филов придавал дневнику — живой памяти — большое значение, надеясь, что он поможет ему в будущем при написании развернутых мемуаров.

Филов открыл окна в кабинете. Повеяло вечерней сентябрьской прохладой, легчайший ветерок прошелестел бумагой на столе и затих.

Странное одиночество заполнило душу, апартаменты, мир. На улице царила необычная тишина, отдаленные детские голоса пытались нарушить ее, но их звуки долетали сюда приглушенными, неясными. Богдан Филов вдруг почувствовал, как непонятный страх вползает в душу, ему даже почудилось, что кто-то выходит из комнаты. Он закрыл окно, зажег настольную лампу и легонько приоткрыл дверь. В холле никого не было. Собака лежала на ковре, утопив голову между передними лапами, глаза светились хитро и лениво. Как только хозяин позвал ее, радостно отозвалась. Похоже, и ей не нравилась тишина. Погладив ее длинную белую шерсть, только что выбранный регент взял золотую ручку и наклонился над чистой страницей.

Филов был педант и оставался педантом во всем, тем более в ведении дневника. Писал обдуманно, чувство, что кто-то смотрит через плечо, не покидало его. Этот некто упорно советовал ему быть сдержанным, внимательным, не входить в подробности и не забыть дать объяснение отсутствию царского завещания Вопрос о нем будет волновать многих людей. Филов не мог сказать правду. Она причинила бы вред многим заинтересованным лицам, включая и его самого. Если проболтаются, то он не поручится за доброе окончание своей карьеры...

Надо бы помешать и распространившейся молве, будто дворцовые врачи не отнеслись с должной ответственностью к болезни царя. Филов не знал, вспомнить ли, как царь сказал Марии-Луизе, когда в последний раз ехал из Бистрицы в Софию: может случиться так, что он больше не вернется. Одна такая фраза вызвала бы множество интерпретаций. Тогда логичней стала бы вероятность, будто он сам наложил на себя руки, угнетаемый непосильными тайнами и тревогами, которые можно истолковать в духе врожденного ясновидения или предчувствия краха.

Филов перестал писать и задумался. Представители германского правительства, приехавшие на похороны, не упускали случая заверить его, что, возможно, немцы и оставят некоторые территории большевикам, но никогда не пустят их на Балканский полуостров, стратегическое значение которого огромно. Эти частые уверения начали беспокоить его, но, верный старой поговорке «полюбится сова пуще ясного сокола», он решил не слишком углубляться в тревоги. Англия и Америка никогда не позволят большевизму захватить Европу. Ведь тогда настанет конец цивилизации.

...Продолжал писать. И о том, как три регента посетили царицу, чтобы представиться ей, и как они собрались после обеда обдумать состав нового кабинета. Хорошо, что все единодушно согласились выдвинуть Божилова в премьер-министры. Ему подскажут кандидатуры министров. В списке кандидатов были я люди с очень большими претензиями. Они видели себя во главе таких министерств, для которых совсем не подходили. Неплохо, что они отказались: это облегчило положение новых регентов.

Одним из отказавшихся был и Константин Развигоров.

Узнав об отказе, Филов подумал, как преподнесет это царице — в воскресенье вечером ему надо быть у нее, чтобы наметить кандидатуры наставников молодого царя. Его сообщение может охладить отношения между царицей и Развигоровым, в крайнем случае оно развеет малейшие сомнения о нежелании регентов выполнить ее единственную просьбу.

Что касается наставников, то ни в коем случае нельзя допу-

скать старозагорского владыку Климента, лучше пусть будет ловчанский Филарет. Понятливый и уравновешенный, достойный такой чести. По остальным кандидатурам возражений нет, надо, правда, подумать о каком-либо профессоре...

Филов не успел написать фамилию профессора, как в кабинет неожиданно вошла Кита, чрезмерно оживленная — в такое состояние она обычно приходила после одной или двух кружек пива.

— Могла бы и меня пригласить, — с легким укором сказал Филов, завинчивая ручку.

— Не сердись, профессор Арнаудов пригласил нас с фрау Бекерле...

— Арнаудов? Это хорошо!..

— Что хорошо?..

— Как раз до него я дошел...

Кита ничего не поняла. И только пожала плечами.

19

Утомившись от занятий, Марии-Луиза пожелала прогуляться в саду. Гувернантка хотела того же самого и потому поспешила исполнить волю принцессы. Симеончо уже давно бегал за красивым шаром по одной из широких аллей.

Сентябрь был теплый, необыкновенно нарядный, утопающий в красках. В парке дворца Врана стояла такая странная тишина, что было слышно, как с легким потрескиванием опадают листья шелковицы. Что-то бесконечно печальное и усталое таилось в тени деревьев, в сладковатом духе гниющей листвы, в легких испарениях, исходящих от земли. Нижняя часть ствола старого вяза, покрытого с северной стороны желтоватым липким грибом, превратилась в мухоловку. Симеончо, новый царь Болгарии, долго стоял на коленях перед грибом, пока не преодолел страх и не прикоснулся к нему щепочкой. Его пугала зеленоватая муха, приклеившаяся к грибу. Мария-Луиза тут и увидела его, нерешительного и сосредоточенного. На высоком плетеном стуле в садике с осенними цветами сидела мать и лениво листала какую-то книгу. Черная одежда, нагретая осеннимв солнечными лучами, словно впитала их тепло, и царица всем телом чувствовала животворную ласку солнца.

Царица Иоанна много раз разыгрывала роль наивной женщины, не занимающейся политикой и из-зв детей не вмешивающейся в общественную жизнь, но при этом она упорно пыталась влиять на царя, если задумыввла что-то сделать. Так было и с благотворительностью, чисто женским, светским делом, из-за

увлечения которым она иногда казалась смешной, но частые распродажи предметов с благотворительной целью создавали о ней в обществе мнение как о правительнице, которая думает о народе, о бедных и сиротах. Несмотря на ироническое подтрунивание царя, она заставила мужа посещать ее выставки и распродажи. И он не мог отказать ей в поддержке своим «рекламным» присутствием, как охарактеризовала это в беседах со своими приятельницами госпожа Филова.

Играя роль интеллектуалки, Филова общалась с писателями, собирала у себя художников. Тут была ее стихия — люди искусства. Хотела прослыть меценаткой, но иногда не умела скрыть свои притязания, например, на немецкой выставке в Биад. Все крутилась около болгарской экспозиции с книгами, потому что там на видном месте стояла книга Богдана Филова о староболгарском искусстве. Хорошо еще, что мадам Филова не говорит много, как жена Бекерле, эта непрестанная мельница слов, и все о себе, о своих туалетах... Совсем другими, подлинными друзьями Иоанны были Петровы, но чего только не делалось, чтобы закрыть им дорогу во дворец! Внимательные, начитанные, эти женщины могли с умом побеседовать и о науке, и о домашнем хозяйстве или рассказать о какой-либо новости. Особенно Елена!.. Нет, царица все еще не перестала жалеть об этих милых женщинах. Петровы постоянно составляли ей компанию вплоть до того злополучного чая, который они устроили в честь английского посланника. Как же они не взвесили всех «за» и «против»? Может, они сделали это назло, накануне разрыва отношений с Англией?.. Царицу принудили закрыть для них дверь во дворец... Разумеется, она согласилась сделать это, но лишь на какое-то время, думая снова отвоевать для них право доступа к ней, но глупый поступок одной из Петровых все испортил... Каждый раз люди слышат ее голос по радио Лондона... Для царицы это не бог весть что, но для заклятых патриотов — прямая измена родине. А что такое, в сущности, родина?.. Она, Иоанна, родилась в Италви, а ее дети царствуют в Болгарви... Как ей понимать родину? Кому быть верной?.. Ее брак был, по сути дела, без любви. Она вышла замуж, чтобы родить престолонаследника, и достойно выполнила эту миссию.

Любовь. Что это? Иоанна часто мечтала о любви и видела ее в образах еще двух или трех детей... Царь не был тем любимым мужчиной, от которого она хотела бы их иметь. Далекий от ее идеала муж, постоянно задумчивый, впадающий в тревогу от различных предположений, он ревниво относился к власти и не уделял жене достаточного внимания. О его жизни до женитьбы ей кое-что поведали Петровы, строго по секрету, с недомолвка-

ми. Это касалось девушки, которая несла шлейф царицы во время венчанвя и произвела на Иоанну очень сильное впечатленве. Красавица. Царицу словно что-то обожгло. Острая зависть пронзила ее, и она не удержалась от вопроса будущему супругу, все ли болгарки так прекрасны? Фотографы старались снимать не их, царскую чету, а ее, неизвестную болгарскую девушку, несущую шлейф будущей болгарской царицы. Эта красота не могла не взволновать и ее уже немолодого супруга, не могла остаться без отклика.

И вскоре молва открыла Иоанне кое-какие дворцовые тайны. Некоторое время царица делала вид, что ничего не знает, но в конце концов объяснилась с царем. Напрямик. Или она, царица, или красавица, как Иоанна привыкла ее называть. Вопрос был поставлен остро, и царь отступил. Иоанна навсегда осталась благодарна Петровым, своим советчицам, за эту первую выигранную битву. От них она узнала, что Его величество сделал красавице богатые подарки, но это больше не интересовало Иоанну. Чувствуя себя победительницей, Иоанна, однако, сразу заметила, что царь — скрытный человек, никому не доверяет, и меньше всего ей. Ходит бесшумно, тайно делает свои дела и всегда прикрывается какой-либо ширмой. Таков его характер. Петровы объясняли это диктаторским нравом отца Бориса, Фердинанда. Иоанна часто сама поддерживала разговор о порядках во времена Фердинанда, желая понять, что за человек отец, чтобы из этого сделать выводы о сыне.

И чем больше фактов узнавала она о тираническом характере отца, тем яснее становился ей супруг. Фердинанд был по-немецки жесток, силен, бесцеремонен. Его жестокость устрашала как приближенных, так и родных. В ее тени формировались предосторожность, хитрость в характере будущего престолонаследника. Царь Борис не был мягкотелым, как полагали некоторые, им владели амбиции, превышавшие возможности страны, и потому он мучительно старался всех перехитрить, даже самого себя.

Царица встала, с шумом захлопнув книгу. В аллее появилась фрау, преподавательница немецкого языка, а с нею дети. Царица нахмурила брови. Немолодая камеристка очень хорошо знала, что это означает. Не раз царица приказывала ей не оставлять детей наедине с немкой. Если царь умер от немецкой руки, немцы попытаются посягнуть и на жизнь его детей, — казалось Иоанне. Она не верила немцам. Неприязнь к ним особенно усилилась с тех пор, как разразились события в Италии. Царица прикрыла рукой лицо от солнца, поджидая детей.

20

Дамян вышел из землянки и поглядел на небо. Оно было хмурым. Листва на грабах поредела и пожухла. Несмотря на легкий низовой туман, видимость улучшилась. Голые деревья больше не мешали обзору. Лишь внизу, в дубовой роще, все по-прежнему скрывали листья. Этот лес был непроходимой чащей с еле заметными тропками. Дубовый лист долго не опадает, становится сморщенным и приобретает цвет кофе, но держится, пока новые листья не вытеснят старые. Где-то вверху, за стволом векового бука, прячется передовой пост. Когда ляжет снег, придется, пожалуй, отказаться от этого наблюдательного пункта. Всякий приход-уход постовых оставляет следы, могущие стать указателем пути для полиции.

Ночью стало известно, что правительство Божилова поклялось ликвидировать партизан. Надо что-то придумать, пока снег не выпал. Дамян положил бинокль в футляр, подышал на ладони и медленно спустился к землянке. Если что-то улучшать, то начинать надо сейчас же. Вековой бук находится на таком месте, что оттуда видны я самые отдаленные хребты и долины. Да, почва камениста, но только с «лицевой» стороны. Ничто не мешает устроить маленькую землянку под корнем дерева. Входом может стать огромное дупло. Командир оглядел изнутри теплую, уже пригодную для жизни землянку, толстые бревна внушали уверенность, жестяная печка «цыганская любовь» где-то в глубине, но ее еще не топили. Запах горелого дерева и дым могут выдать их.

Около печки, сделанной на случай больших холодов, прилег комиссар. Короткий полушубок наброшен на тело так, чтобы прикрывать и колени. Это кущее «одеяло», похоже, не грело. Велко не спал. В изголовье у него слабо горела толстая свеча и белела книга.

— Не хочешь ли ты выучить ее наизусть? — пошутил Дамян.

— Неплохо будет, если и ты ее перечитаешь. Какие зимние картины рисует этот поэт... И вообще это верная, человечная книга.

Дамян, конечно, уже читал поэму Николая Марангозова. В ней рассказывалось о возвращении в село. Что-то странное и знакомое, до боли близкое захватило его, и он поспешил отложить поэму, чтобы не разнежиться, ему нельзя — командир... В сущности, Дамян не был силен в поэзии. Кроме Ботева и Смирненского, других поэтов не признавал. В свое время, когда он учился, многие его друзья пытались писать. Он считал это занятие ненужным: вряд ли кто станет вторым Ботевым, и потому лучше

читать то, что оставили гении. И теперь, слушая, как Велко, верный учительской привычке, поучает его, Дамян почувствовал неясную неприязнь.

— Прочту, — сказал он, — но вначале давай подумаем о людях. Поэт создавал зимние картины в тепле, а мы, если прижмет зима, еще неизвестно, как справимся с положением. Думаю, пост у бука надо сделать постоянным. Найди Архитектора и осмотрите корни: выдержит ли дерево подкоп. Дай знать, и я приду.

Архитектора, сына их верного ятака, считали слабосильным парнем. Он пришел в горы с первыми партизанами. Удивительные были у него глаза, способные все видеть как бы изнутри. В самой обычной ветке Архитектор замечал голову животного, птицы или человека. Во время отдыха непрерывно что-то мастерил. Многие землянки заселил деревянными фигурками. В нише под печкой пристроил группу балерин — обыкновенные коренья, получившие форму и динамику вследствие легкого дооформления. Способности парня скоро нашли нужное применение. При устройстве землянок он с первого взгляда находил наилучшее решение. Ошибок не бывало. И местность не нарушалась, и изменения выглядели незаметными. Он так использовал лощинки, камни, выступы, что получалось великолепное прикрытие.

Обойдя бук, Архитектор остановился в десяти шагах от него и сказал:

— Отсюда.

Дамян нахмурился. Расстояние было довольно большое. Ему хотелось, чтобы землянка располагалась под самым деревом.

— Нельзя, товарищ командир, — сказал парень, упреждая возражения. — Там основной корень. Если мы его перерубим, дерево свалится от первой же бури. Отсюда землянка протянется до корня, а через верхнее дупло пойдет дым, совсем незаметно. Это будет самая теплая землянка. Недалеко от входа можно сделать склад для провианта, чтобы постовые не спускались в главный лагерь. Когда печка топится, пост греется в большом дупле, как у камина. Комфорт с паровым отоплением. Можно, товарищ командир?

— Начинайте, времени мало, — задумчиво ответил Дамян.

Он подождал начала земляных работ и, поручив Архитектору каждый вечер докладывать об их ходе, медленно пошел к лагерю. Ветер, пронзительный и острый, посвистывал в ветвях, белое небо уже дышало снегом. У партизанского командира были свои тревоги. Комиссар тоже воспринимал их болезненно. Окружное руководство приглашало Дамяна для объяснений — каких, Дамян точно не знал. Если речь шла о том, что он не выполнил распоряжения об общей мобилизации, странно: того отряда, где

послушали уполномоченного, уже не существовало. В неравном бою вооруженные партизаны, защищая новичков, и сами погибли, и многих из них не смогли спасти от смерти. Огромное несчастье. Говорили, что тех, у кого не было оружия, взяли в плен, так как они не могли покончить с собой.

При воспоминании о погибших у Дамяна сдавливало грудь. Он знал многих из них, ведь в свое время работал в этом краю ответственным по ремсовской линии *.

Когда наверху поняли, что приказ не выполняется, то сразу же послали уполномоченного в отряд Дамяна. Он начал действовать самовластно, собрал и привел к Дамяну десять учащихся последних классов гимназии, с ними был и бай ** Добри Кримка. Дамян долго колебался, принять их или вернуть. Эти безусые юнцы, по крайней мере, постарались вооружиться, но бай Добри Кримка пришел без оружия. Когда его спросили, где у него оружие, он пожал плечами:

— Но ведь вы дадите его мне...

— Дали бы, если б было...

— Но товарищ сказал, что оно у вас есть...

— Кто сказал, тот пусть и даст...

Это было первое настоящее столкновение с уполномоченным Окружного комитета, которого ребята называли Пантерой. Дамян приказал задержать всех новичков у первого поста, а сам с уполномоченным отошел в сторону. Теперь тот не колебался, полный решимости выполнить партийное поручение. Он настаивал на том, чтобы любой ценой осуществить мобилизацию, и стал даже пугать Дамяна смещением с должности командира. Запугивание не вывело Дамяна из себя, но неприятный холодок в душе, как стеной, отделил их друг от друга. Командир уступил только в одном: принял новых партизан, прибывших с Пантерой, но от большой мобилизации отказался. Это еще более накалило отношения между ними. Спор мог бы завершиться неприятностью, если бы не пришли первые вести о разгроме отряда, выполнившего указание о мобилизации. Трое из разгромленного отряда случайно наткнулись на Дамянова партизана, который спустился вниз за продуктами. Эти люди рассказывали такие душераздирающие вещи, что уполномоченный потребовал отделить их от партизан, убоявшись паники. Слово «паника» было совсем не к месту, потому что никто не рвался убегать и никто не вздыхал и не охал. Рассказ троих подтверждал точку зрения Дамяна не спешить до весны с какой бы то ни было мобилизацией.

Затем они спустились вниз, каждый с бременем своих дум:

* РЕМС — Революционный союз молодежи.
** Бай — уважительное обращение к старшему.

Дамян страдал от боли и гнева, уполномоченный сожалел о проявленной настойчивости.

21

Делиус хотел встретиться с Адольфом Бекерле. Посол предложил прийти к нему в кабинет около десяти вечера.

Окна были затемнены. Красивая герань, любимый цветок Бекерле, издавала странный, тяжелый запах зелени и мокрой почвы. Лампа горела вполсилы, чтобы свет от нее не был виден снаружи. У ног Бекерле лежала собака, высунув красный язык и следя умными глазами за гостем. Делиус не спешил перейти к сути дела. Несколько флегматичный, неповоротливый, он так удобно устроился в мягком кресле, словно хотел тут заночевать. Новости, сообщенные им неофициально, были весьма тревожными. По его данным, партизанское движение приобретало угрожающий размах. Коммунисты упорно пробивались в войска, и уже были известны случаи, когда новобранцы убегали в горы. Вырисовывалась хорошо организованная сеть сопротивления; страна была разделена на зоны со строго определенным руководством. Ясно, что не хватает сильной, как у покойного царя, руки. Неплохо было бы сделать определенное внушение регентам.

— А то... — Взяв рюмку коньяка, Делиус отпил и добавил: — Будет поздно...

— Для кого? — не понял Бекерле.

— Я говорю, господин Бекерле, что время нас опережает.

— Понимаю, майор Делиус, вполне понимаю ваши тревоги; в сущности, и я уже некоторое время замечаю подобные вещи, но достаточно ли будет одного внушения...

— Для первого раза достаточно, если не поможет — поищем и другие средства...

— Какие?..

— Смена министров, военных и, может быть, даже премьер-министра...

— Но это будет означать правительственный кризис...

— Кризис, господин Бекерле, по мнению некоторых, уже наступил.

— По чьему мнению, доктор Делиус?

— По мнению людей господина профессора Цанкова, к примеру... Генерала Жекова... По мнению профессора Контарджиева... По мнению коммунистов, и это несмотря на то, что Цанков и другие смотрят на вещи каждый со своей колокольни...

Бекерле ничего не ответил. Всех этих людей он знал близко и мог бы спокойно добавить к ним профессора Станишева, но не считал, что внушение сколько-нибудь поможет. Надо было организовать поездку регентов в Главную ставку фюрера. Надо было вести с ними беседы на самом высоком уровне. Грубое вмешательство может повернуться отзывом посла, как случилось раньше с его предшественником Рихтгофеном. Адольф Бекерле пододвинул коробку сигар и предложил гостю закурить, но тот отказался, заметив, что вечером воздерживается от курения — трудно засыпает! Сигары послужили знаком завершения беседы, и доктор Делиус встал:

— Недавно мы вместе с полковником Геде решили посетить вас.

— Мне будет очень приятно, — и Бекерле подал руку.

Закрыв на ключ входную дверь, Адольф Бекерле подошел к окну с геранью и долго вдыхал ее приятный, свежий запах. За визитом Делиуса что-то крылось. Недавно профессор Станишев высказывал все то же самое, но без недомолвок. Профессор назвал правительство Божилова переходным; делая ставку на князя и на Филова, профессор боялся выборов в Великое Народное Собрание. Цанкова и Мушанова считал людьми, которых интересует только пост премьер-министра. Плохо отозвался о Багрянове, утверждал, что тот распространяет пораженческие слухи, будто рейх проигрывает войну. По его мнению, Македония — единственное звено, удерживающее в союзе с Германией и папа, и холопа. Тот, подчеркнул Станишев, кто гарантирует Болгарии Македонию и Беломорье, и поведет ее за собой. Слушая его, Бекерле не раз делал иные выводы и все больше утверждался в мысли, что профессор, может, и светило в своей специальной сфере, но в политике разбирается слабо, не понимает компромиссов. В своих рассуждениях дошел до непочтения к мертвому царю, назвав его амбициозным и глупо-честолюбивым. Для доказательства поведал об одном случае, когда царь пригласил его на прогулку по горам. Борис опередил группу на целых пятнадцать минут и всем об этом возвестил на вершине. Тогда Станишев неблагоразумно заметил, что прошло уже десять минут, а дыхание царя все еще не выровнялось. Замечание задело чувствительного Бориса, и Станишева больше на прогулки не приглашали. По мнению профессора, не было бы ничего удивительного, если бы царь сам покончил с собой, узнав, что готовится в Италии. Ведь он все же итальянский зять...

При этих словах Бекерле вспомнил, что после возвращения от фюрера царь принял его и в беседе сказал, что виделся также с принцем Филиппом, зятем итальянского короля Виктора Эммануила и мужем его дочери, Мафальды. Царь, по мнению Станишева, думал, наверное, что отход Италии от Германии вряд ли

пройдет без последствий и для его политики колебаний и хитростей. В этих рассуждениях была известная логика, но в устах профессора Станишева они звучали неубедительно, ибо он и при жизни монарха не упускал случая критиковать его за то, что он позволил итальянцам освоить болгарские земли около Тетово, Кичево и Дебера. По мнению профессора, смерть царя породила нескончаемый поток слухов и догадок. Смерть царя, подумал Бекерле, отняла у Германии доброго друга, который умел вести свою страну по пути великого фюрера. Кое-кто считал Бориса мягким человеком, а теперь вдруг оказалось, что у него была твердая, неколебимая рука. В противном случае Делиус не тянул бы так со своим визитом... Делиус, кстати, попытался еще выяснить у посла, верны ли слухи о каких-то мирных переговорах с русскими. Бекерле заверил, что это пустая болтовня. И вдруг почувствовал, как Делиус угас.

Бекерле сел за стол составлять шифротелеграмму рейхсканцлеру фон Риббентропу, в которой содержалась настоятельная просьба о том, чтобы фюрер пригласил к себе принца Кирилла...

Ответ привез фон Альтенбург. Германское правительство приглашало регентов, а затем — премьер-министра и министра иностранных дел. Бекерле настаивал на немедленной поездке. Регенты тянули с ответом. Приглашение было принято, но даты визитов не уточнялись. Князь испугался и закапризничал. Вначале он говорил, что надо подождать окончания траура, потом был уязвлен тем, что гестапо подслушивало его разговоры. Все это Бекерле узнавал окольными путями. Неясность начала серьезно беспокоить его. Особенно нервировала игра министра иностранных дел Кирова вокруг признания республики Сало во главе с Муссолини. Бекерле вынужден был попросить Филова о встрече; хорошо, что благоразумие взяло верх, и Киров поспешил ответить. Эти на первый взгляд мелочи свидетельствовали о ненадежности отношений. От беседы с Филовым у Бекерле осталось впечатление борьбы между регентами за главенство. Князь претендует на первую роль, но ему не хватает опыта и воли. Севов ушел в тень, но не прервал связи с князем. Напротив, Бекерле чувствовал, что Севов возглавил какую-то разведку князя. Некоторое время назад князь Кирилл вдруг начал действовать, как его брат, — в этом видна рука Севова. Филов многое испортит, если не позовет Севова.

К Бекерле поступили сведения, что Филов, заваленный работой по регентству, прервал отношения с этим вездесущим человеком. Севов знал многие тайны монарха, поддерживал старые знакомства, а они необходимы для такого политика, как Филов, который сегодня стоит ближе всех к рейху. Нельзя недооценивать и жену Севова. Она чистокровная австрийская немка, имеющая много влиятельных родственников и знакомых. Бекерле еще при первом визите к Филову хотел предупредить его, но потом решил предоставить это своей жене. Она часто посещает мадам Филову и легче найдет возможность сказать ей нужное слово. В прошлом, когда Филов еще не был регентом, Бекерле решил преподнести ему приятный сюрприз по случаю дня рождения. Чтобы узнать желание Филова, он «мобилизовал» Бебеле, которая «вытащила» из именинника, что он и жена мечтают приобрести хорошую спортивную автомашину. И эта мечта скоро сбылась. Рейхсминистр Риббентроп оказался волшебником. Когда машина прибыла к дому господина Филова, ее встречала толпа любопытных. Черный «хорьх», обитый изнутри красной кожей, был презентован юбиляру личным адъютантом рейхсминистра Риббентропа, сказавшим краткое слово. Этот подарок стал началом дружески откровенных отношений, продолжавшихся по сей день.

Было и еще кое-что, относящееся к сфере большой дипломатии. Со студенческих лет Филова занесли в шифры тайных фондов как поклонника всего немецкого.

Теперь Богдан Филов гневался на медлительность князя. Наконец дату определили. Визит следовало сохранять в полной тайне, и поэтому они поехали поездом с вокзала Обеля. Бекерле взбодрился — дело двинулось. Сопровождая их по распоряжению Главной ставки, всю дорогу как хозяин старался быть внимательным к князю и Филову. Кирилл выглядел уставшим и подавленным. Его неразговорчивость объяснялась непреодолимой скорбью по брату. Так говорили Ханджиев, Гергов и майор Кюркчиев, пока Филов не объяснил доверительно, что князь сильно обеспокоен усилением партизанских действий. Он лично распорядился сменить административную власть в областях и организовать совместные акции армии и полиции против партизан. Кто-то сказал Кириллу, что после окончания траура подпольщики намерены усилить работу.

Наверное, пустая болтовня. Коммунистов вообще не интересует соблюдение траура. Бекерле был совершенно согласен с мнением Филова. Во время поездки Бекерле нашел повод вспомнить о Севове. Филов, пообещав пригласить его, как только вернется от фюрера, упрекнул себя за забывчивость, ведь Севова не было в Рильском монастыре на панихиде после окончания траура. Елина Пелина пригласили, а о Севове никто не подумал.

Эти дружеские разговоры завершились на вокзале в Герлице, где их встречали фюрер и Риббентроп...

22

Вниз спускались вдвоем с Пантерой, назад он возвращался один. Разделились еще при входе в город, чтобы не попасть в одну и ту же засаду. За день до этого зашли в недалекое селение на проверенную явку. Спускаясь с гор, партизаны останавливались здесь переодеться как следует. В доме хранилась одежда: для зимы — костюмы, черное пальто и мягкая шапка, сильно поношенная, все собирались ее подновить, да не хватало времени; для лета — тонкие полотняные брюки и белая рубашка. Дамяну казалось, что она бросается в глаза, поэтому он выпросил у хозяина более темную, поношенную, которую забирал под брюки. С кепкой на голове он вполне походил на работника табачных складов братьев Витановых. В этот раз даже узкое пальто подошло ему, ведь от постоянного скитания по горам Дамян похудел, и одежда сидела на нем хорошо. Пистолет спереди под кожаным ремнем не был заметен.

По вечерам полиция часто ставила засады в подозрительных местах, чтобы наблюдать, кто входит в город и кто из него выходит. На этот раз Дамян решил, минуя вокзал, двинуть к пекарю бай Стамену, у которого над печкой сооружена комнатка, где Дамян часто спал.

Бай Стамен еще не ложился, желтый свет проникал через деревянные ставни. Стук побудил его погасить свет, но через минуту хозяин впустил гостя.

В этом пальто он уже видел Дамяна, но сейчас долго рассматривал его.

— В чем дело? — спросил командир. — Не одобряешь?

— Я смотрю и радуюсь, что ты жив...

— Как видишь...

— Вижу, вижу... Вчера один знакомый сказал мне, что тебя убили.

— Вранье!

— Верю, но удивляюсь, зачем ему надо было врать.

— Хм...

— Будто бы ты спускался с тем разгромленным отрядом...

— Он обознался...

— Может, и так.

— Почему «может»? Вот он я.

— Ты — это ты, но тот кто?

Дамян устал и проголодался — хорошо ему тут рассуждать.

— Что-нибудь поесть не найдется?

— Есть хлеб, солонинка...

За едой Дамян понял, что у бай Стамена есть причина для сомнений. Тайные агенты шныряют всюду. Поползли слухи, что много партизан из разбитого отряда бросились искать укрытия в городе. В селах это стало невозможно. Всюду войска и полиция. Много людей истребили, дома пожгли, ятаков расстреляли. Бай Стамен то рассказывал, то задавал вопросы, чтобы понять, не относится ли Дамян к тем, кто ищет укрытия в городе.

— Нет, я не из тех, — сказал Дамян, — у меня другая работа.

— Значит, у вас все спокойно...

— Нет, но и не так, как у других...

— Ну и дай бог, чтоб не хуже!

Утром Дамян смешался с рабочими табачных складов. Он спешил установить связь с окружным партийным руководством. Если ему удастся застать Бялко, то он легко во всем разберется. Перейдя железнодорожное полотно, заметил, что за ним идет человек. Дамян приостановился, будто бы завязать шнурки на ботинках, — старый конспиративный способ. Человек поколебался, остановиться ему или пройти мимо. Бросив быстрый взгляд в его сторону, Дамян понял, что он из шныряющих по городу шпиков. Похоже, они блокировали весь квартал. От вокзала шел маневровый поезд. Когда он приблизился, Дамян вскочил на подножку. У вокзала спрыгнул и смешался с пассажирами — все произошло так быстро, что он сам подивился хорошему случаю.

Пекарня бай Стамена далековато, и потому Дамян решил остановиться у одного родственника, рядом с домом которого находилась деревообделочная мастерская. Родственник был коммунистом с большим стажем, но в последнее время Дамян к нему не заходил, без вопросов следуя предупреждению не посещать того. Теперь приходилось нарушить запрет. Дамян пересек улицу. Сзади никого, кроме двух женщин с огромными хозяйственными сумками. Замедлив шаг, женщины догнали его и пошли дальше. Дамян — следом за ними, стараясь не отставать. Они о чем-то разговаривали, не обращая на него внимания. Если бы кто-либо наблюдал со стороны, то подумал бы, что все трое идут вместе. Так миновал он три перекрестка, затем свернул в короткую улочку, чтобы поглядеть, не появится ли откуда-нибудь «крючок». С рассеянным видом повернул направо и вошел во дворик, отгороженный от улицы огромными самшитовыми деревьями. Тут же спиной почувствовал, что сзади — человек. Резко повернувшись, увидел родственника. В одном шаге от Дамяна тот острой тяжелой мотыгой копал землю вокруг самшита.

— Мне надо к тебе!

Родственник колебался. Дамян устремился к дому. Догнав его, хозяин подтолкнул к маленькой кухоньке.

— В чем дело?
— Не спеши, скажу.
Родственник ушел. Быстро вернувшись, повел Дамяна за собой. Поднялись по лестнице на чердак, снова спустились, дошли до мастерской, под ней было подвальное укрытие, где Дамяна ожидал большой сюрприз: там сидели родной брат и Бялко. Дамин давно уже не видел брата и расчувствовался. Пожали друг другу руки, но обниматься не стали. Объятия и мужские поцелуи не были приняты у них в доме. Отец, строгий человек, и матери запретил баловать их. Они росли свободно, как деревья. Отец хотел сделать из них сильных мужчин, которые способны выдержать все. Так же относился отец и к дочери, хотя ее миловидность и красота располагали к снисходительности. Когда она вышла замуж вопреки воле родителей, ей этого не простили. На свадьбу пришел лишь отец. «Чтобы она не чувствовала себя одинокой», — сказал он. И лишь два раза тайком от отца они с братом побывали у нее в гостях. Если бы отец узнал, не простил бы. Перед тем как спуститься с гор, Дамян познакомился с сестриным мужем. Несмотри на то, что Михаил был сыном известного богача, он показался Дамяну уравновешенным, толковым человеком. Наверное, брат Дамяна лучше знает род Развигоровых, потому что подолгу жил в столице, прежде чем попал в концлагерь. Теперь он на свободе, но что это за свобода, если они вынуждены встречаться в укрытии.
— Удивляешься?
— Еще бы!
Больше о встрече не говорили. Брат и Бялко вернулись к прерванной беседе. На нарах лежала записка. Бялко пододвинул ее брату:
— Указание, товарищ Чугун...
— Указание указанием, а у вас что — головы нет? Как же вы мобилизуете людей, не обеспечив их оружием и боеприпасами? Теперь кто ответит за убитых, разочарованных и обманутых. И как же так — вы то посылаете, то снова приказываете вернуться. Это или мальчишество, или недомыслие!
— Но... товарищ Чугун!..
— Я не упрекаю тебя! Не ты это придумал.
Укрытие было тесным для троих, и они поднялись на чердак. Поинтересовались подготовкой к зиме, и Дамян рассказал, как отряд обеспечил себя провиантом, как подготовил запасные землянки. Дамян ждал от них совета, как лучше зимовать — всем вместе или разделиться в интересах безопасности. И в том, и в другом варианте есть свои сильные и слабые стороны. Если жить вместе, можно дать более сильный отпор возможному противнику, но трудно скрываться от преследования. Если разделиться на три группы, то в случае обнаружения можно легче скрыться. Распределение по группам дало хорошие результаты прошлой зимой, но боеспособность партизан была снижена. Обсуждали долго. Наконец сошлись на том, чтобы разделить отряд на два и разместиться в двух отдаленных лагерях. При нападении на один из них можно будет укрыться во втором.

23

Богдан Филов ожидал внизу. Шофер единым махом взбежал по лестнице. Мадам Филова, одетая наспех, уже нервничала в холле. Схватив сумку с драгоценностями, крупным шагом спустилась по лестнице.
Они еще не догадывались, что их ожидает. и, лишь когда проехали четвертый километр, завыли сирены. Шофер дал газ. Какая-то перегруженная мешками телега вдруг встала поперек дороги, опытный шофер нажал на клаксон, испуганные кони рванулись, и телега завалилась в канаву. Возчик, успевший спрыгнуть, поднял кнут и начал яростно материться. Филовы увидели его лицо, искривленное злобой, и тут же забыли о нем. Остановились, не доезжая сельца Новый Хан. Листья на деревьях давно опали, но аллея густых акаций скрывала машину от наблюдения сверху. Богдан Филов первым ступил на грязную землю, подал руку жене. Кита проглотила язык от страха — они чудом избежали столкновения с повозкой и были уже далеко от столицы, где продолжали выть сирены. Придя в себя и поправив измятую одежду, Филов машинально подтолкнул Киту к ближайшей акации и посмотрел в небо. Ровный монотонный рокот моторов шел с высоты, наполняя пространство тревогой.
— Самолеты...
Они летели от Ихтимана по направлению к столице. Филов начал считать. Получилось около 96 бомбардировщиков и 60 истребителей. Тяжелые машины, обремененные смертоносным грузом, медленно покачивались, в то время как легкие истребители то взлетали вверх, то опускались, но при этом оставались по обе стороны от неуклюжих бомбовозов. Это невиданное зрелище возбудило любопытство супругов.
Взобрались на холм, откуда столица была видна как на ладони. Самолеты подлетали к вокзалу, когда послышались первые разрывы бомб. Красные гейзеры, грязные фонтаны и пожары, как на киноленте, отмечали путь самолетов. Богдан Филов якобы бесстрастно наблюдал за атакой, но в глазах притаился страх. Самолеты, сбросив страшный груз, медленно поднялись вверх и скры-

лись за горизонтом. И лишь теперь Филов подумал о своей регентской ответственности. Что он скажет, если князь Кирилл и генерал Михов спросят, где он был. Правда, никто не видел его, когда он спешно покидал регентский кабинет. Шофер не скажет, иначе моментально лишится хорошей работы. Многие люди хотели бы сесть на его место.

— Поехали!..

— Куда?

— Как куда? Вниз, — сказал Филов, — надо посмотреть, каково положение вещей. Наверное, много людей пострадали...

— Люди, что за люди — подуянцы, шопы..

— Не забывай, я отвечаю за людей...

Кита хотела съязвить, но, увидев, что к ним идет шофер, промолчала, подумав: «Тут он вспомнил о людях!..»

В разбомбленных кварталах Подуяне и Орландовцы было очень много разрушений. Люди плакали у трупов, пытались гасить пожары. Нигде ни Красного Креста, ни государственных чиновников. Все попрятались. Даже пожарные. Появление Богдана Филова сразу привело в движение невидимые нити и сигналы. Откуда-то появился полицейский, мягкий, взъерошенный. Он хотел откозырять, но застыл без движения, наткнувшись на презрительный взгляд регента.

— Где твои начальники?

— Убежали, господин..

— Убежали?! — Филов презрительно усмехнулся и пошел по улице, но, увидев три распростертых тела убитых, повернул к автомашине.

— Поезжай в регентство...

— А госпожа?

— Отвезешь ее домой...

— К маме...

— Хорошо.

В регентстве были князь и Михов. Кирилл разговаривал с военным министром, не выбирая слов. Страшно разгневанный, называл военных бабами, воздушную оборону — никудышной, авиацию — беспомощной. Похоже, разговор начался давно, потому что князь оперировал какими-то данными, ехидничал, особенно когда слышал возражения.

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

ИСТОРИЧЕСКИЕ АКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ВЫСТАВКЕ «ОБЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ НАРОДОВ СТРАНЫ», РАЗВЕРНУТОЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

«... Вы за нас вступитесь для того, что со всех четырех сторон нам обретаются неприятели...

Не отврати от нас лица своего, да будет в нас воля твоя, ибо мы рабы твоего величества; а ежели твоея помощи к нам не будет, что мы воистину погибнем... а кроме вашего величества, мы ни на ково инова надежды не имеем, вы в нас вступитесь и да причтены будем нижайшими слугами к подножию ног ваших».

«Дизянский государь именем Лев в смиренном образе бьет челом... чтоб он, великий государь, пожаловал его, прислал к нему посла... и принял бы их под свою царскую высокую руку, чтоб им всегда быть под его... высокую рукою, и иметь бы им от него великого государя себе помощь и заступление...»

Эти пожелтевшие, с оборванными краями документы — послание карабахских католикосов и меликов Петру I с просьбой прислать им помощь, датированное 18 октября 1724 года, и грамоту мингрельского царя (мтавари) Леона Дадиани к царю Михаилу Федоровичу о желании грузинского народа воссоединиться с Россией, посланную в 1638 году,— переписывал не я один. Рядом со мной пыхтел над тетрадкой в клетку молодой человек. Он низко склонялся к документам, снимал очки — ему явно мешали отблески неоновых ламп от стеклянных колпаков. Над другими витринами тоже шла работа: люди аккуратно, не спеша копировали исторические акты...

Когда, скажите, была такая тяга к истории, как теперь? Словно рухнула невидимая стена, разделяющая историю нашей страны на два периода — дореволюционный и послереволюционный. Люди стали задумываться, откуда они родом, кто их предки и почему огромный исторический пласт, высокие духовно-нравственные качества народов нашей страны, имеющие свои традиции, идеалы, культуру,находились под спудом, умалчивались и всячески затирались? Отчего это происходило? Сегодня, пожалуй, нет такого человека, который бы не задумывался об этом. Мне кажется, многие поняли, что в настоящее время решается судьба Родины, России, ее государственности, культуры, хозяйства. Ну а чтобы не наломать, как говорится, дров, не наделать новых ошибок, есть смысл заглянуть в прошлое. Именно этими соображениями руководствовались работники Центрального музея В. И. Ленина, организуя экспозицию «Общность исторических судеб народов страны».

На выставке собрано более двухсот подлинных исторических документов, дающих представление о характере взаимоотношений народов Российской державы, обстоятельствах, которые привели их к переходу в российское подданство. Многие документы впервые покинули архивы. Например, из Центрального государственного архива древних актов СССР демонстрируются грамота Молдавского господаря Георгия Стефана, письмо представителей народов Тушети, Хевсурети, Пшеви, сообщения о решении Рады украинских казаков о воссоединении Украины с Россией, лист Богдана Хмельницкого. Из этого же архива и документы, содержащие ответное согласие Московского правительства на вхождение государств и государственных образований народов Восточной Европы и Азии в состав России — грамота русских царей казахским хану Тевеккелю и султанам Шахмухаммеду и Кучуку, царю Кахети Теймуразу I, царю Имерети Александру, кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу. Тут же и древние акты из архива внешней политики России — свидетели вхождения в состав державы народов Средней Азии, Прибалтики и Закавказья. Они — прекрасная иллюстрация того, что вхождение происходило либо добровольно, либо на основе мирных договоров с другими государствами, скажем, Швецией, Персией, Турцией. В частности, о добровольном вступлении в состав России казахов говорит письмо хана казахов Младшего жуза Абулхаира императрице Анне Иоановне с просьбой о принятии его и подвластного ему народа в подданство России от 8 сентября 1730 года; обязательство султанов, биев и родоправителей казахов Старшего жуза в связи со вступлением их в подданство России от 23 июня 1846 года.

А вот присоединение к России районов Прибалтики произошло на основании Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией от 30 августа 1721 года. К началу переговоров о заключении этого договора русские войска после одержанной ими победы занимали Финляндию, Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию.

Добровольное же вхождение Грузии в состав российской державы произошло в силу Георгиевского трактата, заключенного между Россией и Карталинским и Кахетинским царем Ираклием II 4 августа 1783 года. По этому договору Ираклий II обязался не признавать иной власти, кроме русских императоров, не вступать без ведома России ни в какие отношения с соседними государствами. Согласно этому договору Россия гарантировала целостность владений Ираклия II и обещала защищать Грузию от всяких покушений со стороны третьих государств и считать ее врагов своими собственными. Все эти документы также включены в экспозицию.

Целый раздел выставки составлен из актов, хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти, фондах Совета Народных Комиссаров. В основном это документы, характеризующие объединительное движение независимых советских республик, образование СССР, процессы дальнейшего национально-государственного строительства.

Появление экспозиции продиктовало время. Перестройка и гласность разбудили праведные чувства национального самосознания и самовыражения народов Союза ССР. Но эти чувства все активнее используют экстремистские, националистические и коррумпированные элементы

для разжигания межнациональной розни и гражданской конфронтации. Все настойчивее звучат требования об экономической и политической независимости союзных республик, открыто ущемляются права и законные интересы русского и иноязычных народов. Речь фактически идет о судьбе единой государственности народов СССР в исторически сложившихся границах, о судьбе русского и других народов РСФСР, о сохранении в будущем суверенного Российского государства.

Недавно мне попали в руки программа и устав «Партии национальной независимости Грузии». (Было бы прекрасно, если бы и эти документы также оказались в экспозиции!) В программе прямо сказано, что деятельность ее членов направлена на «выход Грузинской ССР, ликвидацию Советской власти и провозглашение Грузии независимым государством с последующим ее вступлением в качестве военного союзника в блок НАТО». В программе содержатся призывы к соотечественникам обращаться к международной общественности с требованием о признании «русской агрессии», существующей в лице «Советской власти», требования «распустить КПСС и правительство».

Нечто подобное слышится и из уст членов Народного фронта Азербайджана, литовского «Саюдиса»... А кое-кто в угаре национализма договаривается до того, что объявляет дружбу народов ничего не значащими пропагандистскими лозунгами, мифами, не отражающими реального положения вещей.

Но какие бы возгласы ни раздавались, необходимо трезво оценивать сложившуюся ситуацию. В результате исторического развития существует наше единое социалистическое государство. На его территории проживает более ста народов. У него своя структура — союзные и автономные республики, автономные области и округа. И кто знает, не будь единого государства, как бы развивались малочисленные народы, окраинные республики? Ведь только благодаря целенаправленной политике ускоренного развития они за годы Советской власти создали свою многоотраслевую индустрию, сравняли уровни социально-экономического развития. Если, скажем, в 1926 году максимальный разрыв по производству промышленной продукции на душу населения между старыми промышленными районами и национальными окраинами составлял 38 раз, то уже в 1941 году он сократился до 4,1 раза, а теперь равняется примерно 2,3 раза!

Почему вдруг в прочном, как казалось, здании межнациональных отношений возникли трещины? Откуда появились центробежные силы? Скорее всего из-за неурегулированности отношений между народами. Как известно, XII съезд РКП(б) поставил задачу: преодолеть хозяйственное и культурное неравенство ряда народов и республик путем действенной и длительной помощи русского пролетариата. Чтобы решить ее, в отсталые районы передавались из индустриальных центров России, Украины целые фабрики, заводы, направлялись квалифицированные специалисты. Основную помощь оказывал русский народ, который, надо сказать, сам находился в тяжелом положении после первой мировой и гражданской войн. Многие годы бюджеты всех союзных республик, за исключением России, сводились с помощью дотации из общесоюзного бюджета. Республики потребляли больше, чем производили. Делали это они, как нетрудно догадаться, за счет других, и прежде всего России. Например, в тридцатые годы за счет дотации покрывалось более 60 процентов расходов по бюджетам большинства союзных республик. Такая политика позволила уже к началу сороковых годов добиться фактического равенства народов. По сути дела, отпала необходимость во многих льготах и преимуществах, которые были предоставлены республикам, но тем не менее такое положение сохранилось до наших дней. Той же, к примеру, Прибалтике РСФСР продает сырье по ценам на 40 процентов ниже мировых. А ведь только в Латвии за счет ввоза удовлетворяется 96 процентов потребности в топливе, 50 — в электроэнергии, 90 — в черных металлах, 100 — в цветных металлах... В прошлом году из бюджета России был перекачан в бюджеты союзных республик 41 миллиард рублей. Если бы эта сумма осталась в Российской Федерации, то можно было бы построить 41 тысячу километров автодорог, или сотни тысяч квадратных метров жилья, или каждый житель республики мог получить в среднем по 320 рублей. Разве не позволило бы это решить существующие ныне проблемы материального обеспечения инвалидов, пенсионеров, студентов, других категорий населения РСФСР?

Помогая другим республикам, Россия ослабла, и теперь появилась возможность обрубить с ней отношения. Такая точка зрения существует. «Не надо думать, что выход из Советского Союза — это просто волеизъявление,— сказал на Втором рабочем совещании Российского депутатского клуба доктор философских наук Э. Володин.— Это разрыв сложнейшей системы не только экономических, духовных и политических связей, это — проблема новой перекройки границ... Политическая ответственность сейчас заключается не в том, чтобы поддакивать различным экстремистам, пытающимся растащить наше Отечество по углам, а в том, чтобы отстаивать целостность нашего государства, показать «во всей красе», к чему отдельные квартиры «могут привести в нашем социалистическом Отечестве».

И в этой связи экспозиция «Общность исторических судеб народов страны», развернутая в Центральном музее В. И. Ленина, заставляет каждого задуматься, осмыслить настоящее, поразмышлять о будущем. Историю трудно оторвать от дня сегодняшнего. Непросто без истории моделировать день завтрашний. Россию, заметил Ф. Тютчев, на ее поворотных моментах спасала только история. Больше спасать нас некому. Это тоже доказала история...

В. ЗЕНКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ЗА ХРАБРОСТЬ

Шел 1770 год. Русская эскадра, совершив длительный переход из Балтийского моря в Средиземное, вступила в бой с турецким флотом у острова Хиос в районе бухты Чесма. В ожесточенном абордажном бою русские моряки, проявив исключительную храбрость и мастерство, разбили турок, уничтожив около 70 кораблей.

В ознаменование этой выдающейся победы на море была отлита медаль, которую получил каждый участник знаменитой Чесменской битвы. На медали было всего лишь одно слово: «Был». Так лаконично было сказано о судьбе турецкого флота.

К 120-й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ДЕПУТАТ МОССОВЕТА № 1

Месяц назад закончились выборы в местные Советы. Улеглись предвыборные страсти. Началась будничвя работв. Каждый депутат приступил к исполнению своих обязанностей. Любопытно, многие ли знвют, что в соответствии с поствновлением пленума Моссоветв от 7февраля 1924 года удостоверение № 1 оформляется на имя В. И. Ленина! Владимир Ильич — навечно первый депутат Моссовета.

Множество исторических фактов, документов свидетельствует об обширной, многогранной деятельности Ленина как депутата Моссовета. Кажется, известно все. И тем не менее новые архивные находки прибавляют немало интересного.

В начале 191В года в столице завершились первые после Октября выборы в местные Советы. Голосование было открытым, осуществлялось по производственному принципу — на предприятиях, в учреждениях, организациях. Депутаты также избирались от профсоюзов, райсоветов, политических партий. Всего было избрано 903 депутата. Из них 527 — большевики и им сочувствующие. Меньшевики получили 104 мандата, левые эсеры — 96, правые эсеры не получили ни одного голоса.

Пленум Моссовета 23 апреля 191В года определил, что высшим органом власти в Москве является пленум Совета рабочих депутатов. Исполнительным и законодательным органом между пленумами — исполком. Повседневное руководство работой Совета осуществлял президиум, при котором были созданы различные отделы.

После подавления левоэсеровского мятежа 20 июля 191В года состоялись перевыборы исполкома и президиума Моссовета, в котором остались только большевики.

В феврале 1920 года проводились очередные выборы в Моссовет. Теперь в них участвовали и неработающие — домохозяйки, кустари, пенсионеры. Голосовали они при домоуправлениях. Москвичи снова выдвинули в Совет столицы Ленина. Он был избран коллективом кондитерской фабрики № 3 (ныне «Большевик»). За его кандидатуру высказались также рабочие, служащие и мастеровые станции Ховрино.

Не так давно были обнаружены ранее неизвестные протоколы выборных собраний. Один из них свидетельствует, что 19 февраля 1920 года за Ленина единодушно проголосовали работники Сокольнического химико-фармацевтического завода № 2. На следующий день Ильич получил депутатский билет № 1, а 6 марта выступил на первом заседании нового созыва с речью о задачах Московского Совета.

Очередные выборы состоялись в апреле — мае 1921 года. Ленина выдвинул в Моссовет коллектив «Трехгорной мануфактуры». Депутатские заботы Ильича, как всегда, были посвящены интересам народа. Об этом свидетельствуют и документы 1921 года, обнаруженные в Центральном государственном архиве Московской области. Это письма, направленные в Моссовет по поручению Ленина: о снабжении топливом санитарно-пропускных пунктов, устроенных на железнодорожных вокзалах для встречи демобилизуемых красноармейцев; о создании нормальных условий для жизни группе ученых; об улучшении справочной службы в административных учреждениях для ускорения ответов на запросы организаций и трудящихся.

В декабре 1922 года состоялись выборы депутатского состава Моссовета на 1923 год. Как свидетельствуют подлинные документы, за Ленина проголосовали работники фабрики «Парижская коммуна», Гознака № 2, 1-й ситценабивной, завода «Красный пролетарий» и других предприятий столицы.

Прошел почти год. 19 ноября 1923 года в Большом театре состоялось последнее перед очередными выборами заседание пленума Моссовета, который послал приветствие Ленину, находившемуся по состоянию здоровья в Горках. А 25 ноября рабочие «Трехгорной мануфактуры» снова назвали Владимира Ильича своим депутатом в Московский Совет. На следующий день за него проголосовал и коллектив завода имени Владимира Ильича.

Недавно в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Москвы обнаружен «Протокол заседания пленума ком. ячейки при 3-де им. Владимира Ильича от 16.XI.23 г.». Этот документ сообщает нам о двух ранее неизвестных исторических фактах, относящихся к жизни и деятельности Ленина, связанных с выдвижением и избранием его депутатом Моссовета.

А недавно, уже в этом году, обнаружен еще один документ — «Протокол торжественного заседания пленума Московского Совета» и представителей рабочих и красноармейских организаций, посвященного 25-летнему юбилею Российской Коммунистической партии. Датирован он 12 марта 1923 года. Как известно, Ленин в это время был болен. Участники пленума обратились к нему с таким посланием:

«Дорогой наш товарищ и вождь Владимир Ильич, Пленум Московского Совета РК и КД с представителями рабочих и красноармейских организаций Красной Москвы в день 25-ти летнего юбилея Р.К.П. шлет Тебе, первому большевику, учителю и руководителю свой товарищеский привет. Твое учение и твои заветы есть наши пролетарские цели, есть путь Р.К.П. и рабочего класса.

Дорогой Владимир Ильич, береги так нужное нам Твое здоровье».

Участники пленума, кроме того, приняли решение просить ВЦИК наградить В. И. Ленина орденом Трудового Красного Знамени.

Как рассмотрена эта просьба, кто ее рассматривал, какие приняты по ней решения — пока неизвестно. Узнаем ли мы об этом? Ответ на эти вопросы ищут сотрудники Центрального музея В. И. Ленина.

В. ЕРШОВ

С. РОМАНОВ,
судокорпусник цеха № 8
Дальзавода

ТОТ ПАМЯТНЫЙ ПЛЕНУМ

По горячим следам того памятного для меня пленума крайкома комсомола написать не удалось, хотя кое-какой журналистский опыт имею. Думал, а так ли будут интересны наши события всесоюзному читателю? Но, с другой стороны, они типичны для сегодняшнего комсомола, и не молчать надо о них, а разбираться, если мы хотим хоть что-то изменить в комсомоле к лучшему. Поэтому решил написать. Извините, если не очень гладко.

Итак, 27 июня 1989 года я и комсорг нашего цеха Владимир Гордиенко в составе делегации дальзаводчан пришли на пленум краевого комитета комсомола. Основная причина, побудившая лично меня, рабочего, добиваться участия в пленуме,— это выборы редактора «Тихоокеанского комсомольца». Кандидатур было две: Алексей Распутный и Андрей Хвалин.

По дороге обсуждали телевизионную передачу, в которой о Распутном — только хорошее. О Хвалине же — ни слова доброго. Передачу построили таким образом, будто вся редакция против Хвалина и он ставленник аппарата крайкома ВЛКСМ. Эту информацию подхватили неформалы из клуба «Демократ» и распространяли ее в парке Минского городка.

Я неплохо знал обоих претендентов, будучи нештатным корреспондентом «Тихоокеанского комсомольца», поэтому ясно видел провокационный характер этой кампании.

Но перейду к пленуму.

Организовали его как обычно: чуть позже начали, пересчет, голосование... С трудом набрали кворум. Меня это слегка привело в замешательство. Как же так: не суметь выбрать в состав крайкома комсомола людей ответственных, дисциплинированных? Хотя разве это главное? Важнее, что были свои, «политически грамотные»...

Выступление Алексея Распутного. Суть: демократия, совершенствование кадровой политики, улучшение материального положения, хозрасчет, ответственность редактора перед выборным активом крайкома ВЛКСМ и тому подобные общие и специальные вопросы, которые не оставляют следа в мыслях.

Андрей Хвалин говорил о нравственности, о роли журналиста в сегодняшней жизни. Он убежден, что нужно идти в приморскую глубинку, искать людей, могущих возрождать, укреплять Родину, помогать им не только выстоять, но и занять соответствующее таланту место.

Выступления закончились. Кандидатам задавались вопросы. Потом стали выступать участники пленума. Сомнений у меня не было. Я пришел, чтобы сказать слово в поддержку Хвалина. И сказал его. Что средства, применяемые в предвыборный период в поддержку Распутного и против Хвалина, да и сама обстановка не позволяют говорить о каком-либо демократизме выборов. Кстати, один из членов крайкома в личном разговоре перед началом пленума, рассердившись, воскликнул: «Что бы вы ни говорили, что бы вы ни делали, редактором выберут Распутного». Я пожал плечами и ответил: «Посмотрим».

Марина Савина, коллега Хвалина по «ТОКу» (так у нас в шутку прозвали «молодежку»), поделилась «возмутительным фактом». Оказывается, Хвалин выдвинут по письмам читателей, но работники редакции не поленились (Марина потрясла пачкой писем), проверили, а письма-то анонимные. Правда, вслед за ней выступали совсем не анонимные люди и с удивлением отмечали, что они писали письма в газету и подписывали их своими именами.

Многие выступления были посвящены антитрезвенническому курсу газеты, обозначившемуся вскоре после того, как Распутный стал исполнять обязанности редактора. Отмечалось, что газета была своеобразной, со своим лицом, так как в отличие от большинства массовых газет пропагандировала трезвость. Высказался и я. Сказал о редком качестве Хвалина как редактора статей, единственного, правка которого, сохраняя мысль корреспондента, его чувства, улучшает форму статьи. Говорил о статье, напечатанной в «ТОКе»,— «Прогулка по острову Лесбос», пропагандирующей половые извращения. Задал вопрос, как эту статью оценивает крайком ВЛКСМ. Второй секретарь крайкома Сичкаренко ответил, что они разговаривали на бюро с Распутным, за нехорошую статью пожурили его.

И вот голосование, самое волнующее во всей процедуре выборов. Сичкаренко ставит кандидатуру Распутного на голосование: «Кто — за?» — и тут же, следом за предложением, поднимает руку. Поднимают руки абсолютное большинство сидящих в президиуме, тем самым давая ответ, кто есть ставленник аппарата. Большинство в зале членов крайкома тоже «за». И горько и смешно. Я, если честно, злюсь, когда толпой на одного. Хотелось думать, что и члены крайкома мыслят примерно так же. Почему и делал упор на это в своем выступлении, старался передать свое отношение к происходящему.

Понятно, что выступлений было много, трудно отсеять правду от полуправды, трудно сделать правильный выбор. Но, как подумалось тогда же, слушая выступающих, не много ли среди членов крайкома ВЛКСМ секретарей горкомов и райкомов по сравнению с крестьянами, рабочими? Да и вообще, кто ближе и понятней работникам аппарата: Распутный с его «демократизмом» чуть ли не вселенским (для рабочего и бомжа, крестьянина и бюрократа и т. п.) или Хвалин с его нравственными императивами, патриотизмом и озабоченностью за судьбу страны? И не случайно (хотя анекдотично) один из аппаратчиков задал вопрос Хвалину: «Вы в своей статье говорите, что у нас 18 миллионов бюрократов плюс жена, дети, итого — 64 миллиона. Это что, и мои дети бюрократы?» Это из области курьезов, но ведь

не мог же этот член крайкома, считающий себя бюрократом, голосовать за Хвалина.

Накал уменьшился. Откровений, пожалуй, не было, но сценарий остался прежний.

Выборы первого секретаря крайкома ВЛКСМ в связи с уходом Виктора Соломина на хозяйственную работу. Опять странно: ушел, не отчитавшись. А задним числом сыпались объяснения: сделал все, что мог, дальше бы сдерживал работу и т. д. (ну да ладно, свои ребята, поймут). Опять на выбор две кандидатуры: Сичкаренко и Шидловский. Сичкаренко — второй секретарь крайкома, Шидловский — инспектор ЦК ВЛКСМ. Ну, Сичкаренко — лицо знакомое. Андрей Шидловский, русский, родился, вырос и работал на Кавказе. Был в 1984—1985 годах первым секретарем Нальчикского горкома ВЛКСМ (а ведь, помнится, тогда там разоблачили мафию). Потом начались национальные волнения, его перевели в аппарат ЦК ВЛКСМ. И вот теперь — ответственный по Приморью. Говорит с легким кавказским акцентом, использует кавказские обороты.

Обсуждение кандидатур. Но нет кворума — часть членов крайкома ушла с пленума. Можно или нельзя выбирать? Страсти разгорелись не на шутку. А меня беспокоит Нальчик, 1984—1985 годы, и поток кавказских гастролеров во Владивосток. Как об этом сказать, чтобы не обидеть кандидата, чтобы разобраться в этой связи и... не вызвать упрек в национализме? Посомневавшись, встал, сказал, что так и так, рабочие говорили о кавказской торговой экспансии. Шидловский с Кавказа, все это не может не настораживать. Надо внимательно разобраться. Сел. Следом взял слово второй секретарь крайкома партии Головизин. И, конечно, все свелось к национализму. Дескать, в Приморье живут и украинцы, и белорусы. Что ж, их не выбирать тоже? И это мне, белорусу! Вопрос закрыли. А выборы из-за отсутствия кворума перенесли, и уже в другой раз выбрали Сичкаренко.

Последний вопрос: выборы члена ЦК ВЛКСМ. Выступило восемь или девять претендентов. На различиях в их программах не могу остановиться, не заметил их. Все предлагали менять законы, дать больше прав, свобод. А я вспоминал о том, как в 1984—1987 годах участвовал в комсомольской работе; и всего у нас хватало: и прав, и свобод. Не хватало главного: трезвых, сильных людей, любящих не рок-группы, а свою Родину, такую, как она есть. Я сказал об этом: и о трезвости как уставном требовании для комсомольца, о направлении всех усилий организации на развитие спорта, о том, что с первого класса ребята должны изучать историю своей Родины, краеведение. Сказал и о требовании, с которым выходили на трибуну заводской комсомольской конференции еще в 1986 году: об образовании в России комсомола и партии. Все это сказал в пожеланиях тому, кого выберут членом ЦК ВЛКСМ. Выбрали восьмиклассника, который пришел с одним товарищем и двумя тетями...

Вышел я на свежий воздух и подумал: жаль, возраст мой для молодых подозрителен. А ведь сколько целины в комсомоле. И даже более того: вновь и вновь забрасываемые участки. И горько, что будет еще хуже, а защищать то, что имеем, некому. Не видно. Одни реформаторы, одни разрушители — с одной стороны, с другой — защитники местечек, кресел, стульчиков. Пора перестройки комсомола уже проходит. Так неужели опять опоздание, опять разрушим дотла, чтобы начать с нуля?

г. Владивосток

А. КАЗАКОВ

ЖИВИ, КАТУНЬ!

«Итак, мы в самолете: рейс 219, Москва—Барнаул. Смог и суета города, толчея и духота аэропорта остались далеко внизу под крылом нашей «стальной птицы», несущей нас к чистым голубым просторам Алтайских гор.

Женщина на соседнем кресле случайно увидела в моем дневнике: слово «экспедиция», поинтересовалась нашими целями. «Цели экологические». Собеседница понимающе покачала головой и вдруг предложила:

—Если бы вы помогли нам бороться против Катунской ГЭС — было бы здорово...

Ну что ж, отлично, вот и первый респондент. Дальше уже расспрашивал я».

Так начинаются записи в дневнике нашей сплавной экологической экспедиции по реке Катунь.

«На перевал вышли через 1 час 45 минут. Места превзошли ожидания: трава — выше пояса; голубые, розовые, желтые, оранжевые цветы; мохнатые лиственницы вокруг, сверкающие снежники вдали. Дышится исключительно легко. Сидя в Москве, даже представить трудно, что есть где-то такое».

«Бурный Аккемский прорыв пройден, и мы продолжаем сплав среди превосходных величественных картин. Скалы, покрытые лиственницей, елкой и кедром, почтительно окружают нашу «княжну» (так переводится слово «Катунь»). На душе спокойно, и хочется, затаив дыхание, бесконечно смотреть на эту красоту.

На стрелке Аргут — Катунь, где сходятся многие водные, пешеходные и горные маршруты Алтая, находится своего рода музей самодельного туристского творчества. Здесь каждая проходящая группа оставляет какую-нибудь поделку на память о себе и совершенном маршруте. В находящейся среди прочих экспонатов тетради отзывов и приветствий читаем: некто Кэндас Хэмли выражает бурю восторга по поводу здешних красот и водного сплава вообще, а также приглашает к себе в гости в Калифорнию: группа американских туристов душевно отзывается о здешних краях; всех приветствуют участники советско-американской экспедиции... Очень много записей в защиту Катуни, оставленных иностранными и советскими туристами. Новосибирцы, например, пишут следующее: «Долой Катунскую ГЭС! Достаточно нашей Саяно-Шушенской».

Скалы справа и слева отступили в стороны, и перед нами распростерлась небольшая горная долина. На правом берегу показался флаг с надписью «Искатель».

Здесь, как выяснилось, работают люди из разных городов и ведут раскопки скифских захоронений IV—III тысячелетий до нашей эры. Руководят работами Горноалтайский институт языка и литературы (ГИЯЛ) и Академия наук из Москвы. Археологи отнеслись к нам приветливо и охотно рассказали о своих задачах. В беседе они коснулись, конечно же, и вопроса строительства Катунской ГЭС и связанных с этим проблем археологии. Оказывается, если раскопки вести усиленными темпами, то для выполнения всего объема этих работ потребуется не менее пятидесяти лет».

На протяжении всего нашего сплава в районе предполагаемого затопления нам не раз попадались подобные археологические экспедиции из Москвы, Ленинграда, Киева... Раскопки ведутся и у места намеченного створа плотины рядом с поселком Еланда, но здесь уже гордо и непримиримо развевается на скале другой флаг — зеленый — и крупными буквами выведено: «Живи, Катунь!»

В отряд сопротивления, расположившийся на правом берегу, тоже входят люди из многих городов. Они съезжаются сюда во время своих отпусков, чтобы поддержать «зеленое» движение против Катунской ГЭС.

Жителей поселка Еланда агитируют как противники строительства плотины, так и его сторонники, которые наскоками тоже появляются здесь, подкинув в магазин редких товаров или пригрозив отключить электроэнергию, на деле демонстрируя политику кнута и пряника. И, конечно же, обещания. И тех, и других. Но люди устали, и есть от чего: люди живут в бывшем колхозе-миллионере в жалких лачугах, среднемесячную зарплату имеют 15—20 рублей, больницы нет, школа только начальная — словом, крайняя нищета. И это в хозяйстве, которое поставляет пух для знаменитых оренбургских пуховых платков!

Так не проще ли для решения социальных и экономических проблем вместо того, чтобы возводить гигантские, «пожирающие» все вокруг плотины, дать жителям таких сел, как Еланда, возможность самим распоряжаться результатами своего труда? Только при таком подходе исчезнет усталое равнодушие у людей и появится вера в лучшие перемены.

Зачем засорять Горный Алтай чуждыми ему отраслями, если здесь есть все условия для развития традиционных промыслов: скотоводства, пчеловодства, народных ремесел? Член нашей экспедиции Виктор Долгополов живет недалеко от города Загорска, занимается резьбой по дереву и знает цену этому искусству. Но за время путешествия он так и не встретил ни одного представителя своего ремесла, а когда-то оно было традиционным для здешних мест.

Есть на Алтае и редкие виды растений, и ценное сырье для лекарств, например, мумие,— все это тоже могло бы стать источником дополнительных финансов края.

Кто-то может возмутиться: люди без света сидят, а он красотами любуется и «воздушные замки» строит. Кто-то рассудит, что ради эффектного решения энергетической проблемы можно пойти на некоторые жертвы. Согласен: электричество необходимо. Но эффектно ли решение?

В сводном заключении подкомиссии от 3.05.88 и решении ГЭК Госплана РСФСР от 17.05.88 читаем следующее:

«По условиям баланса мощностей ОЭС Сибири в период до 2005 года не возникает необходимости ввода Катунской и Чемальской ГЭС.

Рекомендацию об использовании мощности Катунской ГЭС в пиковой зоне графика нагрузки ЦВОЭС за пределами 2005—2010 годов нельзя считать доказанной...

Значение Катунской и Чемальской ГЭС в электроснабжении Алтайского края и Горно-Алтайской области в проекте преувеличено.

...Учитывая вышеизложенное, строительство Катунской и Чемальской ГЭС в период до 2005 года необоснованно».

Каков же выход в решении энергетических проблем? Выход в наше время приемлем только один — нетрадиционные, экологически чистые источники энергии. Наиболее серьезного внимания среди них, по мнению специалистов, заслуживают бесплотинные ГЭС, которые в сравнении даже с малыми плотинными сооружениями требуют на порядок меньше капитальных вложений, а также просты в изготовлении и эксплуатации. Однако необходимо, конечно, проведение государственной экспертизы по оценке возможности их масштабного использования в условиях Алтая.

Для того чтобы оценить главные преимущества экологически чистых источников энергии, стоит сказать о последствиях строительства гигантской плотины на Катуни. Затопление долины реки на протяжении более ста километров приведет не только к безвозвратной потере природных и духовных ценностей этих мест, но и к необратимым последствиям для всего региона.

Вот всего лишь некоторые выдержки из сводного заключения экспертной комиссии Государственной экологической экспертизы Госкомприроды РСФСР от 4.07.89:

«Данные приведенных геохимических, гидрохимических и медико-биологических исследований... свидетельствуют об опасности загрязнения вод, донных отложений и гидробионтов ртутью и сопутствующими тяжелыми металлами — мышьяком, сурьмой, свинцом, медью и т. д. ... Заметная часть неорганической ртути и метилртути будет выноситься в нижний бьеф. Загрязнение ртутью низовий Катуни и Оби вплоть до Новосибирска сделает этот обширный регион **опасным** для здоровья людей».

«... В случае реализации проекта ухудшится режим затопления поймы Оби, что в конечном итоге отразится на состоянии пойменных лугов — снижении их продуктивности и сокращении площадей».

И вот окончательное заключение:

«На основании вышеизложенного, учитывая экологическую опасность и угрозу утраты больших исторических, культурных и духовных ценностей экспертная комиссия проект... отклоняет, признавая при этом нецелесообразность проведения дополнительных научных и производственных изысканий по проекту».

Сплавляясь по Катуни, мы побывали в поселке Майма, где живут будущие гидростроители. Этот «маленький рай» можно сравнить со Звездным городком для космонавтов: аккуратные особнячки и приусадебные участки, благоустроенные общежития, Дворец культуры, больница, школа, магазины, тротуары, прекрасные ясли и детский сад, а на его фасаде — картина, на которой изображена женщина с ребенком на фоне плотины и надпись: «Мы за мир!» Вопрос «за ГЭС или против» здесь, видно, не стоит. Как контрастирует этот поселок с печальной Еландой!

Во время экспедиции мы неоднократно беседовали с представителями различных слоев населения Горного Алтая: рабочими, крестьянами, интеллигенцией, служащими. Подавляющее большинство опрошенных — против Катунской и Чемальской ГЭС.

Катунь не оставила нас равнодушными. Она показала, что есть еще силы, способные противостоять дикому натиску бездумного, слепого хозяйствования. Но борьба не окончена, и хотелось бы верить, что ряды защитников Горного Алтая, так же, как и всего живого на Земле, пополнятся новыми честными, энергичными людьми.

Г. АЛЕКСЕЕВ

ОТЕЦ И ЛЖЕОТЦЫ «КАТЮШИ» *

Третий «герой» баек Голованова и поддержавшего его Роя Медведева — Г. Э. Лангемак. Окончив Военно-техническую академию в Ленинграде в 1928 году, он становится сотрудником все той же организации ГДЛ, а точнее, НИАП **. Однако среди сотрудников ГДЛ его фамилии в то время не было, как не было и ГДЛ (даже на бумаге) как самостоятельной штатной организации. Лангемак фигурирует в бумагах ГДЛ с сентября 1929 года.

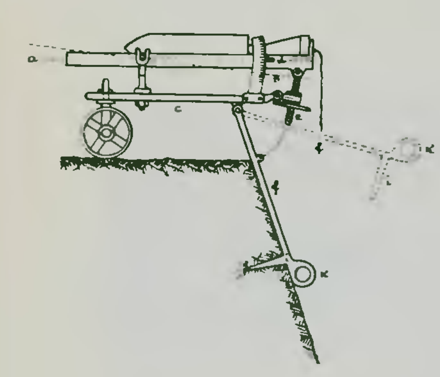
В его книге, написанной совместно с В. П. Глушко (она упоминалась выше), нет и намека на будущую «катюшу». Ею просто в то время никто не занимался. В подтверждение своих слов приведу ответ, который получил изобретатель «катюши» профессор И. П. Граве: «Технический штаб начальника вооружений РККА, 3 сентября 1930 г. Профессору ВТА им. Дзержинского т. Граве... Испытываемые в настоящее время снаряды, хотя и устроены на принципе ракеты с применением зарядов бездымного пороха, но наличие этих признаков, по причинам, указанным выше, не сопряжено с нарушением прав ни Ваших, как обладателя патента, ни кого бы то ни было другого. Что касается устройства снарядов, то и по идее и по форме выполнения они ничего не имеют общего с ракетой, описанной в Вашем патенте».

Итак, работы проф. Граве «ничего не имеют общего...». Да, действительно, если посмотреть и сравнить работы Артемьева, Петропавловского, Лангемака, то они действительно не имеют ничего общего с работой Граве. Отсюда можно сделать вывод, что работы в конце 1920-х — начале 1930-х годов приняли совершенно другое направление, нежели то, которое предлагал Граве... еще до революции.

У Роя Медведева фигурирует еще один «отец» — Иван Терентьевич Клейменов. Он назван ни много ни мало «создателем первых ракетных двигателей». Так ли это?

В январе 1933 года Клейменов в рапорте Тухачевскому, который приходился ему родственником, пишет о состоянии дел в ГДЛ: «В первую очередь требуется... немедленное оформление лаборатории в виде штатной единицы по типу научно-исследовательских институтов РККА и слияние с Институтом группы по изучению реактивного движения при ЦС Осоавиахима и Военно-воздушной акаде-

* (Окончание. Начало в № 3 «Молодой гвардии»)
** Научно-исследовательский артиллерийский полигон.

мии» (Архив АН СССР, д. 1611, с. 51). Вот чего хотел Клейменов — слить несуществующую, неработоспособную организацию, какой являлась ГДЛ, с работающими ГИРД (группа изучения реактивного движения) и Военно-воздушной академией. Чудеса, да и только!

В октябре 1933 года Тухачевский своим приказом назначает Клейменова начальником вновь созданного Реактивного научно-исследовательского института, который фактически вплоть до 1934 года бездействовал, как и ГДЛ. Прошли 1934, 1935, 1936, 1937 годы. Задания на проектирование установки «катюша» не поступало.

Образование Клейменова — ускоренный курс Академии по снабжению Красной Армии (1920 год) и Военно-воздушная академия (1928 год). С 1929-го работал в торгпредстве в Берлине. Никогда никаким конструированием чего-либо не занимался. Мог ли этот человек создать «катюшу» или быть одним из участников ее создания?

Рой Медведев к рассказу о «катюше» присовокупил и С. П. Королева. Здесь небольшая, но существенная деталь. К работам над «катюшей» он не имел ни малейшего отношения. Однако «заложили» Королева его же начальнички: Клейменов и Лангемак. В письме на имя Вышинского в 1939 году (уже с Колымы) Королев подчеркивал, что его «подло оклеветали директор института Клейменов, его заместитель Лангемак и инженер Глушко». Да, да, именно тот самый Глушко Валентин Петрович, который потом, в хрущевские времена, стал академиком, дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом... и т. д.

В 1920—1930 годах доносительство было в моде, не отставал от нее и Глушко. На его совести жизнь известного инженера А. Б. Шершевского (помощника немецкого ракетчика Г. Оберта), пожелавшего служить Советской власти. Клейменов и Лангемак в 1938 году были расстреляны. Дали срок и Глушко. Только отбывал он его в более привилегированном, нежели Королев, месте — в Казани. Так что Сталин и здесь ни при чем.

Ну а цитата из «допроса» следователя Королева — чистый «литературный» вымысел Роя Медведева. В деле Королева таких цитат следователя нет.

Это рассказ о лжеотцах, каковым эпитетом можно назвать и Я. Голованова, и Р. Медведева — пусть они не обижаются.

А истинный творец «катюши» — наш соотечественник, до революции полковник гвардейской легкой артиллерии, а в советское время генерал, профессор, лауреат Сталинской премии первой степени, полученной за разработку теоретических основ реактивного оружия,— Иван Платонович Граве.

Имя этого человека нынешнему поколению молодых людей почти неизвестно. Но оно прочно вошло в нашу историю и, в частности, в историю артиллерии. А уж старые артиллеристы его наверняка не забыли и помнят.

Родился Граве 13 ноября 1874 года (по старому стилю) в Казани, в семье военного. В 1885 году поступил в Симбирский кадетский корпус и после окончания полного курса в 1892 году, в числе трех лучших по классу, был направлен в единственное тогда в старой России Михайловское артиллерийское училище. Был зачислен рядовым унтер-офицерского звания и через три года, в 1895 году, был произведен в офицеры. По собственному желанию Иван Граве был назначен в Батумскую крепостную артиллерию.

Прослужив в строевых частях два года, в 1897 году Граве добился принятия его в Михайловскую артиллерийскую академию, по окончании которой в 1900 году был направлен на должность репетитора в Константиновское артиллерийское училище. «Преподавал математику, механику, физику, артиллерию в различных военных училищах и корпусах, занимаясь в то же время своей специальностью — внутренней баллистикой»,— отмечал в своей автобиографии Граве.

В 1904 году он успешно защищает диссертацию на тему «Об исследовании закона горения бездымных порохов в неизменяемом пространстве». На нее обратили внимание за рубежом, в частности во Франции, где она была переведена с русского языка и опубликована в третьем номере «Артиллерийского журнала» за 1907 год.

После защиты диссертации Граве получил звание преподавателя Артакадемии и артучилищ. В 1909 году был назначен штатным преподавателем Михайловской артиллерийской академии. Октябрьскую революцию 1917 года Граве встретил в чине полковника гвардейской легкой артиллерии.

О своем отношении к революционным событиям 1917 года он сообщает в автобиографии: «В Февральской и Октябрьской революциях никакого личного участия не принимал, а также и не принадлежал ни к каким партиям. Вообще политикой не интересовался, что объясняется как полученным воспитанием, так и влиянием той среды, в которой приходилось служить и работать».

Жизнь полковника Граве, как и многих военспецов, принявших революцию и новую власть, сложилась драматично. Об этом как-то не принято было писать, инакомыслие преследовалось большевиками. Но в первое десятилетие Советской власти об этом писали, и писали открыто, не стесняясь. В книге для широкого круга читателей «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией» (Государственное издательство, 1921) М. И. Лацис (Судрабс) на с. 54 писал: «Наши специалисты в своем большинстве — люди буржуазного круга и уклада мыслей, все часто родовитого происхождения. Лиц подобных категорий мы по обыкновению подвергаем аресту как заложников или же помещаем в концентрационные лагеря».

К контрреволюционным элементам Лацис относил «юнкеров, офицеров старого времени, учителей, студенчество и всю учащуюся мо-

лодежь» (см. с. 13 той же книги). А полковник Граве как раз и относился к «офицерам старого времени». Граве страдал, как и вся русская интеллигенция, оказавшаяся в плену бронштейнов и апфельбаумов, коганов и розенфельдов. Страна покрылась сетью концлагерей.

Троцкий и его окружение на XV съезде ВКП(б) в 1927 году были исключены из партии, но репрессии троцкистов не прекратились. Они коснулись и Граве. «17 января 1931 года в период арестов после процесса промпартии я был арестован...» — писал Граве. «Через четыре месяца был освобожден из-под следствия и полностью восстановлен на службе. В 1934 году за свою работу по подготовке красных командиров-артиллеристов был награжден орденом Красной Звезды и получил благодарность по Красной Армии...»

Еще до революции 1917 года Граве подал заявку на свое первое изобретение — ракету на бездымном порохе. Долгих десять лет он бился за право обладать патентом. И мешали ему в этом люди Троцкого, которые сидели и в советском арткоме. Один отказ следовал за другим. К кому только он не обращался: и к начальнику артиллерии и бронесил Шейдеману, и к командующему Ленинградским военным округом Корку, и начальнику ГАУ Садлуцкому и т. д. Борьба была на сей раз с новой зарождающейся советской бюрократией. В ноябре 1926 года Граве, наконец, стал обладателем патента. Патент был тут же засекречен и сдан в архив.

В 1938 году — снова арест, и снова ему наклеили ярлык «вредителя Советского государства». Можно только восхищаться мужеством и стойкостью этого человека. И второй арест его не смог сломить. В 1939 году, когда об изобретении Граве узнал Сталин, он был выпущен из тюрьмы, ему вернули воинское звание дивинженера, и он вновь приступил к своим обязанностям начальника кафедры в Артакадемии. 1942 год стал для Граве счастливым. Как мы уже сказали, он был удостоен Сталинской премии I степени. Единолично, без соавторства. Это была первая премия в области военных наук, целиком посвященная реактивному оружию. В этом же году бывший царский полковник был удостоен звания генерал-майора Советской Армии.

Много было и других изобретений у Граве, посвященных реактивному оружию. Умер он в 1960 году, в возрасте 86 лет, и похоронен на Новодевичьем кладбище. Проститься с ним пришли его ученики, видные полководцы Великой Отечественной, маршалы и главные маршалы артиллерии: Воронов, Неделин, Казаков, Одинцов и многие другие.

НА СНИМКАХ: пусковое устройство с ракетой; И. П. Граве. 1942 год.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ «ТОВАРИЩА»: на выставке «Общность исторических судеб народов страны»; заведующая выставочным отделом Центрального музея В. И. Ленина Галина Ананьина. Фото А. ЕГОРОВА.

Год лошади может стать трагическим для отечественного коневодства. Лучшие породы коней за бесценок уходят на аукционах к заграничным перекупщикам...

Вадим ЦЕКОВ

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Картина была красочной, привлекательной и неповторимой. На манеже конного завода шла выводка — демонстрация наших породистых лошадей. В центре манежа, среди разбросанных опилок, за высокой трибуной с установленным на ней микрофоном стоял пожилой, осанистый, седовласый, нарядно одетый аукционист в светло-сером костюме-тройке и с гордо поднятой головой.

Зрительские скамейки, круто возвышающиеся до потолка, были заполнены до отказа. Многие даже стояли в проходах. Лучшие же места в первых рядах занимали иностранцы-бизнесмены...

— Вашему вниманию, — торжественно и громко провозгласил аукционист, обращаясь к присутствующим, — предлагается молодой жеребец арабской породы...

В тот же момент на манеж вбежал совсем юный элегантный выводчик — берейтор, в белых бриджах и красном сюртуке. Он еле удерживал за повод гарцующего жеребца. И, надо сказать, наш красавец — арабский жеребец превзошел всех и вся! Но тут это особо никого не удивило! Ахнули лишь тогда, когда громогласно прозвучало: «Продан!» И ахнули потому, что непревзойденный жеребец был продан чуть ли не за целковый...

Спустя месяц этот красавец жеребец был перепродан за рубежом, и его новый владелец сказочно на нем нажился.

Но, может, это лишь единственный досадный случай? Оказывается, ничуть! Чтобы не быть голословным, приведу хотя бы несколько конкретных примеров. Так, еще в 1978 году гражданину США Кейлу был продан за 150 тысяч долларов арабский жеребец Мускат, принесший ему, по словам американца, прибыль более миллиона долларов. В том

же году была продана за рубеж по крайне заниженной цене за семь тысяч долларов одна из лучших советских племенных кобыл Нисса. В 1981 году гражданину США А. Хаммеру продан за миллион долларов жеребец Песняр, который впоследствии стал национальным чемпионом Америки. А в 1983—1985 годах были сданы в долгосрочную аренду в США выдающиеся советские жеребцы Менесс и Пеленг соответственно за 2 и 2,35 миллиона долларов. По оценке же квалифицированных специалистов, реальная стоимость Менесса составляет — 10 миллионов долларов и Пеленга — 7 миллионов долларов.

Можно назвать и другие не менее колоритные факты, когда советские породистые лошади, купленные в СССР иностранцами по традиционно заниженным ценам, с необычайной легкостью перепродавались ими за рубежом в 10—12 раз дороже.

Так что же случилось с нашими породистыми скакунами, прославленными на весь мир? Вот суждение на сей счет сотрудника ВНИИ коневодства Е. Шемарыкина:

«Продажей ряда лошадей элитокровной породы за рубеж нанесен ущерб развитию этой породы в СССР. Так, за рубеж были проданы жеребцы и кобылы, представляющие большую племенную ценность. К числу таких лошадей относятся жеребцы Мускат, Момент, Песняр, Пеленг и другие. Особенно много было продано ценных гнездовых кобыл, матерей жеребцов-производителей (Магнолия, Непрядва, Карта и другие), сестер жеребцов-производителей (Наина, Катунь, Паркетная, Песенка, Пристань и другие). Список подобных жеребцов и кобыл можно продолжить и далее. Некоторые из этих лошадей стали национальными чемпионами США, Канады, стран Западной Европы, чемпионами мира на парижской выставке. Такая бесконтрольная продажа чистокровных арабских лошадей привела к возникновению негативных явлений. Из СССР ушли лошади, представляющие уникальную племенную ценность. Возникли трудности в развитии большинства линий и семейств, что начало сказываться на ведении селекционной работы. Это выразилось в нарушении нормальной генеалогической структуры линий и семейств. Зато в США и Голландии были созданы дочерние хозяйства по разведению русских чистокровных арабских лошадей, которые успешно начали конкурировать с Терским конным заводом. Между тем Хреновской конный завод был укомплектован кобылами, которые в общей массе имеют невысокую племенную ценность. И все потому, что продажа за рубеж ценных кобыл не позволила комплектовать этот завод должным образом. Племенной же материал, поступавший из Терского конного завода в другие конные заводы нашей страны, разводящие чистокровных арабских лошадей, характеризовался более низким качеством, чем продававшиеся отдельные лошади за рубеж».

А вот что сказал директор Центрального московского ипподрома К. Дзалаев: «За последние годы в Америку продано много лошадей, что расценивается специалистами как подрыв основы племенного дела. Ушли лучшие производители, а главное — очень большая группа кобыл племенного ядра. Лучшие сыновья Набега: Песняр, Менесс, Пеленг, Намек, Наивный — проданы. Проданы Нарядный, Плакат, Нанам, Надежный — все они теперь производители в США. А что есть хотя бы равноценное на Терском конном заводе? Из линии Насима проданы Мускат и Момент, а еще раньше их дед Негатив и отец Салон. Проданы в США и также используются производителями другие сыновья Салона — Монокль, Подснежник и Намет. А что у нас в Союзе лучше Салона, Муската и Момента?. Из линии Прибоя

остался один Нафталин, причем далеко не лучший... В США же стоят производителями сын Померанца и Норки — Нартан, сын Тополя и Наставницы — Новатор и сын Тополя и Переколы — Пятигорск. Из линии Мансура на Терском конном заводе остался Машук, от которого потомства нет. А в США ушли прекрасные жеребцы — Килиманджаро, Мамлюк и Макат. Теперь о кобылах. Лишь некоторые примеры. В США проданы Монограмма — мать Мурманска и Мамлюка, Панорама — мать Потомака, Непрядва — мать Нафталина, Карта — мать Килиманджаро и бабка Каравана, Магнолия — мать Муслина, Магнита и Мага. Проданы все дочери Панагии — матери Балатона, и многие гнездовые кобылы — Познань, Пустыня, Пудра, Наина, Нарада... Экспорт таких лошадей подорвал саму основу отечественной торговли в будущем. Американцы «наелись» нашими гнездовыми лошадьми. Кто еще в мире торгует жеребцами, зачисленными в производящий состав? Они потому и покупали, что знали: приобретают лучшее из того, что есть. Решения же о продаже лучших наших лошадей принимаются кулуарно, без учета мнения специалистов. Известно много фактов, когда купленные у нас по 20—70 тысяч долларов лошади перепродавались в дальнейшем в 10—20 раз дороже.

Тревожные мысли директора Центрального столичного ипподрома К. Дзалаева развили и другие специалисты.

— Лет десять-пятнадцать тому назад,— сказал главный зоотехник Московского международного аукциона Н. Шурыгин,— мы успешно торговали и лошадьми рысистых пород: орловской и русской. Но за последние годы на Западе рысистый спорт шагнул вперед. А мы остались на прежнем уровне.

— Что и говорить,— вздохнул заместитель генерального директора Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Скотоимпорт» В. Дмитриев.— Раньше было принято хвастаться самой формой аукциона, увлекаться помпезностью. И мы запустили эту область. Зарубежные же конкуренты торгуют хорошо, а мы не очень. При оптимальном возрасте лошадей, представляемых на внешний рынок,— четыре-шесть лет, на аукционе сейчас продаются наши лошади

двух-трех лет. То есть торгуем сырьем, а не высококачественной готовой продукцией. А отсюда и цена. За хорошую же, подготовленную спортивную лошадь в возрасте четырех-шести лет можно без труда получить 20—50 тысяч долларов и выше. Однако выращивание такой лошади, как утверждают конезаводчики, хозяйству почему-то экономически невыгодно. Нужны, мол, корма, тренеры, уход, врачи. А потому на аукцион поставляется молодняк. И если раньше в нашу страну приезжали на аукцион сотни покупателей, то сейчас — единицы. А еще бывает и так: некоторые должностные лица бывшего агропрома прихватывали с собой за рубеж одну-две лошадки, чтобы с большой помпой совершить для себя увлекательный заграничный вояж и в последующем хвастаться символическими призами. А иногда, попирая интересы государства и не брезгуя получать от заинтересованных иностранцев копеечные презенты, наделенные высокими полномочиями любители наживы уступали лошадей по более сходной цене.

В. Дмитриев, безусловно, прав. В этом еще раз убеждаешься, читая одну из служебных объяснительных записок: «Я, Балакшин Олег Александрович, ведущий специалист Управления коневодства Госагропрома РСФСР, до 1982 года работал зам. начальника Управления конных заводов Главконупра МСХ СССР и по роду своей работы курировал верховое коневодство и, в частности, арабское. В данной записке хочу отметить, что, выступая в качестве эксперта и специалиста по отбору лошадей для продажи на экспорт, мне неоднократно приходилось убеждать руководство главка в лице т. Мартыненкова А. Е. о нецелесообразности продажи за границу ряда лошадей, представляющих ценность для нашего коневодства. Однако несмотря на мои заявления, мое мнение в расчет не принималось, в результате... в США был продан ценнейший жеребец Мускат за 150 тысяч долларов, взамен получены два рысистых жеребца: Линдогоновер и Сантаниэл Уэйт, оказавшиеся практически бесплодными. Сделка была проведена Мартыненковым, который лично выезжал в США для отбора жеребцов. В то же время Мускат стал чемпионом США и Канады. И по личному заявлению его владельца Г. Кейла, он заработал на нем более 1 миллиона долларов... Необходимо также отметить, что в свое время по указанию Мартыненкова в Болгарию был продан родной брат Муската Момент, который вышеуказанный г-н Кейл перекупил в Болгарии за 500 тысяч долларов... Считаю, что вышеизложенное свидетельствует о безответственном отношении к вопросам выращивания высококачественной продукции для поставки на экспорт, что приводит к продаже лошадей по явно заниженным ценам, а неправильные действия Мартыненкова А. Е. наносят ущерб государству...»

Автор цитируемой пространной объяснительной записки О. Балакшин не упустил случая поведать и о своих пикантных служебных похождениях на коневодческой ниве:

«... Я, Балакшин Олег Александрович, неоднократно встречался с Г. Кейлом, его отцом и Гаррисоном во время их визитов в СССР в гостиницах и ресторанах. На встречах они интересовались вопросами селекции, технологии и подготовки лошадей для продажи на аукционах... Во время встреч Г. Кейл давал мне в качестве подарков несколько очков, рубашек, виски и однажды аппарат «Коника», который я перепродал за 300 рублей. Признаю это как нарушение существующих правил и готов нести ответственность за это. В Лондоне в 1982 году встречался с Р. Киддом в ресторане по просьбе его жены, которая писала книгу и просила дать ей информацию. На встрече была супруга и гл. зоотехник Терского конезавода Пономарев А. М. Во время встреч с Г. Кейлом обсуждались вопросы предварительных цен на лошадей, которые я потом докладывал Мартыненкову, и окончательные результаты по оценке принимались в результате официальных бесед. В одной из бесед в Лондоне, в Хилтоне, я посоветовал Г. Кейлу заручиться официальным согласием в принципе от Мартыненкова, после чего мы с Пономаревым подберем ему что нужно по нашему отбору. В ряде случаев после длительных бесплодных переговоров Мартыненков сам поручал мне одному поехать к Кейлу для встречи в гостиницах и ресторанах и выяснить его реальные возможности. В 1984 году после аукциона Г. Кейл подарил мне 200 долларов, которые я отдал т. П. (100) и фотографу ВНИИК Н. (100)... Что касается вручения подарков и валюты другим сотрудникам Главконупра, то, по словам Н. Ф. Николаева, ст. зоотехника Союзплемживобъединения, Мартыненков на сделке с Мускатом и его обменом заработал порядочную сумму...»

Не остался в долгу перед раскаявшимся ведущим специалистом по коневодству О. Балакшиным и его начальник А. Мартыненков. В своей не менее пространной служебной объяснительной записке А. Мартыненков так прокомментировал пикантные похождения подчиненного:

«Со своей стороны поведение... т. Балакшина объясняю высшей степенью расхлябанности и недисциплинированности».

Итак, что же произошло и что происходит? Нанесен колоссальный, невосполнимый ущерб целой отрасли народного хозяйства и науки. Методически, шаг за шагом, на протяжении многих последних лет подрывались основы отечественного коневодства и коннозаводства. Причем делалось это профессионально и систематически, настойчиво и целеустремленно. Все подчистую выгребалось, сметалось на корню и за бесценок сбывалось за рубеж! И не только лучшие из лучших лошадей, представляющих огромную уникальную племенную ценность, но и вся элитокровная родня: братья и сестры, отцы и матери, деды и бабушки. Целые знаменитые семейные династии!

И конечно же, как водится ныне, никто из должностных лиц, виновных в этих преступно опустошительных операциях, не привлечен к ответственности и не наказан. Одни благополучно продвинулись и продвигаются по службе, другие поспешили уволиться «по собственному желанию» и сразу же разместиться в иных, не менее престижных и доходных должностных креслах, третьи, выбив себе персональную пенсию, блаженствуют на «заслуженном отдыхе».. И никакого следствия, никакого разбирательства! Никакого угрызения совести! Так, может, все-таки Прокуратура СССР даст принципиальную оценку случившемуся и обратит внимание на тех, кто нанес невосполнимый ущерб Отечеству?

●

АФГАНИСТАН НА ДОМУ?

«Народный фронт Азербайджана рассматривает СССР как дуалистическое государство: мусульмано-христианское, или, точнее, тюркско-славянское. Поэтому у нас совершенно иная тактика, нежели у прибалтийских народов. Мы не рассматриваем даже возможности выхода из СССР, так как для нас это был бы выход из тюркского единства. А вот возможный выход Прибалтийских республик был бы нам выгоден: на три европейских христианских народа будет меньше. Это усилит мусульманское влияние в Советском Союзе.

... Да, в нашей борьбе есть элементы джихада (араб.— война за веру, предписанная Кораном.— Ред.)... Но это русским кажется, что азербайджанцы вот-вот объявят джихад. Нет пока (выделено нами.—Ред.) надобности в таком мощном орудии, когда все, от мала до велика, и женщины тоже, идут на бой, а погибнув, по нашей вере, попадают в рай. Можно пользоваться более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железнодорожных прежде всего, экономическое эмбарго.

... Мы, согласно нашей религии, надеемся только на себя. Хотя знаем, что за нами стоит весь исламский мир, Иран, Турция».

Из беседы с одним из идеологов Народного фронта Азербайджана, сотрудником Института литературы АН республики Гамидом Херищи *.

Да, плюрализм — очевидное достижение перестройки. Проявившись первоначально как многообразие мнений, ныне он перерос в многообразие концепций самой перестройки. Перед нами — одна из таких концепций, которую пытается реализовать Народный фронт Азербайджана.

События в этой республике вызывают повышенный интерес как в нашей стране, так и за рубежом. Льется кровь, страдают мирные жители... Конфликт на национальной почве перерос в открытые военные действия.

В западной печати мелькает выражение «исламский взрыв», который, по мнению специалистов, начался после иранской революции. Во многих странах произошла резкая активизация различных мусульманских организаций и движений, нередко экстремистского толка. Соответствующие службы на Западе сразу начали искать новые возможности для ведения подрывной деятельности против СССР. Еще в 1979 году в Вашингтоне З. Бжезинский, один их архитекторов дестабилизации положения в Польше, представил официальный доклад по стратегическим проблемам, связанным с «исламскими играми». Были разработаны программы для передач радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» на языках народов среднеазиатских республик.

Глубоко законспирированная структура некоторых организаций исламских фундаменталистов, как отмечают специалисты, очень напоминает устройство масонских лож. Видимо, приходит к выводу обозреватель И. Беляев, пора уже говорить о мусульманском — «зеленом» — масонстве. Существуют доказательства связи тайной иранской организации «Ходжатие», включающей в себя цвет исламской республики, с английскими масонскими ложами. Именно контакты такого рода способствовали закупкам оружия у США и Израиля. Набирает силу организация «Братья-мусульмане», большая часть руководящих центров которой расположена в городах ФРГ, а также в Париже и Лондоне. Важнейшие из этих центров тайно связаны с Израилем. В Афганистане подавляющее большинство душманов, уничтоживших и около 5 тысяч мулл только за лояльность Кабулу, входят в состав «братьев». Один из их лидеров открыто заявлял, что «мы уже перенесли войну в страну шурави (Советский Союз)» *.

Алма-атинские события в декабре 1986 года подогрели внимание Запада к межнациональным проблемам в СССР. «Когда же следующее восстание,— вопрошал французский журнал «Эвенмаш дю жеди»,—и делал следующий прогноз: «Самое страшное — еще впереди. Это 50 миллионов мусульман Средней Азии, среди которых растет исламский фундаментализм, где широко действует подпольное религиозное братство» *. Сходную мысль высказывал западногерманский специалист В. Дитль: «Если ислам, сейчас скрывающийся за кулисами, вырвется на широкую дорогу и взбунтуются агрессивные фундаменталисты, Кремль получит новую Польшу, на этот раз в собственных границах» **.

Что ж, все идет по разработанным сценариям. И если Народный фронт Азербайджана пока не прибегает к джихаду — войне за веру, то элементы ее, по словам Г. Херищи, уже имеются. Нетрудно представить, что готовят исламским народам такого рода теоретики, если блокада дорог, экономическое эмбарго у них называется «демократическими мерами воздействия».

Народы, исповедующие ислам, так же, как и представители других конфессий, должны иметь свободу вероисповедания. Позитивные изменения в этой сфере уже происходят. Но нельзя допустить, чтобы религиозное возрождение использовали в своих политических интересах силы, добивающиеся развала государства.

На Афганистане мы уже обожглись — и долго он еще будет откликаться в наших душах. Виновные этой трагедии названы, хотя далеко не все. Но кто ответит за гибель наших солдат в Закавказье? Какой по счету съезд народных депутатов?

«ТОВАРИЩ»

* Газета «Согласие», № 18, 23—30 ноября 1989 г., г. Вильнюс. Перепечатано из газеты «Атгимимас».

* «Литературная газета», 1987, 20 мая.

* «Московские новости», 1988, 3 апреля.

** «Литературная газета», 1989, 20 апреля.

ИНТЕРПОЛ НЕГОДУЕТ

То, что государство Израиль направляет военных инструкторов в страны Южной Америки, было известно давно. Зарабатывались хорошие денежки как на подготовке телохранителей для различных диктаторов, так и на организацию отрядов профессиональных головорезов против пресловутой «красной угрозы». Дядя Сэм до поры до времени смотрел на это благодушно.

Работали израильские инструкторы и в Колумбии. Само название этой страны сейчас настораживает многих. Особенно американцев. Ведь там обосновался центр крупного наркобизнеса.

В школе парашютистов в Колумбии работал полковник Яир Кляйн. В Тель-Авиве о его успешной деятельности демонстрировался видеофильм: инструктор в одежке южноамериканского скотовода муштровал солдат, поощрительно хлопал по плечу молодых колумбийцев с автоматами в руках.

Но все это оказалось ширмой. Государственная служба безопасности Колумбии обратилась в Интерпол с просьбой тщательно расследовать бурную деятельность «скотовода». Как выяснилось, Кляйн готовил не парашютистов, а головорезов для владельцев феодальных корпораций по выращиванию и контрабанде ядовитого зелья. И был израильский вояка одним из ста руководителей подобных «парашютных школ» в Колумбии. В каждой заправляли бывшие офицеры из ближневосточной страны. Через школы поставлялось и оружие без клейма страны-производителя, ибо еще в 1978 году президент США Картер запретил ввоз оружия и боеприпасов в эту экзотическую страну.

Интерполу не составило труда выяснить, что Кляйн действительно готовил телохранителей для боссов наркобизнеса. Готовились и боевики, но не против «красных партизан», а против тех, кто пытался приостановить тайный экспорт «белой смерти». Гибли колумбийские таможенники, полицейские, судьи, простые люди, журналисты.

Рекламный видеофильм, снятый о работе Яира Кляйна, попал сперва в руки колумбийского генерала Мигеля Маса, а затем был передан Интерполу. Инструктор в одежде скотовода бежал в неизвестном направлении. Это было сделать легко, ибо полковник получал по 10 тысяч долларов в месяц, не считая премиальных подачек от подпольных дельцов города Меделин — столицы переработки наркотиков.

Интерпол, получивший затем задание и от США, где объявлена жесткая война меделинской наркомафии, начал розыск Яира Кляйна. Скорее всего он объявится в Израиле, где ему грозит тюремное заключение максимум на три года. Учитывая подоходный налог с его деятельности в Колумбии, срок может быть и сокращен. А судить его будут не за преступления, а лишь за то, что он якобы не поставил правительство в известность о характере своей работы в заграничной командировке.

Г. МАЛИНИЧЕВ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ ЗОДЧИХ

От Тулы до знаменитых египетских пирамид, как говорили в старину, версты не мерены. Далеко и до известного английского мегалитического памятника из сарсеновых камней — Стоунхенджа. Казалось бы, что их может связывать? И тем не менее связь эта существует.

В настоящее время раскрыт принцип работы древних зодчих. С помощью модульно-координатной сетки, имеющей основное деление — 48 саженей «старых казенных» (217, 714 см). Эта сетка позволяет иметь более мелкие деления кратные 2, 3, 4, 6, 8, 12 и т. д. саженям, а центры этих мелких квадратов используются для разбивки осей башен, куполов храмов, алтарей, колоколен, помогая простыми средствами, без особых приспособлений, реализовать на местности любой замысел.

Метод работы по клеточкам известен давно, еще со времен строительства пирамид в Египте. Однако и русские мастера были не промах. Вот что написано в книге английского исследователя Дж. Вуда «Солнце, Луна и древние камни»:

«Известно ли... каким изящным методом пользовались древнерусские богомазы для росписи внутренней поверхности куполов православных храмов, чтобы зрительный образ воспринимался снизу без искажений, обусловленных кривизной поверхности. В купольном барабане храма временно натягивалась веревочная сетка, а на полу по ночам раскладывался маленький костер. Тени от веревок падали на прямоугольную поверхность, и их обводили углем. Так получалась точная картина искажений правильных квадратов веревочной сетки при центральном проектировании их с пола на сферическую подкупольную поверхность. Затем исходный рисунок тоже разбивался на квадраты и уже по квадратам, с учетом искажений, переносился на потолок».

Попробуем «старой казенной» саженью размерить Тульский кремль, поделив его на квадраты 48×48 саж. Взяв карту 1772 года, нанесем сразу все храмовые постройки, которые имели место в кремле в XVIII веке (старый Успенский собор, «новый» Успенский собор 1762—1766 годов, колокольню 1777 года и Богоявленский собор 1856 года), на современную геоподоснову. Как видно из рисунка, все разбивочные оси, все основные планировочные элементы соборов, их постановка «кособоко» в четком пространстве кремля подчинены строгой логике: законам, которые нами ныне забыты. Из приведенного анализа следует, что в начальный период своей жизни кремль был почти что симметричным, сужающимся к востоку, и скорее всего имел 10 башен, а не 9, как в XVIII и последующих столетиях. После 1911—1915 годов кремль стал больше, чем в XVI веке, в чем-то повторяя по пропорциям своего предшественника, а в чем-то и суще-

ственно отличаясь В XX веке северо-западная сторона по центрам башен была доведена до размера 217,70 м, что равно 100 саженям, а по той же стороне между гранями стен южной и северной было «отмерено» ровно 100 других казенных саженей, то есть 213,36 м.

А что же это за сажени такие — «казенные», то есть относящиеся к «государевым» строениям? Как оказалось, между ними имеется четкая математическая зависимость *.

Исследователи старинных русских мер отмечают и разные аршины, и разные вершки, и разные локти, стопы, футы и т. п. Поэтому, видать, и сохранилось доныне выражение — «каждый мерит на свой аршин». Но самый интересный результат мы получим тогда, когда разделим сажень 217,71 на 100 долей и получим величину, равную толщине большого пальца, точное значение которого для египетских древних мер установлено округленно — 2,18 см (по И. А. Бондаренко). Естественно, что все древнеегипетские меры «плясали» от своего «пальца», но на поверку оказывается, что они вполне сравнимы и связаны точными зависимостями с древнеперсидскими, древнегреческими и, что наиболее парадоксально, с древнерусскими мерными единицами.

Построения Тульского кремля времен Василия III — Ивана Грозного, как и более поздние, основаны на принципе двух парных квадратов, что также связано с египетскими системами. Благодаря этому в кремле существует три своеобразных центра: на пересечениях диагоналей квадратов и диагоналей всего кремля. Все три «фокусные» точки использовались наряду с 9—10 башнями града как ориентиры при разбивке улиц, постановке прочих башен и храмов города.

Есть и еще одно примечательное свойство. Если в центре (0_1) ** расположить солнечные часы, сориентировав их точно по странам света, то окажется, что все башни и церкви города XVI—XVII веков расставлены через каждые полчаса и даже четверть часа. Начало отсчета в этом «механизме» — от храма Рождества Христова, расположенного таким образом, что он обозначает восход солнца 21—22 июня, то есть в день летнего солнцестояния. В тот же день солнце заходит за церковью Ильи Пророка, старыми Ильинскими воротами, Благовещенской церковью. Указанный сектор «охватывается» семнадцатью часами.

С цифрами 7, 12, 13, 17 многое связано и в творениях зодчих, которые даже в бревенчатых постройках чаще всего их использовали, отсчитывая ряды бревен до каких-либо характерных частей-выступов, навесов, кровли. В ходу были также числа 3, 6, 7, 8, 9, 19, 42, 49... Тульские башни XVI—XVII веков строились по такому же принципу, то есть их высоты выбирались путем деления на 3, 4, 5 и т. д. частей короткой стороны кремля или, в более поздние времена, 100 саженей на те же доли. На многих башнях имелись дозорные вышки, и не только для наблюдения за неприятелем. Не случайно в нашем языке имеется слово «часовой». Часовые, вероятно, ставились на тех башнях, которые отмеряли часы. Поэт позднее писал: «На Невской баш-

* 490 старых казенных саженей равнялись 500 новым казенным саженям или 1 версте городовой (1066,8 м). «Перекличка» между пятеричной и семеричной системами счета здесь очевидна. В свою очередь, 7 городовых верст равнялись старой русской морской миле, то есть 7,4676 км. Сажень 217,71 см равнялась 7 древнегреческим футам (31,102 см). Из 7-вершкового кирпича — тот же фут — выстроен Московский Кремль, а древние саркофаги в Египте равнялись по длине тем же самым 7 древним футам.

** См. рисунок.

не тишина, и на штыке у часового горит полночная Луна». Солнце, луна, звезды, песочные часы («склянки») использовались, чтобы сообщать жителям средневекового города, когда на молебен идти, когда коров выгонять на пастбище или обедню творить. До сих пор старообрядцы сохранили древнее правило: «Аще же в Великий пост, то на всякой лествице по 17 поклонов земных полагати». Все службы в церкви совершались и совершаются строго по часам, о которых ранее информировали с помощью ударов в колокол или выстрелом пушки. Набатный колокол в XV веке перед часами на Соборной площади в Московском Кремле, на Спасской башне Тульского кремля висел такой же.

Анализируя древнерусские ансамбли, мы можем убедиться, что с английским Стоунхенджем у них большое сходство. Разница лишь в том, что жрецы островной страны для своих наблюдений пользовались кольцами из каменных глыб, а россияне — «кольцами» из храмов, оборонительных башен, часовен, пожарных вышек. В этом плане символично, что послепетровская казенная сажень, узаконенная как единственная лишь в XIX веке, 213,36 см равнялась семи английским футам. Ее эталон и обычные складни мастеровых делились на 48 вершков и 84 «английских» дюйма, хотя само слово «дюйм» — голландского происхождения. Сами иностранные названия (кабельтовы, чейны, фингеры, кубиты и пр.) являются переводными «кальками» русских слов: лента, трос, цепь, перст, локоть.

В. КЛИМЕНКО, В. СЕРЕДА,
архитекторы,
г. Тула

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«БЕЗ ЛЕКАРСТВ И СКАЛЬПЕЛЯ»

В № 11 «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД БЫЛ ОПУБЛИКОВАН МАТЕРИАЛ ПОД ЗАГОЛОВКОМ «БЕЗ ЛЕКАРСТВ И СКАЛЬПЕЛЯ». В НЕМ РАССКАЗЫВАЛОСЬ О ДОКТОРЕ А. ГРИЦЕНКО, КОТОРЫЙ С ПОМОЩЬЮ МАНУАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ ИСЦЕЛЯЕТ ЛЮДЕЙ ОТ РАЗЛИЧНЫХ НЕДУГОВ. НА ВЫСТУПЛЕНИЕ ЖУРНАЛА ПРИШЛИ СОТНИ ПИСЕМ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ.

Мой десятилетний сын страдает послеродовой травмой — астигматизмом и невритом слухового нерва. Практически левый глаз у него не видит и правое ухо не слышит. Линза ему не помогает. Сообщите, пожалуйста, как можно попасть на прием к А. Гриценко?

Л. КОНЬШИНА,
Челябинская область

Год назад я тяжело заболела. Меня оперировали. Операция прошла вроде бы успешно. Но трагедия началась после наркоза. Никто не может определить, что происходит с мышцами. Они иногда словно деревянные. Куда только не обращалась, но никто не берется лечить, так как у меня лекарственная аллергия. После того, как прочитала о докторе А. Гриценко, у меня появилась надежда... Пожалуйста, умоляю вас, сообщите адрес медико-инженерного центра по восстановлению тканей.

Т. ИЗМАЙЛОВА,
Московская область

Я перенесла три операции, но недуг не отступает. Врачи от меня отказались. К какому специалисту ни пойду, ответ один: «Вы не моя больная». У моей болезни нет диагноза. Честно говоря, один врач посоветовал обратиться к народной медицине. Но где она, народная медицина? Может, А. Гриценко поможет?

Р. МАШИНОВА,
г. Запорожье

Из публикации «Без лекарств и скальпеля» мы узнали, что А. Гриценко лечит невриты. У нашей десятилетней дочки как раз такое заболевание. Она практически глухая. Это случилось в два с половиной года. С тех пор мы обиваем пороги различных медицинских учреждений страны. Были в Омске, Киеве, Москве, Ленинграде, но результат один — нулевой. Мы очень просим: помогите нам.

Н. СТРУКОВА,
г. Волгоград

Боль и слезы, страдания и терпение, тревога и надежда — вот что видится за этими скупыми, похожими на телеграммы, письмами. Сегодня мы все прекрасно знаем, в каком плачевном состоянии находится наше здравоохранение, как трудно приобрести даже необходимейшее лекарство. А сколько обид, гнева народного выливается на бездушие, бюрократизм нашей медицины! А ведь вспомните, долгие годы чиновники от медицины убаюкивали общественное мнение, убеждали, что в медицине полный порядок, что у нас больше всего врачей на тысячу человек, что мы на первом месте по количеству больничных коек. А теперь вынуждены признать, что страна занимает одно из печальных мест в мире по детской смертности, что у нас не так уж и велика продолжительность жизни...

В последнее время вдруг стали уповать на совместные советско-зарубежные медицинские предприятия. Без восторга о них ничего не говорится. При этом на первый план выставляются чисто коммерческие цели. Наверное, это хорошо, когда речь идет о промышленности, сельском хозяйстве, но тут-то дело надо иметь с людьми, здесь необходимо нечто большее, чем прибыль, доходы. Нельзя здравоохранение, заботу о людях ставить на чисто меркантильные рельсы. Нельзя лечить людей без альтруизма, сострадания, милосердия. Даже несмотря и на кабальные условия, контракты все равно заключаются.

Из нашего здравоохранения на долгие годы был выбит большой пласт — народная медицина. Сегодня она поднимается на ноги. Ей необходима помощь. Нуждается в такой помощи и медико-инженерный центр, возглавляемый А. Гриценко. Наряду с лечебной практикой самому Анатолию Григорьевичу приходится решать всевозможные вопросы, которые отрывают его от непосредственных обязанностей. Пока центр не в состоянии принять всех страждущих. Но в меру своих сил и возможностей А. Гриценко исцеляет людей. Поэтому по договоренности с ним редакция направила полученные письма в медико-инженерный центр с просьбой определить возможности оказания лечебной помощи.

ТОВАРИЩ

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Роман

Продолжение. Начало на стр. 57

— Пятнадцать самолетов поднялись, а почему не говорите, сколько упало? Где они? Их сбили, а мы, такие удальцы, сколько сбили мы? Они пришли, как в гости, и вернулись, как из гостей. Завтра жду вас вместе с Дочо Христовым *... — и прервал разговор. Увидев Филова, лишь произнес: — Э, господин Филов?

И в этом «э» была ирония.

— Беда, Ваше величество!..

— Беда?!

— Я был там, полная неразбериха...

— Неужели?

— И нет никакой медицинской помощи, нет властей.

— Слышишь, господин генерал! — повернулся князь к Михову. — А ты говоришь, Божилов не виноват, правительство на месте, военные хорошо делали свое дело. Слышишь, что говорит господин Филов? Нет правительства! Люди брошены на произвол судьбы! Наверное, сбежал и военный гарнизон! Не хватает лишь, чтобы пришли партизаны и переловили нас всех...

После обеда Богдан Филов посетил квартал «Хаджи Димитр». Хаос продолжался. Служб общественной помощи не было, чиновников тоже. Богдан Филов вернулся домой поздно и долго не мог заснуть. Перед его мысленным взором проходила вся жизнь: от первых успехов в науке до последнего посещения фюрера.

По замыслу в Германию должны были поехать князь Кирилл и новый министр иностранных дел, но дело обернулось так, что пришлось ехать и ему. И снова приемы, длинные речи, заверения, высокопарные слова о мудром царе, странный оптимизм, который продолжал царить в Главной ставке Гитлера. Там Герма-

---

* Дочо Христов — министр внутренних дел.

ния вновь показалась им непобедимой, но события с упорной настойчивостью подрывают эту уверенность. Нет, он не поддастся никаким внушениям извне и изнутри. Прежде всего надо разгромить коммунистов, тех, что расселись по горам и тайным квартирам, заставить Дочо Христова отложить все, но одолеть подпольщиков.

Прикрыв глаза, Филов долго лежал в задумчивости, мучительно стараясь отгадать смысл замечания: «Э, господин Филов», — которым встретил его князь. Наверное, Кирилл подумал, что и он, Филов, скрылся, подобно другим. Хорошо, что остановился в пострадавшем районе, иначе попал бы в неудобное положение. В сущности, что же неудобного в том, что ты бережешь свою жизнь? Разве князь оставался в кабинете? Филов на сто процентов уверен, что он спускался в бомбоубежище под регентством.

Плохо, что для Болгарии началась не символическая, а настоящая война. Англичане никогда не простят ей вхождения в Трехсторонний пакт и разрушат прекрасную столицу. Война для Болгарии начинается только теперь. И на многих фронтах. Но если вмешается Турция, тогда не останется пути для отступления. Пора думать о круговой обороне...

24

Одновременно с возвращением Дамяна пошел и снег, словно командир принес его с собой.

Вечером, когда входил в землянку, едва видимые мухи начали летать в воздухе, а наутро все горы были покрыты белым одеянием; деревья, выбеленные снегом, светились, кустарники стали похожи на холмы, где укрывались в теплых лежбищах зайцы и лисицы. Что-то стародавнее, обрядово-песенное пробудилось в душах партизан.

К обеду снег повалил снова, крупные, в детскую ладонь, хлопья летели все быстрее. Дамян вышел на порог и долго упивался этой красотой. Вот, зима не подождала еще день-другой, чтобы он мог выполнить приказ. Теперь, когда надо разделить отряд на две группы, зима зажала его, заперла, и волей-неволей им придется остаться на своих местах до таяния снега. Всякие новые следы на белом снегу страшнее предательства. Самый бестолковый лесник или дровосек может понять, куда они двинулись и где расположились, поэтому первым распоряжением командира было:

— Никаких выходов за пределы лагеря...

Передовой пост под старым буком начал жить самостоятельной жизнью. Воды, правда, нет, зато снега предостаточно. Остальные

три поста — под скалой, у родника и на тропинке. Тут ближайшие подступы к лагерю, выходить за пределы нельзя. Того, кто нарушит приказ, ждет строгое наказание.

Пришли дни размышлений и разнообразных занятий. На полу землянки появились шашечные квадраты. Головы склонились над игрой, изредка слышались сердитые возгласы проигравших.

В первые дни Дамян часто выходил из землянки, с надеждой глядя на небо: может, где-нибудь засинеет, — но постепенно надежда угасла. Снег продолжал идти — тихо, упорно. Для душевного равновесия Дамян опять взял книгу Велко. Она была в мягкой обложке, большого формата, с рисунками. Медленно перелистал ее от первой до последней страницы и нехотя вернулся к началу. Стал читать и не смог оторваться.

Некий бледнолицый пассажир путешествует, чтобы встретиться с детством, с молодостью, со страданиями любимой из отдаленной горной деревушки. Всегда озабоченная мать, готовая все отдать детям; отец, всю жизнь ожидающий сыновней благодарности, — все это вдруг вернуло его к чему-то земному и знакомому до боли, суровому и благородному. Дамян почувствовал, как увлажнились глаза, лег на спину и положил раскрытую книгу на лицо. «Значит, есть и другая поэзия, главное в которой — человечность».

Лежал, вслушиваясь в удары сердца, не отгоняя боли воспоминаний. Его мать была как та мать, полностью отдавшая себя детям, но он не смог даже прийти на ее похороны. Отец никогда не говорил ему, что надеется на помощника, но разве надо об этом говорить... У сестры, Христины, правда, свое гнездо, а вот брата гоняют по тюрьмам и концлагерям. Он, Дамян, ушел в лес, и землянка стала его купе, из окошка которого он видит фильм воспоминаний, хотя сам не похож на того бледнолицего путешественника — ведет суровую жизнь, его лицо обветрено, враги ясны и неизменны, лишь душа добра и человечна, так что может размягчиться от простых, неподдельных слов.

Он долго лежал с книгой на лице, опасаясь, как бы Велко не снял ее и не увидел командира столь непривычно разнеженным...

И так заснул. Когда пробудился, первыми словами были:

— Снег все идет?

— Идет...

Он повернулся лицом к стене, пусть думают, что спит. Книгу кто-то взял — пусть, у него есть своя книга, и он читает и перечитывает ее, как печальную поэму: молодость, которая проходит, не дав ему любви единственной для него женщины. Ее забили до смерти в полицейских участках, потом выбросили, сказав, что

она была убита при попытке к бегству. Она проходила по одному с ним процессу. Была красивой, молодой, но не выжила, хотя и победила их. Разве есть у него право размягчаться теперь, когда столько людей ждут от него борьбы и надежности? Время такое, что человеческое в человеке уходит куда-то вглубь. Но все же оно существует и вдруг удивляет тебя именно тем, что оно есть...

Взяв кружку, Дамян жадно пил кипяток. Затем надел полушубок и вышел наружу.

— Что, можно ходить по снегу?

— Не очень, товарищ командир, — ответил часовой, — вот если немного потеплеет, а затем снова похолодает, тогда ходи как по дороге...

— А лыжники пройдут, — предположил Дамян.

— Им хорошо, товарищ командир.

Вернувшись в землянку, сказал Велко:

— Того и гляди снова повалит снег, а продуктов тут запасено вполовину меньше, чем требуется. Значит, надо уполовинить порции или послать группу людей в другой лагерь за продуктами...

— И что ты выбираешь?

— Третье... Если удастся, переброшу половину состава отсюда в другой лагерь... Тогда мы с тобой разделимся. Я останусь тут с твоим заместителем, ты уйдешь туда с моим... Сегодня надо созвать ротных и решить, как быть. Думаю, наши заместители хорошо поступили, что остались в общих землянках... Мы уединились как начальники...

— Знаешь, я не согласен, — нахмурил брови Велко. — Народное войско, партизаны, товарищи, но пусть все же будет уважение к чинам. Дай послабление, и мы рассыплемся, как просо из разжатой ладони. Я ценю в тебе твердость, командирский тон. Поверь, здесь это самое нужное.

— Как знать, — усмехнулся Дамян и положил руку на плечо комиссара...

25

Развигоров был в приподнятом настроении. Отказ войти в правительство Божилова возвысил его в собственных глазах. Константина не покидало чувство, что он совершенно независим, что он освободился от какой-то ненужной тяжести. Шаг его стал увереннее, слово — весомее. Даже люди, которые вчера не хотели его знать, как приближенного ко двору, теперь искали дружбы с ним. Молва об отказе обошла всю Софию. Его поведение истолковывалось по-разному: одни говорили, что он хочет

остаться верным мертвому властелину, другие, что не сработается с Божиловым, третьи — он-де не ожидает ничего хорошего ни от князя, ни от Михова, четвертые прямо заявляли, что он испугался взять на себя какую бы то ни было ответственность в смутное время.

В последнее время Константин Развигоров все чаще появлялся в общественных местах, его юридические консультации имели все больший успех, однако он по-прежнему не рассчитывал на благоволение дворца. По его мнению, отказ от министерского поста подтверждал это. Константин припомнил подробности встречи. Регенты пригласили его в «Святую Софию». До тех пор ему не полагалось входить в это здание. В свое время царь возводил его с большой любовью, а теперь там разместился «триумвират», как его в шутку называли. Несмотря на то, что Развигорову назначили точное время, регенты заставили его ждать целых тридцать минут. Не пожелав сидеть в приемной, приглашенный ходил по коридору и терпеливо ждал, когда его позовут. Старался ни о чем не думать, но постепенно им овладевал гнев.

Филов подал ему руку где-то посредине кабинета, князь, не дожидаясь окончания рукопожатия, поспешил сесть. Сели и остальные. Филов предложил ему кожаный стул по другую сторону стола. Развигоров почувствовал, что полон обиды за ожидание, и потому ему трудно быть любезным. Пока подавали коньяк, Филов, старая лисица, начал издалека. О судьбоносном моменте истории, о Великой объединенной Болгарии, о большой трагедии, которую страна переживает в связи со смертью мудрого и незаменимого царя, о необходимости пополнить правительство новыми, незапятнанными людьми, стоящими вне партий, патриотами и верными друзьями немецких союзников. Фразы Филова, округлые, прилизанные, предназначались предшественникам Развигорова, который явно позван последним, ибо его считают человеком царицы. Поведение князя не требовало объяснений, но почему так ведет себя генерал Михов?.. Не подал руки и даже не поздоровался, как князь. Может, он считает Константина незначительной личностью, человеком, который использовал близость к царице?

По сути дела, Развигоров был недалек от истины. Князь Кирилл так и думал, с генералом Миховым дело обстояло несколько сложнее. Генерал не ценил гражданских лиц. Человек без погон виделся ему безродным отщепенцем.

Слушая Филова, Развигоров внимательно за всем наблюдал. Князь Кирилл, утонув в кожаном кресле, чистил ногти. Лишь когда Филов на мгновение остановился и кивнул князю, тот сказал:

— Если господин Развигоров думает, что министром быть лег-

ко, он глубоко ошибается. Мы требуем строгой дисциплины, точности и исполнительности. Прошло время, когда обо всем заботился царь... Хотя дело почти решено, может, господин Развигоров еще подумает...

Последняя фраза помогла Развигорову преодолеть колебания и решительно заявить:

— Я хочу сказать вам, господа регенты, что я уже подумал. Благодарю вас за честь, но не могу принять предложение...

Развигоров был поражен тем, как вытянулись лица регентов.

— Может, вас не удовлетворяет предложенное министерство?

— Нет, господин Филов, я хочу заниматься собственными делами...

— Тогда мы считаем разговор оконченным...

— Я разделяю ваше мнение...

Когда он вышел, начальник канцелярии вскочил со своего места:

— Ну что? Вас можно поздравить, господин Развигоров?

— Нет, я отказался...

Это «отказался» прозвучало так твердо и категорично, что он удивился своему тону. По смятению начальника канцелярии Развигоров понял, что мало кто отказывается от таких предложений... После этого начался его триумф.

Только он вошел в свой кабинет, как зазвонил телефон. Это был Михаил:

— Ну что?

— Я отказался...

— Категорически?

— Да... Это не по телефону...

— Хорошо. Вечером я буду у тебя...

Вечером Михаил пришел без жены. Правильно сделал, ведь в их разговоре могли прозвучать и обидные слова. Развигоров ожидал их и от Бориса, и от Александры, которые уже свыклись с мыслью, что отец будет министром. Борис распустил такой слух среди коллег, а Александра похвалилась перед подругами и кавалером. В последнее время Эрик выглядел подавленным, что-то скрывал от нее, и она хотела развеять его мрачные мысли.

Ужинали за круглым столом. Еще старый габровец внушил им, что за софрой * не говорят, а едят.

После десерта Развигоров кивнул служанке, чтобы она оставила их одних. Та легко поклонилась и вышла из столовой. Борис словно только этого и ждал.

С провоцирующей интонацией спросил:

* Софра — низкий столик для еды.

— Господин Константин Развигоров отказался стать министром?!

— Косе, это верно? — изумилась жена.

— Верно, — улыбнулся Развигоров.

Равнодушный, краткий ответ заставил всех переглянуться. Лишь Михаил продолжал смотреть в стол, с трудом скрывая душивший его смех. У него было чувство, что он видит сцену из «Ревизора» Гоголя. Ответ привел в замешательство и Бориса, хотя он и задал вопрос так, будто заранее знал о решении отца. До него дошла молва, но Борис не допускал мысли, что это правда. После того разговора в кабинете они уже больше не касались «министерского» вопроса, да и Борис тут не появлялся, занятый собой, встречами с друзьями, с девушками, обязанностями, служебными и неслужебными, беспокойством за друга Александры. Эрик поделился с ним тем, что его могут отозвать. Причины не называл. Колебался, как ему поступить. Если его отправят на фронт, он будет просить руки Александры, потому что может и не вернуться живым...

Значит, Эрик хочет узаконить их отношения. С фронта, с Восточного, мало кто возвращается. В последнее время и Александра казалась Борису очень угнетенной. Наверное, Эрик и ей высказал свои опасения. Борис чувствовал себя виноватым перед сестрой в том, что когда-то познакомил ее с Генрихом фон Браувичем. В сущности, мало ли знакомств происходит на земле. Если не Генрих, то кто-нибудь другой. Так уж распорядилась судьба...

В эти дни молодые военные все чаще произносили и обдумывали слово «судьба». Начиная от «судьбоносности», всегда сочетающейся со страной, и кончая личной судьбой каждого. Постепенно в их рассуждениях все больше утверждалась мысль, что никто не может избежать своей судьбы. Где-то кто-то ведет строгий учет каждого земного жителя и, подобно неграмотному делопроизводителю, черточками помечает на двух концах пастырского посоха добро и зло. Борис стал фаталистом и верил в этого неизвестного делопроизводителя, но никто не мог его разубедить, что человек во многих отношениях сам ведет, то путая, то исправляя, свои мелкие дела. Таков и случай с отцом. Согласие быть министром поставило бы все семейство на иное место в обществе. Далеко не каждый может пробиться к этому креслу: надо иметь влиятельную поддержку, либо исключительные, феноменальные способности. Это знают все, от начальников до пастухов овец. Даже чтобы тебя назначили бить в общинный барабан, староста должен быть твоим родственником или другом. За красивые глаза никогда не пригласят к государственному столу. В этом Борис давно убедился. Когда он поступал в военное

училище, его приняли потому, что знали, кто его отец. Бориса всегда ставили в пример, потому что знали, кто его отец. Ныне отец отказался от дела, которое ему предложили первые люди страны, следовательно, и начальники Бориса сделают соответствующие выводы. Борис не мог совладать с собой:

— Почему ты на это решился?

— По многим причинам. Во-первых, лучше остаться с нечистыми деньгами, чем заниматься нечистыми политическими делами... И, во-вторых, это правительство долго не удержится...

— А почему тебя интересует, удержится ли оно и как долго?

— Интересует, ибо я всю жизнь дорожил именем, авторитетом, и чтобы в одно мгновение превратиться теперь в грязную тряпку — этого я себе не могу позволить...

— А другие, которые дали согласие?

— Каждый отвечает за себя, сын...

— Но ты разве не отвечаешь и за нас? Почему ты не подумал об этом?

— Вы достаточно взрослые, чтобы думать о себе. Мне остаются заботы о матери, о Диане. В этом году Александра заканчивает учение и, если не выйдет замуж, начнет работать. Только о Диане еще надо думать...

Он поглядел на меньшую дочь, и голос его смягчился:

— Я бы стал министром, будь другое время... Я еще не забыл, как судили министров периода первой мировой войны...

— Не слишком ли далеко ты заходишь, папа? — поднял голову Борис.

На провокацию сына Константин решил ответить так же:

— Я не знаю, куда я захожу, сынок, но очень опасаюсь, как бы ты не испачкал болгарской кровью свой мундир...

Эти слова прозвучали как удар бичом. От их резкости и первичной силы исходило что-то страшное и гнетущее. Все замолкли, притихли. Борис хотел возразить, но овладел собой и мучительно сглотнул слюну. Он не знал, как ему поступить. Встать и уйти из дома или принять слова отца как досаду на самого себя за упущенный министерский пост. В конце концов Борис ехидно усмехнулся и ничего не сказал.

Когда Развигоров вернулся в кабинет, его не оставляло чувство, что дети покинули его. Сейчас ему нужно было доброе слово. И первой открыла дверь Диана.

— Не терзайся, папа...

Михаил стоял позади, и Диане пришлось уйти. Он подсел к отцу.

— Ты молодец. Я удивляюсь тебе, папа! Не сердись на Бориса. Военных кормят такими пустыми лозунгами, что невозможно сохранить под мундиром человеческое.

Его ирония успокоила Развигорова.

— В общем, дело сделано, — облегченно подвел итог Константин.

По сути, думал Михаил, отец никогда не чувствовал себя свободным во дворце, и это проявлялось в частых вспышках гнева после его возвращения оттуда. Михаил не был любопытным, но теперь ему хотелось узнать, как проходила встреча. Услышав, что отца полчаса держали перед дверью и что два регента не подали ему руки, Михаил понял, чем вызван его неутихающий гнев. Весь их род был честолюбив. Михаил остался у отца до позднего часа. И решил уйти, лишь когда увидел, что тот успокоился.

Покидая дом, Михаил отметил про себя, что никто из семейства даже не спросил о Христине...

26

Чугун быстро вошел в курс дела. Широкое поле между горами затрудняло связи руководства с партизанскими группами и отрядами, но хорошо, что в селах имелись надежные ятаки. Невидимая сеть охватывала людей и дома, малые и большие поселения. Некогда обезглавленное окружное партийное руководство постепенно пополнялось новыми партийными работниками, хорошо проявившими себя на деле. В свое время Чугун прибыл в город как раз тогда, когда шел процесс над руководителями Окружного комитета партии. Предатель работал долго и хитро, чтобы вывести полицию на тайные укрытия ответственных деятелей партии. Их арестовали за одну ночь. На свободе осталось несколько инструкторов, в том числе и Бялко. Опытный человек. С ним Чугун познакомился давно. Еще на табачных складах во время большой забастовки.

Потом Чугуну пришлось уехать в Софию. Там по донесению хозяйки его арестовали во время облавы и отправили в концлагерь, где он и познакомился с некоторыми депутатами Рабочей партии. Советская Армия отступала, планомерно или нет, но отступала, и в сердце узников поселилась боль. Немцы продвигались все дальше и дальше. Пропаганда, болгарская и немецкая, не скупилась на восхваление побед рейха. Лагерные надзиратели часто посмеивались над уверениями заключенных, что все равно победит Красная Армия. Вначале подобные разговоры не запрещались, но когда пришел новый начальник концлагеря, все круто переменилось. Он распорядился усилить охрану лагеря, обнести его еще двумя рядами колючей проволоки. С заставы

прислали пограничных собак — дал себя знать гитлеровский почерк. Заключенных стали под конвоем выводить на дорогу, где они дробили камни. Палящее солнце, ветра, грубое обращение постепенно изживали все интеллигентские привычки Чугуна, приобретенные во время стажировки.

На табачных складах он был около трех лет. После окончания гимназии стал заочно изучать право. Первый год прошел хорошо, но затем пришлось прервать занятия. Брат, Дамян, тоже учился, но больше всех нуждалась в высшем образовании сестра Христина. Отец, учитель, зарабатывал мало. Мать умерла молодой. Хорошо, что у них был огород за домом — выручал в самые тяжкие дни.

Они с Дамяном договорились чередоваться — один учится, второй работает, но дела пошли так, что Чугун, старший, последним закончил учебу. Он вкалывал на табачном складе. Три года дышал никотином, скручивал патроны к сигаретам, завязывал мешки. Когда Христина закончила учение, шел третий год его работы.

И тогда ему предложили стать членом одной из боевых групп — вначале техническим исполнителем, а затем руководителем. Он служил в армии, знал оружие и за хорошую службу имел даже отличия. Эти знания пригодились. Группа состояла из четырех человек. Она не участвовала ни в одной акции — по разным причинам. Однако его арестовали — случайно. На следующий день после убийства генерала Христо Лукова хозяйка, вдова банковского чиновника, усомнилась в своем квартиранте.

Пока его держали в четвертом полицейском участке, боевые группы нанесли второй удар, осуществив нападение на секретаря генерала Лукова, Николая Цанкова. Затем перед своей адвокатской конторой на улице Царя Калояна был застрелен Сотир Янев. Чугун не раз ходил в эту контору, прикрываясь именем доктора юридических наук Ивановского. По сути, это было его первое задание — изучить местоположение, осмотреть район нападения. Когда он узнал о покушении, то рвал и метал: эта дура, хозяйка, посадила его перед операцией, и боевая группа совершила нападение без него.

Давая показания, хозяйка утверждала, что слышала имя премьер-министра Богдана Филова. В словах старой ведьмы была доля истины. Накануне вечером к Чугуну случайно зашел один из членов боевой группы, хотя это запрещалось. Он пытался внушить, что не стоит заниматься Сотиром Яневым. Этот отъявленный фашист казался ему мелкой рыбешкой. Лучше, мол, ликвидировать премьер-министра Богдана Филова. Чугун встретил его неприветливо и, едва выслушав, выпроводил.

Как выследила их хозяйка, где подслушала разговор — неизвестно, но подтвердилась давняя мудрость: и стены имеют уши.

В полиции хозяйка сказала, что уже на следующий день она позвонила домой господину Филову, сообщила его жене об услышанном и просила мадам Филову принять ее, однако супруга премьера не назначила ей время, наверное, подумав, что кто-то зло шутит.

К счастью, никто, кроме хозяйки, не заметил прихода неожиданного посетителя. Чугун только что возвратился от соседа, бывшего полицейского, который прервал игру, потому что было уже поздно. «Полпервого», — сказал он, посмотрев на часы. А старуха утверждала, что гость пришел к квартиранту в половине двенадцатого вечера. Ошибался бывший полицейский. Как бы то ни было, но разница в один час давала Чугуну железное алиби, подтвержденное соседями: они сели играть в карты в девять тридцать, встали в полпервого, игры не прерывали. Следователь полиции не мог не верить их бывшему сотруднику. Кажется, власти вышли на мадам Филову, потому что в ходе одного допроса стало ясно: действительно, какая-то доброжелательница звонила той по телефону. Эта запутанная история в конце концов привела Чугуна в концлагерь. Полицейские знали: дыма без огня не бывает.

Но и в концлагере Чугун не задержался. Однажды утром, в конце мая, ему приказали собираться в дорогу. Его затребовали из София. Приказ гласил: «для справки». Полицейские, конвоировавшие Чугуна, деревенские парни, постоянно выглядывали из окошка купе и рассуждали об урожае.

Монотонность дороги утомляла.

Паровоз, покачивая вагоны, мчался вперед, солнце садилось за горами, заалели встречные холмы. Дрема навалилась на всех троих. Чугун нарочно зевал широко и шумно.

Проехали Дупницу. Солнце наполовину зашло за горы, небо стало красочно-пестрым, как хвост павлина. Чугун засуетился, и высокий не выдержал:

— Ты что ерзаешь?

— Выйти надо...

— Ну, — сказал тот, повернувшись к низкому. — Сведи помочиться...

Они вышли. Чугун впереди, полицейский сзади. В коридоре никого не было. Поезд, видимо, почти пустой. Вот и клозет. Полицейский не разрешил закрыть за собой дверь. Земляк-то земляк, но для дела еще не совсем потерян, подумал Чугун. Мысль работала бешено: «Как быть? Закрыть его в клозете и убить? Нет, только обезоружить». Полицейский стоял перед дверью, ни-

чего не подозреван. Чугун схватил его, рывком втащил в тесный клозет и, навалившись всем телом, ударил головой о стену. Полицейский потерял сознание. Быстро выхватив у него пистолет, Чугун открыл дверь вагона и спрыгнул. Долго лежал в кювете среди пырея. Пока все складывалось неплохо, а там видно будет.

Весь вечер шел по незнакомой местности. На рассвете остановился в лесочке. С каменного хребта открывался хороший обзор, и беглец лег так, чтобы видеть пустое поле. Где-то вблизи мутно заблестели рельсы на линии. Он-то думал, что далеко ушел от железной дороги, но, к его изумлению, оказалось, что целую ночь плутал поблизости.

Выйдя на Софийскую равнину, стал ждать, когда стемнеет. Его мучил вопрос: куда идти? К друзьям? Конспирация запрещала. Да и все ли у них в порядке. Решил просить помощи у сестры. Никогда братья не вовлекали ее в свои дела. С тех пор, как она вышла замуж за Михаила Развигорова, они редко посещали ее, и отец был только на свадьбе. Когда Чугуна включили в боевую группу, он часто ходил мимо дома сестры, но зайти не решался. Не потому, что сердился на нее из-за замужества, нет. Просто хотел уберечь от неприятностей. Хватит и того, что они с Дамяном участвуют в борьбе. Христина останется вне опасности, заверили они отца, нежно любившего дочь.

Ныне он решил нарушить и слово, и ее покой. Не было выхода. Утомительные скитания и тревоги вынуждали стать эгоистичным.

Дождавшись вечера, до начала полицейского часа вошел в город, смешавшись с группой каменщиков, строивших виллу какому-то важному лицу. Он почти не понимал, о чем они говорят, но, как только они начали смеяться, смеялся сам, чтобы выглядеть беззаботным. В сумерках его одежда не бросалась в глаза. или, может, они поняли, что он за человек, и нарочно шли рядом с ним, изображая прохожих. Так и вошли в город. Без особых приключений он добрался до ее дома. Христина была одна и быстро поместила его на чердаке. Уютная комнатка со слуховым окном в крыше была удобной и для побега, и для житья-бытья. Чугун осмотрел соседние крыши и успокоился.

Пока приходил в себя и приобретал вид нормального человека, пролетела целая неделя. Он запретил Христине говорить о нем своему мужу. Как только он найдет, куда переселиться, она может сама решать, сказать о нем мужу или не говорить.

Все сложилось как нужно, и Михаил Развигоров пришел на чердак вечером. Чугун видел его в третий раз: красивый мужчина, очень изнеженный и слегка замкнутый. Беседа между ними протекала сдержанно. Христина сказала мужу, откуда пришел

брат. Говорили о гуманности, о времени и о месте человека. Зашла речь и о вооруженной борьбе. Михаил Развигоров был склонен принять ее, но без терроризма.

Узнав от Михаила о гибели членов своей боевой группы, Чугун невольно вздрогнул: наверное, поэтому его затребовали из концлагеря.

Вскоре после встречи с Развигоровым Чугун оказался у своих, а через несколько дней получил задание и уехал в один из южных городов.

В начале осени, после назначения нового правительства но главе с Божиловым, его перебросили с особым поручением в район, где руководителем был его старый знакомый, дед Марко, также убежавший из концлагеря еще задолго до него. Они давно не виделись, но знали друг о друге со времени забастовки рабочих табачной фабрики. Профессиональный революционер, дед Марко не задерживался на одном месте. Его высоко ценили за выдержку, знания и готовность к самопожертвованию. Он не имел семьи, детей, его единственной радостью и мукой была борьба.

Чугун был доволен, что снова сошлись их пути — его, деда Марко и Бялко. Он не мог лишь объяснить себе поспешной мобилизации, которая полностью дезорганизовала сельские боевые отряды. Кто-то перестарался, неверно оценил текущий момент. Заменили даже командиров отрядов. Все это, конечно, не продумано.

Чугун снова взял записку, оставленную Бялко, и долго разглядывал ее в скудном свете...

27

Новый год семейство Филовых встречало очень скромно, хотя они сменили квартиру и сняли просторный дом на улице Такворяна. Мадам Филова решила превратить его в небольшой дворец, где регент будет давать приемы. Довольно роскошный дом все же требовал переустройства: во-первых, следовало утеплить его, во-вторых, подогнать под свой вкус. А пока большие комнаты, высокие потолки и мебель выглядели тяжеловесно, словно сохраняли дух прошлого века. Кита, сторонница красивого модерна, достаточно насмотрелась на перегруженный вещами дом при посещении Будапешта.

В сущности, это было сказочное путешествие. Их пригласили даже на свадьбу, где соблюдался венгерский аристократический ритуал. Тут от всего разило таким нафталином, что Кита едва не расчихалась. В высших сферах — иначе: все здесь свидетель-

ствовало о державе со значительным прошлым. Обходя просторные залы, рассматривая дам и мужчин, удивляясь хрусталю и золоту, она невольно думала о Болгарии: сколько имела бы страна, если б не турки. Когда Богдан хотел отдохнуть от государственных дел, начинались рассказы об археологии, о старом искусстве. Супруги возвращались в свою молодость, когда Кита старательно занималась этнографией, а Богдан выстраивал свои тезисы и гипотезы на основе данных о раскопках древностей. В его педантизме, в его размахе было что-то мощное — это и пленило ее. Тогда этнографистка Евдокия Петева не могла и мечтать, что когда-нибудь кто-то будет встречать ее, словно царицу. И вот свершилось: супруга Хорти, седовласая красивая женщина, составляет ей компанию, а сам адмирал ведет ее под руку. Кита удивлялась, почему Хорти — адмирал, ведь это морской чин, а в Венгрии нет морей, но, как бы то ни было, сам адмирал держит ее под руку, а Богдан — мадам Хорти. Странные ритуалы малой державы, которой посчастливилось попасть под власть культурной нации, но кто знает, что сталось бы с ней, если бы турки распоряжались на венгерской территории. В сущности, и венгров затронула дикость тех же завоевателей, но не в пример слабее. Так или иначе богатство существовало, дворцы возвышались, холм рассказывал о величии старой нации.

Увиденное вряд ли можно повторить в доме на улице Такворяна, но можно устроить так, чтобы он покорял с первого взгляда. Но все это слишком мелко по сравнению с огромным несчастием — бомбардировками. Однажды мадам Филова сидела в гостях у своей знакомой, брат которой, вернувшийся из Токио, привез сестре и Ките японские домашние платья. Только они начали их примерять, как завыли сирены. Мадам Филова, не помня себя от страха, быстро влетела в автомобиль. В битком набитом бомбоубежище она впервые пережила весь ужас бомбардировки. Плач детей, крики женщин, ругань стариков, невообразимый гвалт среди адских взрывов бомб. Она дрожала как осиновый лист. В душе обвиняя тех, кто подтолкнул страну к «символической» войне, Кита вдруг подумала о том, что ее муж подписывал в Вене протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, — тут сердце у нее забилось, и она сжалась в углу так, чтобы ее никто не заметил.

Бомбардировка застала Богдана Филова в регентском кабинете на заседании. Обсуждение продолжалось, но мысли и слова путались, обрывались, а внимание сосредоточилось на том, что происходило снаружи. Несмотря на страх, отразившийся на лицах, все изображали из себя героев. Особенно князь Кирилл и генерал Михов, одетые в военную форму, старались не показать своего

испуга, хотя каждому из них хотелось поскорее побежать вниз, в подвал. В регентстве не было настоящего бомбоубежища, но подвал был прочен и к тому же дополнительно укреплен бетонной плитой. Чтобы сохранить их воинское достоинство, Богдан Филов встал первым:

— Господа, пора спуститься вниз.

Это приглашение оказалось очень своевременным. Они еще не дошли до подвала, как страшное сотрясение покачнуло здание. Вначале показалось, что бомба упала на регентство сверху, но поскольку их не засыпало, стало ясно, что и на сей раз опасность миновала.

Дождавшись отбоя, поднялись наверх. Шляпа и портфель Богдана Филова остались в регентском кабинете. Войдя в кабинет, пораженный хозяин застыл на месте. Громадный осколок, наверное от бомбы, влетел через окно и разрезал кожаное кресло, на котором он обычно сидел. Его рука сама собой поднялась, и он осенил себя крестом в присутствии обоих регентов. Провидение в очередной раз сберегло его. Богдан Филов шел среди развалин и думал о случившемся. Задержись он на считанные секунды, его теперь не было бы в живых. Возле мертвого царя он и сам стал суеверным фаталистом. Спор царя с неизвестностью был закончен. Теперь пришла очередь других. Хорошо бы, не из числа близких. Кое-кто из них остался без дома, но все уцелели. Кита взяла к себе родных по материнской линии. Удивительно, что ни эта квартира, ни дом на улице Такворяна не пострадали, тут только двери разболтались да несколько окон вылетело вместе с рамами, но спальня, холл и столовая были целы.

Ужинали как-то нехотя. Радио звучало тихо, словно некий уцелевший голос пытался вдохнуть в них силу и надежду. Было девять вечера, когда они решили подняться наверх, в спальню. И вдруг свет погас, радиоголос оборвался. Прежде чем супруги двинулись с места, раздался грохот. Ад начинался снова. Мадам Филова, потеряв рассудок, металась так, что Филову и слуге пришлось ее укрощать. А она была крепкой. Двое мужчин едва-едва сумели запереть ее в подвале. Там же находились и полицейские, которые охраняли покой господина регента.

Госпожа забилась в угол и принялась молиться. Ее молитва выражалась в протяжном вое, который сливался с разрывами бомб. Наступила тишина, очевидно временная. Полицейские осторожно выглянули наружу, и по их бездушным лицам можно было понять, что они там увидели. Страшный огненный вихрь охватил все вокруг. Разрывы снова сотрясли дом. Этажи скрипели, потрескивали, словно собирались рухнуть.

Еще вчера мадам Филова мечтала услышать наверху шаги

элегантных дам, показать высшему обществу изысканное убранство, которому оно позавидовало бы, ожидала возникновения заманчивых романов... Но сейчас, среди этого ада, Кита молилась лишь о том, чтобы остаться живой. Все ее мечты об эфирной музыке, о таинственном шепоте, об условленных встречах показались бредом. Вместо блеска золотых драгоценностей золотые языки страшных пожаров слизывают дом за домом, — погибает уют, погибает столица, созданная с таким трудом, умирает иллюзия о некой победе. Где немцы? Где новое оружие?.. Ведь не может же большевизм захватить Европу!.. Напрасно эти англо-американцы ожесточают народ и толкают его в объятия коммунистов. Госпожа Филова поднялась и стала неистово креститься. Ее успокоили, положили в кресло, и она затихла, лишь губы ее шептали:

— Не убий!.. Культурные англичане! Не убий!.. Набожные американцы!..

Валелеянная мечта о приемах умерла...

Перевод с болгарского А. КОСОРУКОВА

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В шестидесятые годы, иогда удивительно естественный, чистый, щемящий, глубоко народный поэтичесиий голос Николая Рубцова набирал силу, он не был широко замечен. На эстраде гремели другие имена, и лишь истинные ценители поэзии, а не эпатажа вокруг нее, обратили внимание и полюбили напевный слог северной России, с которым пришел настоящий, глубоко национальный поэт.

Не тот ли шум стоит вокруг поэзии авангарда сегодня? И не проглядели ли мы за ним, как иногда, истинное дарование? Все дальше от природы, земли, людей, все ближе к железобетонным конструкциям и асфальту. Все больше внимания тому, что составляет престижное положение, липкое шуршание червонцев, запах дефицитных продуктов и все меньше внимания тому, что, как однажды сказал Николай Рубцов: «Душа хранит». Предлагаем вам несколько эпизодов из жизни талантливейшего поэта и его ранее не опубликованные во всесоюзных изданиях стихи.

ЗАРНИЦЫ ЖИЗНИ

ЗНАКОМСТВО

Мы познакомились безмерно счастливым летом 1962 года, когда поступали в Литературный институт.

Впервые стихи Рубцова я прочитал весьма неожиданно. Зимой он собрался куда-то ехать и зашел с просьбой оставить на сохранность чемодан. Оставленный даже посреди вокзальной площади, этот чемодан, к овальному боку которого квадратной заплатой прилепилась фанерная крышка с проволочной петелькой для висячего замка, мог привлечь внимание лишь своим убожеством. Все же Коля бережно спрятал его в стенной шкаф и плотно прикрыл дверцы. Я истолковал это просто как желание убрать незавидный баул подальше с глаз. Иногда Коля прогуливался по коридорам с полухромкой, лихо выворачивая веером ее мехи. Я спросил:

— А гармошку берешь с собой?

— Что ей сделается... — почему-то смутился Коля и распрощался.

Вскоре я полез в шкаф за веником, намереваясь подмести комнату. Веник был задвинут баулом к самой стене. Достать его

мешала низкая полка. За прошинную сыромятную ручку я поднял увесистый баул. Крышка тогчас отскочила. И на пол вывалился ворох стихов.

Ни я, прозаик, ни мой сосед, поэт, не имели столько рукописей. Даже вместе. Мы ахнули от изумления. Потом я начал собирать листы. Вдруг появилось неодолимое желание познакомиться с написанным — ведь это надо же такую уйму накатать! Мы читали, читали... До последнего листка, который тихо лег на место.

ВЕРЛЕН

В институте Коля решил полностью освоить английский. Но почему-то не удалось. Тогда он попробовал приобщиться к немецкому. Тоже получилась осечка. А учебная часть прижимала его за прогулы. Пришлось Коле заниматься французским. Он тоже оказался не легче, хотя милейшая Любовь Васильевна Леднева всеми способами пыталась приобщить нас к языку, на котором писали Вийон, Ростан, Верлен, Рембо, Бодлер, Аполлинер!

— Да-да-да... — охотно соглашался Коля. — Это прекрасные поэты! Мне никогда не стать таким хотя бы потому, что ведь не могу же я превратиться во француза. Я — русский... Им и останусь.

Любовь Васильевна однажды прочитала «Осеннюю песню» Верлена и ее перевод, сделанный Брюсовым.

— Как это бесконечно далеко... — огорчился Коля.

— Вот и приблизьте! Вы же поэт! — подхлестнула его Любовь Васильевна.

Это все-таки задело Колю за живое. Он записал предельно точный подстрочник, с задумчивым прищуром внимательно прослушал подлинную ритмику стиха и обещал на следующее занятие принести перевод. Однако к следующему занятию он этого не сделал. А затем, к сожалению, пришлось расстаться с Литературным институтом. В результате появились строки:

По мокрым скверам
проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках
дремучих сосен
Играет буря!

. . . .

Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы
И — плачу...

Пропущенные четверостишия легко прочитать в книге Рубцова «Подорожник». Но мало кто знает, что есть еще один вариант этого стихотворения:

Листвой пропащей, знобящей мглою
Заносит буря неясный путь.

А ивы гнутся над головою,
Скрипят и стонут — не отдохнуть.

Так поневоле Николай Рубцов дважды выполнил свое обещание.

Вот как ему не давал покоя Верлен...

ВАЛЕНКИ

Таким взбудораженным я видел Колю впервые:

— Знаешь, кого я сейчас видел? Удивительнейшего человека! Поразительнейшего!!!

— Чем же он тебя так поразил?

— Да всем! Представляешь, по суетливой улице Горького не спеша идет человек... У него длинные, чуть кудрявые волосы, усы и борода... Он в домотканой рубахе, подпоясанной витым шнурком, в таких же холщовых штанах, босиком... Вокруг бурлит толчея всяких зевак, которые перемигиваются, хихикают... А ему хоть бы что! Синие глаза спокойные-спокойные... Будто идет вовсе не по улице Горького, а где-то летним полем...

На газонах еще дотаивает снег. Правда, тротуары уже подсохли. Но все равно изрядную закалку нужно было иметь, чтобы неторопливо шествовать от Манежной до площади Маяковского. Почему-то больше всего удивленный именно этим, я сказал:

— Ну и долго же твоему красавцу пришлось отогреваться в метро...

— Олух! Ни черта ты не понимаешь! — до слез возмутился Коля и хлопнул дверью.

Топота его ног по коридору я не слышал потому, что сам Коля до сих пор ходил в подшитых валенках.

МОЛЧАНИЕ

Все площадки этажей нашего общежития украшали большие портреты Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Чернышевского и Чехова. Однажды ночью они пропали. Все. Утром поднялся переполох. Начальство не знало, что думать, на кого грешить. Безвыходность заставила проректора Палехина вместе с комендантом общежития стучаться подряд во все комнаты. Открыли сто пятьдесят четвертую и сквозь полог табачного дыма увидели портреты, которые стояли на подоконнике, на письменном столе и на пустой кровати. Перед ними на голой сетке второй кровати сидел Коля, приехавший на сессию для заочников. Палехин загремел:

— Ты что?! Это что значит?! Ты что, спятил?!

Коля был недоволен вторжением, но начальству трудно возражать. Он подождал, когда Палехин выдохся, и в оправдание лишь буркнул:

— Да что... Здесь даже не с кем посидеть...

— Как это посидеть?! Провонял всех табачищем!

— Ну, просто так... — разъяснил Коля, у ног которого белела банка, полная окурков.

Когда выносили портреты, он стоял склонив голову.

Николай ПОПОВ

Николай РУБЦОВ

ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ

* * *

Прекрасно пробуждение земли!
Как будто в реку — окунусь в природу...
И что я вижу: золото зари
Упало на серебряную воду.

Густая тьма еще живет в дубравах.
Ты по дороге тихо побредешь...
Роса переливается на травах
Да так, что даже слов не подберешь!

А вот цветы. Милы ромашки, лютик.
Как хороши! Никто здесь не косил.
В такое утро все красивы люди.
Я сам, наверно, до чего красив...

Тень от меня летит по полю длинно...
Так вот она, вся прелесть бытия:
Со мною рядом синяя долина,
Как будто чаша, полная питья!

Все в мире в этот час свежо и мудро.
Слагается в душе негромкий стих.
Не верю я, что кто-то в это утро
Иное держит в замыслах своих.

Бросаю радость полными горстями.
Любому низко кланяюсь кусту.
Выходят в поле чистое крестьяне
Трудом украсить эту красоту.

ИЗ ВЕРЛЕНА

Листвой пропащей, знобящей мглою
Заносит буря неясный путь.
А ивы гнутся над головою,
Скрипят и стонут — не отдохнуть.

Бегу от бури, от помрачений...
И вдруг я вспомню твое лицо,
Игру заката во мгле вечерней,
В лучах заката твое кольцо...
Глухому плеску на дне оврага,
И спящей вербе, и ковылю
Я, оставаясь, твержу из мрака
Одно и то же: — Люблю, люблю! —
Листвой пропащей, знобящей мглою
Заносит буря безлюдный путь.
И стонут ивы над головою,
И веет ветер — не отдохнуть!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы
И — плачу...

* * *

Подморозило путь наш древний.
Неожиданный холод лют!
Ходим, съежившись, по деревне,
Ищем денег. И нам дают.

Нам, конечно, дают немного.
Говорят: мол, ребята те...
— Благодарствуем! Слава богу!
Праздник будет на высоте!

С полных кружек сдувая пену,
Всенародный поддержим тост!
И опять — на ночную смену
Электричкой за сорок верст...

* * *

Ночь коротка. А жизнь, как ночь, — длинна...
Не сплю я. Что же может мне присниться?
По половицам ходит тишина.
Ах, чтобы ей сквозь землю провалиться!

Встаю, впотьмах в ботинки долго метясь.
Открою двери, выйду из сеней...

Ах, если б в эту ночь родился месяц —
Вдвоем бы в мире было веселей!

Прислушиваюсь... Спит село сторожко.
В реке мурлычет кошкою вода.
Куда меня ведет, не знаю, стежка,
Которая и в эту ночь видна.

Уж лучше пусть поет петух, чем птица.
Она ведь плачет, всякий примечал.
Я сам природы мелкая частица,
Но до чего же крупная печаль!..

Как страшно быть на свете одиноким...
Иду назад, минуя темный сад.
И мгла толпится до утра у окон.
И глухо рядом листья шелестят.

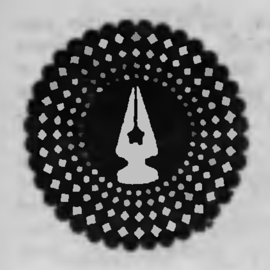
Как хорошо, что я встаю с зарею!
Когда петух устанет голосить,
Веселый бригадир придет за мною.
И я пойду в луга траву косить.

Вот мы идем шеренгою косою...
Какое счастье о себе забыть!
Цветы ложатся тихо под косою,
Чтоб новой жизнью на земле зажить.

И думаю я — смейтесь иль не смейтесь —
Косьбой проворной на лугу согрет:
Что той, которой мы боимся, — смерти,
Как у цветов, у нас ведь тоже нет!

А свежий ветер веет над плечами.
И я опять страдаю и люблю...
И все мои хорошие печали
В росе с косою вместе утоплю.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь САРКИСЯН

ВЕК ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛСЯ

Тема этой командировки в Куйбышев — умонастроения, складывающийся климат мышления. В Куйбышеве я родился, а в Москву переехал почти сорок лет назад. Куйбышев — это раньше Самара. Раздвоение в названии родного города сопровождало всю жизнь и невольно влияло на «подсознание». В тридцатые, сороковые и пятидесятые годы никто не запрещал слова «Самара», как никто не заставлял с безотчетным почтением смотреть на портрет Сталина. Все происходило как бы само по себе. Эпоху не выбирают, как книжку на полке.

«Куйбышев» звучало мощно, организованно, почти индустриально, в том числе и в устах старых людей. Тогда тоже шла перестройка и стройка нового, как это тогда понималось, тогда шла одна из предыдущих частей сегодняшней истории.

В Куйбышеве в церковь мы не ходили. Поклонялись Ленину и Сталину. Хотя, если бы кто-нибудь добросовестно и пристрастно расспросил нас, пацанов, о Святой Троице и Марксе — Ленине — Сталине, мы бы замкнулись, как маленькие дикари.

Жизнь сегодняшняя учит смирять конъюнктурные обличения. Однако, несмотря

на эту, видную отсюда, нашу ограниченность, мы беззаветно любили Жюля Верна, мечтали о полетах в космос. Тайным властителем дум был, вне конкурса, Циолковский. Верили мы в наш и в мировой коммунизм, а нашу душу питало возвышенное желание вселенского добра, освещенное Победой в Великой Отечественной войне.

На этом для меня кончаются пятидесятые годы. Хотя, если быть точным, их конец наступил в 1956 году. Тогда впервые ощутился грозный тайный смысл слова «политика». Первое политическое землетрясение на веку моих сверстников потрясло, сбило с ног, но зато потом, поднявшись, люди стали иначе воспринимать мир. Зрение изменилось.

Это становление продолжается, и все более основательно. Время перестройки после многолетнего застоя изменило не только мышление, но и «атмосферное давление», сам нравственный климат. Каковы же здесь перемены?

В городской школе № 23 преподавателем труда работает друг моего детства Виктор Игнатьевич Кашин. Это сильный, мудрый человек, душа самарских лодочников, прекрасный специалист слесарного дела и «неформальный», душевный воспитатель. Он привел меня на свой урок в 9-й «Б» класс. Были одни мальчики — человек двадцать. У девочек в это время проходили свои занятия со своим трудовым уклоном. А здесь — слесарно-столярная мастерская. Говорили мы о многом, а сводилось все к одному. По выражению глаз ребят было видно, что «заостряли» они ситуацию не только ради веселой игры:

— Почему среди молодых ребят много злых и даже свирепых?

— Потому что нет колбасы и кроссовок.

— Чем отличаются ваши родители от ваших сверстников?

— Родители когда-то ели колбасу, а мы со сверстниками не едим.

— Могли бы вы возглавить в будущем область или республику?

— Без колбасы — нет.

«Колбасное» заземление перестроечного пафоса, с которым я вначале обратился к ребятам, обнаружило их независимость, бойкость и натуральный оптимизм при мрачноватых жизненных обстоятельствах. Однако меня удручило, конечно, нежелание девятиклассников рассуждать на «высокие темы», скучный и скудный минимум их мыслей о своем будущем, зачаточность потребности мечтать и фантазировать.

Потом класс поехал на завод минваты. Мальчишки делали ящики для минеральной ваты. Как один выполнили нормы и очень гордились в разговоре, что эта вата идет на экспорт. А я думал о платформе Игоря Сорокина. Одна из листовок «За кого И. В. Сорокин?» гласила:

За тех, кто стоит в очередях.

За тех, кто ездит в переполненном транспорте.

За тех, кто не имеет нормальных жилищных условий.

За тех, кто имеет низкое социальное обеспечение.

За тех, кто дышит загрязненным воздухом и пьет отравленную воду.

За тах, кто унижен и оскорблен.

Молодой куйбышевский кандидат в народные депутаты Советского Союза с его честной наступательной гражданской позицией был избран земляками и стал их представителем в Москве.

Но примерно за год до этого события, 22 июня 1988 года, в Куйбышеве на центральной площади города состоялся первый митинг против «застойного» руководства обкома партии. Собралось около тридцати тысяч человек. 21 июля на эту же тему митинговало почти втрое больше. В конце июля первый секретарь был снят.

Любопытно, что сто лет назад Владимир Ильич Ленин (он жил в Самаре и Самарской губернии в 1889—1893 годах) создавал здесь первые в России марксистские кружки. Сам же, работая в Самарском окружном суде, защищал законные права граждан. Интересно, вспоминал ли об этом бывший первый секретарь Куйбышевского обкома партии, когда по воле трудящихся города «уходил» на пенсию?

На сегодня в Куйбышеве несколько общественно-политических организаций, кроме партийных, советских, комсомольских и профсоюзных. Политический клуб «Перспектива», эколого-политический — «Альтернатива». Этот клуб, кстати, официально зарегистрирован. В годовщину Чернобыля провел в городе разрешенную демонстрацию. В июне — экологическую союзную конференцию. А с 1 августа по 10 сентября впервые в СССР организовал лагерь протеста против военного завода по уничтожению химического оружия в Чапаевске. На куйбышевских заводах прошли митинги в поддержку чапаевцев.

Есть социал-демократический клуб с просветительским направлением и главной идеей — защиты рабочих от бюрократического государства, выступающий за последовательный плюрализм в общественной и государственной жизни.

Работает организационный комитет партии Демократический союз. В конце июля он провел запрещенную демонстрацию против указа о митингах и внутренних войсках. Демонстрацию не разогнали, а организаторы были оштрафованы на 200 рублей каждый. Сейчас за попытку другой демонстрации трем ее участникам грозит суд и наказание от полгода до полутора лет лишения свободы.

Однако наиболее активна сегодня «Рабочая организация». Ее инициативную группу составляют рабочие авиазавода. Они были инициаторами прошлогодних многотысячных результативных митингов.

Далее: на стезе демократического обновления общества выступают ряд советов трудовых коллективов других заводов, их инициативные группы, не зависимые от администрации и профкомов.

Дискуссионно-политическое объединение «Гласность» в прессе и на официальном языке называют неформалами. Странный это неологизм! Слово «формализм» всегда у нас было ругательным. И даже к положительным относился эпитет «неформальный». Неформальное отношение означало хорошее, человеческое отношение. Частица «не» присоединилась, и слово «неформал» стало звучать двояко — для одних ушей в прямом смысле, для других — с некоторым подозрительным оттенком... Среди неформалов — клуб «Самара» и «Мемориал». «Гласность» возникла в марте 1989 года из выпускников-историков Куйбышевского государственного университета. За это время они организовали и провели шесть общегородских дискуссий. Стоит перечислить:

«КГБ и перестройка». В клуба имени революции 1905 года при-

сутствовало четыреста человек, то есть клуб был полон. Участвовали и представители КГБ.

«Многопартийность в СССР — миф, иллюзия или необходимость?» В Доме политпросвещения собралось четыреста пятьдесят человек.

«Мафия в социалистическом обществе — аномалия или неизбежность?» Также был полным зал клуба имени 1905 года.

«Забастовки в СССР и их роль в процессе социального и экономического преобразования общества». Дискуссию проводили в Доме культуры 4-го Государственного подшипникового завода.

Молодежь без настоящей политики, без участия в ней превращается в антиобщество, начинает поклоняться и служить темной силе хулиганов и уголовников. Или становится нейтральной массой, инертной и к хорошим, и к плохим процессам жизни.

О себе поведали сами неформалы «Гласности», отвечая на уже известные читателю вопросы. Телефон и адрес ребят (иначе их трудно назвать, настолько они душевны, открыты, простосердечны даже в самых сложных своих умопостроениях) дал мне Александр Новиков, первый секретарь Куйбышевского горкома комсомола. Сам он, математик по образованию, сказал с большой доброжелательностью, что поговорить с этими «гласами» и необходимо, и очень интересно. Итак, за чашкой чая с неформалами.

Вопрос: Почему среди молодых людей много злых и даже свирепых?

Андрей Демидов: Они не имеют возможности реализовать себя. И они вынуждены жить по законам двойной морали.

Андрей Еремин: Бескультурье — это и безнравственность. Наша массовая культура в период культа и застоя носила больше показушный характер. По-настоящему культурный человек не требовался по сути бескультурной системе культа одного человека. Да и какая нравственность нужна была при личной культуре и личной нравственности Брежнева? Для этих «столпов» общества всякий мыслящий человек был бунтарь. А слово «бунтарь» при них означало «бескультурный» и, конечно, безнравственный. Это сеялось и специально, и неосознанно.

Ирина Щетинина: Стерся человеческий стержень, который держит душевные ценности. Зло не осознается. Чувство добра притуплено.

Вопрос: Чем отличаются ваши родители от ваших сверстников?

Андрей Еремин: Старшее поколение отзывчивее, добрее в народной массе. У моего поколения больше нахватанности, задерганности. И те, и другие конформисты, склонные к компромиссам с собой, за немногим исключением.

Андрей Демидов: Поколение родителей — это более цельные люди, более уверенные житейски в себе. У них огосударствленные внутренние ценности. Наше поколение более сломано. У родителей больше мифологичности, сказочности в восприятии жизни.

Владимир Воронов: У меня отец сильно изменился за последние годы. Для этого ему нужно было прожить жизнь. Я не могу осуждать его за это. Сначала мифологическая жизнь для государства, потом — разбитое корыто. Он это понял. И для меня он опора бóльшая, чем сверстники. Сверстников мало что интересует за пределами семьи и денег. Это в основном косная

масса, которая все понимает, но ей на все наплевать. Их цинизм выше других времен. И в мифах они никогда не жили.

Владимир Ненашев: Старшее поколение в житейском плане надежнее. Сверстники — это поколение безответственных. «Неформалы» — как бы исключение, «камикадзе», что ли.

Юные обыватели самореализуются через «деланье» денег, через секс, через политическую болтовню. «Мы все понимаем и молчим. А ты что лезешь, неформал?..» Пассивная часть общества имеет свой актив — это цвет в спорте, в профессии, утверждение через деньги.

Вопрос: Что вы для себя думаете о Христе?

Андрей Демидов: Противостояние одиночеству перед лицом смерти. Материализация веры в человеческую доброту.

Владимир Воронов: На общем фоне античности он был тоже «неформалом».

Вопрос: Мог ли кто из вас возглавить область или республику?

Андрей Демидов: Отдел культуры мог бы.

Андрей Еремин: Да, смог бы.

Владимир Воронов: Область не смог бы, а республику — пожалуй.

Молодая женщина (инкогнито): Бесполезно. Даже рожать не хочется. Ведь ребенку надо что-то гарантировать. А на земле что? От чахнущей Волги до процветающего СПИДа и всевозможных бесчисленных бомб...

Вопрос: Как вы толкуете для себя события в Прибалтике?

Андрей Демидов: Я понял, что нельзя навязывать себя другим.

Андрей Еремин: Как бы себя чувствовал русский человек, если бы Россия входила в состав дружественного нам Китая и язык у нас был бы китайский. Вот что я думаю.

Владимир Ненашев: Прибалты высококультурны. Они быстрее откликнулись на идеи перестройки, как они ее понимают для себя.

Ирина Щетинина: Способ защиты своих устоев, своей национальной культуры.

Вопрос: Какую судьбу вы прогнозируете России и Советскому Союзу?

Андрей Демидов: Огромная ответственность не только на аппаратчиках, но и на народе. Ее осознание, ее реализация и повернет судьбу к лучшему.

Андрей Еремин: Единственный выход — в углублении демократии и консолидации сил. Михаил Сергеевич Горбачев прав, прокладывая эту линию. Если в России не изменится основа общественной жизни, то неизбежна гибель истинно русского народа, как мы это понимаем, как массово погибли русские села, а человечество, как ни странно, именно в связи с этим может быть ввергнуто в ядерную войну или экологическую катастрофу. Сил демократического движения и демократического понимания происходящего мало. Если они не появятся, неизбежен стихийный взрыв неорганизованных масс, не знающих, куда идти. Развал потребует сильной власти. А диктатура не даст ничего при данных условиях ни в экономике, ни в идеологии. Поэтому неизбежно крушение этой предполагаемой диктатуры и появление иммунитета у народа к желанию иметь сильную власть и, стало быть,

рождение естественного стремления к демократии. Но чем дольше правительство оттянет взрыв, тем менее вероятность диктатуры. Ведь мир развивается еще и в целом.

Вопрос: Виновата ли политика гласности и демократии в нынешних некоторых трудных событиях?

Все: Нет.

Вопрос: В нынешнем борении старого и нового кого больше — виновников застоя, жертв или творцов перестройки?

Почти хором: Все переплетено — виновники — они же жартвы, жертвы — они же виновники.

Вопрос: Чем коснулась перестройка лично вас и чем ее лично вы?

Андрей Демидов: Свои идеи стал больше легализовывать и стал смелее писать песни, понимая их не как жанр доклада или статьи, а как средство образного заострения движений души и ума. Однако и внешний пресс стал испытывать на себе гораздо больше.

Владимир Воронов: Я окончательно ощутил себя человаком. Получил возможность учить людей мыслить.

Андрей Еремин: Перестройка дала возможность применить мне свои природные способности, заниматься политической деятельностью в интересах общества.

Владимир Ненашев: По-моему, перестройки нет, е есть лихорадочные попытки взять ситуацию, чтобы изменить жизнь к лучшему. Жить стало интереснее, но тяжелее. Например, все мы, выпускники Куйбышевского университета исторического факультета (выпуск 1986 г.), или уволены и живем без работы, или на грани увольнения...

Вопрос: ...

Впрочем, к кому обратить вопрос, который вытекает из последнего ответа Володи Ненашева? К новому первому секретарю Куйбышевского обкома комсомола?..

МОНОЛОГ СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА

После школьников и после «неформалов» мне, естественно, захотелось эти же вопросы задать «формалу». Что же думают по тем же проблемам на другом, так сказать, полюсе, том самом, который официально и формально, по существу и по форме должен заниматься всем тем, о чем идет речь.

После нескольких телефонных попыток попасть к секретарю обкома партии мне не удалось, к представителю городского КГБ — тоже, а вот второй секретарь обкома комсомола Игорь Иванович Починок принял меня сразу. И не только принял, а и во всем помогал советами, телефонами, организацией встреч. В общем, вел себя как нормальный живой энергичный умный общественный деятель. Из его окна с шестого этажа мраморно-гранитного обкомовского дворцв простиралась Волга вверх по течению. Взгляд встречал ее, а она, недвижимая, катилась с севара на юг. Волга впадает в Каспийское море, а куда впадаем мы? Волга тяжело больна. А мы — здоровы? Онв горестно засорена и на пути своем зловеще останавливается перед бетонными барьерами, тяжко, не по-весеннему разливается, потом устремляется в ловушку, дико крутит турбины, словно отрабатывает себе хоть частичную

свободу, потом, обессиленная, выкатывается с дохлой рыбой и вяло ищет древнее русло, оставляя позади искусственное мора, которым мы так гордились всего 30 лет назад. Есть электричество, но нет прежней Волги. Хотя она еще течет, радует глаз, питает плоть Жигулей.

Немного выше уровня окна встал по стойке «смирно» монумент Славы. На светло-серой металлической колонне — вертикальной шпале — вытянулся металлический мужчина и над головой механическими руками робота держит некое подобие крыльев — искалеченные больной геометрией крылья бабочки, долженствующие символизировать полет вольных крыл, создаваемых великим промышленным авиагигантом — городом Куйбышевом.

Меньше всего думаешь об авторах монумента. Мысль о том, кто изображен. Икар, стоящий по стойке «смирно», да еще с руками вверх. И все-таки Икар трудится, действует, летит. И при чем тут неудачный или удачный монумент?

Честно говоря, я боялся, что секретарь обкома комсомола будет уходить от прямых ответов — ведь для этого у нас выработано столько способов! То ли сами стены внушали такую боязнь, то ли я, давным-давно не комсомолец, отстал от комсомольской жизни. В чем, собственно, дело?.. Мысли и формулы секретаря обкома, по сути, ни в чем не отличались от неформалов! Откуда же взялось тогда разграничение между ними? Между формальными и неформальными организациями? Откуда эта почти «боевая» межа при общих взглядах на вопросы времени? На вопросы жизни? Но послушаем секретаря обкома. Ответы Игоря Ивановича на знакомые уже нам вопросы слились в один монолог.

Игорь Починок: Откуда и почему ожесточение? Одни его скрывают, другие нет, у третьих оно имеет завуалированные формы. Молодые видят разницу в уровнях жизни. У них нет завесы перед глазами. Разве трудно дать себе отчет в том, кто живет хорошо, а кто плохо? Новые процессы в стране подчеркивают правду, которая у молодежи в душе. И они не копят ее. И реализуется она по-разному.

Ранняя молодежь не находит способов выражения себя. И частью выходит в крайность. Противоречия идеологии с жизнью очевидны. Чтобы сблизить их, надо обновить и то, и другое.

Масса критики превышает позитивные процессы в социальной сфере. Пятый год перестройки и вдруг проблема — нет мыла, сахара...

Мои родители родились перед войной, были лишены детства. Для них элементарные удобства — это сбывшаяся сказка. Больно за родителей — они достойны лучшего. Как они работали, ничего на имея! Но они самоотверженные люди и сейчас. Наше поколение исповедует экологический принцип. Выжить и как можно при более благоприятных условиях. Деньги для людей стали важнее истины. Между тем и самые элементарные товары стали проблематичны.

Все эти превратности скопило время. Виноватых, пожалуй, нет. Сейчас наблюдается волюнтаризм в мышлении молодых. Каждый — экстремист для себя. «Что касается меня — это да. Что касается других — это их проблемы». Вот позорный лозунг: «Это ваши проблемы». Тогда уж давайте прямо скажем, как повторили за древними фашисты, правда, вкладывая свой, не философский, а античеловеческий смысл, смысл убийц: «Каждому свое».

Но не исходить из общечеловеческих ценностей — значит рыть яму для себя. Ведь завтра так же отнесутся к тебе или к твоим близким. Моральный бумеранг возвращается, и бумеранг поступков тоже. Недаром теперь больше думают о Христе, о религии. Подходы общества к ней изменились. Христос — своеобразный идеал. За ним прекрасная человеческая история...

Руководить людьми, вести их очень трудно. Если делать это честно, от души, в меру сил понимая все и в меру сил действуя. Секретарем обкома комсомола сейчас работать весьма и весьма сложно. На тебя давят и сверху, и снизу. Все хотят перемен и не знают, как их достигнуть. Достаточно сделать исторический обзор периода культа, периода застоя, окунуться в наши дела, чтобы понять, в какое трудное время живем. Все скопилось. Нам разгребать и расхлебывать и созидать. А что же еще? Многие уходят от этой «молотилки», слава богу, опыт отвиливания от работы у нас огромный; уходят, отвиливают и сверху, и снизу. Тем труднее, кто хочет что-то сделать по-настоящему.

Общество испытывает большой недостаток в хороших людях, в хороших руководящих кадрах. «Застою» невыгодно было иметь личности. Личности нужны сейчас. А школа формирует усредненного человека. Ведь сама школа — это наши же люди — учителя, дети с родителями — не с Луны же свалились.

И как не рассуждать про генофонд! Он катастрофически истощался — первая волна в эмиграции, вторая «вырубка» в крестьянстве и шквалы репрессий, потом война, потом пресс усредненной до минимума жизни, усредненной материально и духовно.

При условии сохранения процессов оздоровления, которые идут сейчас, через одно-два поколения страна получит желанную Личность. Мы — переходное поколение, которое должно создать базу для нового генофонда. Не бетон мы обязвны передать будущему, а Человека. Пусть все служит этой цели. Ведь тогда и уже сегодня число мыслящих, свободных, хороших людей будет расти.

У нас в обществе складываются наряду со старыми оргвнизациями новые объединения людей. Издержки сегодняшнего комсомола как раз издержки формализма, который вошел в плоть и кровь многих деятелей. А что значит неформальное объединение? Все зависит от наполнения. И формальное, и неформальное объединение людей — оно ведь чем-то наполняется.

Многие неформалы, раз уж так их называют, играют свежую позитивную роль в драме общественных идей. Почему же им не высказывать свои взгляды? Кто их испугался? А то, что ведет к хаосу, оно рано или поздно обнаружит свою несостоятельность, как это показывает жизнь на самых неожиданных примерах.

При всех трудностях Россия всегда выходила из кризисов очищенной, молодой и способной к новой жизни.

В сгущении кризисов «виновата» отчасти и перестройка. Но виновата, конечно, в кавычках. Она их по-хорошему спровоцировала. Мы поняли скорее то, что могли бы понять позднее и с большими, возможно, потерями. Люди оказались неготовыми к такому течению процессов, которое предложила жизнь. И неготовым в большей степени оказался руководящий корпус. Может быть, именно аппарат, который привел к застою, сам оказался его жертвой, так как деградировал и перестал быть действующей вдохновляющей силой. Сейчас идет нормальный исторический процесс — столкновение застоя и перестройки.

По-моему, сложился баланс застойных и перестроечных сил. Кто кого победит — от этого зависит судьба перестройки. В середине общественного здания застой спрессовался. На самом верху и внизу все понимается и все делается, что в силах. Твк я вижу расстановку сил. Система перестраивает себя путем раформ. Как уйти от диктатуры или анархии? Двигаться по середине. Пока все так и идет. Лично мне перестройка, движение демократии и гласности дали душевное равновесие, желвние работать и мечтать.

...В Куйбышеве насчитывается двадцать пять мест, связанных с пребыванием В. И. Ленина в Самаре в 1889—1893 годах. Главное среди них — третья квартира Ульяновых, где они жили с мая 1890 по август 1893 года — угол улиц Сокольничьей и Почтовой (дом Рытикова), ныне — угол Ленинской и Рабочей, 135/37, Дом-музей В. И. Ленина.

Сейчас здесь отстроен огромный, в несколько кварталов, мемориальный комплекс. Гранит, мрамор, стекло и бетон. Однако самым любопытным местом на сегодня является стык улиц — Ленинской и Рабочей. Дело в том, что «задник» мемориального комплекса, по мысли авторов, включил в себя исторически восстановленную часть старой Самары. Это двухэтажные деревянные домики. Окна с наличниками. Вид построек минимально прост и убог. Правда, реставраторы, подгоняя их под мемориал, как могли раскрасили двери, рамы, те же наличники. Дома внутри пусты. За стеклами окон — никого. К дверям подведена сторожевая современная сигнализация. В общем, макет маленькой части старого города выполнен добросовестно — лесной материал новый, железо на крышах новое и все в свежей краске.

С одной стороны к этим домикам примыкает гранитный мемориал, а с другой — Рабочая улица с копиями таких же домиков, только не реставрированных, а настоящих, в которых живут люди и по сей день. И тянется эта улица вплоть до Крытого рынка и автовокзала.

Настоящие, недекоративные дома Рабочей улицы отделены от своих искусственных близнецов 11—18 метрами, ближе некуда. Настоящие дома гнилые, осели в землю, окна покосились, стены и крыши горбатые, латаные-перелатаные, но все они обитаемы. В них живут самаряне — и грудные, и взрослые, и старушки из XIX века. В нищенских дворах, в ветхих сараях идет своя жизнь. В утлых комнатенках полным-полно людей. И на стыке этих улиц я слышу все новые и новые вопросы...

●

Герман НАЗАРОВ

КОСМОС РУБЛЯМИ НЕ ОКЛЕИШЬ...

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Космонавтика берет свое начало в период правления Сталина. А этот период я исчисляю с 1934 года, с XVII съезда партии, когда Сталину удалось взять управление страной в свои руки. Именно в этот период в России зазвучали русские песни, в школьные учебники стала возвращаться русская история, со школьных тетрадей слетели силуэт «вождя мирового пролетариата» Лейбы Троцкого и его цитата: «Грызите молодыми зубами твердый гранит науки». На экранах кинотеатров появился фильм «Петр I». Уже не выбрасывали из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в словосочетании «русская душа» слово «русская». Вновь стали печататься стихи Пушкина «Клеветникам России», запрещенные прежде как якобы шовинистические.

Нашему нынешнему молодому поколению «строителей коммунизма» (или после снятия Хрущева — «развитого социализма», или, после смерти Брежнева — «обновляющегося социализма») Сталина пытаются представить вне времени, в котором он руководил страной. История дает различные оценки его деятельности, и с этим нельзя не считаться. Вспомним слова английского премьер-министра У. Черчилля, произнесенные им в декабре 1969 года в палате лордов по случаю 90-летия со дня рождения Сталина: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавил непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нвшему жестокому времени, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли; резким, жестоким и беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... Это был человек, который своих врагов уничтожал руками своих же врагов и заставил нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов... Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием».

И — добавлю — с межконтинентальной баллистической ракетой.

Что же касается нынешних хулителей истории нашего народа и страны, то они преследуют вполне определенные цели: отвлечь внимание от периода правления страной хрущевско-брежневской кликой, увести в дымовую завесу критики сталинизма, от ответственности тех государственных и партийных деятелей, кто под личиной так называемого «коллективного руководства» довел мощную державу «до ручки», когда никто ни за что не отвечает.

В предвоенные годы, когда лучшие технические умы Европы и Америки работали над созданием баллистических ракет, попытки вооружить нашу армию ракетным оружием наткнулись на глухое непонимание со стороны техштаба начальника вооружений РККА, который подчинялся непосредственно Тухачевскому. Даже сравнительно простое реактивное оружие, каким являлась «катюша», не было по достоинству оценено Тухачевским.

Ведущие специалисты по новейшей нашей истории во главе с Роем Медведавым уверяют, что Сталин ничего не понимал, а посему тормозил разработку ракет. Но как раз именно он в трудное и тревожное для страны время выбрал то, что было наилучшим во всех отношениях и под силу нашей промышленности, а именно — разработку полевой реактивной артиллерии («катюши»). Гипотетические дорогостоящие проекты, которые пытались навязать некоторые изобретатели, поддержанные в свое время Тухачевским, были отброшены как неосуществимые, нереальные.

Вскоре после окончания войны перед нашей страной возникла настоятельная необходимость дать достойный ответ политическому шантажу, развязанному США, стратегические возможности которых включали атомную бомбу и военную авиацию дальнего действия как средство ее доставки. Эта сложнейшая задача имела два технических аспекта — создание атомной (а затем и водородной) бомбы и ракеты, способной доставить ее к цели.

Необходимость обеспечения работ по развитию новых отраслей техники и производства отмечалась на первой сессии Верховного

Г. Назаров знаком нашим читателям по работам на темы советской историн, опубликованным «МГ» в № 10 и 11 за прошлый год («Я. М. Свердлов — организатор гражданской войны и массовых репрессий» и «Потрясеиие»). Он более 30 лет занимался вопросами космонаетики, как специалист в области ракетной техники, а виоследствии — как научиый консультант ТАСС и БСЭ по вопросам космонавтикн. Автор миогих статей на данную тему в БСЭ и ответственный секретарь эициклопедии «Космонавтика» (1985 г.). Награжден за достижения в области космонавтики золотой медалью имеии С. П. Королева и медалью имени Ю. А. Гагариia.

Совета СССР второго созыва в марте 1946 года. К таким работам относились исследования по развитию ракетной техники, применение новых типов двигателей (реактивных авиационных и ракетных), использование внутриатомной энергии в промышленных целях.

Для обеспечения дальнейшего технического прогресса страны необходимо было расширять и создавать новые экспериментальные предприятия, конструкторские бюро и научно-исследовательские институты, всемерно поощрять научно-исследовательскую работу ученых, инженеров. Вскоре после сессии Верховного Совета СССР и начали создаваться такого рода предприятия. Первое постановление правительства о создании в СССР баллистических ракет было подписано 13 мая 1946 года. И это тогда, когда 1700 городов страны лежало в руинах. Потери людского населения исчислялись десятками миллионов.

9 августа 1946 года приказом министра вооружения СССР Д. Ф. Устинова главным конструктором по созданию баллистических ракет назначается С. П. Королев.

Здесь надо сказать следующее. Наша леворадикальная пресса раструбила, что Королева в 1938 году посадил в тюрьму Сталин. В действительности дело обстояло не совсем так. Вернее, совсем не так. Известно, что с выдвижением на первые роли в партии Троцкого и его соратников (из 21 члена ЦК, «избранного» в августе 1917 года, за два месяца до переворота, 20 — были его сторонниками) ими, помимо откровенного истребления «буржуев» и членов их семей, практиковалось доносительство — хорошо отработанный и «оправдавший» себя в годы гражданской войны способ провокаций, приводивший нередко к физическому уничтожению людей. За недонос — тоже расстрел. Именно в результате доноса Королев был осужден на 10 лет. Уже будучи на Колыме (он был арестован 27 июня 1938 года), он 15 сентября 1939 года писал с прииска Мадьяк А. Я. Вышинскому: «...меня подло оклеветали директор института Клейменов, его заместитель Лангемак и инженер Глушко». Именно в результате вмешательства заинтересовавшегося состоянием ракетной техники Сталина, которому были представлены списки осужденных, Королев был вызволен из Колымы.

Перед Королевым и его коллективом Сталиным были поставлены задачи не только создания ракеты, по своим характеристикам не уступающей немецкой ракете «Фау-2», но и поиска рациональной конструкции с более высокими летно-техническими и эксплуатационными характеристиками. С 18 октября по 13 ноября 1947 года на территории СССР на артиллерийском полигоне, который наконец-то открыли для всеобщего обозрения — Капустин Яр — проводились испытания ракет «Фау-2», собранных из узлов, изготовленных и привезенных из Германии. Всего было проведено 11 пусков. Изучение Королевым испытанной техники показало, что конструктивные решения, принятые в ракете «Фау-2», во многом устарели: подвесные топливные баки, неотделяющаяся головная часть, недостаточно точная система управления, неоправданно усложненные системы, агрегаты и узлы.

Королев предложил создать более совершенную ракету, рассчитанную на дальность 600 километров, о чем незамедлительно было доложено Сталину. Вместе с тем было решено, продолжая работы по созданию перспективных ракет, параллельно в кратчайший срок создать ракету Р-1 (аналогичную «Фау-2»), для того чтобы в процессе ее освоения отечественная промышленность

накопила определенный опыт производства, испытаний и эксплуатации крупных ракет, подготовившись тем самым к освоению перспективных ракет более совершенной конструкции и обеспечив выигрыш во времени, хотя бы частично восполняющий урон, нанесенный войной.

За один год (!) была спроектирована, построена и испытана первая отечественная управляемая ракета Р-1. Первый старт состоялся 10 октября 1948 года. Полет ракеты прошел нормально, и она достигла цели. Испытания первой серии ракет Р-1 подтвердили правильность решения всех основных проблем, связанных с созданием ракет с дальностью полета до 300 километров. Разработка ракеты потребовала широкой кооперации усилий НИИ, КБ и заводов советской промышленности, часть которых переходила на выпуск мирной продукции. Достаточно сказать, что в этой работе были заняты 13 НИИ и КБ, коллективы 35 заводов.

В декабре 1949 года коллективом Королева был разработан эскизный проект ракеты Р-3 с дальностью уже 3000 километров и стартовой массой 72 тонны. Этот проект характеризовался принципиальной новизной, масштабом поставленных задач и возникших при их решении вопросов. Проект ракеты Р-3 не был претворен в жизнь, так как в процессе его разработки и испытаний экспериментальных ракет, на которых отрабатывались заложенные в нем принципы, была доказана возможность и целесообразность непосредственного перехода к созданию ракет, рассчитанных на достижение межконтинентальной дальности.

Страна залечивала раны, нанесенные войной, и строила ракеты. К этому вынудила нас создавшаяся международная обстановка. С 1951 года проводились комплексные исследования одноступенчатых и двухступенчатых баллистических ракет. 13 февраля 1953 года Сталин утвердил план работ по созданию межконтинентальных баллистических ракет (МБР).

Возможности Советского Союза, накопленный опыт при создании одноступенчатых ракет и уже сложившаяся к тому времени и четко работающая межотраслевая кооперация, естественно, предопределили дальнейшее сосредоточение усилий страны на создании двухступенчатой ракеты, представлявшейся в те годы наиболее рациональным средством достижения межконтинентальной дальности. 20 мая 1953 года (уже после смерти Сталина) Г. М. Маленковым было подписано постановление о создании конкретной МБР — ракеты Р-7. Встал вопрос о необходимости создания принципиально нового оружия.

Одновременно продолжались пуски ракет, которые были приняты в эксплуатацию. При этом изучались сопротивление и нагрев тел в полете, вход в атмосферу, отработаны системы спасения головных частей с больших высот, медико-биологические проблемы. Все эти вопросы нашли в дальнейшем применение при создании космических аппаратов различного назначения.

Начальными исследованиями по возможности практического осуществления запусков искусственного спутника Земли (ИСЗ) с помощью ракет, разрабатывавшихся под руководством Королева, занимался М. К. Тихонравов. С 1950 года группой, возглавляемой Тихонравовым, была выполнена большая предварительная работа под названием «Исследования по искусственному спутнику Земли», в которой изучались наивыгоднейшие условия (с точки зрения энер-

гетических затрат) выхода спутника на орбиту. Эта работа поискового характера сыграла в будущем определенную роль.

В последующие годы, когда власть перешла к партийному авантюристу, верному ученику Лазаря Моисеевича Кагановича — Н. С. Хрущеву, а затем к Л. И. Брежневу, их идолопоклонники приписывали не Сталину, а им отцовство в организации работ по ракетной технике и космонавтике. Упрямые же факты говорят об обратном.

А как обстояли дела с разработкой МБР в США? Это необходимо знать, чтобы потом сравнивать достижения двух космических держав. Скептическое отношение к ракетному оружию, бытовавшее среди представителай американского военного ведомства, радикально изменилось сразу же после появления сообщений разведки союзников о проводившихся в фашистской Германии работах по созданию ракеты «Фау-2» (А-4). Уже тогда США стали прилагать немало усилий, чтобы, с одной стороны, получить в свое распоряжение конкретные данные о немецких ракетах, а с другой — скрыть их от СССР.

Этому способствовали сложившиеся обстоятельства. 18 августа 1943 года, после массированного рейда союзной англо-американской авиации на Пенемюнде, для испытаний был построен новый полигон на территории оккупированной нацистами Польши (полигон в Пенемюнде был полностью восстановлен в октябре 1943 года). Так как ракеты иногда падали на значительном удалении от районов, где их ожидали немецкие полевые команды, участники польского движения Сопротивления добыли и переправили в середине 1944 года некоторые важные части «Фау-2» в Лондон. В это же время в Лондон были доставлены части ракеты «Фау-2», упавшей на территорию Швеции после пуска в Пенемюнде.

В своем послании Сталину 17 июня 1944 года У. Черчилль сообщал, что «Гитлер начал применять свое секретное оружие против Лондона». В своем послании от 25 июня, усыпляя бдительность Сталина, он, между прочим, отмечал: «...Вы можете спокойно оставлять без внимания весь немецкий вздор о результатах действия их летающей бомбы...» Через два дня У. Черчилль вновь возвращается к теме (которая и его, прожженного политика, не могла не волновать), он опять, как бы мимоходом, отмечал: «Что касается гитлеровской бомбы-самолета, то это средство, как видно, не может иметь серьезного значения».

Об интересе, проявленном в США к новому оружию, говорит и тот факт, что перед высадкой союзников в Нормандии американское военное командование тщательно разработало план секретной операции «Пейперклип», имевшей своей целью захват немецких ученых-ракетчиков. Главный конструктор ракеты «Фау-2» В. фон Браун и его группа значительно облегчили эту задачу, сдавшись в плен передовым американским частям в апреле 1945 года.

В военных кругах США по-прежнему господствовало мнение, что обычные самолеты или самолеты-снаряды с воздушно-реактивными двигателями являются наилучшим средством доставки атомного оружия на территорию противника. Баллистическая ракета дальнего действия с военной точки зрения не считалась в этом отношении достаточно эффективным средством.

Работа над проектом первой экспериментальной ракеты МХ-774 началась в 1946 году фирмой «Конвэр» и была в основном закончена в середине 1947 года. Внешне МХ-774 напоминала ракету «Фау-2»,

однако по своей конструкции она значительно отличалась от немецкой ракеты (уменьшенная стартовая масса в результате перехода на тонкостенные топливные баки с наддувом, отделяемая головная часть, карданный подвес камер сгорания двигателей и т. д.). В июле 1947 года контракт на исследовательские работы по ракете МХ-774 был аннулирован, однако в течение июля — декабря 1948 года удалось провести три испытательных пуска. Все три были неудачными.

После этого работы в области создания баллистических ракет проводились в незначительном объеме, и лишь после того, как в сентябре 1949 года выяснилось, что США не являются монополистом в области атомного оружия, на разработку баллистических ракет было снова обращено внимание. В январе 1951 года фирме «Конвэр» был выдан контракт на исследовательские и опытные работы над проектом МХ-1593, от которого требовалось сравнение потенциальных возможностей баллистической и планирующей ракет. Работы проводились на основе разработки ракеты МХ-774.

В сентябре 1951 года проект МХ-1593 получил название «Атлас», однако разработка проекта велась медленными темпами. В 1953 году специальный комитет, созданный ВВС США из видных ученых, пересмотрел планы разработки МБР и вынес ряд рекомендаций и заключений, утверждавших, что МБР может быть разработана для принятия на вооружение в 1960—1962 годах. После рекомендаций указанного комитета проект МБР «Атлас» был основательно пересмотрен. В январе 1955 года фирма «Конвэр» получила контракт на разработку измененного проекта МБР, получившего обозначение М-65. Работы получили высокий приоритет, а в сентябре 1955 года этот проект начали разрабатывать по усиленной программе. Развернувшиеся в этой области работы в СССР подстегивали и США.

Первый экспериментальный пуск МБР «Атлас» состоялся 11 июля 1957 года и окончился неудачей. Только на 15-м пуске была достигнута расчетная дальность полета 10 200 километров.

Мощный импульс развитию ракетной техники, данный при Сталине, позволил в мае 1957 года провести первый запуск межконтинентальной баллистической ракеты, которая в августе 1957 года (с 4-й попытки) показала расчетную дальность полета. Об этом было опубликовано во всех газетах. А 4 октября 1957 года этой МБР, получившей название «Спутник», был запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

Соревнование с американцами на начальном этапе развития ракетной техники было выиграно. А после войны-то прошло всего 12 лет! Мы же опередили США и в запуске первого человека в космос. Хрущеву пели дифирамбы, как отцу советских космонавтов. Он осыпал Золотыми Звездами Героев участников разработки ракеты и космического корабля. Не забывал свое ближайшее окружение и себя. Но фундамент этого успеха был заложен Сталиным.

«Конем» для обеспечения всех космических программ при Хрущеве была ракета Р-7. Но «конь» этот стал изнашиваться, не успевал за бегом времени. Хрущев постоянно подгонял Королева, требуя от него невозможного. Первые громкие успехи в космонавтике позволили Хрущеву во внешней и внутренней политике держаться на плаву, кричать на весь мир о превосходстве нашей социалистической системы и даже «торжественно» объявить: «Ны-

нешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Сейчас об этом поклонники Хрущева не хотят вспоминать.

Последние усилия Королева с индексом «впервые в мире» (погоня за рекламным первенством, конечно, стиль не Сергея Павловича) — это запуск первой в мире женщины-космонавта (хотя она была уже не первым человеком в космосе, а... двенадцатым), запуск первого в мире многоместного корабля «Восход» (хотя это был в принципе тот же корабль «Восток», но в него Королев сумел вместить трех космонавтов), первый в мире выход космонавта в открытый космос (космический трюк, когда космонавт, соединенный с кораблем специальным фалом, форменным образом выпрыгнул из корабля на несколько минут и затем, с помощью фала, вернулся в корабль). Для науки эти полеты практически ничего нового не давали.

Последние два полета уже проходили во время правления Брежнева. Особенность этих последних полетов — в них уже не было качества.

А тем временем в арсенале американцев появился целый класс ракет-носителей, способных выводить в космос космические аппараты различного назначения и различной массы. На «вооружении» их ракет-носителей появился жидкий водород в качестве нового горючего. Появились мощные пороховые ракетные двигатели и другие новинки. И наметилось наше качественное отставание от американцев. Наши руководители то ли не увидели, то ли не захотели увидеть. В 1962 году в США поднялась первая ракета на жидком водороде. Это, пожалуй, и решило вопрос, кто первым достигнет Луны.

А ведь была целая гвардия кураторов в ЦК: инструктор оборонного отдела В. А. Попов, зав. сектором Б. А. Строганов, зав. отделом И. Д. Сербин. Не они ли непосредственные виновники отставания нашей страны в космонавтике? Ну а главным куратором за нашими «маневрами» в космосе был секретарь ЦК Д. Ф. Устинов. Он и докладывал членам брежневского Политбюро, что в космонавтике у нас «все хорошо». Всех их нет теперь на своих должностях, но ведь космонавтике от этого не легче.

Некоторое оживление в космонавтике наступило в 1965 году, когда страна получила более мощную, нежели ракета Р-7, ракету-носитель «Протон», хотя и с ее помощью решить принципиальную задачу — послать человека к Луне, о которой бубнили наши газеты, — было невозможно.

Кризис советской космонавтики все больше нарастал. И виной тому не народ, а руководители, ставшие во главе этого дела. В январе 1966 года умер Королев. Второго такого человека Россия уже не имела. Сменивший его В. П. Мишин, стремившийся продолжить начатые Королевым разработки, вскоре был заменен любимцем Брежнева — В. П. Глушко, который и «добил» начатое так успешно дело. Да, тот самый Глушко, который еще с 1930 года писал доносы в НКВД на наиболее талантливых сотрудников, в том числе и на Королева. В космонавтике начался культ личности Глушко. История стала перекраиваться по его личному усмотрению. Он «ударился» в написание книг по истории ракетной техники, где на первом месте, конечно, после К. Э. Циолковского стоял он, Глушко.

Начавшийся во второй половине 1960-х годов штурм космоса американцами показал, что мы безнадежно отстали, и это отставание с годами стало все больше расти. Газеты, конечно, продолжали трезвонить о превосходстве советской космонавтики над американской, о каких-то «новых шагах» в покорении космоса. Редактор издательства «Машиностроение» Лев Абрамович Гильберг, вкусивший прибыльность издания книг по космонавтике, даже выпустил фотоальбом под названием «Покорение космоса», который почему-то стал называться «научным трудом». Этот альбом после первого издания в 1969 году стал периодически переиздаваться, но уже под другими названиями: «Советская космонавтика», «Космонавтика в СССР» и т. д.

Далекие от истины сообщения ТАСС готовились специально созданной группой во главе с профессором Ю. А. Мозжориным, тринадцать раз безуспешно пытавшимся прорваться в академики. Они успокаивали обывателей мнимыми успехами в области космонавтики. Гильберг для проталкивания своих бездарных книг включал в качестве авторов, авторов-составителей и редакторов сотрудников группы Мозжорина и его самого. На «космическом» поприще грели руки все, кто стоял у этой кормушки, в том числе и курирующие эту отрасль науки и техники.

Задача мозжоринской группы состояла в дезинформации общественности, скрытии от народа промахов и действительного положения дел наших в космосе. Но обман стал очевиден, когда 21 июля 1969 года американский гражданский летчик Нил Армстронг первым из землян вступил на поверхность Луны и водрузил американский флаг. Наша лживая пропаганда, руководимая тогда М. А Сусловым (сейчас один из проспектов Москвы назван его именем), вынуждена была показать это историческое событие на экранах наших телевизоров в конце, когда транслировался матч по волейболу между двумя местными командами.

На триумфальный полет американцев к Луне мы в октябре 1969 года ответили полетом трех кораблей «Союз». Авантюризм проявился в том, что два корабля не состыковались, да и эксперимент по сварке, который предусматривалось провести на одном из кораблей, кончился безрезультатно. Чуть корабль не прожгли. Корабли с экипажами («великолепная семерка») вернулись на Землю. Из Кремля поступила команда всех наградить Звездами Героев Советского Союза. А раз они все герои, то значит — и полет «героический», «успешный». Об этом сообщил нам ТАСС. Сообщение ТАСС готовил все тот же Мозжорин.

Государственные секреты, безусловно, надо сохранять, но здесь нужно было сохранять в секрете неправду. Так у нас началось очковтирательство не только по молоку, но и в космосе. И это очковтирательство берет свое начало не от Сталина, а с хрущевского периода, который нынешние «прорабы» перестройки типа Федора Бурлацкого (в то время помощника Хрущева) именуют периодом «оттепели».

Девять раз американцы посылали свои космические корабли к Луне, 12 американцев ходили и ездили на автомобиле по Луне, 24 — видели Луну с высоты птичьего полета. А мы продолжали «кататься» по изъезженной околоземной орбите, дорогу по которой проложил Ю. А. Гагарин. Мы оказались неспособными выйти из зоны притяжения матушки-Земли.

Затем американцы уверенно обогнали нас в создании орбитальной станции со сменяемыми экипажами. Наш эксперимент со сменой экипажей кончился неудачей: экипаж «Союза-10» с неимоверным

трудом смог отстыковаться от орбитальной станции «Салют», не сумев перейти в нее, а экипаж «Союза-11», никого не сменив, погиб после отстыковки при возвращении к Земле. Через некоторое время мы продолжили «штурм» космоса, посылая на станции «Салют» все новые и новые экипажи, которые попросту отсиживались в них, делая рекорды по продолжительности пребывания на высоте 200—300 километров. Количество витков умножали на длину витка, получалась самая длинная в мире «дорога в космосе». Этим мы очень гордились: вот, мол, как мы долго летаем и далеко ездим... не сходя с одной и той же дороги. Ни вправо, ни влево.

После полета американской орбитальной станции «Скайлэб» у них наступил небольшой перерыв в полетах. И вот настал 1981 год. 12 апреля — День космонавтики — американцы ознаменовали новым триумфом. Взлетел первый в мире многоразовый транспортный космический корабль «Колумбия» с двумя космонавтами на борту. Поразило воображение многих специалистов то, что первый испытательный полет, с первого, как говорят, захода — и успех! Такого мировая космонавтика еще не знала. А мы?

Мы с невиданным упорством продолжали трезвонить о «новых шагах» советской космонавтики, но уже об отставании американцев не говорили, сообщая сквозь зубы о триумфальных полетах американских астронавтов. Свежие, молодые улыбки советского отряда космонавтов, от которых действительно веяло романтикой, сменялись натужными пропагандистскими шоу, все более нелепыми.

Чтобы показать миру, что мы еще на что-то способны, что у нас есть еще деньжата, чтобы продолжать ими «красиво» сорить, мы начали «вывозку» на экскурсию в космос граждан стран Варшавского блока, а затем перешли на «вывозку» космонавтов из развивающихся стран. Ради чего? Ради «сохранения мира на Земле», как у нас писали. А самым главным, как широко известно, борцом в этом деле был, конечно, Леонид Ильич Брежнев. Он, родимый, перехватил у Хрущева эстафету отцовства над космонавтами.

Процессы награждения и громкие реляции по поводу этих некачественных во всех отношениях полетов гремели на экранах телевизоров. Наш отряд космонавтов рос количественно, но не качественно. Видимо, «застой» сказался и в подготовке космонавтов. А подготовкой космонавтов занимался большой друг Льва Абрамовича Гильберга — генерал В. А. Шаталов. Гильберг выпустил немало книг, где — под редакцией Шаталова, где — в авторстве с другом Шаталова — полковником М. Ф. Ребровым. К ним подключилась группа Мозжорина.

Росло количество сначала Героев Советского Союза, потом дважды Героев, потом генералов-космонавтов.

Как из рога изобилия сыпались на головы всех членов брежневского Политбюро золотые звезды, ордена. Пошли по второму кругу, появились в Политбюро свои «полководцы»: дважды, трижды, четырежды и пятирежды Герои. А уж полученных орденов у каждого из них просто не счесть. Перещеголял всех Устинов (11 орденов Ленина). За ним идет Рашидов-взяточник (9 орденов Ленина), потом Кунаев, сам Леонид Ильич, Громыко, Соломенцев, Алиев (по 8 орденов Ленина). Освободитель России на этом фоне «полководцев» мирного «застойно-взяточного» времени Г. К. Жуков выглядит бледновато, орденов Ленина у него все-то 6! И это за гражданскую, за бои на Халхин-Голе, за оборону Москвы, за Сталинград, за битву на Орловско-Курской дуге, за взятие Берлина. Какой позор!..

О том, какая вакханалия разыгралась на полях мирной, послевоенной России с награждениями и званиями, говорит такой факт, что наш прославленный конструктор С. П. Королев за бесспорно выдающиеся заслуги перед Родиной, за создание первой межконтинентальной баллистической ракеты, за первый спутник, за Гагарина был награжден всего двумя орденами Ленина и орденом «Знак Почета».

Окружение Брежнева продолжало обильно сжигать народные деньги в космосе ради своих собственных политических амбиций. Очковтирательство процветало все с большей силой. Крестьяне гнули свои спины на полях страны, рабочие — у своих станков и мартеновских печей, соревновались за звания «Наши маяки» и «Ударники пятилетки», получая нищенскую зарплату и значки «Ударничков комтруда». Те, кто постарше, порой с оглядкой, опасаясь либерального террора разного рода проходимцев, бездельников и прямых предателей Родины, вздыхали о прежних временах.

Доаплодировались до того, что когда встал вопрос о выпуске коллективного труда наших ученых — энциклопедии «Космонавтика», которая должна была осветить все достижения мировой космонавтики, то на поверхность и вышла вся плеяда героев «невидимого фронта» — тех, кто готовит для верхов справки о состоянии нашей космонавтики, кто на протяжении многих лет кормится вокруг этой прибыльной, не контролируемой никем отрасли.

Мне памятны слова, когда-то сказанные президентом США Джоном Кеннеди: «Кто владеет космосом, тот владеет миром». Мы не овладели по-настоящему космосом. До сих пор народ не знает, зачем из года в год, независимо от глубины экономического кризиса, запускаются ракеты с космонавтами, что̀ «добывают» в космосе наши космонавты.

Впервые эту «запретную космическую зону» для критики затронул в своем выступлении на очередном съезде Союза журналистов СССР бывший главный редактор газеты «Правда» В. Г. Афанасьев. Он тогда сказал: «...Ведомства, отвечающие за космос, вбили себе в голову, что в их епархии всегда и во всем порядок, «все идет нормально». А без визы этих ведомств печать не может сказать ничего, что им неугодно. Анахронизм? Да!

Накладывая железную лапу на публикации с неизменным грифом «все в порядке», эти ведомства лишают печать, а вместе с ней и ее читателей, народ наш, информации о том, сколь опасен, героичен труд космонавтов...» («Правда», 1987, 14 марта).

Но В. Г. Афанасьев не назвал конкретных лиц, кто же «накладывает железную лапу на публикации» и какой ущерб от этого происходит.

Показательная история с выходом энциклопедии «Космонавтика» достойна краткого изложения. Энциклопедия должна была выйти в 1982 году. Готовилась она много лет большим коллективом авторов (около 300 человек), среди которых были 14 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, свыше 100 докторов наук, космонавты. В подготовке книги приняли участие ученые всех социалистических стран, а также ряда капиталистических государств. Одним словом — сила!

До сдачи рукописи в набор разделы книги были апробированы и

завизированы в соответствующих ведомствах по принадлежности, как того требует соответствующая инструкция. На стадии подписания книги в печать ее передали главному «пропагандисту от космонавтики» профессору Ю. А. Мозжорину, который из-за своей некомпетентности (ну не может же все один человек знать!) продержал у себя книгу 5 месяцев, а затем еще 2 года! Как выяснилось потом, искал крамолу. И нашел: книга-де, мол, написана на низком научном уровне и пропагандирует западные достижения. Оказалось, что без визы этого чиновника не может увидеть свет ни одна книга. Даже энциклопедия.

31 августа 1982 года группв виднейших советских ученых во главе с академиком А. Ю. Ишлинским направила письмо в ЦК КПСС М. В. Зимянину (тогдашнему секретарю ЦК по идеологии) с просьбой ускорить вопрос с подписанием энциклопедии «Космонавтика» в печать. Ученые прямо писали, что мотивы задержки фундаментального труда ученых «недостаточно серьезны и невыход книги нанесет нашей стране большой ущерб». Письмо, адресованное Зимянину, попало Мозжорину, который и ответил Зимянину, сумев подписать ответ у своего министра С. А. Афанасьева, президента АН СССР А. П. Александрова и т. д. В орбиту очковтирательства втянулись высокие государственные деятели.

Ряд ученых (академик А. Ф. Богомолов, доктор физико-математических наук М. Л. Лидов и другие) обратились в журнал «Коммунист» с письмами, в которых спрашивалось: «Как могло произойти, что работа нескольких лет огромного коллектива высококвалифицированных авторов оказалась под угрозой компрометации капризным росчерком пера нескольких сотрудников?»

В начале декабря 1982 года большая группа авторов (около 100 человек) направила коллективное письмо на имя Ю. В. Андропова. 4 марта 1983 года автор этих строк, как ответственный секретарь энциклопедии, обратился с подробным письмом о безобразной волоките в журнал «Коммунист». Главный редактор журнала «Коммунист», в свою очередь, со своим сопроводительным письмом, отмечавшим ненормальность положения вокруг энциклопедии «Космонавтика», переслал этот документ заместителю Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнову (теперь уже бывшему). Число должностных лиц, втянутых в бюрократическую карусель, стало расти.

Казалось, вопрос наконец-то будет решен. Но такая уж сложилась система, что даже заместитель Председателя Совета Министров СССР не смог решить этого вопроса.

Мозжорин в это время готовит еще одно тенденциозное заключение о вредности издания (конечно, его-то в авторах и редколлегии нет), с лживыми формулировками. На своем заключении он сумел получить визы ответственных государственных деятелей. Но и этого ему показалось мало — он переделал письмо, сделал ксерокопию и выдал его как коллективное мнение пяти ведомств. Оригинал таинственно исчез, а ксерокопию подложного письма Мозжорин заслал в редакцию журнала «Коммунист», как «ответ» заместителя Председателя Совета Министров СССР. Вот как надо работать в условиях «демократического» паралича!

Письмо сдали на экспертизу в Институт судебных экспертиз Минюста СССР. Оттуда ответили: письмо имеет все признаки подлога. Дело с выпуском книги стало сдвигаться. Главный редактор «Коммуниста» переслал документ в КПК при ЦК КПСС И. С. Густову, и книга моментально вышла в свет. Но со значительными купюрами, которые успел наделать все тот же всесильный Мозжорин. Есть ли управа на этого человека, который как работал, так и работает директором отраслевого института Минобщемаша? Нет! Его поддерживает «космическая мафия».

Авторы энциклопедии «Космонавтика» решили выявить ее следующим простым способом. Семнадцать человек подписали жалобу в ГУВД Мосгорисполкома, чтобы разобрали должностной подлог, в котором, по их мнению, участвовали высокие должностные лица, действия которых привели к сбросу готового набора книги и нанесению ущерба государству. Но ответа, несмотря на неоднократные напоминания, авторы так и не получили (хотя с 17 декабря 1985 года прошло немало времени).

А дела в космонавтике продолжают оставаться плачевными. Разорение космонавтики произошло по всем направлениям, и в области пилотируемой космонавтики, и в области автоматических средств исследования космического пространства.

Снизу (по линии издательства «Машиностроение») космонавтику все разрабатывает, как золотую жилу, Лев Абрамович Гильберг, выпускающий дорогостоящие фотоальбомы с «иконописью» космонавтов, притом никому уже не нужные (кстати, об этом уже писало «Книжное обозрение»). Авторский коллектив у Гильберга знаменитый — одни министры и замминистры, работники аппарата ЦК и Совмина, которым он «вынужден» выплачивать космически-повышенные ставки гонораров.

Затем имеется еще один слой, «курировавший» космонавтику — так называемые «консультанты» от ТАСС, некоторые из них с «рыбным» и «ясельным» образованием, притом из того же круга, что и Гильберг. Примыкают к этому слою соответствующие «космические» легионы из Интеркосмоса, Главкосмоса, Интерспутника, Звездного городка с отрядом космонавтов и т. д.

Подобная сеть, создавшая пожизненный деньгопровод из госбюджета в свой карман, создана в системе Академии наук СССР. Ярким представителем этой системы является теперь уже бывший директор Института космических исследований (в 1973—1988 годах) Роальд Зиннурович Сагдеев.

Сагдеев — участник многих экспериментов над нашей космонавтикой. Его достижения на космическом поприще — нулевые. Сколько космических аппаратов «погибло» в космосе, а попросту были запущены неотработанными, «сырыми»! И никакой ответственности. За безответственное научное руководство на груди Сагдеева поблескивает Золотая Звезда Героя Соцтруда. Последнее его «достижение» в космосе — это гибель запущенных к Марсу двух аппаратов «Фобос», стоимость каждого из которых — 400 миллионов рублей. Это не считая стоимости двух ракет-носителей «Протон» и стоимости запуска.

В последнее время имя Сагдеева вновь прогремело на весь мир. Американские информационные агентства сообщили нашим рабочим и служащим радостную весть: Сагдеев женится на внучке бывшего президента США Д. Эйзенхауэра — Сьюзан Эйзенхауэр. «Разрешение» у Е. М. Примакова получено — на лице последнего при получении «наднационального» известия «изобразилось нечто вроде восхищения» (слова самого Сагдеева, «Нью-Йорк таймс», 1990, 6 января).

«Нью-Йорк таймс» сообщила, что Сагдеев возглавляет теоретиче-

ский центр Института космических исследований и что он «ушел с поста директора института в 1988 году после публичной критики в адрес бюрократии, которая, по его словам, душит советскую науку». Да не наоборот ли? Не Сагдеев ли и его покровители в лице бывшего вице-президента АН СССР, председателя Интеркосмоса В. А. Котельникова душили и душат советскую науку?

Космонавтика так же бесхозна, как и Россия. Теперь, разгромив советскую космонавтику, созданную усилиями Королева и плеяды замечательных русских ученых, один из ее руководителей Сагдеев, оказавшись несостоятельным, гребет под крылышко Вашингтона. Может, там, на американской земле, он себя проявит в должной мере, нежели в «бюрократической» России, где его «душили» наши бюрократы? Вместе с Сагдеевым не уедут ли за океан и наши секреты? Сделка состоялась. А как быть с депутатским мандатом? Или теперь, как человек с двойным гражданством, будет он в Верховном Совете СССР представлять и Америку?

Сагдеев вместе с Сахаровым участвовал в политических играх с Западом, будучи одним из членов «Фонда за выживание и развитие человечества», куда, кстати, входит и академик Т. И. Заславская. Непонятно только, за выживание какого человечества они хлопочут.

Большой удар нашей космонавтике нанесла группа Устинова еще в 1974 году. Отстраненный от работ главный конструктор академик В. П. Мишин (преемник С. П. Королева) заменяется академиком В. П. Глушко. Сохраняя свое прежнее кресло главного конструктора двигателей, он становится одновременно и генеральным конструктором, и директором научно-производственного объединения (НПО), которое создают слиянием двух ОКБ, чтобы угодить капризу новоиспеченного главы советской пилотируемой космонавтики.

Как показала последующая практика, кроме многочисленных хорошо оплачиваемых кресел, создание НПО ничего не принесло. Вред же делу был причинен громадный. Если раньше и существовали хоть какие-то альтернативные взгляды на развитие советской космонавтики, то теперь все принятие решений сосредоточилось в руках стареющего и честолюбивого «пионера» от космонавтики, не допускающего намека на точку зрения, отличающуюся от его собственной.

Будучи долгие годы председателем Совета при президиуме Академии наук по проблеме ракетного топлива, академик Глушко всеми силами препятствовал внедрению в советскую космическую технику кислородного окислителя и водородного горючего, перспективность которых показал еще К. Э. Циолковский в 1903 году.

Начиная с 1963 года американские ракеты на кислородно-водородном топливе летали на околоземные орбиты и к планетам, благодаря этому топливу американцы высадились на Луну. Кислород с водородом успешно осваивали западные европейцы, японцы и китайцы, а Глушко продолжал упорно твердить, что «кислород является далеко не лучшим окислителем, а водород попросту не годится для целей практического применения» и «как горючее будущего не имеет».

Нашлись, конечно, в нашей стране ученые и конструкторы, не согласные с этими «откровениями», опубликованными в книге Глушко еще в 1935 году. Например, академик А. М. Люлька на свой страх и риск создал в 1960-х годах и освоил в производстве ракетный двигатель на кислородно-водородном топливе. Но ему не давали хода чиновники из Минобщемаша: как же, ведь Люлька —

авиационник, влез в епархию чужого ведомства! Так и вылетели на ветер вместе со сгоревшим при испытании топливом десятки миллионов рублей.

Между тем после успешного завершения лунной программы американская космонавтика готовилась к новому рывку вперед. Космическое производство, которое до сих пор приносило в основном одни убытки, отныне ставилось в США на коммерческую основу. Чтобы сделать космонавтику рентабельной, необходимо создать многократно используемые, а не выстреливаемые в космос корабли и ракеты-носители. С этой целью американцы приступили в начале 70-х годов к осуществлению программы «Спейс шаттл» (космический челнок).

Возглавив советскую космонавтику, Глушко решает противопоставить американскому «вызову» собственную космическую программу. Она должна быть под стать времени великих строек и перекраивания географического облика планеты. И академик Глушко, ставший вскоре с помощью Устинова и членом ЦК, и депутатом Верховного Совета СССР, выносит на одобрение Генсека Л. И. Брежнева фантастический проект создания обитаемой базы на Луне — стоимостью пока «всего» в 100 миллиардов рублей. Но эта впечатляющая сумма способна была отрезвить даже Брежнева, который наложил вето на очередной «проект века». И тогда Глушко с командой чиновников из Минобщемаша и ЦК бросается вдогонку американскому космическому челноку. Но повторять один к одному готовый чужой проект вроде бы неприлично, тем более что мощные твердотопливные двигатели (бывшие у нас все годы благодаря Глушко тоже в загоне) предприятиям Минобщемаша оказалось сделать не под силу.

И вот два таких двигателя американского челнока заменяются четырьмя жидкостными, кислородно-керосиновыми (!), и «Спейс шаттл» превращается в советский космический челнок «Буран». Автора этого «оригинального» проекта не смущает, что разработка жидкостного ракетного двигателя с тягой под тысячу тонн обойдется в миллиарды рублей. Зато он будет самым мощным в мире!

Чтобы сделать проект еще более «оригинальным», Глушко решает сделать двигатель не с одной камерой сгорания, как у американцев, а с четырьмя: пусть это сложнее и дороже, но зато так никто в мире не делает. Но и на этом причуды новоявленного отца советской космонавтики не кончаются: он решает «догнать» давление в топливных насосах своего двигателя до тысячи атмосфер!

Чтобы этот монстр заработал, десятки тысяч талантливых ученых, конструкторов, рабочих и испытателей вынуждены будут потратить 15 лет своей жизни. И вот на груды обгоревшего и искореженного металла потрачены десятки миллиардов народных рублей, сожжены целые эшелоны ценного топлива, загажена земля вокруг испытательных площадок, отравлена атмосфера, а «Буран» все не может освоить космос.

Сменились у власти и отошли в мир иной три Генсека, каждому из которых Глушко обещал показать свое детище в полете. Но наконец и сам не выдержал и слег, разбитый инсультом. «Что делать?» — вопрошают друг у друга чиновники «от космонавтики»: под ними трещат кресла, ведь американский «Спейс шаттл» эксплуатируется уже 10 лет!

И тогда решают пустить пыль в глаза народу — «опередить» американцев и поднять в воздух «Буран» без человека, на автома-

тике, выдав это за очередное выдающееся достижение советской космонавтики. Дезинформирующее сообщение ТАСС готовит все тот же Мозжорин, который продолжает охранять интересы своего ведомства со времен Хрущева.

Авантюра вполне удалась, и вот уже (в который раз!) те «избранные», кто разграбил страну, пустив на ветер ее богатства, делят между собой жирный куш. Заместитель Глушко по двигательной тематике В. П. Радовский стал в короткое время Героем Соцтруда, лауреатом Государственной и Ленинской премий и из кандидатов наук шагнул сразу в члены-корреспонденты АН СССР. Глушко и Минобщемаш «выбили» ему эту «вакантную должность» в Академии наук «целевым назначением» (и такое у нас бывает!). Без избрания...

А на «Буран» так и не решаются посадить человека: Глушко умер (целый год он, разбитый параличом, числился действующим главой советской космонавтики!). Чтобы подписывать бумаги, ему сделали штамп-факсимиле, а ответственность за него никто на себя до сих пор брать не желает. Хотя в Минобщемаше сменился не один министр.

О суперракете «Энергия» (от названия несостоявшегося НПО) с двигателями от «Бурана» стараются говорить все тише. Она тоже не летает, да и забыли впопыхах подумать, что на ней доставлять в космос; нет таких полезных грузов. Решили было подбросить ненужную «Энергию» американцам: приспособить ее под совместный марсианский проект. Но у богатой Америки нет для этого лишних 100 миллиардов долларов. Да и зачем нам ваша нелетающая «Энергия», сказали американские специалисты, если мы еще 20 лет назад сделали свою ракету «Сатурн-5», которая мощнее «Энергии» на 30 процентов (может вывести в космос 130 тонн груза, а наша, по сообщениям печати, только 100!)

Главный научный сотрудник Института космических исследований К. Грингауз в статье «Потеря космической скорости» («Правда», 1989, 25 марта) заявляет, что «если бы эти средства выделялись Академии наук (а не Минобщемашу, видимо. — **Г. Н.**) и если бы конструкторские бюро Главкосмоса были финансово заинтересованы в выполнении заказа, то технический уровень советских космических аппаратов и их отработка на Земле, безусловно бы, резко повысились». Но разве Академии наук мало выделялось средств?

В 1989 году на все космические программы было истрачено 6,9 миллиарда рублей (по сообщениям нашей прессы). Возражая корреспонденту «Литературной газеты» О. Морозу, который восклицает, что это «огромная цифра», начальник Главкосмоса А. И. Дунаев (тот самый, на кого была передана жалоба в ГУВД Мосгорисполкома) ответил: «Мы тратим на космос очень мало: в текущем году на народнохозяйственные и научные задачи — 1,7 миллиарда, на космическую систему многоразового использования «Буран» — 1,3 миллиарда рублей. Ну, а что такое 6,9 миллиарда рублей (эта цифра, уверяю вас, достоверна)?!» («ЛГ», 1989, 20 декабря).

А дальше Дунаев «размышляет» о потерях в нашем сельском хозяйстве. Эти доводы, по мнению Дунаева, оправдывают и потери этих 6,9 миллиарда в космосе. Только мы слишком мало теряем — так считает Дунаев, а посему цифра 6,9 миллиарда — цифра потерь, а не прибыли — вполне достаточна, чтобы их сжигать в космосе.

Может, пора начинать народное движение за прекращение сжигания денег в космосе, подобное движению против «поворота рек»? Ведь и за тот «проект века» никто не понес наказания. А надо бы! Настала пора спрашивать!

От редакции. Точку зрения автора полемических заметок мы разделяем не полностью; не считаем, что эффективность современных космических исследований близка к нулевой отметке, как это следует из статьи Г. Назарова. Вклад конкретных исполнителей (рабочих, инженеров и ученых), самоотверженный труд космонавтов нами под сомнение не ставится. Но вот сама стратегия исследований, их концепция достойны пристального внимания и серьезного обсуждения — раз уж столь широко распространено мнение об ущербности стратегической линии в целом. Это и понятно: победоносные реляции о «космических» успехах при космических (без всяких кавычек) затратах звучат на фоне углубляющегося экономического кризиса тревожно.

Его, автора многих «альпинистских» фильмов, среди которых ленты, награжденные на международных (Кортина д'Ампеццо, Тренто), всесоюзных (Таллинн, Минск, Львов, Ашхабад) и региональных (Львов, Алма-Ата) кинофестивалях, знают как человека, фанатично преданного горам. И это уже более четверти века! С кинокамерой в руках он поднялся на самые высокие горные вершины нашей страны, такие, как пик Ленина (7134 м), пик Коммунизма (7495 м). Несколько лет назад, в день своего 50-летия, он вновь повел свою съемочную группу на шеститысячную высоту Памирского фирнового плато, чтобы снять картину о подготовке наших альпинистов ко второй гималайской экспедиции.

Сегодня мы предоставляем слово кинорежиссеру-документалисту Пээту Пэтэрсу, человеку, страстно любящему горы и всей душой пропагандирующему этот мужественный вид спорта (им организованы и проведены в Москве уже две кинонедели «Люди и горы»). Он серьезно озабочен судьбой отечественного альпинизма.

ПРОЩАЙТЕ, ГОРЫ ВЕЛИКИЕ...

Уже полгода, как наша дружина альпинистов возвратилась с победой с Гималаев, исходив «вдоль и поперек» третий по высоте горный гигант планеты — Канченджангу (8586 м). Достижение это воистину замечательное, но кто толком слышал об этом? Почему о нем так «дружно» в свое время умолчала пресса, а сейчас называют экспедицию «забытой»?

— Не имею права отвечать на твои вопросы, мы все только что подписали «обет» молчания, — сказал мне перед дальней гималайской дорогой, сам смущенно улыбаясь и сконфуженно разводя руками, харьковский альпинист Виктор Пастух.

Оказалось, что наивные организаторы второй советской гималайской экспедиции в надежде на большой «куш» (чтобы хоть частично покрыть экспедиционные расходы) продали все права на информацию об экспедиции ленинградскому кооперативу «Палитра». Словом, все оптом. И поэтому читатель узнал о продвижении наших мастеров горовосхождения к цели лишь в немногочисленных и весьма беглых газетных заметках. «Только поверхностным знанием авторского права и отсутствием практического опыта в работе с прессой можно объяснить неумелое поведение «Палитры» по отношению к центральной печати», — сокрушается теперь задним числом «Огонек».

А ведь накануне отъезда наших «гималайцев» в свою Мекку состоялась уже вторая по счету кинонеделя «Люди и горы», которая и была призвана привлечь внимание широкой общественности к альпинизму и туризму, к горам и к их кинематографическому адеквату, а главное — к долгожданной (всего второй раз!) советской гималайской экспедиции. Один из вечеров кинонедели и был посвящен теме Гималаев. Публика встретилась с руководителем экспедиции Э. Мысловским (покоритель Эвереста!) и некоторыми членами команды... Тогда казалось, что это только предлог для начала большой кампании пропаганды отечественного альпинизма. Увы! Как читатель уже знает, этого не произошло.

А миллионы читателей и зрителей к тому времени уже изрядно изголодались по «горной» тематике, по «большому альпинизму». Ведь от победоносного восхождения на Эверест их отделяло целых семь лет. За эти годы книжные издательства страны, дай бог, одну книжицу в год на альпинистскую тему выпустили. А в кинематографе еще больший голод. Даже составить программу прошедшей кинонедели было делом непростым — на это ушли месяцы. Из огромного количества документальных и художественных картин в моей записной книжке «осело» лишь около 100 наименований, причем многие из них с превеликой натяжкой к теме. А зрители увидели из них всего лишь 38 — многие фильмокопии пришли к тому времени в техническую негодность и их, разумеется, в действующем фильмофонде не оказалось. А ведь одной из задач кинонедели, помимо удовлетворения зрительского спроса, было обратить внимание издательских и кинематографических руководителей на это совсем ненормальное, можно сказать — катастрофическое положение дел... Воз, однако, поныне там. Проведенные две кинонедели (в 1980 и 1989 гг.) нисколько не повлияли на утоление киноголода и выпуск новых альпинистских лент. Их по-прежнему нет в тематических планах студии, а «пробить» их — дело совсем нешуточное. Буквально недавно один из художественных руководителей ЦСДФ, отвергая оказавшуюся в сценарном портфеле объединения заявку об одном известном исследователе гор, чрезвычайно много сделавшем для географической науки, заявил: «Эта картина обречена на пустые залы!» Такая «точка зрения» сегодня не удивляет, ибо множество кинематографических руководителей просто не знают реальной конъюнктуры. Нет, однако, избытка в модных нынче рассуждениях о хозрасчете и самоокупаемости, хотя многие кинематографисты фактически стоят спиной к зрителю

и лишь полагают, что их фильмы отражают истинную боль и чаяния народа, его устремления и радости. А один коллега прямо так и заявил: «Я делаю фильмы для себя, для круга своих приятелей. А народ, ему подавай только «цветки в пыли» (имелся в виду индийский фильм «Цветок в пыли»). При таком отношении к людям неудивительно, что и зритель, в свою очередь, отвернулся от нас. Об этом красноречиво говорит факт падения зрительского интереса к кинематографу, особенно к отечественному. Ведь не секрет, что кинопрокат сегодня выполняет план в основном за счет зарубежных лент. И здесь придется соглашаться с руководителем Союза кинематографистов СССР А. Смирновым, который однажды уверял коллегию Госкино в том, что «сегодня 90 процентов наших кинопроизведений не привлекают советских зрителей, потому что они бездарны». Этим, вероятно, и объясняется появление замысловатых лент с сомнительными, а подчас и жестокими сценами, словом, всего того, что на кинематографическом жаргоне именуется «чернухой» и «порнухой».

А альпинизм, своего рода приключение, дарит людям и сюжет, и интригу, и красоту, а вкупе — проявление человеческой воли и благородства. Ведь увидеть своими глазами горы и горовосхождение может ничтожно малая часть людей — практически только те, кто по собственной воле устремляются в горы. А остальные увидят эту увлекательную и подчас полную драматизма деятельность человека только на экране. К тому же работники детских комнат милиции, педагоги, да и сами родители имели бы значительно меньше «головной боли», направь бы они энергию своих сорвиголов в альпинизм. Но где молодому человеку это увидеть? Об альпинизме практически перестали снимать, а те фильмы, что есть, показывают в кинотеатрах от случая к случаю. Листая каталог международного кинофестиваля в Тренто, можно обнаружить в конкурсном списке по 10—15 итальянских, французских, швейцарских, австрийских фильмов против одного-единственного советского... А разве нет у нас гор, разве нет у нас горовосходителей?

И поэтому я глубоко убежден, что создание таких картин нужно срочно возродить. Они нужны прежде всего зрителю, особенно молодому, который подчас не знает, куда себя девать. О таком интересе свидетельствует и факт активного посещения кинонедель. На семи вечерах (два трехчасовых сеанса в день) последней кинонедели в столичном кинотеатре «Москва» были аншлаги, а публика начала требовать «лишнего билетика» еще у метропоездов станции «Маяковская». Зритель этих кинопоказов был воистину благодарный, о таком зрителе можно только мечтать. Но чересчур обольщаться здесь тоже не стоит — зрительская благодарность шла прежде всего от очевидного «киноголода». К сожалению, огорчили игровые ленты — они были ощутимо слабее. Но и это закономерно — появляются они на экранах реже редких космических метеоритов. Даже мне, документалисту, например, удалось за все годы работы в кинематографе снять лишь 10 короткометражных «альпинистских» картин, хотя стремился я к этому куда чаще. Открыл я этот поднебесный полигон проявлений человеческих характеров в 1962 году во время студенческой практики на студии «Киргизфильм», когда впервые пошел в горы с кинокамерой. С тех пор я и знаю о существовании многотысячного отряда альпинистов и еще большего круга их почитателей. Для них я и стараюсь устраивать эти «киновосхождения», для них и снимаю свои фильмы, хотя

и неодинаково доволен ими. Ведь снимать картину на высоте 6—7 тысяч метров над уровнем моря или на залитом ласковым южным солнцем морском пляже — дело совсем разное. Зритель, однако, эту разницу улавливает и ценит (возможно, и прощает кое-что), что далеко не всегда скажешь о кинопрокатчиках. Они, похоже, не желают принимать во внимание, что зритель — это вовсе не абстрактный человечек, который протянет в кассовое окошко свой рубль или полтинник, и тем самым обеспечит кинотеатрам и тамошнему служивому народу личное благополучие и выполнение государственного плана. Но дело-то как раз в том, что зритель всегда разный, а у разных категорий зрителей свои, весьма различные интересы. Однако работники Мосгоркинопроката, глядя на программу кинонедели «Люди и горы», сначала просто ужаснулись — не пойдет зритель, и все тут. И если бы не помощь начальника отдела репертуарного планирования В. Ф. Грибановой, может быть, все в этих кабинетах и закончилось бы. Но многоопытная Валентина Федоровна что-то срочно «перелопатила» в репертуарных планах и, так сказать, обеспечив кинотеатру «тылы» в виде кассового фильма «Кинг-Конг» на дневные сеансы, тем самым как бы успокоила дирекцию кинотеатров Фрунзенского района Москвы.

А в высшем кинозшелоне, который мы в последнее время без оглядки ругаем, идея данной кинонедели нашла безоговорочную поддержку. Заместитель председателя Госкино СССР В. Н. Рябинский, ознакомившись с нашими предложениями, тут же адресовал их генеральному директору МГПО «Киновидеопрокат» В. В. Площанскому с более чем доброжелательным пожеланием: «Если была проведена первая кинонеделя «Люди и горы», то отчего бы не быть второй?» Аналогичная реакция последовала и от тогдашнего (преждевременно теперь ушедшего) первого заместителя председателя Гостелерадио СССР В. И. Попова, который немедленно дал Телерадиофонду распоряжение выдать для показа 12 телевизионных фильмов... Однако здесь обнадеживающее начало прерывается. Директор Телерадиофонда Гостелерадио СССР Ю. П. Корнилов и его заместитель В. Ф. Назаров, ссылаясь на циркуляры (о неприкосновенности фильмокопии для эфира), сократили запрашиваемое количество фильмов наполовину, хотя и знали, что большинство фильмов выпущены еще в 1981—1983 годах и их повторный показ в наши дни маловероятен. Так что ни себе, ни другим, решили руководители Телерадиофонда, прикрываясь служебной бумагой, где не было указаний на исключительный случай или поиски самостоятельных оптимальных решений.

Ненамного дальше пошли и Союз кинематографистов СССР и Федерация спортивного кино и телевидения страны. Они лишь дали добро на проведение кинонедели, ну а средств на ее проведение (кстати, весьма скромных, не более двух тысяч рублей) ни у тех, ни у других, увы, не нашлось. Однако на фоне разговоров о бережливости и хозрасчете, которыми меня «кормил» оргсекретарь Союза кинематографистов СССР А. Ф. Ермаков, я узнаю, что мой родной Союз отпустил для проведения праздника церемонии вручения профессиональных призов Союза кинематографистов СССР (17 декабря 1988 года) Центральному Дому кинематографистов 48 тысяч 340 рублей и 51 копейку (во сколько обошлось проведение аналогичного праздника в 1989 году, пока неизвестно)... Цифра прямо-таки потрясает воображение. Не верится, что такую

сумму возможно тратить на проведение одного вечера. Но 48 тысяч с лишним рублей было перечислено дирекцией ЦДК на счет кооператива «Игра-техника» отдела культуры исполкома Ворошиловского районного Совета народных депутатов Москвы. Об этом красноречиво свидетельствует акт «сдачи-приемки работ», подписанный директором Центрального Дома кинематографистов Ю. Гусманом, главным режиссером церемонии И. Топоровским, генеральным директором церемонии Б. Слуцким и исполнительным директором Е. Цукановой. Правда, позже стали поговаривать, будто была это только ссуда, подлежащая возврату, но не очень-то понятно, откуда и каким образом Центральный Дом кинематографистов собирается «добыть» эту сумму. Да и «добыл» ли ее?

Разговоры о командировках и зрительских призах велись и в Федерации спортивного кино и телевидения, но чем ближе к делу, тем больше все натыкалось на «плохих дядь и теть». Так во всяком случае выглядела эта версия в устах работника Управления пропаганды Госкомспорта СССР С. Еремеева, он же ответственный секретарь Федерации. К сожалению, сегодня Федерация мало влияет на процессы развития и распространения данного кинематографического направления, на деле она — лишь узкий круг «заинтересованных лиц». Вот пример. В 1988 году было решено отправить на международный кинофестиваль в Тренто (Италия) мою картину «Прощайте, горы великие...». Как меня заверили, на фестиваль «едут теперь только авторы, а не чинуши». И я, как автор и режиссер, оформил все документы, но в Тренто тем не менее... я не попал. Не успели оформить, объяснил С. Еремеев и сам вскоре отбыл на другой итальянский кинофестиваль. А в отделе оформления загранпоездок Госкомспорта СССР мне прямо сказали, что с самого начала в Тренто оформляли рижского режиссера А. Эпнерса, который в горах никогда ничего не снимал. Досадно, конечно, ибо только одному господу богу известно, когда еще будет возможность снять «альпинистскую» картину... В довершение всего ленте «Прощайте, горы великие...» был присужден специальный приз жюри на XI Всесоюзном фестивале спортивных фильмов (Ашхабад, май 1988 г.), ну а диплом там выписать «забыли». Начальник Управления пропаганды Госкомспорта СССР Р. Незвецкий выразил по этому поводу сожаление и обещал дело исправить. И исправляет по сей день... Так что развитие спортивного кино во всем его многообразии мало волнует и Госкомспорт, и Федерацию. Все идет как прежде: один всесоюзный кинофестиваль в 2—3 года, один всесоюзный семинар в те же сроки. А в остальном — «частные инициативы» по принципу «кто ближе к пирогу». Жаль, конечно. Особенно, если вспомнить, что отечественное кино да телевидение за минувшие восемь лет отвели место альпинизму каждое лишь в четырех (!) короткометражных лентах. (Правда, в конце 89-го года появилась лента «Леннаучфильма» о восхождении на Канченджангу, но ее прокатная судьба пока неясна из-за недешевой цены фильмокопий, требуемой студией.)

А это значит, что молодое поколение — наше государственное ЗАВТРА, по чьему-то недосмотру лишено еще одного возможного образа для подражания. Обстоятельство это тем более грустное, что молодежная преступность продолжает расти, не уменьшаются также ряды «рокеров» и прочих объединений «отчаянных» парней, где все «личностное» — лишь на кичливой поверхности. Можно, конечно, «драть» глотку, можно «делать» деньги (и что-то приобрести на них), но ни ума, ни благородства, ни воли, ни мужества не купишь ни на какие миллионы.

Сегодня одна из острейших проблем еще в том, что и альпинисты не очень-то приветствуют появление в горах человека с кинокамерой. Профессиональных кинематографистов имею я в виду. Особенно это заметно среди элиты наших горовосходителей, где путь к цели проходит, как правило, в экстремальных условиях. ...Вот приехали мы в 1987 году на Памир на очередной тренировочный сбор будущих гималайцев, чтобы снять картину «Прощайте, горы великие...», а работник отдела альпинизма Госкомспорта СССР А. Зыбин нам заявляет: «Считайте, что находитесь на вражеской территории (?!)...» Или пример ставшего по воле обстоятельств высотным оператором студии «Леннаучфильм» Л. Трощиненко. Тренеры экспедиции на Канченджангу запретили ему в свое время участвовать наравне с альпинистами на тренировочном траверсе пика Победы. Ну, ладно, было бы дело с обычным кинооператором, не имеющим сколько-нибудь существенного альпинистского опыта. Парадокс, однако, в том, что Л. Трощиненко — заслуженный мастер спорта по альпинизму, чемпион и призер первенства страны. И тренерам гималайской экспедиции он был хорошо известен как их сотоварищ по восхождению на Эверест (нынче в Гималаях Л. Трощиненко со своей киногруппой, составленной из альпинистов, все же участвовал в штурме массива Канченджанги, покорив с кинокамерой в руках его Главную вершину).

И вот к чему привело долгое пренебрежение пропагандой альпинизма. Не один десяток лет количество людей, кто по правилам Федерации альпинизма может себя считать горовосходителем, не только держится на рубеже 30 тысяч человек, а имеет даже тенденцию к снижению. Так только в 1988 году, как сообщает газета «Советский спорт» (номер от 7 октября 1989 года), количество занимающихся альпинизмом людей снизилось у нас на 3 тысячи человек. Для сравнения отметим, что в Южной Корее насчитывается сегодня 50 тысяч альпинистов, в ФРГ — 300 тысяч, а в Японии — около 700 тысяч. В то же время наша Федерация за членство в УИАА (Международный Союз альпинистских ассоциаций) продолжает выплачивать ежегодный взнос из расчета... 300 тысяч альпинистов, каковых у нас никогда и не было.

«Деградация отечественного альпинизма очевидна. Не растут ряды его приверженцев. Постоянно увеличивается число аварий, травм, других ЧП, в том числе смертельных случаев. Низок уровень квалификации инструкторов. В системе советского альпинизма нет четкости, она не демократична, основана на запретах».

«Резко упал моральный дух горного спорта, чистота его знамени. Появляется все больше негативных явлений: обман, жестокость, приписки, хулиганство, и даже вандализм — «разрушение одиноких могил альпинистов в горах...» Это — из анкет (тот же номер газеты «Советский спорт») инструкторов учебно-методического центра «Эльбрус».

«Если так дело пойдет и впредь, то к 2000 году альпинистов вообще не останется», — оценил не так давно перспективы советского альпинизма председатель Федерации альпинизма СССР, кандидат технических наук Эдуард Викентьевич Мысловский.

Ситуация такая, что хоть караул кричи. Очевидно, что надо срочно что-то предпринимать. И кое-какие шаги уже сделаны, но пока не сделано главное — не возвращено в сознание молодых

людей (а альпинизм — это прежде всего их удел!) само существование этого горного вида спорта со всеми его прелестями и проблемами. И единственный здесь путь — пропагандировать альпинизм всеми средствами, прежде всего с помощью телевидения и кино. Ведь это спорт без трибун и без зрителей.

Но к огорчению, племя охотников на «горное» кино в наш практичный век «деньгоделания» существенно поубавилось. Молодое кинематографическое пополнение почти поголовно ушло в «бичевание» наших давних и недавних недостатков, а это при туманных авторских постулатах начинает своей однобокостью не только надоедать, а порой и раздражать. Прав, вероятно, генеральный директор «Совэкспортфильма» О. Руднев, заметив, что «зритель идет в кино не растравлять и не умножать свои раны». И я думаю, что люди наравне с критикой общества вправе ждать от кинематографа и образа волевого, благородного и целенаправленного молодого человека.

А путь к вершине — разве это не цель?

Пээт ПЭТЭРС, кинорежиссер

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ЛЕНИНИЗМ — СЕРДЦЕ ГЛАСНОСТИ И ДЕМОКРАТИЗМА

Из писем в редакцию

КТО РАЗЖИГАЕТ ЭКСТРЕМИЗМ?

Ни нормальная экономика, ни правовое государство не могут существовать в атмосфере лжи, обмана, духовного порабощения, когда попираются законы нравственные: чести, совести, взаимопомощи, добра, достоинства личности. Умозрительно разумные нововведения будут извращаться, попадая в извращенную среду и добавляя лишь новые проблемы и раздоры. Не случайно же в нашей богатейшей в мире по природным ресурсам стране полезной продукции — для народа — вырабатывается позорно мало.

«Революция продолжается!» — таким оптимистичным восклицанием встретили журналисты официальное провозглашение нашей перестройки. Однако сохраняются прежняя структура власти, идеологическая платформа, министерства, номенклатура и многое другое. Какая уж тут революция. К чему бы в мечтах и декларациях ни стремились руководители, в реальности к прессу Государства и Идеологии добавился пресс полуподпольных капиталистов, переходящих с нелегального

на легальное положение. Обратим внимание на другое новшество: появление народных фронтов.

В схеме это можно представить так. До сих пор расстановка сил была преимущественно по вертикали: имеющие власть, избыток денег и доступ к дефициту противостояли разного рода лишенцам, условно именуемым «народом». При этом сохранялся «интернационализм». Узбеков беспощадно эксплуатировали узбеки, армян — армяне, азербайджанцев — азербайджанцы, литовцев — литовцы, украинцев — украинцы и т. д. Эксплуататоры понимали это хорошо, а порабощенные — смутно. Не потому, что ума не хватало, а потому что понимание грозило репрессиями.

Начались межнациональные конфликты, причем именно на уровне «народа», хотя и тут возглавили движение «выходцы», прежде всего — представители «советской интеллигенции». О том, кому выгодна гражданская война на национальном фронте, гадать не приходится. Во всяком случае народам она, как это всегда бывает, благ не принесет. Относится это и к высшему благу — свободе. Напротив, чем ожесточеннее конфликты, тем больше необходимость, в диктатуре центральных властей. Тем самым, скажем, Азербайджанский народный фронт наносит моральный и экономический урон именно азербайджанскому народу, упорно кует для него цепи.

Справедливости ради надо сказать, что политическая бомба, вызвавшая нынешнюю ситуацию в Закавказье, была подложена еще в 20-е годы, когда власть над областью, где преобладают христиане армяне, определили (сверху) правительству республики, в которой преобладают мусульмане азербайджанцы. По-видимому, исходили из того, что Азербайджан более «пролетарская» республика, чем Армения; что таким образом религии скорее отомрут, а власть партаппарата упрочится; к тому же, по нашим теоретическим канонам, вместе с отмиранием религий должна была бы идти нивелировка наций. Реальность опровергла эти домыслы.

Бурная деятельность ряда национальных фронтов и немалая их популярность в отдельных регионах показывают, что идея национальной «самостийности» находит широкую поддержку. Даже многие члены КПСС, даже из руководящих, активно примыкают к соответствующим национальным фронтам, демонстрируя появление в нашем обществе партийных национал-коммунистов. Возможно, это лучше, чем национал-социализм, но... движения только зародились, а то, что произошло в Сумгаите, Фергане, Новом Узене, Алма-Ате, служит серьезным предостережением для безоглядных оптимистов.

Нередко услышишь: у нас наблюдается подъем национального самосознания. Однако, приглядевшись, нигде не замечаешь подъема национальной культуры, если не считать некоторого этнографического возрождения. Вообще общий культурный уровень в стране позорно низок, и это ярко, выпукло показывает нынешняя культура межнационального общения. «Язык коренного населения» становится не более чем средством, орудием политической борьбы и национальной розни. Или экономическая дискриминация. Есть нечто недостойное, неблагородное в том, что эстонец (литовец, латыш и др.) у себя на родине должен иметь ряд официальных преимуществ перед москвичом, а приехав в Москву, сохраняет те же права, что и местный житель. Хотя у некоторых

национальных фронтов, безусловно, есть и явные успехи в области культуры. Скажем, установление в Литве праздников: Дня поминовения и Рождества Христова. И если до сих пор там дни отдыха служили политическим целям, утверждая власть государства, то теперь народные праздники становятся и государственными тоже. Не означает ли это близкого окончания гражданской войны местного значения?

Судя по всему, повышение самосознания и достоинства народа может происходить лишь при условии примата культуры (духовной и материальной) над государственными и национальными интересами. В противном случае остается опасность перерождения любого прогрессивного национального движения в нацизм. Приходит на память история гитлеровского рейха. Национальная идея была возведена в ранг идеологической догмы, в элемент государственной политики. И несмотря на огромную государственную поддержку (вернее, благодаря ей) произошел упадок национальной культуры. Не странно ли? И это на фоне широчайшей пропаганды национального духа, прославления достижений немцев и высочайших достоинств немецкого языка, немецкой культуры, арийской расы. Тут проявился, на мой взгляд, отбор наиболее приспособленных к «новому порядку» — самых крикливых и кичливых сторонников нацистской идеи. Своей идеологической безупречностью они компенсировали творческую импотенцию, недостаток культуры. Деятельность их сводилась к агрессивности и жестокости, подавлению других национальных культур, изоляции собственной, а значит, и к ее упадку. Даже обостренный интерес к отечественной истории свелся к мифологизации отдельных личностей и эпох.

Культура, становясь средством идеологического давления на массы, орудием в политической борьбе, утрачивает свое высокое предназначение: раскрывать творческий потенциал личности и всего народа, усиливать интенсивность человеческого бытия, пробуждать чувства добрые, объединять гуманитариев всех стран и веков.

Правда, наши теоретики предполагали, что путем мировой революции повсюду укоренится пролетарская культура (идеология), своеобразное обезличенное «культ-эсперанто». Затем началось строительство коммунизма в отдельно взятой стране с культурой «национальной по форме и социалистической по содержанию». В сочетании с вождизмом, жесткой централизацией, засильем чиновников, тотальной насильственной идеологизацией, управлением культурой это привело к духовной деградации общества, посаженного на скудную и однообразную интеллектуальную диету. Примитивный диалект русского языка, на котором изъясняются чиновники и «безродные пролетарии», стал абсолютно господствовать. От этого пострадала прежде всего именно русская культура. Она подверглась жесточайшей ревизии, подгонке под идеологические стандарты. То же относится и к другим национальным языкам, культурам. И те бойцы национальных фронтов, которые полагают, будто в их бедах виновны русская культура, русский народ, русификация национальных культур, на мой взгляд, стреляют по фальшивым целям и разжигают междоусобицы на радость подлинным противникам.

Итак, обезличенным «народным массам» противостоят номенклатурные выходцы, их обслуживание, а также приспособленцы,

прилепившиеся к дефициту, к источникам материальных благ. Теперь-то мы отчасти знаем, как наживались на экономических и экологических бедствиях «народа» их сплоченные ряды. Им-то и выгодно подпускать дурман нацизма: мы, мол, одной крови, а страдаем от них, инокровцев. А кто в Азербайджане, Армении, Узбекистане эксплуатирует местных жителей, обделяет их материальными и духовными благами? Не русские же, а преимущественно свои же.

Приобщение к русской или другой великой (по достижениям своим) европейской культуре никоим образом не повредило бы развитию любой национальной культуры. Национальная культура, как и всякая полноценная личность, развивается путем взаимного общения с себе подобными, а не и самоизоляции. Да и нет ныне на Земле изолированных территорий для аборигенов... Одно уточнение. Во славу русской культуры творили, и порой гениально, представители разных народов: немцы, украинцы, эстонцы, евреи, армяне... Всех не перечтешь! Тем-то и велика русская культура, что она преодолела рамки этнической ограниченности. И принадлежность к русскому народу, конкретнее — к великороссам, еще не означает автоматически принадлежности к русской культуре. Это понятие не генетическое и не этнографическое даже, а духовное прежде всего. До великой русской культуры надо каждому дорасти. Дело это сугубо индивидуальное. Убогий русский приспособленец может не иметь ровно никакого отношения к великой русской культуре, кроме того, что срамит ее своим невежеством и бездуховностью...

И еще. Безусловно, лживы попытки представить теорию и практику социализма, государственной деспотии, однопартийной диктатуры и моноидеологии как реализацию «русской идеи». От Маркса до Троцкого и Сталина никто из классиков марксизма-ленинизма (кроме «отщепенца» Плеханова) не был русским, а первым «президентом» РСФСР был Яков Свердлов. Победил именно интернационализм. Идеи величайших русских мыслителей решительно искоренялись. Восстания русских крестьян подавляли преимущественно наемные войска (в частности, «латышские стрелки», состоявшие не только из латышей), в ЧК служили по большей части «нацменьшинства»... Ну, оставим опостылевшие экскурсы в историю. И без того дошли с ними до абсурда. До изнеможения негодуем по поводу опять же сталинского переселения народов, ухитряясь не замечать сегодняшних погромов и переселений народов и Закавказье и Средней Азии, а также совершенно немыслимой для любой нормальной страны блокады Азербайджаном Армении и собственной автономной области. Подобные вспышки геноцида, ненависти и злобы не были характерны, между прочим, даже для сталинской эпохи. И если наши органы массовой информации сообщают обо всем этом как-то глухо, мельком и бесстрастно, то очень трудно поверить, что делается это для смягчения межнациональной розни. Если общественное мнение старательно ориентируют в прошлое, замалчивают нынешние преступления и мечтают устроить суд над мертвым Сталиным, когда живут и здравствуют многие садисты, насильники, убийцы, клеветники, подстрекатели — и тех времен и нынешних, — то страшно становится за нравственное разложение даже в среде наших активных радетелей за милосердие и правовое государство. Если не пресекаются по всей строгости

закона убийства и зверства по национальному признаку (геноцид), значит, поощряется гражданская война. Значит, сохраняются влиятельные группы, прослойки, кланы, которым она выгодна. И тогда рано или поздно население, доведенное до отчаяния взаимными распрями, материальной и духовной нищетой, потребует порядка любой ценой, даже ценой жестокой диктатуры...

Есть одно общее стратегическое направление почти у всех национальных фронтов. Прямо или в обход они нацелены преимущественно против русских. Создается ситуация, толкающая русских (русскоязычных) на активное сопротивление. Организуется единый русский национальный фронт. Понятно, он будет защищать интересы своих сторонников повсюду, в любых регионах страны. Как защищать? По обстановке. Война есть война. Хорошо ли это? Отчасти, быть может, неплохо. Появится «третья сила», способная погасить местные конфликты, переходящие и резню. Но ведь сила есть сила. Дать ей волю, да втянуть в острые столкновения — последствия возможны печальные.

Так уж получается, что местные национальные фронты упорно разжигают русский национализм. Действие равно противодействию.

Что может означать победа на национальном фронте? Подавление одной нацией другой (других); преимущества и привилегии, завоеванные победителями. Как знать, не суждено ли нашему Союзу рано или поздно разъединиться? Почему бы и нет? Только не следует чересчур упрощать ситуацию, не считаясь с реальностью.

Каждая наша республика многонациональна. И недопустимо ущемлять права и унижать достоинство тех национальных групп, которые и данном регионе находятся в меньшинстве. Тем более что почти везде меньшинство составляет русскоязычное население. Эти объединенные силы очень велики. За них, в конце концов, — Россия. Разумно ли национальным фронтам идти на «межъязыковые» конфликты при таком соотношении сил? Вряд ли разумно даже по соображениям стратегии, не говоря уж о культурном и нравственном аспекте. Напротив, следовало бы постараться объединить трудящихся, всех честных людей.

Тут-то и выясняется опасность, а то и нелепость национального фронта. Ведь на одном и том же языке «коренного» населения говорят не только крестьяне, интеллигенты, служащие, рабочие, но и убийцы, вымогатели, воры, бездельники, демагоги, жулики. Когда разделение идет по национальному признаку, то под знаменем национальных фронтов плечом к плечу встают преступники и их жертвы, номенклатурный руководитель и бомж, рабочий и прохвост, наркоман и ученый, политический экстремист и гуманист. Кому выгодна такая беспринципность и стадность? Тому, кто не стыдится замараться в грязи и крови, кто надеется всплыть к руководящим постам в месиве националистических страстей.

Показательный факт. На митинги национального фронта Молдавии приезжали представители Прибалтики и Грузии. Они выступали в поддержку требований провозгласить молдавский язык единственным государственным языком в республике. На каком языке они выступали? На русском. Они превращали его в язык межнациональной розни. Такова военная хитрость на национальном фронте.

Безусловно, спасать национальные культуры необходимо (русскую — не менее других). Но все ли средства при этом хороши? И не заключено ли спасение культур в их взаимном обогащении, а не изоляции? Нацизм тут не менее опасен, чем интернационализм.

Слова — жизнь и смерть, любовь и кровь, боль и радость — по-разному звучат на разных языках. От этого не меняется суть жизни и смерти, боли и счастья. Родной язык? Прекрасно! Но чем ему суждено служить: средством общения или разъединения? Способом приобщения к вершинам мировой культуры или — ограничения мысли национальными рамками?

Главное: на какие ценности ориентированы люди, что они могут и желают говорить на родном языке. Раб и хам, говорящий на языке предков, остается все тем же рабом и хамом, мечтающим получить максимальную оплату за минимальный труд. Необходимо помнить о том, в каком состоянии реально находится наше общество, наша культура, наша нравственность, пропитанная атеизмом и политизацией. Если бы речь шла о народах, долго существовавших в условиях демократии, свободы личности, выборности правящих партий и вождей, открытого доступа к философским и религиозным идеям, — если бы наше население долго и привычно жило в таких условиях, то никакие особые национальные проблемы вообще могли бы не возникнуть.

Нам требуется абсолютный приоритет прав личности перед правами наций, партий, должностей. Требуются гарантии, обеспеченные центральной властью. Требуются свобода и равенство всех наций. Сейчас, когда для нас приоткрылся доступ к недавно еще недозволенным духовным ценностям, когда мы приучаемся к свободе мысли и слова, надо бы не стремиться к новым фронтам в гражданской войне, а переходить к национальному согласию, единству, солидарности трудящихся. Если представители власти и капитала не научатся слушать и уважать «глас народа», а деятели культуры — объединять свои усилия во имя справедливости, правды и добра, нам вряд ли удастся навести порядок в своем общем доме, в нашей не только многонациональной, но и многострадальной стране.

Пока у нас сохраняется централизованное руководство, оно должно твердо выполнять свои обязанности по сохранению порядка в стране и соблюдению прав личности, равенства наций во всех республиках. Рознь между народами нашей страны при развале экономики и деградации культуры грозит самыми тяжкими последствиями.

Рудольф БАЛАНДИН,
писатель,
Москва

ЕЩЕ ОДИН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОНОСЧИК

В последнее время их, политических доносчиков на журнал «Молодая гвардия», объявляется что-то слишком много. Как в «достославные» тридцатые годы. Постоянно такие доносы печатаются то на страницах пресловутого «Огонька», то газет «Московские новости», «Неделя» и даже газеты «Известия», любящей при случае продемонстрировать свою чистоплотность. Доносы эти, естественно, голословные, совершенно бездоказательные. И потому-то начальствующие инстанции на них внимания не обращают. Да и в самом деле — не тридцатые же годы на дворе.

Но вот это-то и бесит доносчиков, доводит их буквально до белого каления. «Ах так?! — вскипает вся ядовитая желчь. — Ладно, недостаточно вам журнальных и газетных полос — используем высокие партийные трибуны!»

Первым на такую трибуну взгромоздился первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области Корсунский Б. Л. С трибуны сентябрьского Пленума ЦК КПСС он обвинил журнал «Молодая гвардия» ни много ни мало — в пропаганде антисемитизма. Когда же журнал потребовал от Корсунского доказательств его политического доноса, сей партийный функционер прислал в редакцию беспомощную, невразумительную писулю, в которой никаких конкретных фактов пропаганды на страницах «Молодой гвардии» антисемитизма приведено, естественно, не было (см. об этом грязном навете материал в «Молодой гвардии», 1990, № 2, под названием «Как вас теперь называть, т. Корсунский Б. Л.»).

Ныне появился еще один высокопоставленный политический доносчик — главный редактор газеты «Советская культура» т. Беляев Альберт Андреевич. На заседании идеологической комиссии ЦК КПСС, состоявшейся 26 января 1990 года, этот Беляев А. А. заявил: «Фальсифицированные данные, дискредитирующие Октябрь и Ленина, печатаются в «Нашем современнике», «Слове», в «Молодой гвардии», в других изданиях как откровение, напористо, громко, грозно» (см.: «Правда», 1990, 1 февраля).

Но это же откровенная, сознательная ложь! В названных изданиях мы никогда не встречали материалов, дискредитирующих Октябрь и Ленина. Поэтому все редакции изданий, оклеветанные Беляевым, должны от него потребовать конкретных документов. А поскольку он их, естественно, не предоставит, редакции должны потребовать от ЦК КПСС дать и этому клеветнику партийную оценку.

Что же это у нас происходит? Те немногие издания, которые еще осмеливаются говорить правду историческую и правду нынешнюю, злобно шельмуются «прорабами» перестройки, им пытаются заткнуть рот, на них строчат политические доносы! И кто этим ныне занимается совершенно безнаказанно? Люди, как раз дискредитировавшие себя, как коммунисты (см. тот же материал о Корсунском «М. Г.», 1990, № 2; материал о Беляеве в «М. Г.», 1990, № 1).

И последнее, что хотелось бы спросить у ЦК КПСС. За какие заслуги т. Беляев А. А. назначен главным редактором газеты ЦК КПСС «Советская культура», да еще членом идеологической комиссии ЦК КПСС? Уже не за то ли, что, будучи длительное время ответственным работником аппарата ЦК КПСС, он в годы застоя безжалостно расправлялся с инакомыслящими, способствовал изгнанию из страны и Ростроповича, (а сейчас с умиленной улыбочкой расшаркивается перед этим выдающимся музыкантом при встречах и на страницах своей газеты), и Тарковского, и Солженицына (кстати, именно Беляев А. А. является автором клички Солженицына тех лет — «духовный власо-

вец»), и многих-многих других деятелей литературы и культуры? Не за то ли, что, топча все живое, все более или менее самобытное, чистое, прогрессивное, Беляев А. А. был одним из самых яростных теоретиков и практиков эпохи бюрократизма, не за то ли, что всеми силами он способствовал загниванию нашего общества? А теперь клевещет на тех, кто этому противодействовал в прошлые мрачные годы, кто сейчас борется с полуправдой, с извращением гласности, демократии (постоянно практикуемыми, к слову, на страницах газеты ЦК КПСС «Советская культура»), кто борется с негативными сторонами перестройки за ее быстрейшее торжество.

А журнал «Молодая гвардия» в этом отношении является давним, постоянным и любимым «Советской культурой» и ее главным редактором объектом. Помнится, неоднократно сия газета истошно призывала к разгрому журнала, к разгону его творческого коллектива. И вот опять тов. Беляеву А. А. неймется. Ах, как скучает сей член идеологической комиссии ЦК КПСС по атмосфере и порядкам тридцать седьмого года. Вот уж он тогда бы разгулялся!

Но даже в те страшные годы порядочные люди клеветникам и доносчикам и руки не подавали... А ныне, как видим, их переводят из одного номенклатурного кресла в другое. О времена, о нравы!..

Ю. БРОВКО,
инженер
Москва

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ — СЕРДЦЕ ГЛАСНОСТИ

Сегодня часто можно услышать, что застой едва ли не во всех сферах общественной жизни связан с забвением ленинских принципов строительства социалистического общества. Поклоняясь Ленину, восхваляя Ленина, вдохновляясь Лениным, мы нередко думали, что ушли дальше Ленина. И ладно бы, если бы мы только игнорировали те или иные высказывания В. И. Ленина — увы, практика оказалась такова, что мы преимущественно пренебрегли не отдельными словами Ильича, а основой основ ленинизма — методологией.

Возьмем такую прозаическую сферу нашей жизни, как торговля и рабочий контроль в ней. Казалось бы, при чем здесь ленинизм? Ну, чтобы убедить догматика или книжного начетчика в обратном, мне достаточно было бы привести здесь несколько цитат из Ленина, красноречиво говорящих, сколь внимателен, сколь требователен и взыскателен был Владимир Ильич к организации социалистической торговли и к людям, работающим в этой сфере, считая этот участок работы одним из главнейших в новом государственном строительстве. Однако воздержусь от цитирования — гораздо интереснее будет, если заинтересованный читатель сам сверит собственные наблюдения и размышления над этой проблемой с ходом взыскательной ленинской мысли, особенно тревожной и беспокойной в последние годы его жизни.

Напомню лишь, что именно в эти годы, осмысливая концепцию реального, жизнеспособного для России социализма, он много и часто говорил о необходимости, о настоятельной, настоятельнейшей необходимости введения и организации самой представительной, честной, требовательной и неподкупной рабочей и крестьянской инспекции в самых разных государственных и общественных структурах, вплоть до партии. Именно через эти инспекции, через широкое представительство трудящихся масс, контролирующих власть аппарата и работу ведомств, предполагалось вовлечение народа в управление страной, в строительство социализма, в утверждение на деле самого необходимого социалистического идеала — идеала справедливости! Вот где, и вот через что — через рабочий контроль! — предполагалось в первую очередь участие кухарки в управлении страной.

А скажите, где сегодня та кухарка, домохозяйка, прядильщица или медсестра, при входе которой в магазин или в столовую директор или завпроизводства спешили бы ей навстречу с такой же улыбкой на лице, как если бы в магазин вошел предрик или секретарь райкома? Впрочем, теперь и их встретят скорее холодно, чем горячо — это же не пожарник, не врач санэпидстанции, не инспектор ОБХСС! Одним словом, торговля трепещет сегодня не перед «полномочиями», а перед «санкциями», перед людьми, способными наложить эти санкции, с ними она ищет контакт, их ублажает и подкупает, их вовлекает в противозаконную, нередко коррумпированную, связанную круговой порукой деятельность.

В недостаточности полномочий рабочего контроля — его самое слабое звено. И никакие постановления профсоюзов, партии, общественных организаций и движений здесь не помогут, кроме одного — широта и весомость этих полномочий должны опираться на безусловную и несокрушимую, неподвластную ведомственным трактовкам поддержку Закона.

Сегодня рабочий контроль чаще всего начинается и кончается одним — выявлением припрятанного в подсобках дефицита. Уступка дефицитного товара контролеру становится формой взятки и ублажения. Только ли потому, что сам дефицит так притягателен? Конечно, и поэтому. Но и потому в первую очередь, что само представительство в рабочем контроле является формальным, недемократичным, скорее по принципу — «я его знаю, свой парень!», чем по принципу выдвижения самого честного, самого принципиального и достойного рабочим коллективом. Потому что исполнение функций рабочего контроля приравнено к общественной нагрузке, а не к общественно-полезной работе, вплоть до освобождения от основной работы с гарантированной оплатой среднего заработка. Общество, коль скоро оно заинтересовано в установлении справедливости, должно идти и на возможные материальные издержки, тем более что выигрыш в конечном итоге окажется выше затрат.

Разумеется, рабочий контроль не может и не должен подменять профессиональные ведомственные и государственные органы контроля, но и одно другому здесь должно не мешать, а помогать, соответствовать, дополнять. А значит, рабочий контроль должен знать, что проверять, как проверять. Журнал «Молодая гвардия» (1990 № 1) очень своевременно и убедительно поставил проблему реанимации документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности предприятий, указав, что «негативные явления и злоупотребления искусно вуалируются в учетной финансово-хозяйственной документации. Их «наскоком» народных контролеров не выявить». Но народные контролеры оперативно и почти повсе-

местно могут выявить те «мелочи», на которых торговля наживается довольно крупно, как бы собирая с народа ежедневный ясак. А в документах для ревизии все выглядит чин чином.

Анализ вскрытых нарушений правил советской торговли за десять лет — на основе статистической отчетности Госторгинспекции РСФСР — показывает, что основные нарушения в торговле происходят прежде всего при обмере, обвесе, обсчете покупателей. Затем идут злоупотребления при продаже дефицитных товаров. Большой «навар» дают спекуляции на завышении розничных цен. Подумать только, что на обмане покупателей за счет незначительных на первый взгляд отклонений в весе товаров, расфасованных в магазинах самообслуживания, на недовесе при неправильной установке весов работники торговли прикарманивают до двадцати пяти процентов от тех незаконных прибылей, которые составляют миллионы рублей. Представьте, что это на пять процентов больше, чем они «получают» от прямых, умышленных обманов и обсчетов покупателей.

Характерно — и разве не достойно внимания народных контролеров?! — что на предприятия общепита госторговли в РСФСР приходится пятая часть всех этих злоупотреблений, на предприятия общепита потребкооперации немного меньше — около восемнадцати процентов.

Сейчас в стране действует (или числится?!) свыше полутора миллионов рабочих контролеров («Аргументы и факты», 1989, № 13), но эффективность их работы, к сожалению, мала. Многие не имеют ни опыта, ни необходимых знаний. Группы контролеров составляются случайно, нередко без специалистов, бухгалтеров и экономистов. Дилетантов, даже честных, куда проще обмануть, обвести вокруг пальца, чем профессионально подготовленного контролера.

Рабочие контролеры должны иметь безусловное право без всяких специальных направлений и разрешений составлять акты в любом магазине или предприятии бытового обслуживания, где увидят беспорядок. По их представлению необходимо обязать инспекции при совпрофе штрафовать завмагов, делать денежные начеты на нерадивых продавцов, выносить решения о снятии их с работы. Сами контролеры должны иметь возможность выступать с информацией на сессиях Советов народных депутатов, собраниях трудовых коллективов, давая оценку работы скомпрометировавших себя руководителей. Без таких прав выхолащивается сама суть движения рабочих контролеров.

Конечно, М. С. Горбачев сказал, что «у нас нет закрытых зон для общественного контроля и критики», но в торговле у нас куда больше зон, в которых рабочим контролерам открыт только узкий проход через огороженную со всех сторон территорию — от ворот до ворот. Глядя на забитые вагонами с дефицитным товаром станции, на огороженные высоченными заборами склады ведомств и таинственных предприятий, народ нередко горько шутит, что заборы эти возведены не от жуликов, а как раз от честных людей. И чтобы ни один телевзгляд не показал нам с экрана рабочих контролеров, которые выяснили бы и принадлежность товаров, их дальнейшую судьбу.

Но, разумеется, не все в рабочем контроле у нас беспросветно. Например, в Калушском объединении «Карпатнефтемаш» рабочий контроль организован в форме эстафеты, то есть действует непрерывно, ежедневно. Там обращают внимание не только на злоупотребления в торговле. Рабочие обратили внимание, что для сохранения продуктов, чтобы меньше было отходов, чтобы лучше было питание, не хватает холодильных емкостей. И администрация по предложению рабочего контроля закупила недостающие холодильные камеры за счет предприятия. На средства же предприятия построено по предложению контролеров хорошее овощехранилище.

В Кемеровской области наряду с контролем за работой столов заказов, предприятий торговли и общественного питания дозорные установили строгий учет продажи в личное пользование многих дефицитов, вплоть до автомашин. По поступающим в созданный при областном совете профсоюзов координационный совет сигналам оперативно принимаются действенные меры. Общественный пресс-центр облсовпрофа в девятнадцати городах области оформляет фотостенды, витрины, уголки рабочего контроля профсоюзов. К этому делу привлечены не только опытные контролеры, но и агитбригады, советы ветеранов, профсоюзные активисты. Но вот кемеровский комсомол мог бы быть здесь гораздо активнее.

Опыт показывает, что деятельный рабочий контроль почти никогда не ограничивается только контрольными функциями. Нет, и в этом особая ценность, особая важность именно рабочего контроля, что он созидателен по своей природе — найти недостаток, искоренить его, пресечь преступление — и создать условия для невозможности повторения тех или иных нарушений и беззаконий. Разве можно не учитывать этого, разве допустимо не опираться на народные контрольные органы в ходе перестройки, когда мы переходим к реальному самоуправлению и хозрасчету!

К сожалению, рабочий контролер у нас сплошь и рядом может не знать, что каждое полугодие — до 25 декабря и 25 июня — торговые организации составляют, утверждают и рассылают магазинам ассортиментные перечни достаточных товаров, что для сезонных товаров указывается период, в течение которого магазин обязан ими торговать. А ведь это — основание для проверки, когда общественные контролеры могут и должны проверить, есть ли такие перечни в магазине, когда они были утверждены и соответствует ли выбор предлагаемых товаров ассортименту, предусмотренному в перечне. Конечно, контролеры могут не знать, а должны бы знать, что советам профсоюзов разрешено производить доплату до пятидесяти рублей в месяц тем пенсионерам, которые систематически участвуют в рейдах рабочих контролеров; но в чем нельзя упрекнуть рабочий контроль — так это в чувстве социальной справедливости. А это и есть высшая гарантия качества рабочего контроля — гарантия совести.

Когда рабочий контроль бездействует, там жди распущенности, жульничества, преступлений. И вот характерный пример. Низкий уровень рабочего контроля, беспринципность ведомственного контроля, бессистемность государственного контроля приводят к тому, что к тому же проклятому дефициту открываются многочисленные лазейки. В ОРСе Якутгазпром дважды (!) проводилась проверка соблюдения правил торговли, вскрывались кричащие факты, что остродефицитные товары не доходят до рабочих газовой промышленности, кому они, собственно, и предназначены. И что же? Как и после первой проверки, товары продолжали по-

тихоньку распределять среди администрации, среди профсоюзных лидеров. Дирижировал этим распределением начальник ОРСа Бальский С. П.

В таких случаях люди говорят: пустили козла в огород! В самом деле: два комплекта мебели — жилая комната «Рената-Сабина» — поступившей в ОРС, реализованы самому начальнику ОРСа Бальскому С. П. и генеральному директору объединения Дементьеву Ю. П.

Или — в один из магазинов этого ОРСа при товарообороте в восемьдесят тысяч рублей менее чем за год было направлено и реализовано товаров повышенного спроса (несвойственного для данного магазина) больше чем на тридцать тысяч рублей. При этом ассортиментные перечни дефицитных товаров умышленно сужены, в них не включены кофе, джемы, конфитюры импортного производства, стиральные машины «Фея» и «Малютка», холодильники, миксеры и многое другое.

Разумеется, что учет поступления и реализации этих и других дефицитных товаров не налажены. Сделано все, чтобы рабочий контроль был не эффективным. Что знали об этом рабочие? Да как это и бывает обычно: все — вообще, конкретно — ничего. Где-то, кто-то, что-то «достал» — и ладно. Но ведь такая социальная «справедливость» дискредитирует, если вспомнить Ленина, государство, веру в социализм.

В самой «зачитанной» в нашей стране работе В. И. Ленина «Что делать?» есть замечательные слова о том, что «без гласности смешно было бы говорить о демократизме». Сегодня это очевидно всем и каждому. Но согласитесь, что без контроля — в широком смысле этого слова, и без рабочего контроля в частности — не может быть ни действенной гласности, ни подлинного демократизма.

Ж. ЕФРЕМОВА,
аспирантка,
Москва

ЗА ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИЗМА

Прошедшие съезды народных депутатов отразили тревожную ситуацию в сегодняшнем состоянии нашего общества. Сняты розовые очки, через которые предлагалось народу смотреть на жизнь еще с десяток лет назад. Тогда формально сохранялась верность идеалам социализма, но руководство страны было неспособно решать проблемы, связанные с его развитием. В последние же годы при кажущемся стремлении к оживлению общественной жизни мы стали явно сходить с курса, позволявшего нам двигаться вперед. Начали игнорировать марксистско-ленинское учение. В это время организовывались и крепли правые реакционные силы. Они фактически взяли в свои руки средства массовой информации, которые в большинстве своем начали размывать идеологию, охаивать советскую историю, опошлять культуру. Они же начали «толкать» нашу экономику по дороге известной ревизионистской концепции «рыночного социализма». В результате весьма быстро стал терять рычаги управления всесоюзный общеэкономический центр, возросла социальная напряженность. Из периода, который

назвали застойным, страна вошла в полосу экономического кризиса — ничего иного и не могла дать безграмотная, бессистемная «хозяйственная реформа», ухудшенный вариант провалившейся реформы 1965 года с ее погоней «за прибылью».

Столь же быстро отказались у нас от лозунга «ускорения социально-экономического развития», от обещания — «больше социализма». Да и как иначе можно было поступить при усилении стихийности в развитии экономики и примитивном бухаринском призыве «обогащайтесь!». На такой основе крепнет мелкобуржуазная идеология, индивидуальный и групповой эгоизм, растет преступность, развиваются сепаратистские националистические «движения». Расшатывание единого народнохозяйственного комплекса приводит к развалу СССР. Мелкобуржуазная опухоль проросла, к сожалению, и в партии. Не случайно поэтому наше нынешнее состояние и хозреформа радуют идеологов капитализма, которые, потирая руки, открыто говорят «о победе над социализмом без войны».

Негативный итог съездов заключается в том, что они не дали должной оценки всей тревожной ситуации в стране и не поставили вопрос о преодолении антисоциалистических тенденций. Реакционные силы с помощью демагогии, шантажа, благодаря своей организованности во всякого рода «Мемориалах», «демсоюзах», «народных фронтах» «протащили» на съезды немало своих активных представителей, создавших «московскую группу», блокирующуюся с националистами. Такой итог был предопределен не только агрессивностью радикалов, но и пассивной позицией верхнего эшелона власти, что было особенно заметно при обсуждении экономической политики.

Несмотря на то, что откровенно левые оказались «меньшевиками», съезды пошли-таки на реставрацию допотопного рыночного механизма, присущего частнособственнической экономике далекого прошлого, на подрыв общенародных, коллективистских начал. Если 3—4 года назад нам говорили лишь о некой «радикальной реформе», то теперь удар наносится по самой основе экономической системы социализма, по общенародной собственности. На съездах, кроме «поклонов» в адрес сторонников арендизации и реанимации единоличников, предлагалось сократить госсектор, оставить в распоряжении центра 10 процентов экономики (Г. Попов), через аренду превратить все государственные предприятия в кооперативные и частные (П. Бунич). Идя на поводу у подобных «специалистов», в некоторых республиках общенародная собственность превращается в республиканскую, кое-где стремятся объявить крупные регионы страны «свободными» для мирового капитала экономическими «зонами».

Как мы все больше и больше убеждаемся, и наш официальный курс ведет в ту же сторону, хотя и прикрывает срам фиговым листком «многообразия форм собственности» или «равноправия разных форм». Фактически тем самым ревизуется Программа КПСС, в основе которой заложено использование преимуществ общенародной собственности. Размывание общенародных начал, естественно, сопровождается ставкой на рыночное регулирование общественного производства. Слово «рынок» становится все более употребительным и в лексиконе всех уровней руководителей, хотя для нас рынок — это власть наживы: стихии, усиление неравенства, разорение одних ради обогащения других, распыле-

ние общественных сил, эксплуатация человека человеком и все большее отставание от стран капитализма. Выражение «плановое хозяйство», наоборот, исчезает из официального лексикона, не обнародуются и какие-либо идеи, связанные с его совершенствованием. Так, на съездах была обойдена вниманием проблема планового управления научно-техническим прогрессом, без чего невозможно никакое ускорение социально-экономического развития, рост производительности и улучшение условий труда, решение продовольственной и экологической проблем. Но зато тот же Г. Попов убеждал депутатов, что от инфляции никуда не деться, что страну накормит только единоличник, защитят кооперативы-спекулятивы и конкуренция. При этом он не скрывал, что подобная перестройка не сулит роста благосостояния простого народа.

Ставка лишь на рыночную экономику не только безграмотна теоретически, но давно опровергнута опытом многих стран. Известно, например, что двадцатилетние рыночные «эксперименты» СФРЮ или ВНР привели их к росту инфляции, всегда бьющей по менее обеспеченным слоям населения, по труженикам, падению жизненного уровня, социальному неравенству, зависимости от стран капитала. Между тем известно, что усиление такой зависимости порождает и политическую зависимость.

Трезво оценивая итоги съездов, сегодня вновь следует заявить: «Социалистическое Отечество в опасности!»

Ложно утверждение, будто бы альтернативы нынешнему экономическому курсу, растаскиванию экономики нет. Социалистическая (коммунистическая) альтернатива разобщенности, бездуховности, тому, что дорого лавочникам, есть. И в обществе есть силы, способные формировать программу социалистического развития, экономическую стратегию и тактику выхода из кризиса, основанную на общенародной собственности, общенародном интересе. Если бы не засилье сторонников «безальтернативности» (в том числе в органах массовой информации), такая программа давно бы стала достоянием социалистической перестройки.

Сегодня решается вопрос — быть или не быть подлинному народовластию, целостности и независимости Отечества! Сознавая это, в стране с начала прошлого года созданы филиалы Всесоюзного самодеятельного общества «Единство», активисты которого поставили перед собой цель: бороться за ленинизм и коммунистические ориентиры перестройки; давать отпор всем проявлениям антикоммунизма, антисоветизма, шовинизма, национализма, космополитизма; разоблачать коррупцию, бюрократию, карьеризм, пацифизм.

В Уставе общества записано:

«Единство» является добровольным объединением людей, преданных идеалам коммунизма. Служит практической школой демократизма, пролетарского интернационализма и социалистического самоуправления. Осуществляет свою деятельность в строгом соответствии с Конституцией СССР и социалистической законностью, в тесном контакте с партийными, государственными, профсоюзными, комсомольскими, другими общественными организациями. Идеологическим оплотом является марксизм-ленинизм как целостное научно-революционное учение международного рабочего класса, всех социалистических сил. «Единство» считает своей главной задачей организацию широкой поддержки и претворения в жизнь Программы партии, принятой в новой редакции на XXVII съезде КПСС. Выступает за консолидацию всех здоровых сил страны, за развитие революционных, трудовых, боевых традиций советского народа, за обновление всех сторон жизни советского общества, за мир и дружбу между народами». Что касается членства в обществе, то нашим сторонником может быть любое лицо, достигшее 16 лет, независимо от социального и служебного положения, партийности, национальности, вероисповедания и пола.

По поручению Московского общества «Единство», борющегося за ленинизм и коммунистические идеалы,
А. ЕРЕМИН,
экономист,
Москва

С КАКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ ЖИТЬ!

Я — экономист по образованию, работаю на вычислительном центре. Интересуясь основами современной философии, столкнулся с рядом противоречивых, а порой и прямо противоположных мнений и суждений в области понятий и определений этой науки.

«Слово «философия» — древнегреческого происхождения (от «филлео» — люблю и «софиа» — мудрость)». (А., с. 3) *. Когда же пытаешься разобраться в определениях и понятиях современной материалистической философии, то кажется, что в ней любовь к мудрости вообще отменяется. «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование...» (Л., т. 1, с. 438) ** — можно прочесть у Ленина. Энгельс уточняет: «Гегелем вообще завершается философия...» (М., Эн., т. 21, с. 278) ***, а Маркс пишет: «...если отдельные лица не могут переварить новейшую философию и умирают от философского несварения, то это так же мало говорит против философии...» (М., Эн., т. 1, с. 108). Кто же страдает от «несварения» современной философии, если Энгельс убеждает, что: «Это (современный материализм. — Н. К.) вообще уже больше не философия...» (М., Эн., т. 20, с. 142), а наши философы уверяют; что «Философия марксизма есть диалектический материализм...» (А., с. 59)? Так имеет ли современная философия вообще право на самостоятельное существование или нет?

«Что посеешь, то и пожнешь», — гласит известная народная поговорка. Насколько противоречивы взгляды на эту науку, настолько затемнены определения ее законов, понятий и прочего. «Философия... должна все доказывать и выводить, а не ограничиваться дефинициями (определениями. — Н. К.) (Л., т. 29, с. 216), — писал Ленин, ибо «...философия должна быть не рассказом о том, что совершается, а познанием того, что в нем ис-

* Здесь и далее под: (А., с. ...) разумеется — Афанасьев В. Г. Основы философских знаний. М., «Мысль», 1978.

** Здесь и далее под: (Л., т. ... с. ...), разумеется — Ленин В. И. ПСС. 5-е изд.

*** Здесь и далее под: (М., Эн., т. ... с. ...) разумеется — Маркс К., Энгельс Ф. СС. М., «Политическая литература».

тинно» (там же, с. 153). Таковы требования понятий этой науки — по Ленину. Когда же сталкиваешься с основными положениями современной философии, то попадаешь в дремучий лес прямо противоположных мнений и определений.

Вот, к примеру, что можно узнать о «святая святых» диалектического материализма — материи. В одном месте Ленин утверждает, что «...приближение нашего ума к познанию материи, — ...нисколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком (абстракцией. — Н. К.), то есть продуктом нашего ума» (Л., т. 18, с. 298), а в другом он же заключает: «Абстракция материи.., все научные (...) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» (Л., т. 29, с. 152). Или, если Энгельс пишет: «Материя как таковая... не является... чем-то чувственно существующим» (М., Эн., т. 20, с. 570), то Ленин считает: «Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущения» (Л., т. 18, с. 50). Так что же такое материя — абстракция или реальный предмет и можно ли его ощутить или она подобна мыльному пузырю?

А вот как преподносится истина. У Ленина находим, что: «Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина» (Л., т. 18, с. 136). А вот Энгельс убежден, что «...диалектическая философия разрушает все представления об окончательной абсолютной истине» (М., Эн., т. 21, с. 276). Какую же в таком случае искать истину — относительную или абсолютную? А как ее, эту истину, проверить, когда Маркс учит: «Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта...» (М., Эн., т. 21, с. 131). А Энгельс возражает: «...для научных работ... опыта с меня достаточно» (М., Эн., т. 34, с. 221). Каким же путем следовать в научном познании — опытным или мимо него? Кому верить в таком случае — Марксу или Энгельсу?

Далее. В одном месте у Ленина: «Сущность стоит посредине между бытием и понятием...» (Л., т. 29, с. 116), а в другом, у него же: «Понятие (познание) в бытии (...) открывает сущность...» (Л., т. 29, с. 298). Или Энгельс пишет: «...сущность всякого мышления состоит в том, что оно объединяет элементы сознания в некоторое единство» (М., Эн., т. 20, с. 41), а современные философы утверждают, что «...содержание представляет собой совокупность всех элементов и процессов...», а «...сущность — это главная, внутренняя, относительно устойчивая сторона предмета...» (А., с. 112). Где же в таком случае искать сущность, а где содержание вещей — в единстве ли элементов или в «главной стороне» предмета, в средине бытия и понятия или только в самом бытии? Ленин, к примеру, признает «...бытие вещей вне сознания человека и независимо от него...» (Л., т. 29, с. 265), а Маркс и Энгельс считают, что «...с их (людей. — Н. К.) бытием изменяется... их сознание...» (М., Эн., т. 4, с. 445). Какого же из этих изречений следует придерживаться? Связаны или независимы наши бытие и сознание?

Продолжим же цитировать. Диалектика, указывал Ленин, есть учение о законах развития «всего конкретного содержания мира и познания его, то есть итог, сумма, вывод истории познания мира» (ДМ, с. 105) *, — пишут современные философы, а сам Ленин считал, что «Логика есть учение... о законах развития всего конкретного содержания мира и познания его, то есть итог, сумма, вывод истории познания мира» (Л., т. 29, с. 84). Попросту, не мудрствуя лукаво, и диалектика и логика по этим определениям это науки об одном и том же: «...Логика, диалектика и теория познания (не надо трех слов: это одно и то же)...» (там же, с. 90). С такой точкой зрения, правда, не согласен Ф. Энгельс, который считает, что «...диалектика... прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» (М., Эн., т. 20, с. 138). То есть логика, по Энгельсу, содержит только часть диалектики. Которому же из этих определений следует верить?

* Здесь и далее под: (ДМ, с. ...) разумеется Марксистско-ленинская философия: Диалектический материализм. М., «Мысль», 1977.

А вот дальше. В одном случае «...диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы» (М., Эн., т. 20, с. 145), тогда как в другом она уже выступает «...как наука о всеобщей связи» (там же, с. 343). В одном месте читаем, что диалектика «...является для современного естествознания наиболее важной формой мышления...» (там же, с. 367), и тут же она же ставится в ряд наук, «...исследующих законы человеческого мышления...» (там же, с. 91). Или: если у Ленина: «Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...» (Л., т. 29, с. 203), то у него же ее с таким же успехом можно изучать и как «...теорию классовой борьбы...» (Л., т. 26, с. 48). Так что же собой представляет это вот ядрышко диалектики? В чем ее суть — учение ли это о единстве или теория о борьбе, наука это или форма мышления и, наконец, что же она изучает — движение, развитие, связи или и то, и другое, и третье?

В хаосе подобных определений запутался и другой предмет — логика. В одном месте у Ленина она «...представляет собой прежде всего метод...» (Л., т. 26, с. 54), причем наши философы уточняют: «Логический метод является не чем иным, как тем же историческим способом...» (ДМ, с. 278), а в другом у него же: «Логика есть учение о познании, есть теория познания» (Л., т. 29, с. 163) или, как и диалектика, «...учением о мышлении и его законах» (М., Эн., т. 20, с. 25). Чье из этих изречений ближе к истине?

Итак, подводя итог сказанному, спрашивается — на какой же из приведенных премудростей следует строить свое мировоззрение, с чьей философией жить? Повторяю, я — не специалист. Поэтому надеюсь, что среди вузовских преподавателей найдется один, который разъяснил бы упомянутые «нестыковки» как мне, так и миллионам студентов, для которых упомянутый предмет числится в числе обязательных.

Николай КАСЬЯНЕНКО,
Днепропетровск

КАК У НАС ВОЗРОЖДАЕТСЯ КАПИТАЛИЗМ

(Правда о частной собственности)

Личной собственностью, как известно, является все то, что принадлежит гражданам и служит удовлетворению их личных потребностей. К объектам личной собственности можно отнести ко-

стюм, платье, зубные щетки, жилой дом, машину, книги и т. п. Но перечисленные объекты являются личной собственностью лишь в том случае, если они удовлетворяют потребности самого владельца и членов его семьи. Если же эти предметы используются владельцем для оказания платных услуг или производства товаров на рынок, а также если они сдаются внаем, то происходит метаморфоза: объекты, бывшие личной собственностью, в экономическом смысле становятся частной собственностью. То есть как только объекты личной собственности вступают в хозяйственный оборот, в экономическом смысле они становятся частной собственностью. И здесь неважно, находятся эти предметы в индивидуальном или коллективном владении.

Заметьте, для того, чтобы собственность превратилась в частную, первоначально даже не требуется наемного труда. Достаточно всего лишь свободного рынка. Вот почему В. И. Ленин, вскрывая сущность нэпа, говорил: «Эта свобода обмена означает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем. Дела наши были бы плохи, если бы мы вздумали это скрывать» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 48). Но почему же от нас, от народа скрывают эту правду, что достаточно всего лишь свободы обмена, чтобы возник капитализм? Ведь во всех законах и программных документах последнего времени о рынке говорится открыто, а о капитализме, как и о метаморфозе экономического характера собственности под воздействием товарно-денежных хозяйственных связей, умалчивается.

Не от того ли наши дела действительно плохи, что нам не говорят всей правды?

А ведь дела-то наши действительно плохи. Это факт, как фактом является и то, что у большого числа людей в головах засела мысль, якобы рынок и изобилие — это синонимы. И такому вот пониманию способствовала трактовка периодических экономических кризисов как перепроизводства в буквальном смысле слова. Вот какой эффективный капитализм! Аж товары некуда девать! Правда, при этом растет число безработных и голодных, но меня это не коснется, думают те, кто рассуждает так, уж я-то не попаду в число тех миллионов людей. Суть же неизбежных при капитализме экономических кризисов — в падении нормы прибыли на вложенный капитал, а точнее —в падении нормы прибавочной стоимости. Экономические рычаги в условиях рынка делают людей безработными, а перепроизводство жизненных благ — это только видимость. В противном случае не было бы голодных, как не было бы и очередей за благотворительным супом. Так что рай земной с перепроизводством товаров — это действительно рай, но только для богатых, а для миллионов трудящихся это — неуверенность в завтрашнем дне и необходимость «затягивания поясов»; примером чему могут служить Югославия, Венгрия, Польша нынешних дней и даже развитые капиталистические страны.

Но вернемся к понятию «частная собственность». Как бы ни называлось предприятие: государственным, социалистическим, кооперативным, народным, коллективным, индивидуальным, арендным, фермерским, семейным и т. д., и т. п., то есть вне зависимости от юридической формы собственности, если оно экономически полностью самостоятельно, является обособленным товаропроизводителем (см. законы СССР о государственном предприятии (объединении), о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности, об аренде) и имеет право свободно продавать на рынке свою продукцию по договорным, рыночным, коммерческим ценам, а значит «осуществляет право собственника по своему усмотрению», то частная собственность на средства производства налицо. Именно отсюда проистекает постановка вопроса о необходимости создания равных условий для развития всех форм собственности. Став частными в экономическом отношении, они действительно будут равноценными друг другу. Проблемы достигнутой в настоящее время степени свободы, обособленности, самостоятельности предприятий мы намеренно не касаемся, хоть на этом строится немало спекуляций.

Вот для чего и вот почему нынешние «прорабы», уничтожая административную систему управления, делают все, чтобы предприятия стали обособленными товаропроизводителями, которые без нее, без административной системы управления, не могут существовать и обмениваться результатами своей деятельности никак иначе, а только через рынок. Суть таких действий заключается именно в том, чтобы, не называя вещи своими именами, как говорится, «не дразня гусей», создать экономические условия, когда бы любая форма собственности, существующая ныне, по своему экономическому характеру уже была бы частной, чтобы вне зависимости от того, хочет ли народ введения частной собственности или нет, она уже была бы ему навязана самим характером производственных отношений, самим характером обмена. Известно же, что не регулируемый обществом индивидуальный, частный обмен товара на товар с необходимостью предполагает признание товаровладельцами друг в друге частных собственников (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 94).

Так что вопрос о допущении частной собственности в нашей стране несколько устарел. Де-факто частная собственность у нас уже есть. Осталось только допустить ее де-юре.

Не будь частной собственности, то откуда взялись все те негативные явления, включая коллективный и индивидуальный эгоизмы, центробежные тенденции в союзе республик, межнациональные конфликты, рост преступности, идеологическое разложение общества и т. д., с которыми нам теперь пришлось столкнуться? Это не наследие прошлого, как утверждают некоторые, а достижения «самой настоящей революции», то бишь «революции в революции», а проще, в переводе на русский язык — контрреволюции. Корни этих негативных явлений в частной собственности, в рыночных отношениях. Ленин же говорил: «...Собственность разъединяет и превращает людей в зверей, а труд объединяет» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 356). Вот это мы и наблюдаем сейчас. Партия и правительство, создав условия для функционирования любой собственности в качестве частной, дали свободу «инициативным», не отвечая за последствия, разваливать и растаскивать все, что только возможно, — под флагом «обновленного социализма», и грабить людей труда на законных основаниях. Отсюда — рост преступности, межнациональные конфликты и многое другое. Вместе с этим идет и другой процесс — процесс объединения людей труда, процесс роста классового самосознания рабочих. Пример тому — появление на по-

литической арене Объединенного фронта трудящихся и активизация деятельности профсоюзов, а также инициатива коммунистов, выдвинутая на объединенном пленуме обкома и горкома КПСС Ленинграда.

Как видно из сказанного, причина всего этого развала экономики не в противодействии перестройке, не в торможении перестроечных процессов, как утверждают идеологи «самой настоящей революции», а в завоеваниях антисоциалистических, антикоммунистических сил; и эта причина находится не где-нибудь, а в самой экономике. Причина — в частной собственности, в линии «прорабов» на «структурирование гражданского общества».

Фактически вопрос сейчас стоит не о допущении частной собственности, а о ее легализации. Она уже есть. За нас уже раньше решили. Сейчас нам предлагается только одно — сделать еще один шаг в том же направлении, то есть узаконить полный отказ от социализма. Ведь что, например, такое акции? Это способ распределения не по труду, а по вложенному капиталу. Это скрытая форма эксплуатации трудящихся, хотя в Законе о собственности в СССР возможность эксплуатации человека человеком отрицается. А что такое аренда с правом выкупа арендованных средств производства? Это ли не денационализация и приватизация? Нам же все это преподносится под соусом «больше демократии, больше социализма». Нельзя же рассчитывать на то, что от мала до велика все без исключения примут такой «марксизм»: ведь до сих пор Устав КПСС обязывает каждого члена партии «вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, частнособственнической психологии».

Е. СУХАРЕВА,
кандидат экономических наук,
доцент

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДУХЕ «ПЛЮРАЛИЗМА»

Уважаемая редколлегия! Пишу вам по поводу опубликованной в газете «Известия» № 2 за 1990 год заметки П. Гутионтова «Стыдно...», в которой автор пытается опорочить известный в стране журнал «Молодая гвардия», прибегая при этом, на мой взгляд, к совершенно недопустимым в советской журналистике методам.

Можно соглашаться или не соглашаться с позицией того или иного журнала, но полемика с ним должна, по-моему, вестись в рамках элементарного приличия, не опускаясь до уровня доноса. Все это побудило меня обратиться к редактору газеты «Известия» с письмом, выражающим мое отношение к заметке П. Гутионтова.

Письмо было направлено в «Известия» 12.01.90 года, в нем был указан мой адрес и номер телефона. До сих пор (прошел месяц) ответа на это письмо не последовало, чего, впрочем, стоило ожидать от «глашатаев плюрализма».

В связи с этим прошу вас, надеясь: что вы не «толстовцы»,

опубликовать мое письмо в «Известия», чтобы П. Гутионтову неповадно было прятаться за молчание своих руководящих коллег.

Вот текст письма:

«Товарищ главный редактор! Обратиться к Вам с этим письмом (хотелось бы видеть его напечатанным в любой из рубрик Вашей газеты, памятуя о «плюрализме читательских мнений») заставила меня чрезмерная стыдливость одного из сотрудников «вверенного Вам органа».

Речь идет о заметке П. Гутионтова «Стыдно...», напечатанной в газете «Известия» № 2 за 1990 год, в которой ее автор стыдится (?!) опубликования в журнале «Молодая гвардия» № 12 за 1989 год письма Марии Мочаловой из Бухареста под заголовком «Остановить тех, кто извращает наши идеалы...»

Вообще стыдливость хорошее качество, особенно если оно направлено на осуждение собственных неблаговидных поступков. Но можно стыдиться и за других, если у человека большое сердце, ну, например, как у мальчика Сережи из одноименного фильма. Об этом мальчике так трепетно поведал П. Гутионтов в своей заметке «Год нашей жизни» («Известия» от 30 декабря 1989 г.). Можно подумать, что автор имел в виду и свое собственное сердце. Правда, большим это сердце было не всегда! Кончились оттепельные 50-е годы, и оно опять и надолго превратилось в пламенный мотор, а уже обратная его чудесная трансформация пришлась на наше бурное время. Вам понятно, конечно, что речь идет о сердце все того же П. Гутионтова.

Естественно, что человек с таким сердцем не мог не устыдиться за те тревоги, которые выразила румынская коммунистка (вряд ли кому придет в голову заподозрить всех членов РКП в принадлежности к секуритате Чаушеску) за судьбы социализма, верность идеалам Октября, в том числе и в нашей стране.

П. Гутионтов чуть ли не требует от редколлегии журнала «Молодая гвардия» принести извинения румынскому народу.

За что? За опубликование письма, где высказаны слова любви и уважения к Советскому Союзу, героическому советскому народу? За то, что, как сказано в письме, «...идеалы Великой Октябрьской социалистической революции... святы для каждого честного человека — русского и иностранца»?

И какое же надо в действительности иметь сердце, чтобы эту публикацию в «МГ» связать с расстрелами детей в Тимишоаре и автоматными очередями в Бухаресте, возвестив при этом, что «...с нашими идеалами опубликованное в журнале не имеет ничего общего»?

Не попахивает ли подобный пасквиль с использованием трагической темы политическим доносом при всей «стыдливости» его автора? Что касается идеалов, то они, конечно, у всех разные в зависимости от наличия совести и чести.

Так не постыдиться ли Вам, товарищ главный редактор, за произведение своего «стыдливого» сотрудника, столь далекого от элементарной журналистской этики?»

Рудольф ГУСЬКОВ,
экономист

«...СВИСТ И ДИКАЯ БРАНЬ...»

Первый же выступающий в прениях по докладу М. С. Горбачева на февральском Пленуме ЦК КПСС тов. Корниенко А. И. спросил присутствующих «...почему упрямо не замечаем попыток наших сверхрадикалов низвергнуть вождя первой в мире пролетарской партии якобы с незаслуженно занятого им пьедестала, объявить нежизнеспособным и марксизм-ленинизм и саму идею социализма?». Увы, ответа на этот вопрос практически не последовало... И, думаю, не случайно! Идеологический корпус ЦК КПСС давно перестал быть центром консолидации духовно здоровых, нравственно чистых, бескорыстно отважных сил общества. В результате этого, «научно» выражаясь, «партия не располагает целостной идеологической платформой». Ах, если бы дело было только в «целостности»! По моим наблюдениям (пользуясь только публикациями в печати) у Идеологического отдела ЦК КПСС нет никакой платформы или хотя бы позиции даже по частным вопросам. А это далеко не безобидно...

26 января на заседании Идеологической комиссии бывший «дирижер-укротитель» литературы А. Беляев заявил: «...Фальсифицированные данные, дискредитирующие Октябрь и Ленина, печатаются в «Нашем современнике», в «Слове», в «Молодой гвардии»...» Не довелось читать «Слово», но два других журнала выписываю и читаю. Знаю и уважаю многих авторов этих журналов, это В. Распутин, В. Белов, И. Шафаревич, В. Кожинов, А. Ланщиков, В. Пикуль, М. Антонов, В. Астафьев, А. Салуцкий, А. Сергеев, С. Куняев, В. Горбачев... И ни один из них не писал ничего подобного! Но вот откровения одного из народных депутатов СССР: «Существующая партия (КПСС) не имеет будущего, потому что это — ленинская партия. Она построена на порочной ленинской модели насаждения социализма сверху... поэтому и необходимо отвергнуть все черты партии, идущей от Ленина». Может быть, это тоже автор «Нашего современника» и «Молодой гвардии»? Да нет, это автор сверхперестроечного «Огонька», «популярных» «Московских новостей» и «Советской культуры», где редакторствует все тот же А. Беляев — «защитник» Октября и Ленина, — «историк» Ю. Афанасьев. А клевета его и ложь не нашли должной оценки у ИДЕОЛОГОВ!

В выступлении на Пленуме ЦК КПСС тов. Медведева В. А. «профессор» Ю. Афанасьев не получил отповеди, а ошельмованные защитники партии, Отечества, социализма так и остались с ярлыками хамелеона Беляева.

Но припомним еще один недавний Пленум ЦК КПСС (сентябрьский 1989 г.). Вот и на нем прозвучало обвинение журнала «Молодая гвардия», тогда — в антисемитизме. Исполнитель обвинения — первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Корсунский. Заказчик — неизвестен! Кто-нибудь из участников Пленума потребовал от клеветника доказательств? Никто!

Но зря наши «идеологи» полагают, что «молчание — золото...». Именно их последовательно настойчивое молчание и привело к тому, что судьбы Отечества ныне пытаются решать не трудом производительным, а лживой болтовней и демагогией, не на путях уважительного диалога за круглыми и некруглыми столами, а на митингах, где властвует охлократия, выдаваемая за глас народный. Вот почему я, беспартийный, полностью солидарен с киевским коммунистом Игнатенко, обратившимся к М. С. Горбачеву с предостережением не утратить многотрудные завоевания социализма. А каждая попытка выступить на митинге в защиту социализма заканчивается, как сказал тов. Игнатенко, тем, что «...ГОЛОС МОЙ БЫЛ ЗАГЛУШЕН СВИСТОМ И ДИКОЙ БРАНЬЮ...».

Я из-за своей тяжелой инвалидности лишен возможности ходить на митинги, но почти каждая моя попытка обратиться к людям через средства массовой информации заканчивается тем, что «голос мой заглушается ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ к мнению, не совпадающему с редакционным». И пусть «времена идеологического монолита... безвозвратно ушли в прошлое», как заявлено с высоких трибун, я категорически против замены его МОНОПОЛИЗМОМ ПОЛУПРАВДЫ, который взяли на вооружение многие издания, где учредителем значится КПСС. Не пора ли наконец признать учредителем потребителя, а точнее — Читателя?!

В. ПЕРОВ,
участник Великой Отечественной войны,
лауреат Ленинской премии

СОГЛАСНО СОБСТВЕННЫМ УБЕЖДЕНИЯМ

Отзывы читателей на статью Германа Назарова «Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий»

НЕ ЗНАЕТ ИЛИ ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ!

Материалы о трагедии расказачивания, подготовленные отделом очерка и публицистики (№ 10 за 1989 г.), не совсем соответствуют позиции главного редактора А. Иванова «следовать правде» («Правда», 03.09.89). А жаль. Ведь вопрос, поднятый отделом публицистики, огромной важности и актуальности. Ведь речь идет о цене революции, о нравственности в политике, о роли и месте политического лидера в историческом процессе.

Пытаясь «принципиально и до конца» восстановить справедливость, авторы подборки не всегда следуют фактам, а иногда и подгоняют их под собственную точку зрения. Так поступает и Г. Назаров, обвиняющий Я. М. Свердлова в организации гражданской войны в стране и массовых репрессиях. Чтобы показать это читателям, не надо обращаться в каждом случае к архивным или музейным документам. Стоит взять неоднократно цитируемую в публикации книгу «О Якове Свердлове» (М., 1985) и тезис Г. Назарова о том, что до 1917 года Ленин не знал Свердлова, а узнав,

осудил за то, что тот «...сплошь и рядом единолично выносил решения», рассыпается. Книгу открывают четыре (!) речи В. И. Ленина, посвященные памяти Я. М. Свердлова. Об одном годе президентской работы Свердлова (о котором с сарказмом пишет автор очерка) Ленин сказал: «Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы, то это только потому, что выдающееся место среди них занимал исключительно талантливый организатор, как Яков Михайлович Свердлов». А на странице 156 48-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина вы найдете письмо, датированное 1913 годом, товарищу Андрею (Свердлову), которого Владимир Ильич знал по переписке и по отзывам товарищей с 1906 года.

Можно было бы продолжить борьбу цитат. Но это дело неблагодарное. Цитату можно вырвать из контекста, «урезать», словом, приспособить. Этим примером пользуется и Г. Назаров. Доверяя одним книгам, «кирпичики» из которых он укладывает в свою схему, официальным источникам, датирующим время вступления Свердлова в партию, он в доверии отказывает. При этом источники другого плана, например, жандармские и полицейские документы, им полностью игнорируются. Почему? Может быть, потому, что они-то в эту схему не вписываются? На обложке дела, заведенного на молодого Свердлова в департаменте полиции в г. Новгороде, написано: «Дело о принадлежности Якова Мовшева Свердлова к РСДРП». В десятках аналогичных документов указывается на факт создания им и с его участием «тесных групп социал-демократического толка», на его принадлежность к РСДРП. Трудно заподозрить в предвзятости и лидера кадетов; члена ЦК этой партии Л. А. Кроля, который, вспоминая 1905 год, писал о Свердлове: «Встретился я с ним впервые в Екатеринбурге на митинге, как с политическим противником. «Товарищ Андрей» гремел и гремел во всех смыслах». Не сомневался он и в большевистских взглядах Свердлова (см. «За три года»: воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1922).

Я умышленно прибегаю к источникам такого рода. Там сохранилось много документов о последних днях жизни и болезни Свердлова: записка жены Ленину о болезни, медицинское заключение врачей, экстренные выпуски газет, в конце концов, пандемия испанки (грипп) унесла в 1919—1920 годах миллионы жизней, но и здесь у автора «...вопросы, вопросы»... Может быть, вот этот ответ будет окончательным? Цитирую белогвардейскую газету «Освобождение России», № 69, Пермь, 27 марта 1919 г. «К смерти Свердлова. Товарищи коммунисты во главе с комиссарами в большом унынии. Одновременно с потерями на фронтах они понесли большую, даже очень большую потерю от естественной причины: 16 марта в Москве умер Яков Михайлович Свердлов».

Собственно, все это (и цитирую, и пишу) я не для назаровых. Для них наша история проста. Я надеюсь, что читатели, привыкшие верить печатному слову, задумаются над таким упрощенным, односторонним подходом к ней. Полотно истории многокрасочно, его нельзя писать двумя красками: вчера белой, сегодня исключительно черной. Сейчас на смену представлениям о революции как о светлом, без ошибок и поражений, пути в будущее приходит понимание того, что революция — трагедия. Идея равенства и братства вызывала величайшие в истории человеческие кровопролития. Знакомство с этой стороной нашей истории — тяжелый процесс, но его надо пройти, пройти, стараясь понять, а не просто найти виновных. В российской революции столкнулись интересы различных слоев населения, она пробудила стихию не самых лучших человеческих чувств, страшной трагедией была и гражданская война — острейшая форма классовой борьбы. Можно ли ее организовать? Наверно, нет, нужны объективные причины. А вот усугубить, отягчить неправильными действиями, лжепатриотическими лозунгами и пр. — да. Это и произошло в России. Ни та ни другая сторона не искали компромиссов. Роль же катализатора играли приказы генерала Краснова «залить кровью Петроград и повесить всех депутатов Петроградского Совета», репрессии колчаковцев против мирного уральского люда, даже против бывших членов Учредительного собрания, внешнее вмешательство в российские дела. В этот ряд нужно поставить и ошибочные решения, принятые партией. Они были обусловлены отчаянным положением Советской власти, огненным кольцом фронтов, недостаточно объективной информацией с мест, страстной верой в мировую революцию, до начала которой надо было продержаться любой ценой, а не только личными качествами и национальностью лидеров. Такой ошибкой было циркулярное письмо о «проведении массового террора против богатых казаков». Кстати говоря, Г. Назаров всю ответственность опять возлагает на Я. Свердлова. Почему? Ведь секретарем ЦК (автор вкладывает современное понимание этой должности) согласно его же собственным утверждениям Свердлов не был. В очередной раз журналист искажает факты. Не Свердлов «единолично» подписал этот документ, под ним стоит подпись «Центральный Комитет РКП» («Известия ЦК КПСС», № 6, 1989, стр. 178), который через полтора месяца и «остановил применение мер, указанных в январском циркуляре» («Известия ЦК КПСС», № 8, 1989, стр. 163). И еще одно существенное замечание: «Г. Назаров разделяет «хороших» большевиков и «плохого» Свердлова, демонстрируя тем самым или незнание исторического материала, или намеренно его фальсифицирует. Доступные для историков протоколы заседаний ЦК, СНК подтверждают единодушие руководителей высших органов Советской власти по большинству принципиальных вопросов.

Игнорирование объективных исторических причин и конкретных условий, упрощенный, односторонний подход к такому сложному явлению, каким является гражданская война, тоже ослабляет позиции автора. Объявляя Свердлова «цареубийцей» (вслед за колчаковским следователем Соколовым) за то, что Президиум ВЦИК утвердил решение Уралоблсовета о расстреле Романовых, произведенном в Екатеринбурге, Назаров забывает, что в архивах хранится много документов другого порядка. Например, доклад уфимского губернатора о расстреле рабочей демонстрации (убито 47 человек) с резолюцией Николая II: «Жаль, что мало». Журналист не напоминает читателю, что такой конец императорской фамилии предвидели русские дворяне — декабристы, по этому пути шли народовольцы, а А. С. Пушкин так выразил витавшие в российском воздухе настроения:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Главный нравственный вопрос революции — как, добиваясь правой цели, исключить неправые средства? Ответ на него русский князь, революционер П. Кропоткин искал всю жизнь. Г. Назаров, похоже, с этой задачей справился, виновных, во всяком случае, он нашел. Но отвечает ли его очерк на важнейшие вопросы сегодняшнего дня, вопросы, обращенные прежде всего к молодым? Как воспитать поколение, в котором найдется мужество не выполнять преступных приказов? Как поднять общественную нравственность, социальную мудрость, гражданственность? Куда идти нынешнему поколению молодых? Давайте задумаемся, уважаемые читатели, как отвечает на этот вопрос автор очерка. Нет ли там еще одного источника вражды и озлобленности? И не повторяем ли мы с вами ошибки прошлого: берем из истории одно и опять замалчиваем другое? Не с привычной ли легкостью закрываем музеи, снимаем мемориальные доски, меняем названия? Все это уже было в нашей истории. Ни к чему хорошему это не привело.

Г. ЛОБАНОВА,
историк
г. Свердловск

НУЖНА ТОЛЬКО ПРАВДА

В десятом номере журнала «Молодая гвардия» впервые была опубликована статья Германа Назарова о неблаговидных действиях Свердлова — «Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий». Ознакомить с подобным материалом читателя следовало давно, нужно было гораздо раньше открыть народу глаза, показать подлинное, непогрешимое лицо «революционера». Мы не злорадствуем и не иронизируем, не до того — скорбим! Очень уж тоскливо на сердце, пусто, и есть от чего. Советскому народу имя Свердлова являло чистоту, вселяло надежду, служило символом веры, оно идеализировалось старшими поколениями. И вдруг... Привитая годами вера и надежда не оправдались, оказавшись несостоятельными. Негодуем, глубоко возмущены «ошибками», совершенными Яковом Мовшевичем, да и вообще всем туманно выраженным и происходящим в суровую пору века. Каким образом человек, далекий от принадлежности к РСДРП, находящийся по убеждениям в диаметрально противоположном от пролетариата направлении, вдруг масштабно уверенно спроектировался не только в гуще событий, но, что самое страшное и непростительное, сумел возглавить в стране высший орган власти — ВЦИК?

Политика расказачивания несовместима с моралью социалистического государства, в принципе она чужда и его руководителям, однако факты утверждают обратное. Чистилось общество от деклассированного элемента, и мероприятия возглавлял не кто иной, как Яков Мовшевич. Жуткие явления не отнесешь к разряду случайных ошибок заблудшего интеллигента. Поступки Свердлова хотя и сложны, и трудно объяснимы, но расцениваются как намеренно вредные и опасные. Почему? Ответ в «красном терроре» — словах, не единожды слетавших с уст Председателя ВЦИК. Именно в них кроется глубокий смысл содеянного. Тут и жажда крови в расправе над «контрой», это и страстная, непримиримая защита интересов «своих». При сложившихся обстоятельствах подобная позиция «революционера» подозрительно долго оставалась незамеченной (кстати, почему?). Вынашивались губительные идеи, мысли, чтобы, воплотившись в документы, потом широко шагнуть в жизнь, внести сумятицу в массы, породив собой трагедию. Это ли не зло, это ли не ущерб партии и молодой республике?

Возникает вопрос: для кого вершилась революция, был ли смысл массовыми жертвами переиначивать строй, чтобы после победы вновь вернуться к еще большим жертвам? Нужна ли такая революция народу, оправдана ли она? Бескомпромиссному революционеру, хотя какой может быть из торговца революционер, оказывалось исключительное доверие, предоставлялась неограниченная власть и свобода действий, что повлекло за собой драматизм сотен тысяч униженных, ограбленных и истребленных русских людей. Финал плачевный.

С кого за все случившееся спросить? Не с кого! Единственная утеха — известная теперь правда прошлого в России, чего не скрыть, как не скрыть цены гражданской войны и роли каждого из бывших в аппарате во время зарождения социалистического государства. Правда, какой бы горькой она ни была, нужна. Нужна ради настоящего и будущего. Правда поможет нам избежать нового террора.

А. С. ПЧЕЛИНЦЕВ, И. А. ЧЕХЛАТЫЙ, С. М. ШМЯТКО
Ростовская область

С ПОСТАМЕНТА НЕ СЛЕЗЕТ

Наконец-то опубликована документально подтвержденная биография одного из главарей кровавого режима России — Якова Свердлова. Для нас, жителей теперь уже почти до основания разрушенного Екатеринбурга, эта публикация — серьезная опора в борьбе за возвращение городу исторического имени. Хотя, можно предположить, борьба предстоит непростая: уж слишком прочно вколочена в сознание людей фигура «новгородца из семьи гравера». У нас шагу не ступишь, не наткнувшись на «великого соратника». Вот вы приехали в город. Прямо против железнодорожного вокзала метровыми буквами — «Гостиница «Свердловск». Не сходя с места повернули голову вправо — огромная стела, с нее на вас — до боли знакомый прищур сквозь пенсне. Вы — в подземный переход, но не мечтайте скрыться: выйдете на улицу Свердлова. Квартал прошли — на левой стороне завод имени Свердлова. Поднялись в гору. Справа, на месте Вознесенского проспекта, где в ряду с другими стоял и Ипатьевский дом (место зверского истребления царской семьи), — гуляет ветер. Спустились с горы, и на левой стороне улицы — музей Свердлова. Обихоженный, но надо отдать должное, всегда пустой. Я нарочно

наблюдала некоторое время посещаемость — по доброй воле туда народ не ходит, если только погонят с экскурсией. Пришли в центр на улицу Ленина. Квартал налево, вверх на ландшафтную вершину, — и опять Яков, уже по всей форме — в камне, на глыбе-пьедестале, в полный рост. О, эти распростертые над народом каменные руки!

Но, наверное, довольно экскурсий. Давайте думать, как открыть людям глаза. Думать надо, потому что Свердлов по-хорошему с пьедестала слезать не станет. Он и каменный крепко держит поводок, который туго натягивают усердные борзописцы. Не успели подписчики вынуть из почтовых ящиков десятый номер «Молодой гвардии» и, содрогнувшись, прочесть: «Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий», как тут же встрепенулся рой медведевых. Один из телохранителей каменной статуи из Москвы спланировал на страницы областной партийной газеты «Уральский рабочий». И газета, буквально ни одного мало-мальски острого письма не поместившая за годы перестройки без редакционных реверансов и оправданий, на сей раз не сомневается, не извиняется. Более того, нахлобучивает на реанимационное воспевание Свердлова жирную газетную «шапку» — «На крутых поворотах», под которой зазывно размещает подзаголовки «О необычной судьбе семьи и родственников Я. М. Свердлова», «Рядом с Лениным», «Братья и сестры». Да еще дает портрет преступника с «яркой биографией».

Главный же редактор программ Свердловского ТВ и РВ Леонид Борисович Коган, всю свою жизнь проведший в лучах портрета Свердлова за спиной, снял портрет со стены своего кабинета после публикации в «Молодой гвардии». Видно, усвоил, наконец, что идеологическая организация — не частная лавочка.

М. ПИНАЕВА,
член Союза журналистов СССР
г. Екатеринбург (Св-ск)

ГДЕ ЖЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ!

16 ноября по Центральному радио объявили: в Москве переименован Ворошиловский район... Ничего удивительного тут вроде нет. Мы уже привыкли к переименованиям. Но настораживает одно обстоятельство. Почему-то сейчас ниспровергают Ворошилова. Жданова как близких Сталину людей, а вот Свердлова и других подобных ему преступников власти оберегают. И это несмотря на то, что на совести Свердлова немало кровавых злодеяний. Так почему оберегается палач Свердлов? Почему в печати и фильмах боготворится такая темная личность, как Троцкий? Простому советскому человеку это непонятно.

Д. БЕЗРУЧКО,
Полтавская область

* * *

В журнале опубликовано предложение: переименовать Свердловск в Екатеринбург. Поддерживаю это предложение.

Н. АЛЕКСЕЕВА,
Новосибирск

* * *

Большое спасибо за статью о Я. Свердлове (организаторе гражданской войны и массовых репрессий). Крепкого вам здоровья, новых успехов, мужества в справедливой борьбе с очернителями России и их приспешниками.

С. КАЗАКОВ,
Ростов-на-Дону

ПО ВИНЕ СВЕРДЛОВА

(ответ историку из Свердловска Г. Лобановой)

Историк Г. Лобанова вполне справедливо пишет: «Вопрос, поднятый отделом публицистики, огромной важности и актуальности — это вопрос о цене революции, о нравственности в политике, о роли и месте политического лидера в историческом процессе». Но в то же время она делает упрек в адрес «МГ», будто один из авторов журнала не всегда следует фактам, а иногда и подгоняет их под собственную точку зрения.

В моей работе «Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий» Г. Лобанова опровергает то, что Ленин знал Свердлова с апреля 1917 года. Она утверждает, что они были знакомы «по переписке и отзывам товарищей с 1906 года». «Переписка», насколько я понимаю, означает, что знакомые люди переписываются друг с другом. Но Ленин и Свердлов до 1917 года не писали друг другу ни одного послания. Правда, в ПСС (т. 48 на с. 156—158) действительно приводится ленинское письмо, написанное в 1913 году. Оно начинается так: «Товарищу Андрею, а если его нет в Питере, то №№ 3-му, 6-му и др...» Эта фраза, в которой, помимо других лиц, указанных под номерами 3 и 6, значится имя Андрея (одна из партийных кличек Свердлова. — Г. Н.), еще не доказывает, что Ленин знал тогда Свердлова. Ведь мог же он обратиться к нему, как, например, читатель какого-нибудь журнала к автору заинтересовавшей его статьи? Больше того, кличка Андрей принадлежит не только Свердлову. Так называли себя и другие революционеры, в частности, И. К. Вульпе. Что касается утверждения Лобановой о знакомстве Ленина со Свердловым «по отзывам товарищей», то об этом факте нам известно лишь из воспоминаний близкой подруги (в законном браке они не состояли) К. Т. Новгородцевой. Спустя 56 лет она «вспоминала», что, «как рассказывала мне в 1906 году Надежда Константиновна, хотел встретиться со Свердловым и Ленин». И далее: «Товарищи, приезжавшие из России в Женеву, где находился Ильич, рассказывали Ленину об Андрее. В начале 1909 года, вспоминают те, кто входил тогда в состав большевистского центра, в Женеву приехал Гольденберг, являвшийся членом ЦК (с февраля 1917 года член эсеровско-меньшевистского Петроградского Совета, а после октябрьского переворота переоделся в большевика. — Г. Н.). Он особенно много рассказывал об Андрее и утверждал, что это был «настоящий цекист» (а не большевик. — Г. Н.). Об этих деталях «знакомства» Ленина со Свердловым поведала нам Новгородцева в книге «Яков Михайлович Свердлов», 1960 г., с. 120.

Н. К. Крупская же в своей книге «Воспоминания о Ленине» (1989 г.), наоборот, даже слова не говорит, что Ленин до 1917 года был знаком с «пламенным революционером» Свердловым. Но не могла же Надежда Константиновна забыть о столь знаменательном факте... Так что были у меня основания утверждать: Ленин познакомился со Свердловым в апреле 1917 года, а первое письмо, адресованное ему, написал за два дня до октябрьских событий.

Г. Лобанова обвиняет меня в том, что «официальным источникам, датирующим время вступления Свердлова в партию, он (то есть я) в доверии отказывает. При этом источники другого плана, например, жандармские и полицейские документы, им (то есть мной) полностью игнорируются». Но почему же игнорируются? В своей статье я приводил выдержки как раз из «жандармского документа» (протокол допроса № 16 от 12 января 1910 года), в котором сам Свердлов заявляет, что он «привлекался в 1902 и 1903 гг. в Нижнем Новгороде за принадлежность к тайному сообществу; дознания были прекращены...». И дознания действительно были прекращены, так как ни в 1902-м, ни в 1903 годах не была доказана принадлежность Свердлова к «тайному сообществу» (в том числе и к РСДРП). Однако предположим: жандармы установили-таки принадлежность Свердлова к РСДРП. Все равно это не может означать для нас, что он «член КПСС с 1901 года» (как утверждается в БСЭ 3-го издания).

Автор письма утверждает (со ссылкой на документы департамента полиции), что Свердлов принял участие в создании «тесных групп социал-демократического толка». Звучит убедительно. Но вот вопросы: какого все-таки толка были эти социал-демократические группы, из кого они состояли? В книге «История Екатеринославской социал-демократической организации, 1889—1903» (изд. 1923 года) на с. 377—380 помещен список Екатеринославского комитета РСДРП того времени:

«1. Компаниец Симон Мордухов, мещанин г. Кременчуга, бывш. студент Харьк. университета, 26 лет, учится в зубоврачебной школе.

2. Прусс Исай-Илья Янкелев, мещанин г. Екатеринослава, определенных занятий не имеет. (Бурый).

3. Лившиц Хана Моисеевна, мещанка г. Мелитополя, 21 год, дает частные уроки (Козявка).

4. Ишув Иосель Вульфов, бывший учитель Щавельского еврейск. училища в Ковенской губ.

5. Белявский Арон Лейбов, мещанин г. Золотоноши, Полтавской губ., переплетчик.

6. Интеллигент «Валентин» (Цедербаум).

7. Личность, известная под кличкой «Самуил», портн. (Худой). Он же Виц Шмуль.

8. Яблоник Хаим Шапшелев, переплетчик, мещанин г. Шклова, 27 лет, жена Бася Ицковна, шляпочница.

9. Личность, известная под кличкой «Соломон», наборщик (Шофман).

10. Риер Роха — Злата Рахиилевна, мещанка Ильевского общества, Виленской губ., 20 лет, чулочница» и т. д.

Очень похожими на этот были и составы организаций РСДРП других городов России. Заглянем в еще один любопытный источник — книгу «Владимирская окружная организация РСДРП, 1892—1914» (1927, с. 565). В ней, в частности, говорится о том, что начальник Московского районного охранного отделения докладывал 13 февраля 1908 года Владимирскому губернатору: «У мещанина Арона Яковлевича Эдельмана были обнаружены 23 брошюры различного наименования, брошюра «Организационный устав сионистов, принятый на пятом конгрессе в Гродно» (1902 года), брошюра — «Сионистское движение». У Петра Ильина Златина: письмо-сообщение «Центрального Комитета Сионистской организации в России» и один экземпляр воззвания «Товарищи» того же наименования». Подобных донесений было немало, особенно на юге, где вовсю действовали еврейские мелкобуржуазные националистические организации «Поалей-Цион», пытавшиеся объединить социализм с сионизмом. В 1904—1906 годах из групп «Поалей-Циона» образовались Сионистско-социалистическая рабочая партия, Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП) и Еврейская социал-демократическая рабочая партия. Во время реакции 1908—1910 годов члены «Поалей-Цион» фактически превратились в агентуру сионизма среди еврейских трудящихся, активно проповедовали идеи их обособления от общероссийского пролетарского движения, маскировали свои действия псевдомарксистской фразеологией. В августе 1919 года они стали членами так называемой Еврейской коммунистической партии «Поалей-Цион», которая в декабре 1922 года была принята в РКП(б). Эта информация к вопросу о том, чем занимались некоторые социал-демократы.

Обвиняюсь я в «игнорировании объективных причин, связанных с гражданской войной и, в частности, с убийством царской семьи». При этом задается вопрос: «Можно ли организовать гражданскую войну?» А почему бы и нет! Сейчас доподлинно известно, что Великую французскую революцию двести лет назад организовали еврейские банкиры. Этой юбилейной дате были, в частности, посвящены публикации журналов «Курьер ЮНЕСКО» (июль — август 1989 г.) и «Сета» (№ 764, 1989 г.). В «Сета», издающейся в Венесуэле, в статье «Банкиры запланировали взятие Бастилии» прямо пишется: «Революция делалась из-за «худших мотивов», была пропитана интригами, привела целую нацию к кровавой бане и убила многих из тех, кого претендовала защитить».

Многое из истории возникновения гражданской войны до сих пор держится под замком. Кому-то это выгодно. Смело вскрываются «белые» пятна нашей истории... но только связанные с 1937 годом, с годом так называемых «сталинских репрессий». Но почему исследователи не хотят заняться 1917 годом, первым десятилетием Советской власти? Ответ на этот вопрос тесно связан с ответом на вопрос: кто развязал гражданскую войну? То, что у любой войны всегда есть закоперщики, всегда с чего-то она начинается, войны всегда (и не только гражданские) кому-то выгодны, — закон. Многие наши историки никогда не задумывались над тем, откуда появились в революционной лексике термины: «враг народа», «враг Советской власти», «красные» и «белые»? Кто их насаждал? Почему отец пошел против сына, русский против русского, башкир против башкира? А ответ тут есть! И далеко за ним ходить не надо! Достаточно взять книги по истории партии, изданные в первое десятилетие Советской власти. В них черным по белому написано, как те, чьи фамилии были указаны в списке Екатеринославского комитета РСДРП, называли себя спачала

«искровцами», а потом, после октябрьского переворота, «красными». Те же, кто был не согласен с «красными», получили название «белых». Отсюда появились и производные от этих слов: «красногвардейцы» и «белогвардейцы».

Чтобы удержаться у власти (а мирным путем, путем демократических выборов они удержаться у власти не могли), члены всевозможных групп социал-демократического толка начали массовый террор против мирного населения руками обольщенных ими деклассированных, разложившихся элементов, которые стали орудием для подавления любых выступлений. Народ оказался незащищенным против их произвола, так как все органы власти в России были разрушены. Была устроена самая настоящая охота на офицеров старой армии, жандармов, судей, бывших служащих.

Народ восставал. Восстания относились к разряду контрреволюционных. Но кого считали контрреволюционерами? «Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащаяся молодежь» — так говорится в книге «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией». И кто считал? Потомки ювелиров, землевладельцев, шинкарей, ростовщиков, в лучшем случае аптекарей и ремесленников...

Необходимость «красного» террора и массовых репрессий Г. Лобанова доказывает тем, что «они были обусловлены отчаянным положением Советской власти». Но кто олицетворял Советскую власть? До недавнего времени считалось — один Ленин. Других не называли: Троцкого (Бронштейна), Зиновьева (Апфельбаума), Володарского (Гольдштейна), Урицкого, например. Подобным вождям «мирового пролетариата» до разжигания мировой революционной бойни действительно надо было продержаться любой ценой. И в этом автор письма права. Только вот зачем ожиданием мировой революции оправдывать массовые репрессии мирного населения России, ту страшную директиву от 24 января 1919 года о поголовном уничтожении казачества?..

Да, я всю ответственность возлагаю на Свердлова как на члена ЦК, председателя Оргбюро ЦК, Председателя ВЦИК! Даже если бы он не подписывал этой директивы лично. Мои обвинения поддерживают и работники Музея Свердлова в Свердловске, подтвердившие, что «подпись Я. М. Свердлова стоит под протоколом заседания Оргбюро ЦК от 24 января 1919 года, подписавшего это циркулярное письмо к исполнению». Музейные работники также сообщили, что «подлинник циркулярного письма находится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС в единственном экземпляре» и что «избегая бюрократической волокиты, делопроизводство того времени было очень скромным, без дублирования бумаг, а Свердлов по своим служебным обязанностям единолично (словом, не по-ленински. — Г. Н.) мог решать кадровые и организационные вопросы».

Меня поддерживает и Рой Медведев в своей статье «Свердловы: слава и трагедия одной семьи»: «Не только подпись Ленина, но и Свердлова стоит под многими из самых важных декретов Советской власти. К сожалению, далеко не все решения Свердлова в этот период были правильными. Особенно часто вспоминают в этой связи в настоящее время печально известный декрет о «расказачивании», подписанный Свердловым в январе 1919 года. Этот жестокий и несправедливый декрет, предписывающий «поголовное истребление богатых казаков», «уравнение казаков с иногородними» и «массовое переселение бедноты на казачьи земли», имел крайне тяжелые последствия для судеб молодой Советской России, привел к восстанию донского казачества и затянул по крайней мере на год гражданскую войну в России» (газета «Каретный ряд», № 5, ноябрь, 1989).

И еще один упрек в мой адрес. Я, видите ли, обвиняя Свердлова в «цареубийстве», «забыл», что в Уфе при царе было расстреляно столько-то человек, а Николай II был рад этому. Что можно тут сказать в ответ? Разве то, что я и не ставил своей целью разбирать в статье о расказачивании и гражданской войне «уфимское дело» и потому, действительно, не сказал, кто были те 47 погибших и какой была виза Николая II на докладе губернатора. Не берусь об этом судить и сейчас. Зато могу назвать убийц последнего русского царя, его жены, его 14-летнего сына Алексея, 16-летней Анастасии, 18-летней Марии, 20-летней Татьяны, 22-летней Ольги и еще четверых близких к семье людей.

Это А. Д. Авдеев — «самый яркий представитель этих отбросов рабочей среды: типичный митинговый крикун, крайне бестолковый, глубоко невежественный, пьяница и вор».

Это И. Н. Клещев — «с детского возраста имел дурные наклонности. Будучи еще несовершеннолетним, начал заниматься кражами, чему способствовала его мать. Учился плохо...».

Это Юровский Янкель Хаимович (вошел в историю как Яков Михайлович). «Он любит угнетать людей» (говорил его брат Лейба). «То, что он считался у нас самым умным, меня от него отталкивало» (по воспоминаниям его брата Эле-Мейера). «Он был по характеру деспот. Его выражением всегда было: «Кто не с нами, тот против нас». Он эксплуататор» (жена Лейбы).

Это Голощекин Шая-Ицков Исаакович (партийная кличка Филипп). Друг Ешуа-Соломона Мовшевича Свердлова. «Это человек, которого кровь не остановит» (слова редактора газеты «Общее дело» В. Л. Бурцева).

Кстати, «Огонек» (2, 1990) поместил фотографии убийц царя, почему-то не назвав их подлинных имен. Может быть, потому, что в этой акции участвовало слишком много «интернационалистов». И наших, доморощенных российских, и не наших. Мате Залка, например, приложил свои руки — помогал расстреливать.

Свердлов и его компания головорезов, чтобы оправдать свои преступные действия, сочинили легенду, что царь и его семья были казнены якобы «по воле народа». Мародер Юровский повез Свердлову 19 июля 1918 года вещи убитых им людей. Перед этим трупы были раздеты догола и обобраны (с трупов были сняты все ценные вещи). Обливал казненных серной кислотой и сжигал, чтобы замести следы, еще один «пламенный революционер» П. Л. Войков (его именем названа одна из станций метро в Москве — «Войковская»).

Г. Лобанова упоминает «колчаковского следователя» Соколова. Видимо, она знакома с его книгой «Убийство царской семьи» (1925 г.), в которой с помощью документов рассказано, как было совершено убийство и кто в нем участвовал, приведены в ней и протоколы допросов родственников убийц и причастных к убийству лиц, свидетелей. Один из лучших следователей России — Соколов — доказал подлинную роль в этом деле Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

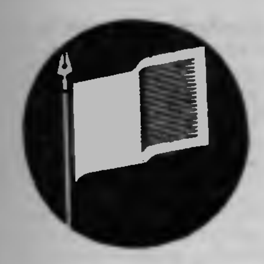
Теперь насчет сомнения в том, умер ли Свердлов своей смертью — от «испанки», которая якобы «унесла в 1919—1920 годах

миллионы жизней». Утверждение, что в эти годы мир потерял миллионы жизней из-за этой болезни, не соответствует действительности. Ни одна из издававшихся в то время газет не сообщала об эпидемии «испанки» ни у нас в России, ни за рубежом. Не сказано об этом и в цитируемой белогвардейской газете «Освобождение России». Зачем нужно было цитировать эту газету, если в ней не сообщалось о «естественной причине смерти» — «испанке»? Не лучше ли заглянуть в книгу Андрея Ивановича Дикого «Евреи в России и в СССР», изданную в Нью-Йорке в 1967 году. Там сказано: «...Дело в том, что дядя Яша (имеется в виду Свердлов. — Г. Н.) к тому времени уже помер не совсем натуральной смертью. На митинге в железнодорожных мастерских в Орле его довольно сильно побили товарищи рабочие». Это выдержка из воспоминаний Георгия Александрова — друга Леопольда и Иды Авербах — племянника и племянницы Я. М. Свердлова.

Плюрализм позволил нам говорить открыто. И это одно из бесспорных достижений перестройки. Добиться бы еще того, чтобы за словами всегда следовали дела. А то что получается? Стоило «Огоньку» поместить предвзятую, на мой взгляд, статью Ю. Карякина «Ждановская жидкость», как все вокруг заулюлюкали, заохали, замитинговали и быстренько сняли имя Жданова с названия города, с названия района в Москве. С народом при этом не посоветовались. Поступили как в застойные времена, когда городам неожиданно присваивались имена Брежнева, Устинова, Андропова... Иное происходит со Свердловым! На совместном заседании Свердловского райкома партии и райисполкома города Москвы, состоявшемся в июле 1989 года по вопросу о переименовании площади и района, было предложено представителям Института марксизма-ленинизма и Института истории партии подготовить документы о революционной деятельности Свердлова — его деяниях на русской земле. С тех пор к важному вопросу там не возвращались.

Пришлось написать мне свое мнение по переименованию мест, связанных с именем Свердлова в Москве, в газету «Московская правда». Оттуда статью переправили в Моссовет, откуда пришел ответ за подписью секретаря комиссии М. Ф. Симоновой: «Комиссия исполкома Моссовета ознакомилась с Вашим письмом, поступившим из газеты «Московская правда», о переименовании площади Свердлова, и сообщает: присвоение имени Свердлова бывшей Театральной площади было проведено по постановлению правительства, которое исполком Моссовета отменить своим решением неправомочен». Вот так. Все, что связано с именем Жданова, Моссовет переименовывать может, то, что связано с именем Свердлова, — нет.

Герман НАЗАРОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир ДЕСЯТНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ЛЕОНОВСКИМИ ДОРОГАМИ

I

Мое знакомство с творчеством Л. М. Леонова произошло во время войны, когда на экран вышли короткометражные фильмы «Пир в Жирмунке» и «Трое в воронке», а позже — «Нашествие». Спустя двадцать лет студентом-искусствоведом МГУ я пришел к Леониду Максимовичу, чтобы подписать ходатайство в защиту наших национальных святынь. В Москве шло бойкое корчевание, выражаясь тогдашним лексиконом, «рассадников опиума для народа». Не избежали этой участи ни Кремль, ни Белый город, ни Зарядье. В древнейшей части Китай-города, где, кстати, родился Леонид Леонов, сносили церкви, дома, монастыри. Вопреки здравому смыслу и несмотря на недовольство общественности там строилась несуразная гостиница-этажерка. И словно нарочно, гостиница должна была быть названа «Россией».

Помнится, Леонид Максимович, подписав челобитную, внес в нее окрашенное горьким сарказмом добавление. Дескать, при наших-то просторах стоит ли строить даже похвального назначения коммунальные агрегаты непременно, скажем, на ме-

сте Василия Блаженного или храма Христа Спасителя. И еще запомнились слова Леонова, что в нынешнее время «мало бывает одной хозсмекалки, а желателен целый радар в голове дальностью минимум лет на двадцать». Мысли об охране наших национальных святынь писатель суммировал позже в очерке «Раздумья у старого камня», написанном специально для газеты «Правда». По злой иронии. «Раздумья» были опубликованы с опозданием как «минимум лет на двадцать».

С той первой встречи прошло более четверти века. Не так давно у меня возникло желание побывать в местах, связанных с жизнью и творчеством Л. Леонова. Когда я белыми ночами бродил по улицам Архангельска, где он работал в газете «Северное утро», мне многое открылось в творчестве раннего Леонова. Потом у меня были поездки на Беломорканал и на поруганный Валаам, в Арзамас, в железнодорожном депо которого Леонов собирал материал к роману «Дорога на океан». В селе Ескино Любимского района Ярославской области я уже не застал дома предков писателя. Где когда-то были крепкие мужицкие хозяйства и нередко двухэтажные церковноприходские школы с хорошо подобранными библиотеками, ныне полное запустение. О прежнем достатке косвенно свидетельствуют лишь опустевшие погосты с гранитными памятниками-крестами, каких сейчас и на старом Ваганькове-то осталось немного. Побывал я и в Параклитовой пу́стыни, что неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, и в Переславле-Залесском на даче Д. Н. Кардовского, и в Абрамцеве, в той самой церковке, где в 1923 году венчался Л. М. Леонов.

Некогда богатую и красивую деревню Полухино бывшего Тарусского уезда Калужской губернии, где в школьные годы Леонов отдыхал в доме родителей отца, повидать мне, к сожалению, не довелось. Ее списали как неперспективную, и ныне все там заросло бурьяном. На месте дома Леоновых я поднял с земли старую подкову, которую Леонид Максимович потом прибил к дверному косяку у себя в московской квартире. От Полухина остался лишь родничок в овраге, что описан в «Русском лесе». Неподалеку от родничка, на взгорье стоит с проломанным сводом церковь, которую писал маслом Леонов-гимназист. Один из тех этюдов до недавнего времени сохранялся у прежних соседей по Полухину. Последние свои отпуска я использовал для поездки в Берислав, Каховку, Джанкой, Симферополь — по местам боев 15-й Инзенской дивизии, в составе которой служил Л. М. Леонов во время гражданской войны, в Балахну, на бумкомбинат, где создавался роман «Соть», в Чистополь, где была написана пьеса «Нашествие», в Грузию и в Вологду.

II

24 августа 1988 года

Вчера приехал из трехнедельного путешествия по маршруту: Москва — Арзамас — Чебоксары — Казань (два дня в Свияжске) — Чистополь. Обратный путь из Чистополя до Москвы проделал на пароходе — по Каме и Волге, повторив спустя сорок пять лет маршрут, каким Л. М. Леонов привез свою семью из эвакуации на пароходе «Михаил Шолохов».

В Чистополе, сойдя с автобуса Казань — Бугульма, сразу же пошел к дому, где жили Леоновы во время эвакуации. Каменный дом этот ныне хорошо знают чистопольцы. На нем мемориальная доска: «Здесь с октября 1941 года по май 1942 года жил и работал писатель Леонид Максимович Леонов». Мемориальная доска висит на фасаде дома. Однако леоновская квартира находилась «в тылу» этого здания, в бывшей квасоварне.

Л. М. Леонов попал в квасоварню не случайно. Перед самой войной его имя изрядно склоняли в прессе за пьесу «Метель», как «злостно клеветническую и контрреволюционную». Поэтому при распределении жилплощади среди эвакуированных Леонову, как опальному, и досталась одна из худших квартир. Доски пола были постланы прямо на землю (без «черного» пола). В полу были большие щели и дыры. А поскольку внизу находился подвал, где когда-то заквашивали квас, то в квартире водились и мыши, и крысы. Леонов со временем купил стамеску, наделал дранок и заделал щели в полу, но мыши все-таки просочились... в пьесу «Нашествие».

В Чистополе мне удалось встретиться и поговорить с А. С. Самойловым — потомственным врачом. С его отцом у Леонова были дружеские отношения. Известно, что образ врача Таланова в «Нашествии» — собирательный. Кое-что в нем «подсказано» Леонову двумя бывшими земскими врачами, жившими в Чистополе, с которыми дружил автор пьесы. Это — Д. Д. Авдеев и С. З. Самойлов.

Квартира Леоновых находилась рядом с домом Самойловых. Дом богатого купца бывший земский врач С. З. Самойлов получил в 1921 году в дар от города за свою беспорочную службу на ниве народного здравоохранения. Это и послужило тем «узлом», которым «завязана» в «Нашествии» судьба врача Таланова и бывшего градского головы Фаюнина.

А. С. Самойлов рассказывал, что когда Леонов зимой 1941 года стал писать «Нашествие», то они на целый месяц перестали общаться. Он видел Леонова лишь утром, когда тот приносил в дом воды или дров, и потом до глубокого вечера в его комнате горела сделанная им из банки коптилка, при свете которой Леонид Максимович работал. Первое чтение «Нашествия» было весной 1942 года в доме врача Д. Авдеева в присутствии К. Федина, К. Тренева, Н. Асеева, М. Петровых и других. А. Самойлов сказал, что лучшего чтеца своих произведений, чем Леонов, он в жизни не слыхал.

В ноябре 1942 года Ленинградский областной драматический театр, находившийся в эвакуации в Чистополе, первым в стране поставил «Нашествие». Спектакль готовили к 7 Ноября, к празднику 25-летия Великой Октябрьской революции. Последние недели репетировать приходилось в две смены — днем и ночью. Л. М. Леонов консультировал постановку своей пьесы. Он как актер проигрывал все роли, предложил свое решение декораций, следил за шумовым оформлением. В день премьеры театр был полон.

Ночью, после премьеры, к Леонову прибежал перепуганный директор театра. В руках он держал разносную телеграмму из Казани. Дескать, на каком основании театр поставил пьесу драматурга, который скомпрометировал себя «Метелью». Леонов как мог успокоил директора театра, уверив, что никаких административ-

ных мер не последует. К утру обрадованный директор театра принес вторую телеграмму из Казани — поздравление с «большим событием в общественной жизни города...».

Чтение первого варианта «Лёнушки», по словам А. С. Самойлова, проходило у них в доме. Никто из писателей не был приглашен. Присутствовали лишь супруги Леоновы и члены семьи Самойловых.

Однако «Нашествием» и «Лёнушкой» не ограничивается связь Леонова с Чистополем. Осенью 1941 года, в конце октября, Леонов несколько дней работал по заготовке дров на зиму, вытаскивая из ледяной воды бревна. В паре с ним работал Б. Л. Пастернак. В разговорах с простыми людьми на берегу Камы, на базаре, у церквей Леонов постоянно постигал «вещество жизни». Спустя годы писатель снова мысленно вернется в Чистополь, когда начнет работать над «Золотой каретой» и «Русским лесом». Прообразом героини «Золотой кареты» Марьи Сергеевны стала председатель Чистопольского горисполкома Мария Сергеевна Тверякова, с которой Леонов был знаком. Город, где происходят события «Золотой кареты», во многом напоминает Чистополь, его улицы, людей.

В Чистопольский краеведческий музей Л. М. Леонов в 1941—1942 годах частенько заглядывал. Благо он был рядом — через несколько домов от его квартиры.

С музеем соседствует величественный собор во имя Покрова Богородицы с приделами — святителя Николая и архангела Михаила. Построенный в конце XVIII — начале XIX века в стиле русского классицизма с двумя портиками, украшенными стройными колоннами, собор является главной архитектурной доминантой старой части города. Когда Леонов жил в Чистополе, собор и его богатый некрополь были еще целы. Кто знает, может, на могильных плитах у стен собора Леонов впервые и прочитал фамилию купца Фаюнина, введя его потом в «Нашествие» с авторской пометкой — «из мертвецов».

В Чистополе Леонов много читал, искал людей, знавших прежний, купеческий быт Чистополя.

Старожил города Чистополя художник Иван Александрович Нестеров во время войны как радиотехник был на «броне» и обслуживал городской радиоузел, рассказал, что Л. М. Леонов часто выступал у микрофона. Получив соответствующее разрешение, Леонов в 1941—1942 годах регулярно приходил в городской радиоузел, где в отдельной комнате слушал в наушниках немецкие передачи. Это был не просто языковой практикум, а постижение сути Вибеллей и Шпурре. Нестеров помнит, как однажды Леонов, слушая, с возмущением «комментировал» речь предателя — сына артистки Блюменталь-Тамариной, оставшегося в Киеве и служившего у немцев. Не исключено, что какие-то черты его «достались» в «Нашествии» «Мосальскому, бывшему русскому».

По словам И. А. Нестерова, Леонов был очень рукодельным человеком. На токарном станке он вытачивал мундштуки, делал зажигалки и вообще с удовольствием выполнял всякую тонкую ручную работу. У Нестерова и Самойлова были мундштуки и зажигалки леоновской работы. И. А. Нестеров нарисовал и написал три портрета Леонова и сделал одну гравюру.

III

13 мая 1989 года

И вот закончилось еще одно мое путешествие.

Из Орджоникидзе по Военно-Грузинской дороге, повторив леоновский маршрут 1928 года, я приехал в Тбилиси. С рюкзаком за плечами, с фотоаппаратом в руках, передвигаясь на попутных машинах и общественном транспорте, я побывал в Ципандали, Телави, Алаверди, Икалто (академия, где учился Шота Руставели), Мцхете, Гори, Кутаиси, Сухуми и приехал в Новый Афон.

В светлой, узкой, как пенал, келье № 123 бывшего Ново-Афонского Симоно-Канапитского монастыря я сижу и привожу в порядок свои «подорожные» записи. На дворе раннее утро, солнце еще не вышло из-за гор. Монастырь, превращенный в турбазу, словно вымер. С вечера и допоздна во дворе громыхало бесовское игрище в популярном рок-ритме. Музыкальный подарочек этот, говоря словами Леонида Леонова, «естественно, в иноземной духовной упаковке». У них производство подобной продукции на отлаженный конвейер поставлено.

Приехавшие на Афон со всех концов страны «паломники», вконец умаявшись от ночного «бдения», крепко спят. А когда-то здесь все было по-другому. Ново-Афонский мужской монастырь жил по строгому уставу старой Афонской обители во имя св. Пантелеймона-Целителя, что в Греции. Целительными средствами почитались усердная молитва и физический труд во благо всех и каждого. Сутки в Новом Афоне начинались с молитвы — «полунощницы», когда вся братия по звону малого колокола сходилась в храм затемно. Молились при свете лампад, не зажигая свечей. После «полунощницы» краткий отдых, потом опять — молитва и труд. За неполных пятьдесят лет монастырь, начавший свою экономическую деятельность с нуля, к моменту упразднения в 1924 году стал одним из самых богатых в России. Достаточно сказать, что подворья монастыря — его филиалы, находились в обеих столицах — Петербурге и Москве, Новороссийске и Туапсе, Сухуми и Пицунде.

А. П. Чехов в Новом Афоне в 1888 году, как медик, не мог не восхититься работой монахов, умно и настойчиво преобразовавших край, где жестоко свирепствовала малярия. К началу XX века в монастыре исправно работала электростанция, почтово-телеграфная контора, мельница, кирпичный завод, камнеломни, узкоколейная железная дорога, литейно-механические мастерские, морской грузо-пассажирский причал со своими судами. Прибыль монастыря от продажи на экспорт оливкового масла, меда, сыров, цитрусовых, деловой древесины измерялась миллионами золотых рублей. Об этом остались лишь воспоминания. Некогда высокорентабельное хозяйство не то что разрушено, а его просто не существует — ликвидировали вместе с «жеребячьим» сословием, как хлестко именовали своих идейных противников выученики Ем. Ярославского — «воинствующие безбожники».

Большая часть монастырских земель в Новом Афоне ныне плотно ограждена высоченными заборами, и там находятся иные «обители». Не уточняя географических координат подобных «оби-

телей» в иных местах, об их скрытом от глаз рядовых «паломников» предназначении можно сказать словами гида по Грузии Стратонова из повести Леонида Леонова «Evgenia Ivanovna»: «Сюда в кулинарный эдем наезжают из Тифлиса начальники закалять организмы к генеральным схваткам за человечество». Нельзя не отметить язвительность леоновского антигероя, сделавшего существенный штрих к портрету радетелей сугубо за народное благо, о которых еще в Евангелии сказано: «Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их». Добавлю от себя, что в новоафонский «эдем», равно как и в современные комфортабельные коттеджи, выстроенные в парке музея А. Г. Чавчавадзе в Цинандали, наезжают начальники не только из Тбилиси, но и других столиц.

«Кормчей» книгой в моей поездке по Грузии была повесть «Evgenia Ivanovna». Времени на поездку было в обрез, поэтому проследить путешествие мистера Пикеринга и Евгении Ивановны, начиная с турецкой границы, я не мог. Первая встреча Стратонова, после того как он бросил Евгению Ивановну на произвол судьбы в Константинополе, произошла у них в Тбилиси. Отсюда и и начал. Мне обязательно надо было встретиться со старыми друзьями Леонова. Только от них я мог получить интересующие меня сведения о пребывании Леонида Максимовича в 1934 году в Тбилиси и о его поездке в Алазанскую долину, где и происходят основные события повести.

Сняв у парадного входа рюкзак, чтобы не смущать администратора интуристовской гостиницы «Иверия» своей явно не зарубежной экипировкой, я прошел в центр холла. Зная, что свободных мест нет, я тем не менее взял гостиничный бланк, заполнил его и в графе «цель приезда» написал: «Инспекция маршрута супругов Пикеринг (Англия)». Администратор нехотя взяла заполненный бланк, внимательно прочитала и, велев подождать, ушла за перегородку. Через минуту меня пригласили к заведующему.

— Вы, товарищ, что-то не то поете. У нас таких Пикерингов никогда не было, — гортанно и нараспев сказал мне человек, сидевший за столом, а я только этого и ждал.

— Как не было? — я тут же раскрыл повесть Леонова. — Разве не ваш предшественник товарищ Хахулия гостеприимно принимал интуристов супругов Пикеринг? Разве не ему они обязаны были своей поездкой в солнечную Кахетию...

Заведующий взял в руки книгу Леонова, полистал ее и, сделав характерный круговой жест кистью руки, сказал администратору магическое:

— Хо!

Словом, мне предоставили отдельный номер с видом на набережную Куры. С помощью заведующего удалось достать прямой телефон академика И. В. Абашидзе, и через полчаса поэт дружески приветствовал меня в своем кабинете в издательстве «Энциклопедия Грузинской ССР».

Нет, Ираклий Виссарионович не помнит пребывания Леонова в Тбилиси в 1934 году, но он прекрасно знал писателей, организовавших ту поездку в Кахетию, в Цинандали. Как и Леонов, он был близок с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили. Вспоминая их, Абашидзе рассказал о гибели замечательных поэтов. В числе других членов правления СП Грузии Ираклий Виссарионович сидел в кабинете Паоло Яшвили, когда тот застрелился из ружья на чердаке Дома писателей. Причина была в том, что Паоло в 1937 году вызывали в НКВД и принуждали написать донос на лучшего друга — Тициана Табидзе. После смерти Паоло Тициана Табидзе вызвали туда же и тоже принуждали написать донос... на Паоло Яшвили, будто он являлся английским шпионом. Тициан категорически отказался. Спустя полтора месяца он был арестован и расстрелян.

— О дружбе Леонида Леонова и Тициана Табидзе вам лучше всех расскажет дочь поэта, — сказал Ираклий Абашидзе. — Я сейчас ей позвоню.

Танит Тициановна Табидзе встретила меня в музее отца (ул. Грибоедова, 18) радушно, как старого знакомого. За чаем, когда я рассказал ей о цели моего приезда в Грузию, она показала в своем «литературном» альбоме запись Л. М. Леонова, относящуюся ко времени его пребывания в Грузии осенью 1934 года:

«Живите, Нита, весело. Слушайтесь папу и маму и никогда не пишите романов на высокохудожественные темы. В этом благословенном климате и при таком исключительном топливе, как цинандали, например, проживете тысячу лет.

Леонид Леонов

3 октября 1934
Москва»

К этому же времени относится и другой автограф: «Милой Ните, талантливому произведению Тициана, на добрую память. Бруно Ясенский, Тифлис 5.X.34».

Чуть позже свои автографы в альбоме оставили Николай Тихонов (16.X.1934) и Сергей Городецкий (24.X.1934). Альбом этот уникальный. В нем автографы Андрея Белого, Георгия Чулкова, Константина Федина, Анны Ахматовой (26.II.1934), Мариэтты Шагинян (I.IX.1934) и др.

Когда Танит Тициановна показывала музей Тициана Табидзе, она обратила мое внимание на перепечатанные из газеты «Заря Востока» слова Л. М. Леонова:

«Так уж получилось, что у многих русских писателей какая-то страница в их творчестве была тесно связана с Кавказом. И я не избегнул этой приятной участи, чему обязан, прежде всего, моим грузинским друзьям и в первую очередь покойному Тициану Табидзе, блистательному грузинскому поэту и милому человеку...

Когда я думаю о Грузии, я представляю прежде всего их, Тициана и Паоло. Они были разные. Паоло — сдержанный, с твердым характером, Тициан — жаркий, душевный, открытый. Оба они как бы дополняли друг друга. Что было свойственно им обоим — это напористость, необычайно глубокая, проникновенная любовь к поэзии. Оба были прекрасными людьми, и народ Грузии, по моему разумению, может по справедливости считать их поистине глубокими выразителями своих лучших национальных качеств» *.

Рассказывая об отце с матерью, об их дружбе с четой Леоновых, Танит Тициановна достала все семейные реликвии — пись-

* Газета «Заря Востока», 1968, 9 июня.

ма, телеграммы, фотографии, рукопись воспоминаний матери — Н. А. Табидзе, из которой я многое узнал о Леониде Леонове и Тициане Табидзе.

В 1934 году в газете «Известия» были напечатаны два стихотворения Тициана Табидзе «Не я пишу стихи» и «Иду со стороны Черкесской» в переводе Б. Л. Пастернака. В то время Табидзе был в Москве. Встретив его в Союзе писателей, Леонов поздравил Тициана с публикацией и пригласил к себе в гости. Тот вечер остался надолго в памяти. Леонов был весел и остроумен. Он талантливо рассказал «в лицах» смешную историю. Однажды, стоя на трамвайной остановке, Леонов увидел, как ему показалось, знакомого банщика — толстого, с моржовыми усами.

— Что-то вас давно не видать в Сандунах, — сказал ему Леонов.

— Где-где? — удивился усатый. Последовало объяснение, и оба от души посмеялись. Со временем это знакомство с А. С. Новиковым-Прибоем переросло в дружбу.

— А вы знаете, кстати, что у Леонида Максимовича есть самиздатовская книга «Баня», которую он начал еще в 1920-х годах, — сказала Танит Тициановна. — Это энциклопедия по части банного искусства, причем в единственном экземпляре. Кто только не рисовал или не вписал своего эссе в леоновскую «Баню» — Горький, Кардовский, Шостакович, Пикассо, Мао Дунь. Есть там автографы и грузинских друзей Леонида Максимовича.

Танит Тициановна рассказала, что в тот памятный для нее приезд с родителями в Москву зимой—весной 1934 года магазин «Книжная лавка писателей» устроил банкет. Леонов пригласил на него Тициана и Нину Александровну Табидзе. По окончании банкета писателям были розданы подарки — антикварные книги. Тициану Табидзе достался один из двенадцати отпечатанных на ватманской бумаге экземпляров книги «Пушкинский музей Императорского Александровского лицея 1879—1899 (Описание Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. Составили воспитанники I класса IV курса С. М. Аспаш и А. Н. Яхонтов под редакцией заведующего Пушкинским музеем И. А. Шляпкина)».

Танит Тициановна достала из шкафа подаренную ее отцу книгу в красной муаровой обложке. Редко мне приходилось держать в руках столь драгоценное издание. В самом конце книги был наклеен экслибрис «Книжной лавки писателей», и на нем поставлена дата — 13.III.1934.

После Первого Всесоюзного съезда советских писателей Леонид Леонов с женой Татьяной Михайловной и Бруно Ясенский с Анной Абрамовной Березень по приглашению своих новых грузинских друзей приехали в Грузию. Им была предоставлена возможность побывать в Цинандали в имении тестя А. С. Грибоедова — поэта и общественного деятеля генерал-лейтенанта А. Г. Чавчавадзе.

Александр Чавчавадзе (1786—1846) родился в Санкт-Петербурге в семье Гарсевана Чавчавадзе, который подписал в 1783 году Георгиевский трактат о переходе Грузии под покровительство России и после того стал грузинским послом при русском дворе. Крестила Александра Чавчавадзе сама Екатерина II, желая этим подчеркнуть особое внимание России к Грузии.

Место для отдыха и работы своих московских друзей грузины

выбрали как нельзя лучше, ибо сами до этого побывали в Цинандали. Об этом свидетельствует давняя запись в книге почетных гостей музея А. Г. Чавчавадзе, сделанная в духе того времени:

«Два дня были в народном имении «Цинандали». Все, что мы видели с помощью тов. Сандро Челидзе, вызывает у нас восхищение. Цинандали — это арсенал нашего хозяйства, направленный против нищеты народов. Оставляем имение, но у нас будет желание снова возвратиться сюда.

1929 г. 7 апреля.

Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Шалва Апхаидзе, Георгий Леонидзе».

Спустя пять лет по маршруту, предложенному Тицианом Табидзе — через перевал перед Телави, — супруги Леоновы приехали в Цинандали на том самом автомобиле, о котором автор «Evgenia Ivanovna» со свойственным ему юмором написал: «Время и, возможно, неоднократные падения с горных вершин превратили его из хрупкого заграничного бьюика в закаленный невзгодами отечественный **б и у к**. Передвижение с его помощью пугало новичков, но едва убеждались, что возврата нет, тотчас открывались и привлекательные стороны путешествия на нем, как во всяком головоломном предприятии». Вместе с москвичами в Цинандали отдыхал поэт и драматург Сандро Шанишашвили, а позже к ним присоединился Н. С. Тихонов с супругой. 26—27 сентября 1934 года Леонов вместе с другими писателями присутствовал в Алаверди на престольном празднике Воздвижения креста Господня, который продолжался с вечера и до утра. Служба и крестины в Алавердинском соборе, ночные костры и факелы, нескончаемый гомон и скрип колес, песни и тосты Алавердобы, как называют в народе местный праздник, — из всего этого и раздумий от прежних поездок Леонова в Грузию зримо стали вырисовываться контуры будущей повести.

Когда супруги Леоновы возвратились в Тбилиси, Тициан Табидзе повел их в духан «Симпатия», хозяином которого был его приятель — гостеприимный Аветик. В духане обычно собирались поэты, художники, артисты, среди оркестрантов славился знаменитый на весь Тбилиси зурнач-волшебник. Стены и потолки «Симпатии» были расписаны безвестным почитателем Пиросмани. Он украсил духан «способом задушевной искренности» портретами великих — от Александра Македонского и Наполеона до Максима Горького включительно. В толчее и гвалте завсегдатаев духана Леонову бросился в глаза человек с офицерской выправкой, в крагах, сидевший напротив их столика. Когда Нина Табидзе спросила Леонова, почему он так внимательно разглядывает своего визави, то он ответил, что сделает этого бывшего офицера героем повести — Стратоновым.

Узнав у старожилов, где находился ранее духан, я под вечер отправился туда. Разыскать его оказалось не так-то просто, ибо мало кто теперь уже помнит «Симпатию». На Пушкинской улице, дом 15, я зашел в подвал и попал в цветочный магазин, изготавливавший букеты для поминовения усопших. Ничто не напоминает ныне, что здесь «роился» когда-то весь артистический Тбилиси. Кто только не побывал в «Симпатии» — Илья Чавчавадзе и Горький, Захарий Палиашвили и Маяковский, Табидзе и Лео-

нов... Тициан Табидзе приходил сюда непременно с красной гвоздикой в петлице, которую он покупал, выходя из дома, в цветочном магазине «Солейдор». Магазин этот (проспект Руставели, 14) принадлежал в свое время замечательному цветоводу Михаилу Александровичу Мамулашвили. Зная леоновское увлечение цветами, разве мог Табидзе не познакомить Леонова с Мамулашвили? Конечно, Табидзе привел Леонова сюда, цветоводы познакомились. Об этом я узнал из письма Л. М. Леонова к своим грузинским друзьям, которое, как и всю переписку, любезно разрешила мне опубликовать Танит Тициановна.

«Дорогие Нина Александровна и Тициан!

Письмо это, обещанное месяц назад, написалось только теперь... Надо сказать, что я не особенно заметил, как прошло это время. Мне кажется, что я вернулся из Грузии только вчера, и первая моя обязанность — отблагодарить милых Табидзе за исключительное отношение к чете Леоновых. Я это и делаю сейчас, мысленно обнимаю Вас обоих. Не сердитесь на меня за молчание, в периоды работы я обычно совсем выключаюсь из жизни... Сейчас я ездил за город, смотрел, как выглядит снег. Выглядит он хорошо. И мне все стало нравиться, и я вспомнил старые связи свои.

Между прочим, Вы, кажется, собирались побывать в Москве. Что заставило Вас отказаться от этого мудрого плана? Было бы отлично встретиться нам здесь, и посидеть, и обняться за бутылкой вина?! Решайте это дело поскорее, а? Теперь идет страшный секрет к Нине Александровне. Тициан, заткни уши и отвернись. Очень прошу ее при случае побывать у того садовода, где мы были вместе (в Тифлисе). Я не помню его фамилии. У него полон сад... Я хотел бы купить у него кое-что. Чертежи того, что мне хотелось бы иметь, — прилагаю. Узнайте, пожалуйста, цену, и если только он не запросит с меня миллионов, сговоритесь с ним, как он может послать их мне. Хорошо бы получить их скорее, а цену не откажите сообщить мне хоти бы открыткой. Так мне хочется их иметь, что я даже допускаю бестактность просить Вас посетить сего волшебного садовода.

Не ругайте меня за плохой стиль. Я, видимо, сегодня не в ударе.

Крепко жму руку вам обоим

Ваш Леонид Леонов

22 январи 1935, Москва».

Рассказывая о Леонове, Танит Тициановна особо отметила, что после ареста ее отца Леонид Максимович не прекратил отношения с семьей опального поэта, хотя для самого писателя это было в те годы вовсе не безопасно. В 1940 году, после постановки пьесы «Метель» в Днепропетровском русском драматическом театре СНК СССР на одном из своих заседаний принял постановление о пьесе Леонида Леонова как «злостно клеветнической и контрреволюционной». Над Леоновым нависла реальная угроза ареста, и он обратился с личным письмом к Сталину, где просил не распространять вины на театр, передоверившийся автору, и взыскивать с него одного. Ареста не последовало. В середине декабри 1940 года Леонов уехал в командировку в Среднюю Азию. В канун нового, 1941 года Н. А. Табидзе получила из Сталинабада телеграмму: «Сердечно поздравляем с Новым годом. Леонов». Эта короткая весточка свидетельствовала, что ее отправитель верен старой дружбе. Не забывал Леонов семью погибшего друга и в последующие годы. Когда Нина Табидзе приезжала в Москву, Леоновы всегда приглашали ее к себе, окружали теплом и вниманием. В один из таких приездов Леонов подарил своей гостье роман «Русский лес» (издательство «Молодая гвардия», 1955) с автографом: «Нине Александровне Табидзе на добрую память в знак старой дружбы от автора. 17 марта. 1956».

После смерти в 1965 году Н. А. Табидзе ее архив, в котором хранится двенадцать телеграмм и пять писем Л. М. и Т. М. Леоновых (два из которых написаны лично Леонидом Максимовичем), был передан в Музей дружбы народов Грузинской ССР. Эти материалы ни разу не публиковались, хотя имеют несомненный интерес. Одно письмо, сугубо семейное, из трех, написанных Т. М. Леоновой, я опускаю, а два привожу с сокращениями в порядке поступления их адресату.

«Тбилиси, Грибоедова, 18, Н. А. Табидзе.

Дорогая Нина Александровна!

У нас это лето очень грустное: Леонид Максимович хворает, лежит в больнице уже две недели. У него открылась язва желудка, почти на том же месте, что и три года назад. Очень мучился последнее время, ничего не мог есть. Сейчас он чувствует себя немного лучше, но, вероятно, придется ему пролежать в больнице все лето. Последние три с половиной года он работал над романом *, очень напряженно работал, страшно устал. Роман закончил, но не успел его отредактировать.

Дорогая Нина Александровна, извините, что я доставляю Вам хлопоты! Если увидите Наташу, пожалуйста, скажите ей, чтобы почаще посылала мне телеграммы! Передайте сердечный привет Ефемии Александровне ** и Марике» ***.

...Крепко, крепко Вас целую, моя дорогая, и желаю всего, всего самого лучшего. Привет всему Вашему семейству.

Ваша Т. Леонова

14 июня 1953».

Спустя три года, когда Л. М. Леонов напряженно работал уже над новым романом, который только сейчас начал публиковать, у него случился паралич лицевого нерва. Он попал в больницу. К этому времени и относится письмо Т. М. Леоновой.

«Тбилиси, ул. Гогебашвили, 43, Н. А. Табидзе

Дорогая Нина Александровна!

...У нас дела обстоят неважно: Леонид Максимович все еще не поправился, и его, по-видимому, так и выпишут из больницы! Он слышал недавно, будто существует какое-то народное средство от этой болезни, рецепт вычитал в старинной грузинской книге... Болезнь его называется в этой книге пиленджис кари — злой ветер, и для лечения нужно натираться лекарством, сделанным из

* Роман «Русский лес».
** Жена Георгия Леонидзе.
*** Жена Симона Чиковани.

тертого мускатного ореха и масличного масла. И вот у нас к Вам, дорогая Нина Александровна, огромная просьба: не узнаете ли Вы, нельзя ли в Тбилиси достать немного этого ореха (джавзи. мускатный орех) и масличного масла (зейтунис зети)? Не продаются ли они в Тбилиси на рынке или в магазинах? В Москве их нет, я всюду справлялась.

Извините, дорогая, что мы обращаемся к Вам с такой просьбой, но Леонид Максимович очень верит в народную медицину, и так хочется ему помочь, испытать все средства!

Крепко Вас целую, моя дорогая.

Леонид Максимович и девочки шлют привет.

Будьте здоровы!

Ваша Т. Леонова

21 мая 1956».

Публикация писем Л. М. Леонова представляет определенную трудность, ибо если они не напечатаны на машинке, то написаны «микробным почерком», за который автору пенял еще Горький. В нашем случае задача была облегчена тем, что оба письма напечатаны на машинке и лишь в самом конце были сделаны легко разобранные мною приписки «микробным почерком».

«Дорогая Нина Александровна, я ездил в Югославию * смотреть постановку на белградской сцене драматического сочинения одного известного Вам престарелого уже автора, заслуженного ветерана литературного труда (не будем называть его имя), а по возвращении с премьеры в Москву заболел так называемым гриппом. Этим только и нужно объяснить, что я не послал Вам поздравительной новогодней телеграммы. Я был убежден, что известный Вам Николай Стор ** передаст, как от моего имени, так и от имени Татьяны Михайловны самые добрые пожелания к наступившему уже Новому году.

Даю Вам честное слово, что самой большой радостью для меня в настоящем году явился рассказ Николая Павловича о том, как хорошо Вы выглядите, какая Вы добрая и жизнерадостная, а также Ваш рассказ о значительном улучшении здоровья дорогой Марики Чиковани. Дай Бог, чтобы это закрепилось навсегда и чтобы в дальнейшем ничто не напоминало Вам о недуге.

Обнимаю Вас и крепко жму руку.

Ваш Леонид Леонов

5 января 1965».

Второе письмо Л. М. Леонова относится ко времени, когда вышла в свет отдельным изданием повесть «Evgenia Ivanovna». Автор подарил повесть Н. А. Табидзе, а она, в свою очередь, прислала ему книгу стихов Тициана Табидзе, хранящуюся ныне в библиотеке Леонова с пометками писателя на полях.

«Дорогая Нина Александровна, сердечно благодарю Вас за присланную книгу стихов дорогого Тициана, — время от времени буду обращаться к ней, чтобы еще и еще раз обновить в памяти ее содержание.

Доходят до нас огорчительные вести о Вашей болезни. Милая

* Поездка Л. М. Леонова в декабре 1964 года в связи с премьерой «Метели» в Белграде.

** Н. П. Стор (Стороженко) — литературный секретарь Л. М. Леонова.

Нина Александровна, я и присутствующая при этом жена моя Татьяна Михайловна убедительно просим Вас не болеть в этом году, и, как прежде, приезжайте повидаться к нам в Переделкино! Правду сказать, мы тоже понемногу побаливаем по причине погоды, окружающей действительности, а вернее всего, возраста.

Обнимаем Вас крепко, низкий поклон друзьям,

Леонид Леонов

17 февраля 1965».

Закончив знакомиться с архивом Н. А. Табидзе, я спросил у научных сотрудников Музея дружбы народов Грузинской ССР, нет ли у них еще каких-либо материалов, относящихся к Л. М. Леонову. Вначале мне была предоставлена телеграмма, отправленная из Москвы в январе 1945 года в адрес Союза писателей. Симону Чиковани: «Поздравляем обнимаем лобзаем угрожаем нашествием на Вас весною текущего года привет Леонидзе и всем кто нас помнит Леонид Леонов».

Нашествие, о котором Леонов упомянул в телеграмме, имело явно двоякий смысл. В Министерстве культуры, куда я позвонил, мне сообщили, что в 1945 году в Тбилиси шла пьеса Леонова «Нашествие», но приезжал ли автор на премьеру, неизвестно.

Кроме телеграммы, в личном фонде С. И. Чиковани по моей настоятельной просьбе «обнаружили» еще два письма Л. М. Леонова. Первое касалось повести «Evgenia Ivanovna»:

«Дорогой Симон,
повесть, которую просит у меня журнал М н а т о б и, до сих пор еще не закончена целиком, и, главное, нет времени пока за нее приняться в полную силу. Видимо, придется выждать еще некоторое время.

Обнимаю тебя и желаю доброго здоровья всему твоему семейству.

Твой
Леонид Леонов

22 июня 1955».

Второе письмо, написанное «микробным почерком», оказалось «нерасшифрованным». Конечно, адресату его смысл был ясен, а вот научные сотрудники смогли прочитать только после того, как все вместе мы изрядно потрудились. Зато теперь это письмо, имеющее принципиальный характер, можно опубликовать полностью.

«Дорогой и обожаемый Симон!

«Я получил твое приглашение написать заметку об Илье Чавчавадзе, но не серчай на меня, пожалуйста! Это единственный жанр в литературе (кроме еще — доноса!), в котором я не силен и, как ты знаешь, никогда не выступал.

Я тебя сердечно обнимаю, как и всю твою милую семью. Марике привет особый!

Супружница моя кланяется.

Твой Леонид Леонов

14 августа 1957,

Два месяца провалялся с обострением язвы, теперь снова блистаю отменной мужской красотой.
Привет Леонидзе!»

В связи с тем, что письмо Леонова дало им повод, сотрудники Музея дружбы народов Грузинской ССР с гордостью сообщили мне, что не так давно И. Г. Чавчавадзе (1837—1907) был канонизирован Грузинской Церковью и причислен к лику святых. В XX веке это, пожалуй, первый случай канонизации писателя. Можно без риска предположить, что и среди русских писателей (XIX—XX веков) есть достойные канонизации, только когда это произойдет и кто сподобится этой великой чести?

Позвонив Т. Т. Табидзе и еще раз поблагодарив за возможность ознакомиться с их семейным архивом, я попросил Танит Тициановну посоветовать, что еще посмотреть мне в Тбилиси, прежде чем ехать в Цинандали и в Алаверди.

— В Историческом музее обязательно побывайте, ознакомьтесь с этнографической коллекцией, — посоветовала Танит Тициановна, — Леонов там все экспонаты осмотрел, даже рисунки делал с основных типов мужской и женской одежды жителей Алазанской долины. Два леоновских рисунка женских головных уборов чихта-копи у нас в семейном архиве хранились.

— А где они сейчас? — спросил я.

— Пропали со всеми другими документами, которые забрали при обыске, когда отца арестовали. Так скрупулезно, как Леонов работал в музее, — добавила Танит Тициановна, — сейчас из писателей никто не работает. Вы внимательно почитайте его повесть, и поймете, что я права.

— Я уже знакомился с республиканской этнографической коллекцией, — ответил я. — Вместо путеводителя раскрыл повесть Леонова и отыскал в экспозиции все музыкальные инструменты, упомянутые там — чонгури, дайру, тари.

— Молодец, генацвале, — похвалила Танит Тициановна. — Теперь в Сиони надо сходить, поставить свечу святой Нине, просветительнице Грузии. Мой папа выучился на деньги приходского священника и об этом всю жизнь помнил. Мы с папой Леонова в Сиони вместе водили, а потом — на гору Мтацминда...

Я так и сделал, сходил в Сиони, поставил свечу святой Нине, помянул своих родителей и друзей Леонова — Нину и Тициана Табидзе. Слушая всенощную, я еще раз восхитился божественными грузинскими церковными песнями. Что меня удивило в кафедральном соборе Грузии, так это то, что внутри храма древние стены расписаны современными художниками в стиле, близком к урбанистам середины нашего века. У нас такого увидеть нельзя. Да и вообще, как потом я убедился, в грузинских храмах и монастырях нет той строгости в обрядах и правилах, как это принято на Руси. Подтверждение этому я нашел и в повести Леонова, в том месте, где он описывает сцену крестин в Алавердинском соборе: «Древний, с фрески сошедший старик в засаленной епитрахили известкого цвета скороговоркой тянул молитву, византийский лучник из купола гулко подтягивал ему вместо притча. Многолюдная горская родня толпилась вкруг купели в кольце оплывающих свечей. Две другие семьи с иной неотложной надобностью и тоже чуть ли не с прадедами во главе дожидались очереди на ступеньках алтаря». Дожидаться очереди, сидя в соборе на ступеньках алтаря, — у нас бы считалось это недопустимой вольностью. В Грузии церковь менее канонична. В повести Леонов, как художник, не мог не воспользоваться сценкой, увиденной в жизни, когда священник после крестин крестьянскую плату за требу — кур, связанных за ноги, «потащил в алтарь».

Молодежь, как я заметил в Грузии, составляет основную массу прихожан. Однако ни у кого в глазах я не увидел религиозного фанатизма. Посещение церкви для большинства из них — это традиция, которая дает возможность почувствовать каждому сопричастность с делами предков, свою ответственность за Отечество перед будущим.

Из Сиони я направился к горе Мтацминда, в грузинский Пантеон. Поклонившись выдающимся людям Грузии, я не забыл положить свои скромные цветы А. С. Грибоедову и его жене, начертавшей на могильном камне мужа: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской». Вспомнились благодарственные слова Леонова, сказанные в докладе по случаю 150-летия юбилея А. С. Грибоедова: «Спасибо Грузии, спасибо Нине за нашего Грибоедова. Отсюда пошла старинная кровная связь культур грузинской и русской!»

IV

«Их привезли в Цинандали поздно ночью. Впереди за деревьями мерцала непонятная стена. Машина потявкала во тьму, приседая на задние колеса. Пока Стратонов раскуривал трубку, Евгения Ивановна оглянулась на мужа. Англичанин дремал, отвалясь на спинку сиденья...» Когда я читаю повесть Леонова, меня не покидает ощущение, что это большая панорамная гравюра, в центре которой библейская притча. Она вырезана на хорошо полированной медной доске, где отчетливо видно каждое касание острого штихеля. Дочиста выбрав лишнее, мастер филигранно отделал все детали. На эту работу ушло более четверти века. Татьяна Михайловна Леонова, которой посвящена повесть, рассказывала мне, что если бы она не настояла на выходе книги в свет, то автор продолжал бы еще работать, ибо это его малый шедевр.

Сойдя с автобуса в Цинандали, я решил прежде всего побывать в часовне, что в старом парке, на обрыве плато. «Тут в зарослях находится одна из интимнейших наших литературных святынь...» О ней Леонов упоминает в первой же главе повести и как бы делает эту часовню одним из композиционных узлов создаваемой «гравюры». Обрисовав сюжет в общих чертах, автор снова возвращает своих героев к часовне: «Стало понятно, что им уже не удастся расстаться без какой-то заключительно трагической концовки. С минуту трое шли молча, как бы отдавая дань дикому очарованию природы. Так, незаметно, они очутились близ того места, откуда начинали осмотр. Трудно было придумать уголок укромнее для какой-нибудь загадочной поэтической тайны... По преданию, в этом месте русский поэт Грибоедов обручился со

своей невестой. Она была из рода Чавчавадзе, ее звали Нина, ей было тогда пятнадцать лет».

Кто знает, быть может, на кольцах супругов Грибоедовых с внутренней стороны, как и у супругов Стратоновых, тоже были выгравированы имена. Во всяком случае, у Стратонова, вложившего золотое колечко со своим именем «в горячую полудетскую ладонь» Жени, страницы книги любви были девственно чисты. Текст в той книге пишут люди, ставшие «одной плотью».

Итак, было две мечты. Мечта Грибоедова и Нины, и мечта Стратонова и Жени. Свою мечту Стратонов, как он сам признался, предал и потому расплата его неминуема. «...что Бог сочетал, — читаем мы в Евангелии от Матфея, — того человек не разлучает... Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещает слово сие, но кому дано...».

А что же сталось с мечтой Грибоедова и Нины? Он погиб, а она так и не вышла замуж. «Незабвенному — его Нина», — напишет она в своей эпитафии мужу. «Ее детская любовь была самым дорогим венком в его прижизненной неполной славе», — скажет Леонов в 1945 году в докладе об А. С. Грибоедове, когда в суровые дни войны работа над «Evgenia Ivanovna» грела ему душу. Говоря тогда об авторе «Горе от ума», Леонов справедливо заметил: «Живи он сотню лет, он написал бы лишь улучшенную редакцию «Г О Р Я...» И в этом ничего нет обидного для Гения, ибо так любить свое творение, как Грибоедов, можно лишь один раз в жизни». С полным правом это можно сказать и о леоновской повести. Второй такой «Evgenia Ivanovna» у автора быть не могло, ибо он, как и Грибоедов, — однолюб, человек, «горевший в одно пламя...».

Можно не сомневаться, что за долгие годы работы, эскизов и набросков к панорамной «гравюре» на фоне Алазанской долины у Леонова накопилось предостаточно. Мастер сделал самый строгий отбор, чтобы изобразительный материал работал больше всего на раскрытие характера героев.

Только духовный скопец мог так низко пасть, как Стратонов. Зная все наперед, он специально привел и показал супругам Пикеринг «грот любви»: «С видом скорбного свидетельства гид отошел в сторону, и гости замерли на пороге с протяжными, слившимися воедино возгласами гнева и изумления. Пол беседки был равномерно загажен до последнего сантиметра. даже в углах, что наводило на размышления о постоянстве людских привычек. Вязь из сомнительных рисунков и надписей на двух языках покрывала известковые стены, помнившие девический лепет Нины».

С тех давних пор прошло достаточно времени, и к двум освоенным языкам прибавился третий, на котором говорил мистер Пикеринг. Так что «культура» у нас явно не стоит на месте. Об этом свидетельствуют современные «комиксы» и хлесткие подписи на зарубежном диалекте, перемежаемом родимым наречием. Кто знает, может, авторов учил языку престарелый Стратонов. В старинных гравюрах нередко можно видеть знак зодиака. Помещенный где-нибудь в углу, он является иносказательной характеристикой героя или события. В «гравюре» Леонова тоже есть такой знак — символ самоуничтожающей себя мести. Стратонов, уезжая, захотел захватить на память об Алазанской ночи сувенир: «Камень легко вынулся из неглубокого, источенного хо-

дами ложа. Черное существо шевельнулось на дне ямки, подняло зловещий крючок». То был скорпион.

Зато с какой любовью и теплотой рисует Леонов простых людей, виноделов-телианцев, сопровождавших супругов Пикеринг на праздник в Алаверди.

«— Прошу любить эту землю, нашу щедрую старую мать! Кахетия ваша́ да живет вечно! — возгласил толстый телианец и, поцеловав пальцы, благоговейно коснулся ими летучего праха под ногами».

Собственно, не только телианец, но и сам автор, родом москвич, в своей повести благоговейно коснулся пальцами летучего праха под ногами. Какую бы страницу повести ни читать, повсюду рассыпано чистое серебро и золото авторских находок... «В похолодавшем воздухе дохнуло кизячным дымком, и обреченный барашек стал проявлять понятное беспокойство; тощий телианец, привстав, коснулся его рукой, как бы приглашая к мудрости... Вдруг из-за оливковой рощи вымахнул строгий куб Алавердинского храма с охваченной закатом шатровой кровлей».

Увы, той оливковой рощи уже нет. Ее вырубили якобы за нерентабельностью. А вот Алавердинский храм, слава Богу, стоит незыблемо.

— Ежегодно осенью сюда на Алавердобу съезжается вся Алазанская долина, — рассказал мне приходский священник Цхалоба, с которым я познакомился во дворе Алавердинского храма. — Пойдемте, я покажу крещальню, где писатель Леонид Леонов присутствовал на обряде.

Дружелюбный и приветливый мой чичероне оказался выпускником Московской Духовной академии. Нашлись у нас и общие знакомые — монахи Троице-Сергиевой лавры о. Алексей (Поликарпов) и игумен Андроник, внук о. Павла Флоренского.

Мы молча вступили в храм, там было пусто. В боковую дверь вошел рабочий без майки, подпоясанный вместо ремня обрывком кабеля. На тачке он вез плиты нового пола.

— Ремонт производим, — пояснил о. Цхалоба. — Восстановим все как было, и фрески тоже. Вот здесь была старая крещальня, — показал мне о. Цхалоба. — А вон и нога того византийского лучника, который у Леонова в повести «гулко подтягивал» священнику вместо причта.

— Полтора тысячелетия храм стоял целехонький, а за полста лет только что и осталась от воина Дмитрия Солунского одна-единственная нога, — погоревал я.

— А что сделаешь? По грехам нашим, — смиренно заметил священник. — Ибо не ведаем бо, что творим. Слов нет, — продолжал о. Цхалоба, — раньше наш собор был в числе самых богатых во всей Грузии. Местночтимая икона «Воздвиженья креста Господня» в серебряном окладе почиталась как чудотворная. Гид Стратонов у Леонова в повести еще застал ее, наверное.

— А где она? Экспроприировали?

О. Цхалоба развел руками. Сан священника не позволял ему вступать в полемику о превратностях атеистической «пропаганды действием». Хотя, и думаю, ему было что рассказать по этому поводу.

— «Вследствие усиленной антирелигиозной работы... порою с привлечением не одних только просветительных мероприятий!.. удается направить религиозный фанатизм местного населения в

русло обычного крестьянского праздника», — судя по реплике Стратонова в повести Леонова, он скорее констатирует положение вещей, нежели протестует против нарушения свободы совести, ибо ему это глубоко безразлично.

— По-моему, — сказал я о. Цхалобе, — Стратонов не атеист, но и не верующий. Просто у него мертвая душа. Леонов на примере своего антигероя проследил генезис нигилизма как явления. В конце XIX века суть нигилиста Ставрогина гениально «высветил» Достоевский. Спустя полстолетия, уже в пореволюционную пору, нигилист стал другим — Гогой Стратоновым. От Николая Ставрогина он отличается многим. Ставрогин никогда бы не смог привести джентльмена с супругою в загаженную часовню. По-другому Ставрогин реагировал бы и на пощечину женщины.

— Разрушенный храм, будь он каменный или деревянный, восстановить можно, а вот разрушенный храм в душе человека восстановить уже никак невозможно, — заметил о. Цхалоба. — Я так думаю, — продолжал священник, — что писатель Леонов Нагорную проповедь Христа глубоко прочувствовал, постигая ее сердцем.

— Что вы имеете в виду?

— «Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне», — процитировал о. Цхалоба Евангелие от Луки и продолжал: — В отличие от Леонова многие писатели «строят» вовсе без фундамента, на песке.

— Полностью солидарен с вами, — сказал я о. Цхалобе, — Леонов отличается от строящих на песке тем, что изначально в своем творчестве «положил основание на камне». Именно этим и объясняется появление в последнем его романе профессора Сатаницкого. Апофеоз нигилизма... Ставрогин, Стратонов, Сатаницкий... А дальше?

— А дальше читайте не беллетристику, а последнюю, 27-ю книгу новозаветных Писаний, — подытожил выпускник Московской Духовной академии. — Апокалипсис...

Мы тепло попрощались с о. Цхалобой. Ему надо было идти готовиться к службе, а я на рейсовом автобусе хотел доехать до поворота, ведущего в Икалтовскую академию, где учился когда-то Шота Руставели и куда заезжал поклониться памяти поэта Леонид Леонов. До прихода автобуса у меня еще было достаточно времени, и я решил отснять Алавердинский храм от Алазани. Идя к реке, окинул взором всю окружающую местность и представил себе, как неумолчно гудит здесь осенняя ярмарка — Алавердоба. А вот и старое тутовое дерево на краю кукурузного поля. Кто знает, может, под ним разбили свой бивак в тот приезд Стратонов и супруги Пикеринги: «Разминаясь и утрачивая нить беседы, все вышли на вытоптанное кукурузное поле. Где-то рядом, в сумерках вблизи шумел ярмарочный табор, как бы орда в походе. Топкая пыль висела в воздухе, похрустывала на зубах».

V

11 октября 1989 г.

В издательстве «Патриот» со мной заключили договор на составление книги «Сергий Радонежский», которая должна выйти в 1992 году к шестисотлетию со дня кончины великого подвижника России, вдохновителя и организатора Куликовской битвы. Игумен Троицкого монастыря Сергий Радонежский был духовным наставником великого московского князя Дмитрия, сына Ивана II. Мудрый старец имел редкостный дар, так нужный в наше время, — в тихой неспешной беседе он мог помирить самых строптивых забияк и спорщиков. Загодя до рокового срока он обошел всю Центральную Русь и заручился поддержкой князей на битву своего духовного сына с ненавистными завоевателями. Авторитет Сергия был необычайно велик. Будучи в Нижнем Новгороде и получив от князя отказ участвовать в будущей битве с ордынцами, преподобный приказал закрыть все церкви в городе. Утром горожане пришли помолиться и, узнав о решении князя, с негодованием направились к его резиденции. Испугавшись, князь уступил настоянию Сергия.

Первый, к кому я обратился с просьбой написать о Сергии Радонежском, был Л. М. Леонов. Леонид Максимович оставил все свои дела и написал краткое, емкое по мысли слово, которым и решено открыть книгу:

«П а м я т и С в. С е р г и я

С давних времен столбовая дорога паломников из Кремля в Троице-Сергиев монастырь пролегала по бывшей улице Ильинке сквозь ворота не существующей ныне китайгородской стены. Здесь впритык к ней раньше стояла белокаменная часовенка Сергия Радонежского, которую в пору начавшегося погрома святынь и заодно с другими покрупнее смахнули на свалку лихолетья. Меж тем, сюда, до революции, нескончаемо с утра и дотемна притекала торговая, мастеровая, служилая и прочая Москва помолиться преподобному, а в начале учебного года родители приходили со своими ребятами, чтобы он, всепочитаемый покровитель учености, благословил их приобщиться к знанию от начальной грамоты до высших наук для преуспеянья в избранном ремесле.

Отчетливо помню, как покойная мать привела нас с младшим братиком отстоять обычаем положенный молебен, и затем приветливый старичок с большим крестом поверх епитрахили произнес над нами простое и ничем не смываемое из памяти напутствие о верности Богу, Народу, Отечеству. Также по гроб жизни не забуду скорбный эпизод, когда в трудных 20-х годах приехавшего в лавру на поклон хранившейся там рублевской Троице, тогдашний завмузеем, несчастный Олсуфьев, молча повел меня в смежный, помнится — двумя ступеньками ниже, придел показать лежавшие на лиловато-выцветшем атласе нагие кости, и, содрогнувшись, я без подсказки понял — чьи. То были на публичное обозрение выставленные земные останки легендарного первоигумена, вдохновившего Русь на освободительную, от затяжного ордынского ига, Куликовскую победу. Она-то и придала светлому имени его навеки парольное звучание нашего национального единства, согласия и, значит, надежды.

Все мы, нынешнее его духовное потомство, благоговейно склоняем голову сегодня, в шестисотый год со дня кончины великого старца.

Леонид ЛЕОНОВ

8 октября 1989 года».

VI

27 ноября 1989, понедельник

Вернулся из шестидневной поездки по леоновским местам по маршруту: Москва — Вологда — п. Вохтога (производственное лесозаготовительное объединение «Монзалес») — Вологда — Кириллов — Ферапонтово — Горицы — Череповец — Москва.

Начав в конце 1949 года работать над романом «Русский лес», Л. М. Леонов зимой 1950 года побывал в Монзенском леспромхозе, что в нескольких километрах от бывшего районного центра — поселка Сидорово Вологодской области.

Собираясь в свое новое путешествие по леоновским местам, я хотел побывать там в морозную снежную погоду. Именно в таких условиях добирался до реки Монзы в начале 1950 года и Л. М. Леонов, и, хотя мое путешествие проходило двумя месяцами раньше, снега в лесу было много, морозы были под —30°. Я ехал в Вохтогу, в окно поезда видел опустевшие деревни и села. Жизнь ушла из когда-то людных, насиженных мест.

Когда Л. М. Леонов приехал в леспромхоз «Монзалес», директором там был Н. М. Ансолович, работавший до того в Министерстве лесной промышленности СССР в Москве. Н. М. Ансолович, как соратник В. И. Ленина, получил в леспромхозе неограниченную власть. Когда ему предложили встать на партучет в Сидоровском райкоме партии, то он принял это как оскорбление и остался на партучете в Москве. По существу, он был для местных властей неподконтролен. Большую часть времени Ансолович проводил в Москве, а в леспромхозе появлялся наездами, чтобы продвигать фантастическую идею строительства огромного лесокомбината, включающего в себя спичечную, лыжную и мебельную фабрики. Ансолович привез с собой из Москвы целый штат сотрудников, секретарей, в том числе начальника ОРСА, который занимался преимущественно обустройством и питанием своего шефа. Дело в леспромхозе было поставлено на широкую ногу. Были завезены закупленные за рубежом машины и механизмы. Из Австрии привезли лошадей-тяжеловозов для вывозки леса. Словом, были истрачены миллионы, но дело кончилось полным крахом. Оказалось, что лесные запасы на Монзе истощены, так как Мосгортоп в течение долгих лет вел хищническую вырубку леса. Проект закрыли. Зато хорошо пожили прожектеры из Москвы. Про Ансоловича в ПЛО «Монзалес» до сих пор рассказывают анекдоты. Был он хоть и добрым человеком, но реальной жизни не знал. В Сидорове к Ансоловичу приставили следователя из МВД А. Н. Хмылева, в обязанности которого входила охрана Наума Марковича от возможных покушений заключенных, работавших на лесоповале. А. Н. Хмылев до сих пор живет в поселке Вохтога и охотно рассказывает о бывшем своем шефе. Ансолович внедрил в леспромхозе сталинскую систему работы по ночам. Утром он направлялся спать, а начальники лесопунктов и мастера после ночных совещаний шли в лес работать. Когда всем надоели ночные бдения у Ансоловича, кто-то растянул на дороге, по которой он ходил домой, проволоку. Идя зимним утром, Ансолович впотьмах споткнулся о проволоку, упал в канаву и с перепугу открыл беспорядочную стрельбу. По факту «покушения» было возбуждено уголовное дело, но злоумышленника не нашли.

Леонов оказался в Вохтоге не случайно.

В 1949 году в Министерстве лесной промышленности СССР ему порекомендовали для поездки леспромхоз и было названо как перспективное дело — «Монзалес».

П. И. Пулин, работавший во время приезда Леонова мастером леса Прудовицкого лесопункта, при встрече в Вохтоге рассказал мне о своем знакомстве с Леонидом Максимовичем. По словам Пулина, Леонов пробыл в Вохтоге 3—4 дня. У склада леса Леонид Максимович увидел красавицу сосну и спросил Пулина, выполнит ли он план, если не срубит ее. Пулин обещал сосну не рубить, и с тех пор до настоящего времени ее называют леоновской.

К концу пребывания Леонова в леспромхозе Ансолович пригласил его к себе в кабинет на оперативное совещание и стал настаивать, чтобы Леонид Максимович написал в газету о развертывании ими новой гигантской стройки, но Леонов отказался.

Из Вологды я поехал в Кириллов, где недавно открылась большая отчетная выставка Белозерско-Онежской экспедиции Института археологии АН СССР. С 1980 года руководит этой экспедицией кандидат наук Н. А. Макаров — внук Л. М. Леонова.

Вологодчина — родина религиозно-политического течения — нестяжательства, «заволжского старчества» (заволжскими старцы назывались оттого, что жили на севере, за Волгой). Нестяжатели проповедовали аскетизм, уход от мира, требовали отказа церкви от земельной собственности. Главным идеологом нестяжательства был Нил Сорский (около 1433—1508 гг.), развивавший идеи нравственного усовершенствования. Нила Сорского пустынь находится неподалеку от Ферапонтова и стоит на реке Сорке. В числе последователей Сорского были «заволжские старцы» из Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, из Кириллова и Ферапонтова, а также из Кирилло-Новоезерского монастырей.

Калина Глухов в романе «Русский лес» может быть отнесен к стихийным последователям Нила Сорского:

«— С мешком ходишь, кунцом будешь, в одиночку свой век проживешь: нужда-то роднит людей, а богатство их разъединяет! И захочется тебе в старости замок железный на весь свет навесить... а замок-то не вору страшен, он его с голодухи зубами сгрызет, а хозяину. Вот я тебе открою, а ты мое словечко береги! Как накопишь себе груду золота, ты от ей в одну темную ночку и утеки! Она тебя искать почнет, а ты затаись, пересиди под кусточком, не сказывайся. Пошумит, похнычет, пойдет других подлецов своей жизни искать...» *.

Традиция нравственного самоусовершенствования «заволжских старцев» дошла до XX века и была продолжена на Вологодчине в творчестве таких «заволжских» поэтов и писателей, как Н. А. Клюев, А. Я. Яшин, Н. М. Рубцов, В. Н. Шаламов, В. И. Белов.

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

За всех нестяжателей нового времени хорошо сказал Николай Рубцов.

* Леонов Леонид. Русский лес. Собр. соч. М., 1955, т. 6., с. 81.

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

«КОНЧИТСЯ СМУТА, И ОПАМЯТУЮТСЯ ЛЮДИ...»

Назвапие романа «Крамола» вологодского прозаика Сергея Алексеева ведет свое происхождение из мира идей и образов «Слова о полку Игореве», Игоря, сына Святослава, внука Ольгова.

Из тридцати трех глав первой книги романа три посвящены событиям, относящимся ко временам «Слова».

Корни национальной катастрофы, происшедшей с Россией и русским народом в 1917—1921 годах и приведшей к невиданной доселе кровавой междоусобице, уходят в глубокую древность. Такова главная мысль романа «Крамола» Сергея Алексеева.

Обстановка кануна Игорева похода, картины битвы одинокой русской дружины с половцами, а также трагических последствий для всей Руси ее

Сергей Алексеев. Крамола. Роман. Книга первая («Столпотворение»). — «Наш Современник». 1989. № 1—4.

поражения, оживляемых воображением исторического писателя, эта мысль о часто повторяющихся и не идущих впрок уроках внутринациональной розни формируется в высказываниях действующих лиц драмы.

«— На род наш проклятие пало. Сокол на сокола! И быть тому вечно!» (Князь Игорь Святославич).

По версии писателя, князь Игорь восхотел кровью своей дружины искупить грехи пращуров и свои собственные, дабы «обиду поселить по всей Руси за пораженье и позор, и дабы от обиды той сплотилась вся земля в един кулак, в едину рать сплотилась».

Не наследуемые, казалось бы, по линии прямого кровного родства, события двенадцатого века и ужасы братоубийственной гражданской войны, павшие на нашу эпоху, имеют па поверку одну и ту же природу, а именно — возмездие

за тысячелетие разобщенности и вражды русских между собой:

«— Так будет не вечно... Кончится смута, и опамятуются люди, и вновь соединятся. И соединит их храм Божий. Вера сплотит. Нельзя человеку без веры. Любовь человека множит, а вера соединяет. Атеисты говорят: живите без веры и Бога. Но во что же верить тогда? Или жить в безверии? Они говорят: пусть человек верит в себя. Это же абсурд! Человек может верить в себя, если вступил в единоборство с Богом. А потом-то — что? Одолел атеист, отнял веру в Бога у людей, но что взамен дал? Или так и оставил в безверии?... Запомни, Андрей: если поднимется рука у тебя — судить, то сможешь судить только человека с верой. В безверии люди неподсудны. Разве можно судить быка, который забодал человека? Или укусившую собаку? Они же не ведают, что творят.

Наше время богато будет и на святых, и на великих грешников. Только об этом не скоро узнается. Уляжется смута, отстоится жизнь, как вода после ледохода, и тогда каждый увидит и пальцем укажет: то есть зло, а то — добро».

В отличие от ясновидящего духовного владыки, архиерея Даниила, приходящегося главному герою романа красному командиру Андрею Березину родным дядей, а также от самого сомневающегося и мечущегося краскома, комиссар Шиловский верит не в диалектическое равновесие добра и зла, а в мессианское предназначение вождей, стоящих над народом.

Сокровенная, проходящая подтекстом идея романа «Крамола» — вера в новые поколения русских людей, которые, даже по невольно вырвавшемуся признанию фанатика Шиловского «будут мудрее нас и пойдут дальше».

Дальше Андрея Березина — в прошлом молодого дворянина, сына сибирского помещика, бывшего офицера царской армии, участника первой империалистической войны, мобилизованного в Красную Армию и прошедшего путь от командира полка и партизанского соединения до подследственного реввоенсоветовских казематов Троцкого.

Вопрос о том, какой путь для Андрея был бы более справедливым, а точнее — праведным, окажись он на перепутье выбора: с красными или с белыми, в романе Сергея Алексеева даже и не ставится. На него совершенно определенно отвечает сам молодой, но много перенесший и рано возмужавший краском: «Не приблудился, не случайно попал в кам (то есть к красным. — Г. Г.)». Совсем иное дело — белый полковник Нароков, колчаковец, оправдывающий свои зверства без особых размышлений:

«— Что же мне прикажете — тоже в монастырь? Рясу надеть? — усмехнулся Нароков. — Я офицер и состою на службе. И я не виноват, что Россию терзают всякие авантюристы и проходимцы! Не я развел эту красную заразу! Я был на фронте и воевал с немцами, я защищал Отечество, а вся эта мерзость тем временем жрала Россию изнутри. Теперь кто-то должен очистить ее!»

Антипод Березина полковник Нароков сомневается только в способе «очистки»

по-своему любимой им России. И потому он готов посоветоваться на этот счет даже с духовным лицом:

«— Но скажите мне, есть ли другой путь? Такой, чтобы я не возился в дерьме? Думаете, приятно быть палачом?»

И вот бескомпромиссный ответ человека, стоящего на позициях национального мира и согласия:

— «Есть другой путь, — не сразу ответил монах. — Но вы не захотели идти по нему. Он трудный и для вас, князь, непроходимый. Вы выбрали легкий, прямой — вешать, пороть, наводить страх. Но ведь народ нельзя долго держать в страхе!»

Так что же — исключительно вся правда на стороне красных? Правда на том отрезке нашей новейшей истории была на стороне красных. Но временная правда, обусловленная обстоятельствами, тактическими соображениями, а не стратегической перспективой, еще не вся правда.

О том, что народом не дано вечно командовать и безвозмездно, безнаказанно распоряжаться его судьбами никому — ни белым, ни красным, не столько догадывается, сколько знает по опыту своей духовной практики монах, пришедший усовестить Нарокова.

В том положении, в котором оказалась Россия в пору гражданской войны, хотя правда была и с красными, но истина, волею коренных судеб великой страны и ее великого народа, была не на той, не на этой стороне. Как определил положение воюющих казачий урядник-калмык: «Колчак сказал — Россия защищать. Большевик говорит — Россия защищать. Бестолковый народ...»

Увидеть картины этой смуты в омытой кровью вчерашней Российской империи, в ее трудовом народе и дорисовать мельчайшие подробности «развороченного бурей быта», всего уклада страны может любой читатель, взявший в руки книжки журнала «Наш современник» с романом Сергея Алексеева.

Захватывающая читательское воображение стремительностью действия и поистине апокалипсическими картинами противостояния враждующих сторон и народных страданий первая книга романа «Крамола» заканчивается оправданием военного преступления краскома Андрея Березина и назначением его на должность председателя ревтрибунала в освобожденных районах Восточной Сибири. Реабилитация Андрея лично Троцким и его повысившиеся акции в системе Реввоенсовета, возглавляемого вторым человеком в молодом Советском государстве, обещают не менее захватывающее продолжение повествования об одном из активных и сложных действующих лиц революционной номенклатуры республики.

Своевременное, талантливое и необходимое народу эпическое произведение написал молодой вологодский прозаик. Сегодня, как никогда ранее, злободневно напоминание из «Слова о полку Игореве», ставшее рефреном романа «Крамола», которое, слегка видоизменив, можно во всеуслышание произнести следующим образом:

— Народу усобица — от поганых погибель!

Г. ГРИДИН

«...РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЕГО РАЗВИТИИ...»

О жизни и творчестве Пушкина написаны тысячи статей, книг, диссертаций. И вместе с тем все явственнее обнаруживается тревожный парадокс, когда нередко и строго научное, и сверхпопулярное литературоведение замыкается в узкой фактологии, распыляется в претендующих на оригинальность бездоказательных гипотезах.

И, видимо, все насущнее становится задача освобождения и очищения от ложных, хотя в иных случаях и блестящих, схем, задача реставрации не «моего», «твоего» и «нашего» (какой-либо группы или класса), а подлинного, национального, народного, общечеловеческого Пушкина во всей глубине его духовного развития, во всей сложности его государственных, общественных, идеологических, литературных отношений, во всей мировой значимости его художественного творчества.

Новая книга Николая Скатова «Русский гений» выгодно отличается от узко стереотипных или чересчур экстравагантных работ о Пушкине тем, что ее автор как бы исподволь, ненавязчиво обрисовывает элементы существенной для писателя иерархии духовных, нравственных, общественных и эстетических ценностей, раскрывает его внутренний и творческий мир в благотворном «резонансе» с конкретными условиями его существования. Никого не надо убеждать в значении Пушкина для русской культуры. Гораздо реже говорится о том, что и сам он многим обязан ее лучшим традициям и представителям. В книге Н. Скатова «личность» и «среда» удачно рассматриваются в их реальном взаимодействии и неразрывном единстве. При этом он проявляет, говоря словами Вяземского о Пушкине, «самоотвержение личности», то есть отказывается от упрощающих модернизаций, соблюдает необходимую дистанцию и с должным чувством меры погружается в изучаемые явления. Оспаривая отдельные суждения тех или иных известных исследователей, приверженных к концепциям «моего» Пушкина, автор делает важный общеметодологический вывод о непременном сохранении границ, за которые не должна выходить игра фантазии и произвольность любых литературоведческих построений.

Историчность мышления, в высшей степени свойственная Пушкину, по-своему проявляется и в книге о нем, в самом ее построении, в «толстовском» названии большинства глав: «Детство», «Отрочество», «Юность», «Молодость», «Зрелость», «Мудрость». Автор подчеркивает, что Пушкин не обгонял в своем становлении естественной жизни, но и не отставал от нее, «смолоду был молод» и «вовремя созрел». Это оказалось существенной и необходимой предпосылкой для органического восхождения писателя к высотам человеческой мудрости.

Говоря об отроческих лицейских годах, Н. Скатов вступает в спор с теми, кто

Н. Скатов. Русский гений. М., «Современник», 1987.

утверждает, будто они оставили в сознании поэта лишь «идиллические воспоминания». Ведь именно в Лицее глубоко переживались события Отечественной войны 1812 года, закладывалось отношение к службе как к подвижничеству, обострялось чувство принадлежности не только к семье, роду, но и к нации, государству. Из Лицея Пушкин вынес и дружески-товарищеское начало («прекрасный союз», «святое братство»), которое предусматривало «беречь честь смолоду».

Оригинально рассматриваются в книге и литературные «разработки» молодого Пушкина. Например, легкое и вольное отношение к сказке и преданию в «Руслане и Людмиле» выражает, по мнению автора, игру юных сил, незарефлексированное приятие мира в целом. Более того, он приходит к выводу, что в этом произведении Пушкин как бы в принципе снял дистанцию между «мужиком» и «обществом», к чему будет стремиться вся последующая русская литература. Таким образом, уже в ранних произведениях его художественное слово оказывается скроенным на исторический вырост.

В книге показано, что уже в начале творческого пути формировалась «всемирная отзывчивость» Пушкина, не знавшая мелочей и исключений, включавшая в себя и крайности романтического умонастроения. Дальнейший духовный и творческий рост предполагал изживание «вольтерьянства» и «байронизма», укрупнение и углубление эстетической проблематики. Говоря о «всемирной отзывчивости» Пушкина, Достоевский подчеркивал: «...и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее».

В 1823—1825 годах в писателе происходила невидимая для многих духовная работа, постепенное обретение зрелости и мудрости. Учась «удерживать вниманье долгих дум», он постигает сокровенные всемирные смыслы Библии и Корана, изучает величественную красоту произведений Шекспира и Данте, Мильтона и Гёте, как бы дерзавших заключить в границы своих вершинных достижений всю «бесконечность», размышляет над проблемами гордости и власти, больной совести и общественного блага, преступления и наказании, любви и ненависти, открывает необъятные бездны человеческой души и трагичности мира. Вместе с тем сознательное и направленное исследование различных периодов отечественного прошлого, русских летописей, фольклора, языка, миросозерцания становится отныне постоянным занятием поэта. Чтобы в полной мере выйти к высотам мирового сознания, подчеркивает Н. Скатов, ему необходимо было погрузиться в глубину русской народной жизни.

Совокупность подобных процессов приводила к таинственному преображению, почти перерождению Пушкина, которое характеризуется в книге как «равный подвигу колоссальный переворот: в его мировоззрении складывалась новая картина мироздания: так сказать, Птолемеева система вытеснялась гелиоцентрической, устанавливающей иные и истинные центры Вселенной». В результате «абсолютный» художник Пушкин в «абсолютную» пору своего поэтического развития должен был выйти и вышел к всемирным и в своем роде последним, абсолютным художественным ценностям».

Освобождаясь от социологизаторских предрассудков и предвзятых идеологем для подлинной творческой свободы, он ощущает в себе созидательную мощь («я могу творить»), неразрывную связь с народом («эхо русского народа»), высокую миссионерскую ответственность («глаголом жечь сердца людей») и зависимость лишь от собственного призвания («ты царь, живи один»). И принципиальной вехой нового сознания стала трагедия «Борис Годунов», в которой «судьба человеческая» соотнесена с «судьбой народной», а реально-историческое бытование русских людей постигается, как отмечается в книге, на фоне их реально-идеального бытия, воплощаемого «келейно» в образе Пимена. Автор выделяет важную ось Пимен — Пушкин, определенное самоотождествление драматурга с изображаемым им монахом-летописцем. И действительно, совет, подаваемый Пименом Григорию, создатель «Бориса Годунова» относил, безусловно, и к самому себе:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...

Не мудрствуя лукаво — значит не перекрывая авторским голосом собственные голоса участников драмы жизни и не давая спасительных рецептов для ее благополучного завершения, не угождая властям предержащим и не потворствуя новым идеям. «Драматический поэт, беспристрастный, как судьба... — размышлял Пушкин о новой манере, — не должен хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие... должно... говорить в трагедии... Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи...»

Высший реализм духовной и творческой мудрости Пушкина рассматривается в книге «Русский гений» как бы пунктирно. При этом наблюдения и выводы автора всегда интересны и отличаются глубиной постижения. Например, устанавливая своеобразную перекличку между всемирно известной картиной «Сикстинская мадонна» и стихотворением «Я помню чудное мгновенье», он находит, что А. П. Керн была лишь вспомогательным поводом, вызвавшим в душе поэта образ великого видения «Гений чистой красоты», отмечает Н. Скатов, сопровождает пробуждение духа во всей полноте, где «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Он уподобляет стихотворение бетховенской трехчастной сонате: «момент в развитии могучего духа, с борьбой двух начал и с разрешающим, торжествующим выходом в светлый победительный финал». Надо сказать, что и сама жизнедеятельность Пушкина, как она представлена в книге, имеет своеобразное бетховенско-гегелевское развитие со своими тезисами (детство, отрочество), антитезисом (юность,

молодость) и синтезом (зрелость, мудрость).

Большое внимание уделено в книге и анализу программных стихотворных деклараций поэта 1824—1830 годов, которые на первый взгляд выглядят как антиобщественные и именно так нередко оценивались в критике. Проводя различие между народом, толпой и чернью, Н. Скатов убедительно доказывает, что бескорневая и бесценностная «толпность» может быть свойственна как простым, так и светским людям. И именно массовой «толпной» культуре противопоставляет Пушкин подлинную, то есть суверенную миссию поэта и поэзии и в сокровенной духовной сути, и в профессиональном смысле. В этом-то и заключается важное социальное значение такой позиции. Тем более что, противопоставляя себя толпе, писатель не теряет надежды на ее пробуждение, «возится» с ней.

Размышляя над творчеством зрелого и мудрого Пушкина, Н. Скатов обращается и к «драме» «Маленьких трагедий», и к «эпосу» «Капитанской дочки». Исследуя в «Маленьких трагедиях» порожденные богатством европейской цивилизации разнообразные индивидуалистические типы, Пушкин обнаруживает в основе их достижений стремление к самовозвышению, которое оборачивается саморазрушением. Это и составляет единство главного трагического конфликта бытия и небытия, жизни и смерти.

Думая над летописью мировой истории, Пушкин видел ее заполненность людьми выдающимися, которые в разной степени неизбежно втянуты в игру разрушительных принципов гордого эгоистического сознания, трудно совмещаемого и нередко расходящегося с глубокими нравственными чувствами. Между тем «рядовые» и «второстепенные» персонажи истории своей весьма значимой и нравственно обусловленной «незаметностью» словно останавливают эту игру и приглушают «шум» и «ярость» бурного общественно-исторического процесса. И без «тихой истории» зло не имело бы никаких преград. По словам Гоголя, именно простое величие простых людей среди бестолковщины времени составляет главное содержание «Капитанской дочки».

В книге «Русский гений» раскрывается это простое величие простых людей, покорных чувству сострадания и самоотверженной любви, голосу чистой совести и долга, что и составляет неразрушимое ядро их личности, поддерживает энергию добра в мире, предохраняет от распада эпические начала семейной и национальной жизни. На пересечении многих «правд» и в горниле «оборачиваемости» добра и зла именно сохранение человечности (несмотря на кажущуюся простоту по сравнению с более грандиозными целями) оказывается сложнейшей задачей мирового масштаба, которую ставит Пушкин в безыскусной повести и которая роднит ее, как показывается в книге Н. Скатова, с эпосом «Войны и мира» и «Тихого Дона».

В этой связи плодотворен спор, который автор предпринимает с «укороченными» истолкованиями последнего прозаического произведения Пушкина, в частности, с романтизацией Пугачева и пугачевщины в ущерб остальным линиям в «своемысленных» работах М. Цветаевой. Характерно собственное признание поэтессы: «В моей «Капитанской дочке» не было капитанской дочки, до того не было, что и сейчас я произношу это название механически, как бы в одно слово, безо всякого капитана и без всякой дочки. Говорю «Капитанская дочка», а думаю: «Пугачев». Позиция Н. Скатова принципиально иная. Для него пушкинская героиня, «подобно оси, как бы стягивает полюсные состояния раскалывающегося национального бытия, как оно предстает в повести. Самое основное в повести, самое утверждающее и жизнестойкое и есть она, Маша Миронова, капитанская дочка».

К сожалению, узкие границы рецензионного жанра не позволяют подробнее говорить о затронутых в книге проблемах и остановиться на тех ее страницах, где ведется глубокий разговор о цепи других вершинных произведений Пушкина — «Евгении Онегине», «Повестях Белкина», «Медном всаднике», «Памятнике», философской лирике 30-х годов. Остается только пожелать читателям внимательнее и вдумчивее вчитаться в новое исследование Н. Скатова, стимулирующее работу ума, воображения и сердца.

Б. ТАРАСОВ

ПОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«Исцеление» — называется повесть Александра Брежнева. И не случайно она дала название его новой книге *. Любой рассказ или повесть, вошедшие в книгу, в той или иной мере рассказывают об исцелении — больного ли человека, или его души, совести.

Со времен Чехова русская литература обращалась к нелегкой жизни и работе сельского врача. Жизнь эта, проходящая вдали от шумных городских улиц, тем не менее оказалась наполненной самыми жгучими вопросами современности.

Герой повести «Исцеление» — молодой врач приезжает в небольшой поселок, где родился и вырос. Немало времени прошло с тех пор. И, постепенно узнавая земляков, вникая в их бесхитростную жизнь, исцеляя больных, он исцеляется и сам, находит стержень и смысл своего бытия. Кто они — негромкие герои из небольшого поселка? Еще недавно в моде был расхожий термин «простые люди», ничего, по сути, не объясняющий и обозначающий лишь ступень социальной или профессиональной лестницы. И сапожник Феня, и точильщик Никодим, и стрелочник Сенька — все они, живущие «просто», просты лишь на первый взгляд. Чем ближе становится к ним молодой доктор, тем лучше понимает существующую в мире несправедливость и необходимость изменить жизнь,

* Брежнев А. Исцеление. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1989.

противостоять корысти, мелочности. Противостоять жадному до наживы Вовику Матюхину, богатеющему на разведении роз, противостоять сложившейся системе, при которой существуют ведомственные, закрытые для «простых» людей поликлиники. «Как жить? Для чего?» — эти вечные вопросы волнуют героев повести.

Проходит через испытания и главный герой. Проверкой на прочность души стала для него встреча с мнимым больным, подсунувшим в оплату за липовый больничный лист деньги. К необходимости покаяния приходит и сам доктор Кузьмич, как называют его друзья и пациенты, и дядя Петя, продававший когда-то колхозный силос частникам. Лишь очистив себя от скверны, можно браться за большое дело. Не случайно в центре повествования стоит фигура Максима, бывшего до войны председателем здешнего колхоза и отдавшего свою жизнь за Родину. К нему в первую очередь возвращаются мыслями герои повести. И происходит чудо: Максим, жизнь которого уже стала легендой, возвращается. Возвращается, чтобы поверить земляков высшей меркой.

Вообще для творчества Александра Брежнева характерен сплав реальности и фантазии. В его прозе легко узнаваемые бытовые детали уживаются с гиперболой, гротеском. Увеличить радость или горе для писателя — это значит более рельефно отобразить действительность, дойти до глубин души человеческой.

Последнее время в критике появился термин «жестокая проза». Это книги, рассказывающие о том, о чем до некоторых пор литература молчала. Проза Брежнева — в противовес жестокой — скорее добрая проза. Да, он тоже рассказывает о неприглядных сторонах действительности, о расплодившихся жуликах, хапугах, бессердечных чинушах. Но писателя интересует не только изображение «негатива», но и поиск путей переустройства мира, исправления и излечения заблудших душ. Может быть, поэтому все его негромкие герои немножко чудаки. Пристальный взгляд писателя позволяет увидеть, как люди, сталкиваясь с несправедливостью, приходят к необходимости делать добро. И каждый находит свой путь.

Герой остросоциальной повести «Водоканал» машинист водокачки Петька Кривомаз не может понять, почему в охранной зоне водохранилища, питающего город питьевой водой, загорают и купаются люди. Потом он узнает, что люди эти, уж разумеется, не «простые», а так называемые «большие люди». Что может изменить машинист водокачки? И все-таки он поступает так, как велит ему совесть. Петька не может не понимать, что его бунт не способен изменить ситуацию. И тем не менее протестует против деления людей на «чистых» и «нечистых».

В центре сатирической повести «Дрова» — сотрудник отдела писем газеты, к которому прилепилась характерная кличка Школьник. С первого взгляда действительно кажется, что этот герой — совсем не герой. Уж слишком он нерешителен, «по-школьному» открыт и добр, далек от той жизни, в которой ценятся натиск и напор. Но он-то как раз и оказывается способен на поступок, для которого ценнее всего не человек, а система, в которой человек не живет, а функционирует. Редактор, питающий пристрастие к скрипу перьев ли, или высокочиновных башмаков, — предпочитает рассылать письма своих читателей по инстанциям. А люди-то нуждаются в помощи, в сострадании, а не в стандартных, отпечатанных на бланках ответах обюрократившихся деляг. Для редактора важнее бумага, а не человек. А вот для чудака Школьника важнее взаимопонимание между людьми, не форма, а содержание жизни. Увы, Школьник фактически терпит поражение, и, к сожалению, в этом трудно увидеть отступление от сложившихся в нашей повседневной жизни реалий.

В обрисовке персонажей А. Брежнев идет от гиперболы, от лубка. Лубок — это понятие в последнее время применялось лишь в негативном смысле, понималось как опрощение жизни и существующих в ней проблем. Проза Брежнева возвращает этому понятию первоначальное значение. Наиболее точные детали, гротесково увеличенные, автор находит в стихии народного юмора, в частушке, в шарже, в карикатуре. Страшными, но и смешными предстают перед читателями его антигерои: хапуга гаишник, сшибающий с водителей деньги, ополоумевший чинуша, строящий для себя бункер-убежище, и другие людишки, в погоне за рублем и личным благосостоянием забывшие смысл человеческой жизни. На другом полюсе — люди ищущие, беспокойные «чудаки». О них Брежнев тоже говорит с улыбкой — но с доброй, сочувствующей.

В этой несколько непривычной прозе чувствуется умение А. Брежнева искать и находить необычные сюжеты, конфликты и характеры. И все-таки основная черта его прозы — это доброта. Прозу эту можно определить как внимательную к человеку, к радостям и печалям наших современников.

А. МАЗУРОВ

КОМУ НУЖНА РАСПРАВА НАД ЖУРНАЛОМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»?

ОБРАЩЕНИЕ
коллектива редакции журнала «Молодая гвардия» к читателям, членам Политбюро ЦК КПСС, членам Бюро ЦК ВЛКСМ

Уважаемые читатели!
Уважаемые товарищи члены Политбюро ЦК КПСС!
Уважаемые товарищи члены Бюро ЦК ВЛКСМ!

Уже несколько лет журнал «Молодая гвардия» находится, как Армения, в блокаде.

Мы не говорим сейчас о нечистоплотной полемике, ведущейся против журнала со страниц некоторых средств массовой информации, как прицельный артобстрел, рассчитанный на уничтожение. Мы знаем, что правду уничтожить нельзя, знаем, кому и чем правда мешает, знаем, что эти антисоциалистические силы предпринимали и предпринимают попытки нейтрализовать журнал любыми средствами. Знаем, что одно из направлений, которое эти силы, чуждые социалистической перестройке, избрали для атак на журнал — административная расправа. Скрытые от глаз читателей, не контролируемые общественностью, такие атаки особенно опасны, поскольку угрожают существованию и гласности и демократии.

Уже не первый год некоторые ответственные работники отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ используют против нас административно-бюрократический прессинг и хорошо освоенные со времен застоя методы командного руководства прессой. В условиях перестройки, несмотря на провозглашенный партией курс на расширение гласности и демократии, а может быть, и вопреки этому курсу, они стремятся, на наш взгляд, если не задушить журнал, то сделать его послушной игрушкой в руках молодых, предприимчиво-энергичных комсомольских чиновников. Мы понимаем всю жесткость такого вывода, однако «аппаратные игры», ведущиеся против журнала отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ при попустительстве отдельных секретарей ЦК ВЛКСМ, убеждают нас в этом.

Ощутимая атака на «Молодую гвардию» со стороны ЦК ВЛКСМ началась после того, как журнал вступил в активную дискуссию с такими псевдоперестроечными изданиями, как журнал «Огонек», газета «Советская культура», еженедельник «Московские новости», которые публиковали и публикуют немало материалов, чернящих отечественную историю, социализм, партию, армию, извращают представления о чести и достоинстве советского человека, низводят до примитивного уровня мораль и нравственность человека, духовность, чувство национального достоинства и национальной гордости, сеют семена розни и ненависти между народами, подменяя понятия дружбы, братства советских народов и интернационализма пресловутым космополитизмом, имперскими якобы амбициями России и русских. На страницах этих и подобных им изданий получил легализацию сионизм, и вновь, как и во времена рапповской критики в двадцатых годах, невиданного разгула достигла русофобия, ставшая, на наш взгляд, политическим ключом, инструментом разжигания межнациональных конфликтов и дестабилизации политической обстановки в стране. Идеи разрушения, льющиеся потоком со страниц подобных изданий, реализуются в принципах митинговой «демократии», в яростных атаках охлократии на партию и Советы. Именно со страниц таких изданий раздаются призывы к «захвату почты, телеграфа и Кремля». Именно их авторами вырабатываются новые идеологические штампы, предназначенные для манипуляции общественным сознанием и направленные в конечном итоге на социальное расслоение общества, на разрушение единства народов, на замену социалистической доктрины общественного развития доктриной буржуазно-капиталистического толка. В немалой степени способствуют такому курсу разложение духовности и нравственности молодежи усиленное насаждение в умы, в сознание молодых людей сомнительных ценностей «массовой культуры» Запада, замена общепризнанных человеческих ценностей образцами потребительской, мещанской эрзац-культуры, легализация так называемой «хунвейбинской» культуры насилия и вседозволенности, развитие наркомании и едва ли не повальное торжество на страницах многих изданий, в том числе и комсомольских, «идеалов» «сексуальной революции» эпохи перестройки.

Изобличение этих явлений на страницах «Молодой гвардии», открытая, откровенная полемика с «прорабами перестройки», пытающимися увести партию, народ и саму перестройку в крайне левое русло радикалистских концепций и деструктивных, разрушительных, а потому и гибельных для общества преобразований, вызвали не

только естественный гнев псевдоперестроечных, чуждых народу реакционных сил, но и явное раздражение ряда комсомольских работников, политическая незрелость которых проявилась не только в растерянности, но и в попустительстве распаду комсомола. Отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ, особенно с приходом туда т. А. А. Зинченко, поддерживая на словах — в беседах с работниками и руководителями журнала — патриотическую направленность и гражданскую позицию «Молодой гвардии», на деле примкнул к «подавляющему» мнению левацкого толка.

Вместо того, чтобы поддержать молодежный журнал, журнал якобы с точки зрения нынешнего руководителя отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ и ортодоксальной позиции (здесь нелишне заметить, что руководство партии неоднократно публично и громогласно подчеркивало, что обществу развивающейся демократии нужны органы печати, выражающие разные точки зрения, иначе полемика будет бесплодной, иначе невозможным окажется последовательный поиск истины; тем более необходимы органы печати, воспитывающие молодежь в духе гражданственности, патриотизма, нравственности), — вместо признания за «Молодой гвардией» права отстаивать патриотизм, высокие убеждения и идеалы, вместо признания за журналом права иметь своих читателей и своих авторов, большинство среди которых — молодежь, вместо всего этого ЦК ВЛКСМ через отдел пропаганды начал проводить тактику проработок, нажима, очевидно, поставив целью либо вынудить редакцию изменить курс журнала в сторону левого радикализма, либо вынудить руководство журнала уйти из редакции в добровольно-принудительном порядке.

Неслыханное в годы перестройки дело — работники главной редакции журналв, а то и вся редколлегия вызываются раз за разом на «проработку» в отдел пропаганды. Журнал периодически подвергается тщательным «читкам», «обзорам», в нем выискивается крамола, составляются одна за другой «справки», в которых частные и, в общем, обычные для текущей журналистики ошибки или недочеты гипертрофически преувеличиваются, а основной причиной тех или иных «недостатков» выставляется якобы значительный возраст руководящих работников журнала. Этот печальный казуистический вывод с поразительной настойчивостью повторяется до сих пор, хотя средний возраст работников редакционной коллегии на сегодня менее сорока лет — даже с учетом возраста главного редактора журнала, известного советского писателя, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР, РСФСР, премии Ленинского комсомола А. С. Иванова, отдавшего воспитанию молодежи и работе с молодежью лучшие годы своей творческой жизни.

Видя, что А. С. Иванов не собирается реагировать «должным» образом на явные намеки работников отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ покинуть журнал, видя, что редакционная коллегия, партийная организация и редакция журнала не устраивают «встречной возни» по выдворению главного редактора и понимают, что консолидация и единство редакции особенно важны и необходимы в период острой идеологической борьбы в перестройке, отдел пропаганды предпринимает попытки разгромить журнал, опираясь на выводы независимой творческой комиссии, которой поручается проанализировать работу редакции журнала «Молодая гвардия» в перестройке и ответить на вопросы: занимает ли журнал антиперестроечную позицию и ведет ли он на своих страницах антисемитскую пропаганду, как это утверждают «левые», окрашенные желтой краской средства массовой информации. При этом мелкие комсомольские клерки, вожделенно приглядывающие для себя мягкие кресла в редакции, недвусмысленно дают понять некоторым проверяющим, какой бы вывод они хотели заполучить...

Не знаем, как в других редакциях, но в редакции «Молодой гвардии» мягких кресел для молодых да ранних чиновников нет, — мы работаем на жестких редакторских стульях. Работаем в тяжелых условиях нравственно-психологических перегрузок, в условиях острой нехватки кадров и непрекращающейся подозрительности со стороны ЦК ВЛКСМ. Чтобы не быть голословными, обратимся хотя бы к некоторым фактам.

Вопреки ожиданиям отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ вывод комиссии, проверяющей работу «Молодой гвардии», оказался в целом положительным. Покидая редакцию, большинство членов комиссии заявили, что если раньше они читали журнал эпизодически, то теперь станут его постоянными подписчиками. Такой вывод никак не устраивал тех, кто готов был стереть редакцию в порошок. И не случайно, несмотря на обещания обсудить результаты работы этой комиссии на секретариате ЦК ВЛКСМ не позднее, чем через месяц, такого обсуждения не было вообще. Теперь отдел пропаганды делает вид, что результаты работы этой проверочной комиссии никого не интересуют и никакого значения не имеют. И это несмотря на соответствующее решение секретариата ЦК ВЛКСМ.

А как реагирует отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ на нужды журнала?

Редакция при обсуждении ее работы в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ неоднократно заявляла, что журналу необходим, например, отдел международной жизни, чтобы иметь возможность освещать на своих страницах жизнь молодежи социалистических и других стран.

В ответ — ноль внимания.

Редакция не раз говорила, что журналу с учетом возросшей читательской почты необходимы новые штатные единицы для обработки корреспонденции.

В ответ — ноль внимания.

Редакция не раз говорила, что для того, чтобы полнее представлять всесоюзному читателю творчество молодых национальных авторов, а также классического наследия, журнал нуждается в увеличении объема.

В ответ — ноль внимания.

Редакция неоднократно ставила вопрос о кадровых перемещениях и назначениях, включая утверждение новых членов редколлегии, что по номенклатуре является функцией ЦК ВЛКСМ.

В ответ — ноль внимания.

Полное молчание. Глухая стена.

Исходя из нового «Закона о трудовых коллективах», редакция на собрании трудового коллектива принимает ряд решений по кадровым вопросам.

В ответ — ноль внимания.

Дело дошло до смешного. Даже увольняющегося работника ЦК ВЛКСМ оказался не в состоянии освободить от занимаемой должности в течение предусмотренного законодательством двухмесячного срока.

Ощутив в полной мере нежелание или неспособность ЦК ВЛКСМ работать с ныне существующей редакцией журнала «Молодая гвардия», коллектив принимает решение и информирует ЦК ВЛКСМ о своей готовности перейти на хозрасчет, чтобы иметь возможность самостоятельно решать все те вопросы и проблемы, которые ЦК ВЛКСМ игнорирует напрочь.

В ответ — все то же гробовое молчание.

Но стороной до нас стали доходить слухи (шила, как говорят, в мешке не утаишь) о намерениях отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ переориентировать, перепрофилировать журнал, превратить его то ли в придаток другой редакции, то ли в теоретическое издание — как приложение, допустим, к «Молодому коммунисту» или «Комсомольской жизни»? Слухи эти как бы инициируются крикливыми заявлениями различных неформальных структур, призывающих вообще «закрыть» «Молодую гвардию» — это, так сказать, хунвейбинская «демократия» в действии, когда под правом гласности понимается лишь одно право — заткнуть рот другому! Не случайно, думается, возросла и такого же оголтело-реакционного, запретительского толка «почта» в адрес ЦК ВЛКСМ, тщательно, впрочем, скрываемая от редакции, — не потому ли, что места отправления подобных посланий в ЦК странным образом

иногда совпадают с регионами командировок работников отдела пропаганды?

Показательно, однако, что когда в редакцию нагрянула проверяющая комиссия, когда слухи о ней поползли по Москве и другим городам и весям и читатели однозначно расценили работу комиссии как подготовку к расправе над журналом, — в нашу редакцию потоком хлынули письма с десятками, сотнями, тысячами подписей читателей, требующих предоставить журналу право и возможность иметь свое творческое лицо, свою позицию, отличающуюся четкой гражданской и патриотической направленностью, в отличие от иных, сексуально оманьяченных средств информации комсомола.

Три четверти миллиона наших подписчиков требовали оставить журнал таким, каким он нашел себя в перестройке! Многие читатели требовали передать их письма и телеграммы из рук в руки первому секретарю ЦК ВЛКСМ Мироненко В. И. — были уверены, что иначе их мнение не дойдет до него.

Партийная организация журнала передала эту корреспонденцию в приемную первого секретаря ЦК ВЛКСМ, а скоро мы получили всю эту корреспонденцию из отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ обратно — ее возвратили за ненадобностью. Там, видимо, собирается только та почта, те отзывы, в которых содержатся упреки, грязь и клевета на журнал, его авторов и читателей.

На этом фоне слухи об увольнении главного редактора журнала А. С. Иванова продолжали нарастать. Коллективу редакции ничего не оставалось, как задать коммунисту Иванову А. С. прямой вопрос: имеют ли основания все эти страсти? «Да, — ответил он, — мне уже предлагали в ЦК ВЛКСМ подать заявление об уходе. Работники отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ заявили, что они опасаются, как бы их не «помели» вместе с «Молодой гвардией» на съезде комсомола. Кроме того, уход главного редактора «Молодой гвардии», по мнению отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, был бы хорошим примером для редакторов других комсомольских журналов, достигших пенсионного возраста».

Слышать такое в наше время от комсомольских работников с ясным взором и голубыми глазами довольно жутко. Если бы вопрос стоял действительно о пенсионном возрасте главных редакторов всех комсомольских изданий, он не мог бы решаться так келейно и провокационно. Совершенно очевидно, что речь идет о выдворении персонально А. С. Иванова — как неугодного редактора неугодного журнала. На одной из последних проработок в ЦК ВЛКСМ ему прямо заявили, что если он сам не подаст заявление об уходе, этот вопрос может решить предстоящий съезд ВЛКСМ. И даже особо не скрывали, с чьей подачи может встать на съезде этот вопрос.

В этой связи мы заявляем, что вопрос об увольнении главного редактора «Молодой гвардии» не может решаться тайно, келейно, узкой группой заинтересованных лиц без учета мнения работников редакции журнала. Мы считаем, что писатель, редактор, коммунист А. С. Иванов (награжденный, кстати, Почетным знаком ВЛКСМ и знаком «Трудовая доблесть», хотя последняя награда ему почему-то демонстративно не вручается) обладает не только необходимыми для работы в журнале профессиональными качествами, но и высокой гражданской ответственностью, чтобы понимать, когда он может оставить редакторскую работу.

Кроме того, редакция, в которой немало писателей и журналистов прошли хорошую школу, ушли из журнала на повышение, обладает достаточным мужеством и зрелостью, чтобы в необходимый момент самой поставить вопрос о замене руководства, имея в виду, что в коллективе есть творческие силы, способные достойно продолжать литературно-художественную и общественно-политическую линию журнала.

Право заявить и действовать в соответствии с этим дано нам перестройкой, дано нам гласностью — как основополагающим принципом демократической печати в демократическом обществе. И мы будем отстаивать это право.

Тем не менее наш открытый разговор о наболевшем оставил бы впечатление недосказанности, если бы не коснулись еще одной из причин нападок на журнал и травли его, не сказали и о том, откуда ветер дует.

Не секрет, что особенно оголтелой стала критика в наш адрес, когда в ряде материалов авторы журнала — преимущественно читатели! — коснулись так называемой «еврейской темы» в истории страны, назвали ряд конкретных фамилий государственных и партийных деятелей прошлого, причастных к кровавым драмам и трагедиям советского народа. Журнал немедленно был назван антисемитским.

Это что же получается? Выходит, о некоторых явлениях нашей жизни, нашей истории писать нельзя? Особенно что касается этой темы? А ведь «прорабы перестройки» с пеной у рта кричат о вреде полугласности, полуправды. И партия требует полной гласности и правды. Как же нам быть-то? И кому на руку такая полуправда? Да сионистам, вот кому. И не случайно в навешивании нам ярлыка антисемитизма особенно усердствуют первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области т. Корсунский Б. Л. и один из бывших идеологов и яростных практиков застоя в партии, а ныне — главный редактор газеты «Советская культура» и член Идеологической комиссии ЦК КПСС т. Беляев А. А.

Недавно на февральской встрече тов. Яковлева А. Н. с партийным

активом, студентами и преподавателями Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова он получил записку с вопросом, который и огласил залу:

«Почему ни один из членов Политбюро не осудил откровенно черносотенную пропаганду некоторыми членами Союза писателей на пленуме СП РСФСР и в средствах массовой информации журналы «Наш современник», «Молодая гвардия», газеты «Литературная Россия», «Московский литератор»? Многие расценивают это молчание как поддержку».

Трудно поверить, что провокационный смысл этого вопроса был непонятен тов. Яковлеву А. Н., секретарю ЦК КПСС, члену Политбюро ЦК КПСС. Тем не менее он сказал буквально следующее:

«Я на этот вопрос, товарищи, прошу мне разрешить не отвечать, потому что вышеназванные журналы чуть не в каждом номере полощут меня...»

Не знаем, что писали о Вас, уважаемый Александр Николаевич, другие издания, но «Молодая гвардия» Вас пока не критиковала, а уж тем более не полоскала. И мы думаем, что Вам, Александр Николаевич, в связи с Вашей огромной занятостью государственными и политическими делами, просто некогда постоянно читать наш журнал и что кто-то наушничает и клевещет на «Молодую гвардию». И эти клеветнические оговоры кем-то очень умело используются для нагнетания страстей и для того, в частности, чтобы расправиться с журналом.

Теперь упорно говорят о том, что тов. Яковлев А. Н. может занять пост Генерального секретаря нашей партии или место ее Председателя. Но даже и тогда — и тогда тем более — редакция журнала «Молодая гвардия» оставляет за собой право иметь собственное мнение по всем вопросам нашей жизни и политики партии и комсомола, иметь и отстаивать это мнение, не подлаживаясь под точку зрения тех, кто слишком нервозно реагирует на любую критику. В полной мере это относится и к частным мнениям работников ЦК ВЛКСМ.

Наши читатели, члены Политбюро ЦК КПСС, члены Бюро ЦК ВЛКСМ могут, в конце концов, спросить: чего же хочет «Молодая гвардия»?

Мы не ищем конфронтации и не стремимся к ней. Мы хотим работать рука об руку с партией, с комсомолом, в духе полного доверия и взаимоподдержки. Но мы не хотим, чтобы нас в духе прежних времен клеймили всевозможными ярлыками, обвиняли в национализме, антисемитизме. Мы не хотим, чтобы в угоду групповым пристрастиям и амбициям нас насильственно отлучали от настоящей перестройки, необходимой нашему обществу, от совершенствования социализма. Борьба за созидание, за обновление

социалистического Отечества для нас не пропагандистская кампания, а дело нашей жизни. На том стояла, стоит и стоять будет «Молодая гвардия».

Нам всем сегодня очень трудно дается мужество говорить и познавать правду. Но если мы, несмотря на ошибки и заблуждения, не будем этого делать, мы никогда не приблизимся к очищающей истине, свет которой пробивает дорогу в грядущее.

Принято на собрании трудового коллектива
редакции журнала «Молодая гвардия»
27 февраля 1990 года

Художественный редактор Г. Комаров

Техничесний оедантор Н. Строева

Сдано в набор 15.02.90. Подп. в печ. 29.03.90. А 02252. Формат 84×108 $^1/_{16}$. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 725 000 экз. Заказ 2018.
Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030. Москва, К-30, Сущевская, 21